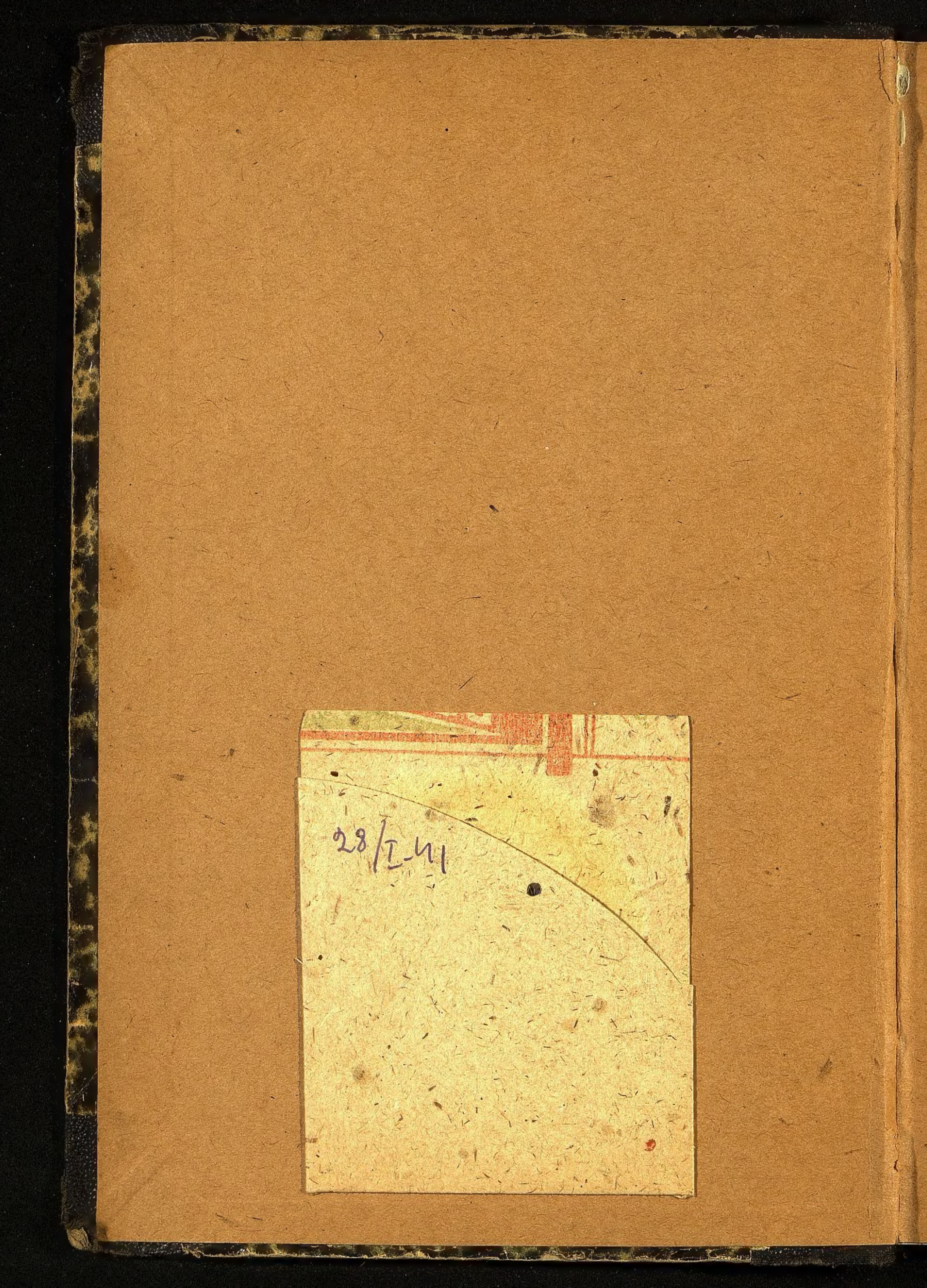

28/I-41

ЛЕКЦІИ

ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. И. Соболевскаго,

ординарнаго профессора Императорскаго Университета св. Владимира.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Н. Я. ОГЛОБЛИНА,

въ Кіевѣ,
на Крещатикѣ, домъ № 33.

въ С.-Петербургѣ,
на Малой Садовой, домъ № 4.

Кіевъ.
Университетская типографія, Пироговская ул. д. № 4.
1888.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстiй 1888 г.
Печатано по опредѣленiю Совѣта Университета св. Владимира.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Уже давно у насъ чувствуется недостатокъ въ руководствѣ по исторіи русскаго языка. Единственный трудъ, посвященный этому предмету,—„Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе“, покойнаго М. А. Колосова, — почти десять лѣтъ назадъ вышелъ изъ продажи и въ настоящее время не можетъ быть пріобрѣтаемъ даже антикварнымъ путемъ; сверхъ того, этотъ трудъ, даже при самомъ появленіи своемъ въ печати, не отличался ни полнотою, ни достоинствомъ историческаго матеріала. Въ виду этого мы рѣшились издать свои лекціи по исторіи русскаго языка, въ томъ видѣ, какъ они были читаны въ Университетѣ св. Владимира въ 1887—1888 академическомъ году. Несомнѣнная цѣнность находящихся въ нихъ данныхъ, въ большинствѣ случаевъ извлеченныхъ изъ первоисточниковъ и являющихся въ свѣтъ впервые, по нашему мнѣнію, достаточно оправдываетъ нашу рѣшимость.

I. Введенiе.

Русскiй народъ какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношенiи представляетъ единое цѣлое.

Инородческая, финнская кровь, входившая въ обилiи въ теченiе многихъ вѣковъ и входящая даже доселѣ въ сѣверо-восточную отрасль русскаго народа — въ великорусское племя, не сдѣлала русскихъ сѣверянъ ни финнами, ни финно-руссами, какъ увѣряютъ даже въ наши дни, со словъ печальной памяти Духинскаго, мало знающiе русскiй народъ и русскiй языкъ иностранцы въ родѣ Карла Абеля. Она не внесла ничего въ русскiй антропологическiй типъ; она не оказала ни малѣйшаго влiянiя на единство русскаго языка. Кромѣ нѣсколькихъ словъ, существующихъ въ окраинныхъ сѣверныхъ и восточныхъ великорусскихъ говорахъ и чуждыхъ русскому литературному языку, финны не внесли въ русскiй языкъ ничего. Когда-то думали, что мы обязаны финнамъ полногласiемъ и аканьемъ, но этого мнѣнiя теперь уже едва ли кто держится, въ виду его очевидной неосновательности: полногласiе существуетъ вездѣ, гдѣ живетъ русскiй народъ, между прочимъ за Карпатами и передъ Карпатами, гдѣ исторiя не знаетъ финнскихъ поселенiй даже въ самыя древнiя времена, а аканье отсутствуетъ именно у тѣхъ русскихъ, въ которыхъ течетъ особенно много финнской крови, — у сѣверныхъ великоруссовъ.

Исторiя русскаго языка, отличающагося вообще значительнымъ консерватизмомъ (сравните исторiю языковъ чешскаго и болгарскаго), за много вѣковъ не дала ничего такого, что разрушило бы единство русскаго языка. Онъ дѣлился на говоры издавна, съ тѣхъ временъ, когда у насъ еще не существовало никакой письменности; онъ дѣ-

лится на нарѣчія и говоры теперь, подобно тому какъ дѣлится на нихъ всякій языкъ, имѣющій сколько-нибудь значительную территорію; но эти нарѣчія и говоры, имѣя другъ отъ друга отличія въ фонетикѣ, морфологіи и лексикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ такое множество общихъ чертъ, что русскій типъ языка вполнѣ сохраняется въ каждомъ изъ нихъ; онъ выступаетъ въ нихъ настолько ясно, что не можетъ быть вопроса относительно ни одного изъ нихъ, не слѣдуетъ ли его считать говоромъ не русскимъ, а напримѣръ, польскимъ или словацкимъ. Кое-кто изъ ученыхъ (между прочимъ, извѣстный Миклошичъ) дѣлитъ русскій языкъ на два языка, хотя и близко родственные между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, рѣзко отличные другъ отъ друга, — великорусскій и малорусскій, при чемъ одни причисляютъ бѣлорусское нарѣчіе къ первому, другіе (съ тѣмъ же Миклошичемъ во главѣ) — ко второму. Эти лица дѣлаютъ крупную ошибку. Они берутъ для сравненія, на которомъ потомъ строятъ выводы, съ одной стороны тотъ великорусскій говоръ, который по звукамъ наиболѣе отличенъ отъ говоровъ малорусскихъ,—а́кающій московскій, и съ другой — тѣ малорусскіе, которые наиболѣе удалены отъ великорусскихъ, — украинскій и галицкій, часто имѣющіе *і* на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*. Значительная часть малорусскихъ говоровъ, говоры, имѣющіе *у*, *уо* на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*, а иногда и *є* на мѣстѣ *ѣ*, оставляются ими безъ вниманія; а между тѣмъ эти говоры по своимъ фонетическимъ особенностямъ очень близки къ великорусскимъ о́кающимъ говорамъ, болѣе близки къ нимъ, чѣмъ къ другимъ малорусскимъ—къ украинскому, галицкому. Въ этомъ можетъ безъ труда убѣдиться всякій: стоитъ только сравнить сѣверно-малорусскія 1) *вулъ*, *вуолъ*, 2) *вюлъ*, *вюолъ* съ одной стороны—съ великорусскими 1) *волъ*, 2) *вёлъ*, съ другой—съ украинско-галицкимъ *вілъ*. Если мы возьмемъ всю массу великорусскихъ говоровъ (со включеніемъ сюда и бѣлорусскихъ, такъ какъ бѣлорусское нарѣчіе есть, конечно, часть великорусскаго нарѣчія) и сопоставимъ ихъ со всею массою малорусскихъ говоровъ, то обстоятельное сравненіе особенностей тѣхъ и другихъ не дастъ намъ основанія видѣть въ каждой группѣ особый, самостоятельный *языкъ*.

Если есть полное основаніе видѣть въ современномъ русскомъ языкѣ одинъ языкъ, то о единствѣ древне-русскаго языка, напримѣръ, XI вѣка, когда различіе между русскими говорами, какъ будетъ по-

казано ниже, не было сколько-нибудь значительно,—не можетъ быть даже и вопроса.

Вслѣдствіе этого мы излагаемъ не исторію отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, а исторію всего русскаго языка.

Наблюдая исторію языка, мы замѣчаемъ, что онъ съ теченіемъ времени измѣняется въ звукахъ. При этомъ, на основаніи собственнаго опыта, мы удостовѣряемся, что говорящіе вовсе не хотятъ измѣнять своего языка и что всѣ измѣненія въ немъ происходятъ помимо ихъ воли. При изслѣдованіи этихъ измѣненій намъ становится ясно, 1) что не имѣя намѣренія передѣлывать свой языкъ, мы тѣмъ не менѣе стараемся приспособиться къ наиболѣе легкому и удобному для насъ произношенію звуковъ и образованію формъ и такимъ образомъ измѣняемъ какъ тѣ, такъ и другія незамѣтно для самихъ себя, и 2) что измѣненія звуковъ въ языкѣ бываютъ двоякаго характера. Въ однихъ случаяхъ звуки измѣняются постепенно, переходя изъ одного оттѣнка въ другой, въ строгой зависимости отъ измѣненій въ положеніи органовъ рѣчи. Это естественныя измѣненія въ языкѣ, измѣненія физіологическаго характера. Къ числу ихъ принадлежитъ измѣненіе *е* въ *о* въ словѣ *мёдъ*: въ древности здѣсь слышался звукъ *е*; теперь въ великорусскомъ нарѣчіи здѣсь слышится *о*. Къ нимъ принадлежитъ измѣненіе мягкаго *ж* въ твердое въ словѣ *жиръ*: нѣкогда оно звучало съ *и* послѣ *ж*; теперь въ великорусскомъ нарѣчіи оно звучитъ *жыръ*, и т. п.

Въ другихъ случаяхъ измѣненія обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи, вліянію однихъ словъ и формъ на другія, и состоятъ въ простой замѣнѣ однихъ звуковъ или звуковыхъ сочетаній въ словѣ другими. Такъ, напримѣръ, въ словѣ *гортань* въ настоящее время гласный звукъ, *о*, произносится передъ *р*, но въ древнюю эпоху предокъ этого *о*, глухой *ъ*, находился послѣ плавнаго, такъ что слово звучало *грътань*; это написаніе мы находимъ неизмѣнно въ нашихъ памятникахъ до XIII вѣка (Апостолъ 1220 г.: гъртань 21; Житіе Нифонта 1222 г.: гъртань 43 об.; Псалтырь 1296 г.: гортань 7, 38 об. и др.). Измѣненіе въ расположеніи звуковъ этого слова, или замѣна сочетанія *ръ*, *ро* сочетаніемъ *ър*, *ор*, произошла благодаря вліянію на данное слово близкаго по звукамъ и значенію слова *гърло*, *горло*,

Форма повелительнаго наклоненія *пеки* образовалась изъ болѣе древней формы *пьци* подъ вліяніемъ формъ *пеку*, *пекутъ* и другихъ, гдѣ слышался и слышится звукъ *к*, черезъ постановку, на мѣсто звука *ц*, —звука *к*. Измѣненія звуковъ посредствомъ аналогіи находятся въ зависимости не отъ органовъ рѣчи, а отъ дѣятельности ума, и такимъ образомъ имѣютъ психологическій характеръ.

II. Источники.

Мы имѣемъ огромное количество источниковъ для исторіи русскаго языка: однихъ рукописныхъ книгъ и грамотъ отъ XI по XIV в. включительно до насъ дошло около 500. Главныя хранилища древнихъ русскихъ рукописныхъ книгъ — С.-Петербургская Императорская Публичная Библіотека, Московскій Публичный и Румянцевскій Музей, Московская Синодальная Библіотека и Московская Типографская Библіотека. Коллекціи рукописей Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музея составились изъ случайныхъ пожертвованій и покупокъ отъ частныхъ лицъ; поэтому въ этихъ учрежденіяхъ мы находимъ древнія рукописи изъ разныхъ концовъ Россіи. Въ основу Синодальной и Типографской Библіотекъ легло то собраніе рукописей, которое было составлено патріархомъ Никономъ предъ началомъ исправленія богослужебныхъ книгъ; тогда было прислано къ патріарху изъ церквей и монастырей московской Руси большое количество находившихся въ нихъ древнихъ списковъ богослужебныхъ и иныхъ книгъ, изъ которыхъ одни попали въ Типографскую, другіе въ Синодальную Библіотеку. Сверхъ этихъ главныхъ хранилищъ рукописей, есть еще нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ. Это—библіотеки Духовныхъ Академій: С.-Петербургской, Московской, Казанской и Кіевской. Библіотека рукописей С.-Петербургской Духовной Академіи состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ коллекцій: 1) новгородскаго Софійскаго собора и 2) Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; огромная часть находящихся здѣсь рукописей писана или въ Новгородѣ, или на новгородскомъ сѣверѣ, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сравнительно однообразнымъ матеріаломъ. Библіотека Московской Духовной Академіи заключаетъ въ себѣ рукописи Іосифова Волоколамскаго мона-

стыря, по большей части поздния, XVI—XVII в., и Троицкой Духовной Семинаріи, куда они были взяты изъ Троицкой Лавры. Библіотека Казанской Духовной Академіи состоитъ изъ рукописей Соловецкаго монастыря; древнихъ рукописей здѣсь также почти нѣтъ. Что касается Кіевской Академіи, то находящіяся въ состоящемъ при ней Церковно-Археологическомъ Музеѣ рукописи пріобрѣтены въ разное время различными путями и между ними очень немного такихъ, которыя бы имѣли цѣну для лингвиста. Немало рукописей хранится въ библіотекахъ Виленской Публичной, Троицко-Сергіевой Лавры, Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), Успенскаго собора въ Москвѣ, Чудова монастыря въ Москвѣ, Никольскаго Единовѣрческаго монастыря также въ Москвѣ (послѣднему принадлежитъ собраніе рукописей купца Хлудова), Архіерейскаго дома въ Ярославлѣ, Академіи Наукъ, Московскаго Общества исторіи и древностей, Московскаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, Московскаго Университета, Общества древней письменности въ С.-Петербургѣ, Ростовскаго Музея церковныхъ древностей, Тверскаго Музея и др. и между ними есть очень цѣнныя. Отдѣльныя древнія рукописи хранятся въ разныхъ церквахъ и монастыряхъ, по большей части мало доступныхъ или даже вовсе недоступныхъ для ученыхъ; такъ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ хранится Мстиславово Евангеліе начала XII в.; ярославскій Успенскій соборъ владѣетъ Евангеліемъ начала XIII в. Наконецъ нѣкоторыя собранія рукописей составляютъ собственность частныхъ лицъ: таково собраніе графа Уварова. Что касается до грамотъ, то главными хранилищами ихъ служитъ Московскій Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ находятся почти всѣ древнѣйшіе государственные и дипломатическіе акты московскіе и новгородскіе, и Московскій Архивъ Министерства юстиціи, гдѣ находится значительное количество актовъ юридическихъ. Сверхъ того, нѣкоторое количество грамотъ находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Рижскомъ городскомъ Архивѣ, въ Виленскомъ и Кіевскомъ Центральныхъ Архивахъ и въ Археографической Коммиссіи въ Петербургѣ.

Изъ указанныхъ собраній рукописей не всѣ имѣютъ печатные каталоги. Хорошіе каталоги имѣетъ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей; они для румянцевской коллекціи составлены Востоковымъ [1]), для другихъ коллекцій составлены или изданы Викторо-

вымъ [2]). Синодальная Библіотека имѣетъ: 1) краткій указатель, составленный архимандритомъ Саввою [3]), и 2) подробное ученое описаніе, не оконченное, принадлежащее Горскому и Невоструеву (пять томовъ) [4]). Каталогъ той половины библіотеки Московской Духовной Академіи, которая поступила въ нее изъ Іосифова монастыря, составленъ іеромонахомъ Іосифомъ [5]), а о другой половинѣ, перешедшей въ Академію изъ Троицкой Семинаріи, сообщены свѣдѣнія архимандритомъ Леонидомъ [6]). Рукописи Соловецкой библіотеки, принадлежащія теперь Казанской Духовной Академіи, частію уже описаны, частію описываются (вышло уже два тома) [7]). Каталогъ рукописей кіевскаго Церковно-Археологическаго Музея составленъ Петровымъ [8]). Рукописи Виленской Публичной Библіотеки описаны Добрянскимъ [9]), Троицко-Сергіевой Лавры—іеромонахомъ Арсеніемъ [10]), Воскресенскаго монастыря—архим. Леонидомъ [11]), Никольскаго Единовѣрческаго монастыря (=собранія Хлудова) — Поповымъ [12]), Археологической Коммиссіи—Барсуковымъ [13]). Сверхъ того, имѣются печатныя свѣдѣнія о рукописяхъ библіотекъ: Императорской Публичной [14]), Академіи Наукъ [15]), Общества исторіи и древностей [16]), Чудова монастыря [17]), ярославскаго Архіерейскаго Дома [18]), Ростовскаго Музея [19]).

Описаніе грамотъ одной изъ коллекцій Румянцевскаго Музея сдѣлано Лебедевымъ [20]); свѣдѣнія о грамотахъ Архива Министерства юстиціи сообщены Мейчикомъ [21]).

[1]) „Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музея“, Спб. 1842. — [2]) „Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго“, М. 1870. — „Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева“, М. 1871. — „Собраніе рукописей П. В. Севастьянова“, М. 1881. — „Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева“. М. 1881. — Свѣдѣнія о другихъ коллекціяхъ и отдѣльныхъ рукописяхъ, поступившихъ въ Музей, находятся въ „Отчетахъ“ Музея. — [3]) „Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницы и библіотеки“, М. 1858.—[4]) „Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки“, М. 1855—1869. — [5]) „Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря въ библіотеку Московской Духовной Академіи“. Чтенія Московскаго Общества исторіи и древн., 1881 г., кн. 3.—[6]) „Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища свято-Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной

Семинаріи въ 1747 г.". Чтенія 1883 г., кн. 1, 1884 г., кн. 3 и 4, 1885 г., кн. 1.—[7]) „Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи". Казань, 1881—86.—[8]) „Описаніе рукописей Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи". Три выпуска. Кіевъ, 1875—79.—Свѣдѣнія о рукописяхъ поступившихъ въ Музей послѣ 1879 г, находятся въ „Отчетахъ" Церковно-Археологическаго Общества („Труды Кіевской Духовной Академіи", и отд.).—[9]) „Описаніе рукописей Виленской Публичной Библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ". Вильна, 1882 г. —[10]) „Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки свято-Троицкой Сергіевой Лавры". Чтенія 1878 г., кн. 2 и 4; 1879, кн. 2. Дополненіе (описаніе рукописей, хранящихся въ ризницѣ Лавры) въ Чтеніяхъ 1880 г., кн. 4. —[11]) „Описаніе славяно-русскихъ рукописей книгохранилища Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря". Чтенія 1872 г., кн. 1. Другое описаніе той же библіотеки принадлежитъ арх. Амфилохію: „Описаніе Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки. Съ приложеніемъ снимковъ". М. 1876. — [12]) „Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова". М. 1872. „Первое прибавленіе". М. 1875. — [13]) „Рукописи Археографической Коммиссіи". Спб. 1882.—[14]) Находящееся въ Публичной Библіотекѣ собраніе рукописей графа Толстого описано въ книгѣ: „Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстого. Издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ". М. 1825. „Первое прибавленіе... Издалъ П. Строевъ". М. 1825. „Второе прибавленіе.... Издалъ П. Строевъ". М. 1827. — Сборники разныхъ коллекцій Библіотеки описаны Бычковымъ: „Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки", Спб. 1882.—Свѣдѣнія о поступившихъ въ Библіотеку коллекціяхъ и отдѣльныхъ рукописяхъ можно найти, сверхъ того, въ ежегодныхъ „Отчетахъ" Библіотеки.—[15]) „Каталогъ обстоятельный россійскимъ рукописнымъ книгамъ, къ россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ академической библіотекѣ находящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ", Спб. 1818. —„Каталогъ обстоятельный рукописнымъ книгамъ, священнаго писанія... касающимся, въ библіотекѣ Академіи Наукъ хранящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ", Спб. 1818.—Описаніе нѣкоторыхъ рукописей академической библіотеки сдѣлано Во-

стоковымъ: „Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова“, Спб. 1865. — [16]) „Библіотека Имп. Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Составилъ П. Строевъ“. М. 1845. — [17]) „Памятники древней письменности“ 1879 г. вып. 4. — [18]) „Ярославскій Спасо-преображенскій монастырь, что нынѣ Архіерейскій домъ. Составилъ ризничій іеромонахъ Владиміръ“. М. 1881. — [19]) „Описаніе рукописей Ростовскаго Музея церковныхъ древностей. Составилъ А. Титовъ“. 1886. — [20]) „Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева“. М. 1881. — [21]) „Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерства юстиціи. Изслѣдованіе“. М. 1883.

Наибольшее значеніе при изученіи исторіи русскаго языка принадлежитъ рукописямъ съ XI по XIV ст. включительно, которыхъ, какъ уже было сказано, до насъ дошло около 500. Изъ нихъ огромная часть—списки богослужебныхъ книгъ: евангелія, апостолы, псалтыри, минеи, тріоди и т. п. Далѣе, довольно значительное количество древнихъ рукописей—списки житій и твореній св. отцовъ. Лѣтописи сохранились только въ двухъ древнихъ рукописяхъ: въ Лаврентьевскомъ лѣтописномъ сводѣ 1377 года (лѣтописи Несторова, кіевская и суздальская) и въ синодальномъ спискѣ XIV в. (1-я новгородская лѣтопись). Русская Правда дошла до насъ въ одномъ спискѣ конца XIII вѣка и въ другомъ XIV—XV вѣка. Затѣмъ мы имѣемъ нѣкоторое количество грамотъ XII—XIV стол., увеличивающееся по мѣрѣ приближенія къ концу XIV в.: къ XII в. относятся только двѣ грамоты, къ XIII—около 15, къ XIV в.—болѣе 50.

При столь значительномъ количествѣ матеріала, изслѣдователь исторіи русскаго языка находится въ затруднительномъ положеніи. Большая часть рукописей XI—XIV вв.—списки богослужебныхъ книгъ, твореній св. отцовъ и т. п. произведеній, переведенныхъ съ греческаго на церковно-славянскій, или старо-болгарскій языкъ, ведущіе свое начало отъ южно-славянскихъ оригиналовъ, привезенныхъ въ Россію въ разное время. Такимъ образомъ въ этихъ рукописяхъ мы имѣемъ дѣло не съ русскимъ языкомъ, а съ церковно-славянскимъ, измѣненнымъ русскими переписчиками, которые внесли въ него въ большемъ или меньшемъ количествѣ особенности роднаго языка. Вслѣдствіе этого количество заключающагося въ такихъ рукописяхъ матеріала для исторіи русскаго языка сравнительно незначительно, ино-

гда даже ничтожно; сверхъ того, часто бываетъ трудно отдѣлить въ нихъ то, что принадлежитъ русскимъ переписчикамъ, отъ того, что находилось въ ихъ южно-славянскихъ подлинникахъ. Затѣмъ, огромная часть рукописей не имѣетъ никакихъ датъ, такъ что приходится опредѣлять время ихъ написанія по палеографическимъ даннымъ, которыя не даютъ точныхъ рѣшеній и позволяютъ дѣлать крупныя ошибки. На основаніи этихъ данныхъ мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что такая-то рукопись относится къ XI в.: почерки рукописей XI в. и рукописей XII в. (особенно первой половины XII в.) до того схожи, что между ними невозможно положить никакой границы; приходится говорить, что рукопись относится къ XI или XII в; точно также приходится опредѣлять рукописи XII или XIII вѣкомъ, XIII или XIV и т. д. Что касается мѣста написанія рукописей, то при отсутствіи прямыхъ указаній мы можемъ опредѣлять его только на основаніи данныхъ языка. Но эти данныя таковы, что изъ массы рукописей, дошедшихъ до насъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и не имѣющихъ датъ, мы можемъ съ полною увѣренностью сказать только о сравнительно немногихъ, что они написаны въ томъ или другомъ городѣ, въ той или другой области; въ большинствѣ же случаевъ относительно рукописей безъ датъ мы только можемъ догадываться, откуда ведутъ они свое происхожденіе. Сверхъ того, данныя языка рукописей иногда бываютъ совершенно безцвѣтны и не позволяютъ дѣлать никакихъ выводовъ; иногда онѣ представляютъ странную смѣсь. Писцы, переписывая рукописи, нерѣдко старались сохранить текстъ подлинника въ цѣлости, и поэтому сѣверно-русскій писецъ, списывая съ южно-русскаго оригинала, сохранялъ въ своемъ спискѣ южно-русскія особенности подлинника; южно-русскій писецъ въ свою очередь сохранялъ сѣверно-русскія особенности, внося вмѣстѣ съ тѣмъ и свои мѣстныя, и т. д.; отсюда смѣшеніе въ одной и той же рукописи различныхъ данныхъ и невозможность разобраться въ нихъ. Что касается до грамотъ, то хотя до насъ дошло ихъ порядочное количество, особенно отъ XIV вѣка, но онѣ имѣютъ сравнительно мало цѣны, ибо по большей части онѣ или очень невелики по объему, или представляютъ матеріалъ болѣе или менѣе однообразный; многія изъ нихъ чрезвычайно сходны другъ съ другомъ и, имѣя незначительныя отличія, заключаютъ въ себѣ одни и тѣ же слова, одни и тѣ же выраженія.

Изъ древне-русскихъ рукописей особенно важны слѣдующія:

XI вѣка. Остромирово Евангеліе, написанное въ Новгородѣ въ 1056—57 годахъ дьякомъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира и хранящееся теперь въ Императ. Публичной Библіотекѣ. Оно издано два раза: Востоковымъ въ 1843 г.[1]) и купцомъ Савинковымъ въ 1883 г.; послѣднимъ посредствомъ фотолитографіи (не вполнѣ удовлетворительно)[2]).—Два Сборника Святославовыхъ, написанныхъ въ Кіевѣ для великаго князя Святослава, одинъ въ 1073 г., другой въ 1076 г.; первый хранится въ Московской Синодальной Библіотекѣ и недавно изданъ посредствомъ фотолитографіи[3]); второй хранится въ Публичной Библіотекѣ.—Архангельское Евангеліе 1092 года, названное такъ потому, что найдено въ Архангельской губерніи; оно хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.—Три новгородскія Минеи 1095, 1096 и 1097 г., изданныя недавно академикомъ Ягичемъ [4]); они хранятся въ Типографской Библіотекѣ.

Къ этому столѣтію или началу слѣдующаго можно также относить Пандекты Антіоха, писанныя едва ли не въ Кіевѣ (библ. Воскресенскаго монастыря), 13 словъ Григорія Богослова (Публичная Библ)[5]), отрывокъ Туровскаго Евангелія (Виленская Публ. Библ.)[6]) и кирилловскую часть Реймскаго Евангелія (библіотека г. Реймса)[7]).

Сверхъ того, сохранились коротенькія надписи—нѣсколько на монетахъ Владиміра Св., Святополка и Ярослава I[8]) и одна на такъ называемомъ Тмутороканскомъ камнѣ, найденномъ около Керчи; послѣдняя относится къ 1068 году[9]).

[1]) „Остромирово Евангеліе 1056—1057 г. Съ приложеніемъ греческаго текста евангелій и грамматическими объясненіями“. Спб. 1843.—[2]) „Остромирово Евангеліе 1056—57 года, хранящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Иждивеніемъ С.-Петербургскаго купца Ильи Савинкова“. Спб. 1883.— [3]) „Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года. Изданіе Общества древней письменности“. Спб. 1880. Неточности этого изданія указаны Шахматовымъ въ Archiv für slav. Philologie, VII. — [4]) „Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь въ церковно-славянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича“. Спб. 1886.— [5]) Изданы Будиловичемъ: „XIII словъ Григорія Богослова въ древне-славянскомъ переводѣ по рукописи Имп. Публичной Библіотеки XI в.“. Спб, 1875. — [6]) Изданъ Срезневскимъ въ его

„Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ", № XLV, Спб. 1873. — [7]) Издана въ литографированномъ снимкѣ: „Evangelia slavice, vulgo Texte du Sacre. Edidit Silvestre", Paris, 1845.—[8]) Снимки въ трудѣ графа Толстого: „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кіевскаго. Нумизматическій опытъ". Спб. 1882. — [9]) Снимокъ въ приложеніи къ 1-му изданію труда Срезневскаго: „Древніе русскіе памятники языка и письма", Спб. 1863.

XII вѣка. Мстиславово Евангеліе около 1115 г., названное такъ потому, что написано,—вѣроятно, въ Кіевѣ,—для Мономахова сына Мстислава (московск. Архангельскій соборъ); Юрьевское Евангеліе около 1120 г., написанное,—также, вѣроятно, въ Кіевѣ,—для новгородскаго Юрьева монастыря (Московская Синодальная Библіотека); Галицкое Евангеліе 1144 г. (Моск. Синод. Библ.) и Добрилово Евангеліе 1164 г. (Моск. Рум. Муз.) [1]); изъ двухъ послѣднихъ, написанныхъ, надо думать, въ Галиціи или на Волыни, первое имѣетъ свое названіе потому, что нѣкогда хранилось въ Крылосѣ, около Галича (южнаго), второе—потому, что написано попомъ Добриломъ; новгородскій Стихирарь 1157 г. (Моск. Синод. Библ.).

Къ XII или къ XIII столѣтію относятся также едва ли не кіевскій Успенскій Сборникъ (моск. Успенскій соборъ) [2]), галицко-волынскій Выголексинскій Сборникъ (Румянц. Музей) [3]), гал.-волынск. Типографское Евангеліе № 6 (Моск. Типографская Библ.) [4]), Слово св. Ипполита объ антихристѣ (моск. Чудовъ монастырь) [5]) и Тріодь, написанная Моисеемъ кіевляниномъ (Тип. Библ.).

Изъ грамотъ къ XII в. относится кіевская грамота велик. князя Мстислава Владиміровича 1130 г. и новгородская св. Варлаама Хутынскаго [6]).

[1]) Описаніе этого памятника въ нашихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка". Кіевъ, 1884. — [2]) Изъ этого Сборника Житіе св. Θеодосія Печерскаго издано въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей" 1879 г., кн. I, Сказаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ—тамъ же, 1870 г., кн. I, нѣсколько другихъ статей—въ „Библіографическихъ матеріалахъ" Попова (тамъ же, 1879 г., кн. I, и отд.). Неточности и ошибки въ изданіи Житія Θеодосія указаны Шахматовымъ въ Archiv für slav. Philologie, V.—[3]) Описаніе сдѣлано нами въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ" 1884 г. № 3. — [4]) Описаніе въ нашихъ „Очеркахъ". — [5]) Одна

часть издана Невоструевымъ: „Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка“, М. 1868, другая — Срезневскимъ: „Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ“, Спб. 1874.—[6]) Изданы въ снимкахъ въ приложеніи къ 1-му изданію „Древнихъ памятниковъ“ Срезневскаго.

XIII вѣка. Милятино Евангеліе 1215 г. (Публ. Библ.); Апостолъ 1220 года, писанный, вѣроятно, въ Ростовѣ (Синод. Библ.); ростовское Житіе Нифонта 1222 года (Троицкая Лавра); новгородскій Трефолой (Синод. Библ.); галицко-волынское Галицкое Ев. конца XIII в. (около 1266 года; Публ. Библ.) [1]); новгородское Евангеліе 1270 года (Румянц. Музей); новгородская Кормчая съ приложеніемъ Русской Правды около 1282 г. (Синод. Библ.) [2]); рязанская Кормчая 1284 г. (Публ. Библ.); Псалтырь 1296 года, кажется, западно-русская (Синод. Библ.). Къ этому же столѣтію или къ началу слѣдующаго можно относить также два галицко-волынскіе памятника—Архивскую Лѣствицу (Архивъ Мин. иностр. дѣлъ) [3]) и Холмское Ев. (Румянц. Музей) [4]).

Изъ грамотъ къ этому вѣку относятся два договора смоленскихъ князей съ Ригою, одинъ 1229 года (дошелъ въ двухъ экземплярахъ), другой около 1230 г., нѣсколько мелкихъ смоленскихъ и рижскихъ грамотъ, договоры новгородцевъ съ нѣмцами и грамоты ихъ къ нѣмцамъ [5]), первые договоры новгородцевъ съ тверскими князьями [6]) и духовная новгородца Климента [7]).

[1]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“.—[2]) Русская Правда издана по этому списку въ послѣдній разъ Мрочкомъ-Дроздовскимъ во 2-мъ выпускѣ его „Изслѣдованій о Русской Правдѣ“, М. 1885.—[3]) Описана нами въ „Русскомъ Филологич. Вѣстникѣ“ 1884 г. № 3.—[4]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“.—[5]) Эти документы изданы (почти всѣ) въ „Русско-Ливонскихъ Актахъ, собранныхъ К. Е. Напьерскимъ“. Спб. 1868.—[6]) Новѣйшее изданіе этихъ договоровъ у Шахматова: „Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка“, Спб. 1886.—[7]) Издана Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ“, № XXXV, Спб. 1867.

XIV вѣка. Поликарпово Ев. 1307 года (Синод. Библ.) [1]); два псковскихъ Апостола, одинъ 1307 г., другой 1309—1312 г. (тамъ же) [2]); новгородская Тріодь 1311 года (тамъ же); Евангеліе 1317 года (Академія Наукъ); Стихирарь 1331 года, писанный въ московской области (Троицкая Лавра); Лѣствица 1334 г. (тамъ же); Евангеліе 1354 г.,

писанное въ московской области (Синод. Библ.); новгородское Еванг. 1355 г. (Синод. Библ); новгородскій Прологъ 1356 г. (Типогр. Библ.); Евангеліе 1357 года, писанное въ сѣверномъ Галичѣ (Синод. Библ.); Евангеліе 1358 года, писанное въ московской области (тамъ же); новгородское Евангеліе до 1362 года (Типогр. Библ.); переяславскій списокъ словъ Ефрема Сирина 1377 г. (Академія Наукъ); суздальскій такъ наз. Лаврентьевскій списокъ лѣтописей (Публичн. Библ.)[3]); два псковскихъ Параклитика, одинъ 1369 г., другой 1386 г. (Синод. Библ); псковскій Прологъ 1383 г. (Типографск. Библ.)[4]); кіевская Псалтырь 1397 года (Общ. древней письменности); Евангеліе 1399 года, писанное, вѣроятно, въ московской области (Типогр. Библ.); новгородскій Служебникъ 1400 года (Синод. Библ.). Изъ памятниковъ, не отмѣченныхъ годомъ, относятся къ XIV столѣтію: синодальный списокъ Новгородской лѣтописи (Синод. Библ.)[5]); галицко-волынское Луцкое Евангеліе (Румянц. Муз.)[6]); новгородское Ев. № 434 (тамъ же); новгородскій Требникъ гр. Шереметева (Общ. древней письменности)[7]).

Изъ грамотъ этого столѣтія значительная часть приходится на долю Новгорода; они тянутся чрезъ все столѣтіе[8]); за ними слѣдуютъ грамоты: одна рязанская (князя Олега послѣ 1356 г.)[9]), двинскія[10]), полоцкія, смоленскія, рижскія[11], московскія (древнѣйшая—духовная Ивана Калиты около 1327 года, въ двухъ экземплярахъ)[12]); со второй половины XIV в. начинаются грамоты и акты южно-русскіе[13]) и западно-русскіе (послѣдніе выданы литовскими князьями и польскими королями и писаны на бѣлорусскомъ нарѣчіи)[14]).

[1]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“.—[2]) Описаны тамъ же.—[3]) Новѣйшее изданіе сдѣлано Археографическою Коммиссіею: „Лѣтопись по Лаврентьевскому списку“, Спб. 1872.—[4]) Эти три псковскихъ рукописи описаны въ нашихъ „Очеркахъ“.—[5]) Новѣйшее изданіе Археографической Коммиссіи исполнено посредствомъ фотолитографіи: „Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку“, Спб. 1875.—[6]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“. — [7]) Изданъ посредствомъ фотолитографіи Обществомъ древней письменности. — [8]) Изданы одни въ „Русско-Ливонскихъ Актахъ“, другіе у Шахматова. — [9]) Издана Срезневскимъ въ 1-мъ изданіи „Древнихъ памятниковъ русскаго языка и письма“. — [10]) Акты юридическіе, т. I. Спб. 1836.— [11]) Русско-Ливонскіе Акты.—[12]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I. М. 1813. — [13]) Описаны въ нашихъ

„Очеркахъ". — 14) Акты относящіеся къ исторіи Западной Россіи, тт. I, II. Спб. 1846—48.

Если мы теперь обратимся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ писаны рукописи XI—XIV в., то увидимъ, что по нимъ достаточно характеризуется только одинъ новгородскій говоръ, памятники котораго непрерывно тянутся съ половины XI в. до конца XIV и далѣе. Достовѣрные памятники кіевскаго говора, дающіе, впрочемъ, очень мало матеріала, имѣются только за XI и отчасти за XII вѣкъ; далѣе мы почти теряемъ слѣды этого говора. Галицко-волынскій говоръ имѣетъ памятники съ половины XII в. до конца XIV в. Смоленскій и полоцкій говоры имѣютъ небольшое количество грамотъ за XIII и XIV в. и затѣмъ теряются для изслѣдователя. Для западно-русскаго (=бѣло-русскаго) говора вполнѣ достовѣрныя данныя начинаются только съ XIV в. Для характеристики средне-русскихъ говоровъ мы имѣемъ матеріалъ отъ начала XIII в. (въ частности для московскаго говора— отъ первой половины XIV в.). Псковъ и двинская земля оставили намъ по небольшому количеству памятниковъ, первый отъ начала, второй— отъ второй половины XIV в. Для говора тмутороканской земли всѣ данныя заключаются въ маленькой надписи на Тмутороканскомъ камнѣ. Что касается до говоровъ Чернигова и Переяславля южнаго, то мы не имѣемъ съ XI по XIV в. никакого ни достовѣрнаго, ни недостовѣрнаго матеріала для ихъ характеристики.

Изъ памятниковъ позднѣе XIV вѣка можно отмѣтить какъ важные: коломенскую Палею 1406 г. (Троицкая Лавра), псковское Лукино Ев. 1409 г. (Синод. Библ.; описано въ нашихъ „Очеркахъ"), галицко-волынскій списокъ поученій Ефрема Сирина 1492 г. (Публ. Библ.; описанъ тамъ же), западно-русскую Четью 1489 г. (кіевскій Церковно-Археолог. Музей), Ипатьевскій списокъ лѣтописей XV в. (изданъ Археографическою Коммиссіею, Спб. 1871), печатную западно-русскую Библію Скорины 1517—1519 гг., печатный зап.-русскій Лютеранскій Катихизисъ 1562 г., печатный зап.-русскій Литовскій Статутъ 1588 г., московскій Судебникъ 1550 г. (изданъ Калайдовичемъ и Строевымъ, М. 1819), Домострой по списку Общества исторіи и древностей XVI в. (изданъ въ „Чтеніяхъ" 1881 г., кн. 2) и Повѣствованіе о Россіи Котошихина, второй половины XVII в. (издано Археографическою Коммиссіею, 2-е изданіе, Спб. 1859).

Ссылки на поименованные ранѣе памятники относятся, если указаны изданія или описанія памятниковъ, — къ этимъ изданіямъ и описаніямъ (здѣсь цифра при цитатѣ означаетъ страницу), а если изданій или описаній не указано, — къ подлиннымъ памятникамъ (здѣсь цифра при цитатѣ означаетъ листъ рукописи).

Вотъ еще нѣсколько указаній на сколько-нибудь важныя или полезныя изданія и описанія древне-русскихъ памятниковъ и изслѣдованія объ ихъ языкѣ:

Буслаевъ. Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи славянскихъ письменъ (въ юбилейномъ изданіи Московскаго Университета: „Матеріалы для исторіи письменъ", М. 1855). Здѣсь описано 11 рукописей Синодальной Библіотеки, означенныхъ годомъ.

Буслаевъ. Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. М. 1881.

Срезневскій. Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрѣніе. 1-е изданіе Спб. 1863; 2-е изданіе Спб. 1882. Здѣсь перечислены дошедшія до насъ древне-русскія рукописи до XIV в. включительно, какъ имѣющія хронологическую дату (почти всѣ), такъ и не имѣющія даты (важнѣйшія). При первомъ изданіи этого труда находится атласъ снимковъ и рядъ выписокъ изъ памятниковъ XI—XIV вв. Разборъ 2-го изданія въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1883 г. № 5.

Срезневскій. Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1865—1880 гг. Спб. 1885. Въ этомъ трудѣ мы имѣемъ краткія палеографическія и лингвистическія описанія важнѣйшихъ памятниковъ русскаго письма XI—XIV вв. и библіографическій обзоръ работъ по изученію древне-русской письменности.

Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (въ Запискахъ Академіи Наукъ, тт. VI—XXXIX, и отд., Спб. 1867—1881). Здѣсь изданъ или описанъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе важныхъ памятниковъ.

В. Срезневскій. Древній славянскій переводъ псалтыри. Изслѣдованіе его текста и языка по рукописямъ XI—XIV в. Спб. 1877.

Воскресенскій. Древній славянскій переводъ апостола и его судьбы до XV вѣка. М. 1879.

Козловскій. Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова Евангелія. Спб. 1885. Разборъ этого труда въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1886 г. № 1.

(Бодянскій). Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года. Съ греческимъ и латинскимъ текстами. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова и запискою А. Л. Дювернуа. Чтенія 1882 г., кн. 4, и отд., М. 1883. Здѣсь издано, съ греческимъ текстомъ, только начало Сборника. Изданіе мало удовлетворительное. Рецензія на это изданіе, Мазинга, въ Archiv für slav. Philologie, VIII.

Masing. Studien zur Kenntniss des Izbornik Svjatoslava vom Jahre 1073 (Archiv für slavische Philologie, VIII—IX).

Арх. Амфилохій. Описаніе Евангелія 1092 года. М. 1877. Къ выпискамъ о. Амфилохія изъ древнихъ памятниковъ необходимо относиться съ нѣкоторымъ скептицизмомъ.

Дювернуа. О критическомъ значеніи Архангельскаго Евангелія (Журн. Мин. Нар. Пр. 1878 г., № 10). Выписки изъ того же Евангелія напечатаны Бычковымъ въ „Сборникѣ 2-го отдѣл. Акад. Наукъ", т. XVII, стр. XXXVI слѣд. Спб. 1877.

Будиловичъ. Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи XI вѣка. Спб. 1871.

Билярскій. О кирилловской части Реймскаго Евангелія („Судьбы церковнаго языка", ч. 2-я). Спб. 1848.

Лавровскій. О Реймскомъ Евангеліи (Опыты историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института 6-го выпуска. Спб. 1852).

Соболевскій. Кирилловская часть Реймскаго Евангелія (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1887 г., № 3).

Арх. Амфилохій. Описаніе Юрьевскаго Евангелія 1118—28 г. М. 1877.

Арх. Амфилохій. Четвероевангеліе Галичское 1144 г., сличенное съ древле-славянскими рукописными евангеліями XI—XVII в. и печатными Острожскимъ 1571 и Кіевскимъ 1788 г., съ греческимъ евангельскимъ текстомъ 835 года. Три тома. М. 1883. Текстъ Евангелія 1144 г. помѣщенъ весь въ двухъ первыхъ томахъ.

Jagić. Zur Berichtigung der altrussischen Texte (Archiv für slav. Phil., VI). Здѣсь изданы два древне-русскіе отрывка XI в. изъ Житія Кондрата и изъ Житія Ѳеклы.

(Бодянскій). Богословіе св. Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго по харатейному списку М. Синод. Библіотеки. Чтенія 1877 г., кн. 4 (отд. М. 1878).

Малининъ. Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII вѣка Императорской Публичной Библіотеки. Кіевъ, 1878.

Лавровскій. Описаніе семи рукописей Императорской Публичной Библіотеки. Чтенія 1858 г., кн. 4.

Wolter. Einige Eigenthümlichkeiten des galizischen Aprakosevangelium vom Jahre 1266 (Archiv für slav. Phil., т. VI).

Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку, изданная посредствомъ свѣтопечати. Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1872.

Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, М. 1813, т. II, М. 1819 (много новгородскихъ, смоленскихъ и полоцкихъ грамотъ XIII и XIV вв.).

Напьерскій. Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Найдены въ Рижскомъ Архивѣ. Спб. 1857.

Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. I. Спб. 1863.

Головацкій. Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ („Науковый Сборникъ, издаваемый литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы". Львовъ, 1865—1867, и отд., Львовъ, 1867).

Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej, томы II, VII, VIII. Lwów, 1870—80 (галицкіе юридическіе акты XIV и XV вв.). Послѣднія три изданія, не отличающіяся особою исправностью, заключая въ себѣ нѣкоторое количество однихъ и тѣхъ же древнихъ актовъ, до извѣстной степени исправляютъ другъ друга..

Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. I. Lwów, 1887. Есть акты XIV в.

Свѣдѣнія объ описаніяхъ рукописей и изслѣдованіяхъ, не упомянутыхъ нами, можно найти въ критико-библіографическомъ трудѣ Котляревскаго: „Объ изученіи древней русской письменности" (Филолог. Зап. 1879—1880 гг.).

III. Главныя звуковыя особенности русскаго языка.

Отношеніе русскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ въ ту отдаленную эпоху, отъ которой дошли до насъ первые письменные памятники русскаго языка, было не таково, какъ въ настоящее время. Хотя и теперь для русскаго болѣе или менѣе понятна рѣчь серба, словака, поляка, однако онъ встрѣчаетъ у нихъ много формъ, много словъ для него неясныхъ; рѣчь же чеха, лужичанина можетъ считаться для русскаго почти совсѣмъ непонятною. Но въ половинѣ XI вѣка русскій языкъ былъ настолько близокъ къ другимъ славянскимъ языкамъ, что русскій могъ свободно пользоваться болгарскими книгами, говорить съ полякомъ и сербомъ. Тѣмъ не менѣе русская рѣчь уже въ XI вѣкѣ имѣла свои характеристическія особенности. Онѣ слѣдующія:

Отсутствіе носовыхъ гласныхъ. На мѣстѣ церковно-славянскаго ѫ въ русскомъ языкѣ мы видимъ *у* (*ю*), которое является также въ языкахъ сербскомъ и чешскомъ; въ польскомъ языкѣ этому юсу соотвѣтствуютъ носовые звуки ę и ą. Церковно-славянскій ѧ имѣетъ соотвѣтствіе себѣ въ русскомъ языкѣ въ *а* (*я*); въ польскомъ языкѣ ему соотвѣтствуютъ ę и ą съ предъидущимъ j или мягкимъ согласнымъ; въ чешскомъ языкѣ церковно-славянскому ѧ въ настоящее время соотвѣтствуетъ нѣсколько звуковъ, но въ древности ему соотвѣтствовало *а* съ предъидущимъ j или мягкимъ согласнымъ; въ сербскомъ языкѣ юсу малому соотвѣтствуетъ *е*. Не слѣдуетъ однако думать, что отсутствіе носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ есть явленіе исконное. Въ половинѣ XI вѣка носовыхъ звуковъ дѣйствительно уже не было, но раньше, когда начались у насъ сношенія съ жите-

лями Скандинавіи, съ варягами, когда началось вліяніе на русскій языкъ языка скандинавскаго, въ то время носовые звуки еще существовали въ русскомъ языкѣ. Въ этомъ мы убѣдимся, если сопоставимъ нѣсколько русскихъ словъ, ведущихъ начало отъ скандинавскихъ, съ этими послѣдними: *варягъ* = старо-сканд. varingr, греч. βάραγγος; *кълбягъ* (названіе народа) = старо-скандин. kylfingr, греческое κούλπιγγος; *судъ* (названіе пристани въ Константинополѣ, Золотой Рогъ) = современное скандинавское sund; *якорь* = старо-скандинавское akkeri; *ябетьникъ* — сравни старо-скандинавское ambätti (служанка). Если бы въ древне-русскомъ языкѣ, когда начались сношенія русскихъ съ скандинавами, не было носовыхъ гласныхъ, то мы имѣли бы не *варягъ* (изъ *варѧгъ*), *судъ* (изъ *сѫдъ*), а *вареніъ*, *сундъ* и т. п. Данныя, извлеченныя изъ сопоставленія русскихъ словъ съ скандинавскими, находятъ себѣ подтвержденіе въ сопоставленіи греческаго, латинскаго и нѣмецкаго названій мадьяръ съ ихъ русскимъ названіемъ—въ сопоставленіи греч. οὔγγαροι, οὔγγροι, латинск. ungari, hungari, нѣмецк. ungarn съ русск. *угре* (имен. п. ед. *угринъ*). Названіе *угре* могло явиться въ русскомъ языкѣ приблизительно въ началѣ IX в., когда русскіе славяне впервые встрѣтились съ мадьярами; очевидно, тогда въ русскомъ языкѣ еще существовалъ носовой звукъ и слово *угре* произносилось *ѫгре*. Въ концѣ X в. носовыхъ гласныхъ, повидимому, уже не было. Константинъ Багрянородный, писавшій въ это время свое сочиненіе „De administrando imperio“, приводитъ въ числѣ названій днѣпровскихъ пороговъ слова Νεασήτ = *неясыть* (церк.-слав. *неѩсыть*), Ναπρεζή = *напрязи* (церк.-слав. *напрѧзи*), Βερούτζη = *въручи* (церк.-слав. *вършти*, прич. наст. вр. женск. р.), гдѣ мы уже находимъ чистые гласные звуки. Что въ половинѣ XI вѣка носовыхъ звуковъ уже не было, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній: Остромирово Ев. представляетъ довольно значительное число случаевъ замѣны церк.-слав. ѫ и ѧ черезъ *у*, *ю*, *а*, *я* и на оборотъ (вин. ед. вод*у*, вѣр*у*, им. мн. овьц*а*, род. ед. вол*я*, дат. ед. сидѧщѫ, род. ед. морѧ и др.), которая показываетъ, что писецъ Остромирова Евангелія не имѣлъ никакого понятія о носовомъ произношеніи какихъ-либо гласныхъ звуковъ. Въ другихъ памятникахъ XI вѣка мы находимъ еще большее смѣшеніе церк.-славянскихъ юсовъ съ *у*, *ю*, *а*, *я*; въ памятникахъ же XII в. ѫ-са уже почти совсѣмъ не встрѣчаемъ, а ѧ по значенію нисколько не отличается отъ ꙗ.

Своеобразное рефлексированіе смягченныхъ зубныхъ согласныхъ.

1. Между тѣмъ какъ въ церк.-славянскомъ языкѣ изъ *dj* образовалось *жд*, а изъ *тj* и изъ группы гортанный + *т*—*шт*, въ русскомъ языкѣ этимъ *жд*, *шт* соотвѣтствуютъ *ж* и *ч*, при западно-славянскихъ z (dz) и c. Примѣры: церк.-слав. ви*жд*ѫ (*жд* изъ *dj*) =древне-русск. ви*ж*ю=польск. wi*dz*ę; церковно-славянское хо*шт*ѫ = русск. хо*ч*ю = польск. *c*hcę; церк.-слав. пе*шть*=русск. пе*чь*=польск. pec. Такимъ образомъ русскій языкъ отличается отъ церковно-славянскаго и западно-славянскихъ тѣмъ, что употребляетъ 1) *ж* вм. *жд*, *з* и 2) *ч* вм. *шт*, *ц*. Изъ этого правила есть нѣсколько исключеній; именно, русскій языкъ имѣетъ нѣкоторое количество словъ не съ русскимъ *ж*, а съ церк.-славянскимъ *жд*. Такія слова встрѣчаются преимущественно въ народномъ языкѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ не чужды и языку литературному: доса*жд*ать (рядомъ съ доса*ж*ать), оби*жд*ать, прохла*жд*аться, приго*жд*аться, уро*жд*ай; такія слова съ *жд* вм. *ж* встрѣчаются какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ нарѣчіи. Отъ этихъ словъ, вполнѣ русскихъ, слѣдуетъ отличать тѣ слова съ *жд* вм. *ж*, которыя во множествѣ вошли въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго: оде*жд*а, наде*жд*а, во*жд*ь и т. п. Вмѣсто *ч* въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы находимъ въ русскомъ языкѣ *щ*, звукъ болѣе близкій къ церковно-славянск. *шт*, чѣмъ къ русскому *ч*; таковы многія прилагательныя на *щій*—забыду*щ*ій, загребу*щ*ій, большу*щ*ій, работя*щ*ій, гуля*щ*ій, которыя, кажется, не имѣютъ ничего общаго съ причастіями на *щій*: знаю*щ*ій, пою*щ*ій, вошедшими въ нашъ языкъ изъ церковно-славянскаго языка. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ словъ *щ*, можетъ быть, должно быть объясняемо не изъ *тj*, а изъ *стj*, т. е. должно думать, что они имѣютъ суффиксъ, родственный съ суффиксомъ въ русск. борода*ст*ъ или въ греческ. χέρδιστος. Несомнѣнно, не имѣетъ никакого отношенія къ церк.-славянскому *щ* изъ *тj* то *щ*, которое мы слышимъ въ русскомъ вѣ*щ*ій и родственныхъ: вѣ*щ*унъ, провѣ*щ*иться (но не въ вѣ*щ*ать или обѣ*щ*ать), такъ какъ польск. wie*szcz*, wie*szcz*yca, wie*szcz*ba и др. показываютъ, что здѣсь *щ* образовалось изъ *ст* (первоначальная форма слова *вѣщии* была вѣ*стj*ьjи). Сравни вѣ*ст*ь, извѣ*ст*ный.

2. На мѣстѣ церковно-славянскаго *жд*, образовавшагося изъ болѣе древняго *зд* (а также изъ *зг*), въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ въ большинствѣ случаевъ *жж*, въ меньшинствѣ *жч*; въ западно-славян-

скихъ нарѣчіяхъ мы находимъ обыкновенно въ чешскомъ žď, въ польскомъ ždž, рѣже въ чешскомъ šč, šť, въ польскомъ szcz (*щ*). На мѣстѣ церковно-славянскаго *шт*, образовавшагося изъ болѣе древняго *ст* (а также изъ *ск*), въ русскомъ языкѣ является *щ* (=*шч*, *шш*), при чемъ мы находимъ въ чешскомъ šč, šť, въ польскомъ szcz. Примѣры: церк.-слав. *яжд*ѫ = русск. ѣ*жж*ю=польск. je*żdż*ę; церк.-слав. пу*шт*ѫ = русск. пу*щ*ю = польск. pu*szcz*ę; церк.-слав. дъ*жд*ь, бѣлорусское и малорусское до*жч*ь или до*щ*ь, древне-чешское dščíti дождить (въ Виттембергской Псалтыри XIV в.), dešť дождь (въ одномъ изъ отрывковъ старо-чешской Александреиды), польск. de*szcz*.

Мягкое *л* послѣ губныхъ вмѣсто *j*. При такъ называемомъ смягченіи губныхъ въ русскомъ языкѣ изъ *j* постоянно образуется мягкое *л*, которое почти всегда отсутствуетъ съ западно-славянскихъ языкахъ и не всегда находится въ церк.-славянскомъ языкѣ; примѣръ: русск. люб*л*ю, польское lu*b*ię, церк.-слав. люб*л*ѭ и люб*ь*ѭ, люб*ѭ*.

Отсутствіе *д* передъ *л* и *н*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ *д* и *т* передъ *л* выпадаютъ: мо*л*ити изъ мо*дл*ити, шь*л*ъ изъ шь*дл*ъ, пле*л*ъ изъ пле*тл*ъ, в*ѧнѫ*ти изъ в*ѧднѫ*ти. То же мы видимъ въ русскомъ языкѣ, но въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ *д* всегда удерживается: польск. mo*dl*ić, чешск. mo*dl*iti, польск. sze*dł*, чешск. ple*tl*, чешск. va*dn*ůti и т. п.

Первое полногласіе. Однимъ изъ видныхъ отличій русскаго языка отъ другихъ славянскихъ языковъ является сочетаніе гласныхъ съ плавными согласными. Мы считаемъ установленнымъ, что русскій языкъ имѣетъ два вида полногласія—такъ называемое первое полногласіе и второе полногласіе. То полногласіе, которое называютъ обыкновенно первымъ, имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ явленіяхъ.

1. Когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовала звуковая группа *ор* или *ол*, за которою находился еще согласный звукъ (согласный+*ор*, *ол*+согласный), то это *ор*, *ол* въ церк.-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ языкахъ является въ видѣ *ра*, *ла*, въ польскомъ языкѣ въ видѣ *ро*, *ло*, въ русскомъ въ видѣ *оро*, *оло*. Примѣры: обще-слав. б*ор*да (сравни нѣмецк. b*ar*t) дало въ церк.-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ б*ра*да, въ польскомъ b*ro*da, въ русскомъ б*оро*да; обще-славянск. г*ол*ва (сравни литовск. g*al*wa) дало въ церк.-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ г*ла*ва, въ польскомъ g*ło*wa, въ русскомъ г*оло*ва.

Приведенное правило соотвѣтствія звуковъ имѣетъ въ русскомъ языкѣ нѣсколько исключеній. Рядомъ съ *мо*л*о*дъ, *мо*л*о*дой, мы имѣемъ м*ла*дъ, м*ла*денекъ, м*ла*дёшенекъ (въ пѣсняхъ); сравни церковно-слав. младъ, польск. m*ło*dy; рядомъ съ с*оло*дъ, с*оло*дковатый, мы находимъ с*ла*докъ (съ родственными с*ла*сть, с*ла*щавый, с*ла*стёна); сравни литовское s*al*dus, церк.-славянск. с*ла*дъкъ, польск. s*ło*dki; рядомъ съ м*оро*зъ, м*ер*зокъ и т. п., мы имѣемъ м*ра*зь (нѣчто малое и скверное); сравни церк.-славянск. м*ра*зъ, м*ра*зити ненавидѣть, м*ра*зитися быть ненавистнымъ (вельрѣчивыи фарисѣи ом*ра*зися похваливъся; Стихирарь XII в. Типогр. Библ. № 305, л. 24). Относительно словъ нд*ра*въ, нд*ра*виться можетъ быть сомнѣніе, должно ли считать эти формы за исконныя русскія, или за заимствованныя изъ церк.-славянскаго языка; сравни съ ними слова н*оро*въ, н*оро*вить, сн*оро*вка. При приведенныхъ русскихъ словахъ съ церк.-славянской вокализаціей мы имѣемъ нѣсколько словъ съ польскимъ сочетаніемъ звуковъ, т. е. съ *ро* и *ло* вмѣсто ожидаемыхъ *оро*, *оло*: таковы слова: ст*ро*гъ,—сравни церковно-славянск. с*ра*гъ, польск. s*ro*gi; п*ло*хъ,—сравни церк.-славянск п*ла*хъ, польское p*ło*chi; рядомъ съ послѣднимъ и съ близко родственными оп*ло*шность, п*ло*шать, поп*ло*шитися испугаться (Срезневскій, Св. и зам., № LXXXIV, стр. 132), въ русскомъ языкѣ находятся слова съ полногласіемъ: п*оло*шить (Новгородск. лѣтопись XIV в.: поп*оло*шишася людье, 38), переп*оло*хъ, чертоп*оло*хъ, сп*оло*хнуть и друг.; ос*ло*пъ (дубина), х*ло*пать (*х* изъ *с*),—сравни церковно-славянск. с*ла*пъ (водопадъ), с*лѣ*пати (прыгать), русск. ш*еле*пъ (дубина), чешск. ch*la*pati. Кромѣ словъ съ церк.-славянскимъ и польскимъ звуковыми сочетаніями, мы имѣемъ два слова съ смѣшаннымъ сочетаніемъ звуковъ; это слова кук*ора*чь, к*ора́*чки (сравни ново-болгарск. и сербск. к*ра*к нога, польское k*ro*k); можетъ быть, съ ними родственно слово к*оря*читься, гдѣ *р* мягко. Полногласная форма является въ существит. ок*оро*къ.

2. Когда въ обще-славянскомъ за согласнымъ звукомъ слѣдовало *ер*, за которымъ находился еще согласный (согл.+*ер*+согл.), то въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ изъ *ер* получилось *рѣ*, въ польскомъ *ре*, въ русскомъ *ере*; примѣръ: обще-славянское б*ер*гъ (сравни нѣмецк. b*er*g) дало въ церк.-славянскомъ б*рѣ*гъ, въ сербск. б*риј*ег, въ чешск. b*ře*h, въ польск. b*rze*g, въ русск. б*ере*гъ.

Это правило также имѣетъ нѣсколько исключеній. Къ нимъ принадлежатъ слова: т*рѣ*звъ, рядомъ съ которымъ находимъ т*ере*звъ,

тв*ере*зъ (съ перестановкой звуковъ; современн. тв*ерё*зый); напримѣръ, въ Сборникѣ Святославовомъ 1076 г. мы читаемъ: по ист*ере*звении 75 об.; т*рѣ*бовати,—сравни церк.-славянск. т*рѣ*бовати, т*рѣ*бити, польск. t*rze*ba надо, t*rze*bić теребить, очищать лѣсъ, чешск. tříbiti; въ русскомъ языкѣ встрѣчается полногласіе въ родственныхъ: глаголахъ прет*ере*бовати (Пандекты Никона Черногорца, XIII в.) и т*ере*бити и существительномъ (др.-русск.) прит*ере*ба; древне-русск. с*рѣ*бро (встрѣчается нерѣдко въ древнѣйшихъ памятникахъ: на монетахъ вел. кн. Владимира св., въ Минеѣ 1096 года, стр. 188, въ Стихирарѣ 1157 г., 40 об., въ Житіи Нифонта 1222 года, 125 об. и др., въ Галицкомъ Евангеліи около 1266 года и др.), современное малорусское с*рі*бро или с*рі*бло; сравни чешск. stříbro (изъ с*рѣ*бро); рядомъ съ нимъ мы имѣемъ полногласное с*ере*бро. Словъ съ польскимъ сочетаніемъ звуковъ можно указать два: в*ре*мя (Сборникъ Святославовъ 1076 г.: в*ре*мѧ, 86, 222, 229 об.); сравни церк.-славянск. в*рѣ*мѧ, сербск. вр*ије*ме; при формѣ в*ре*мя мы находимъ въ смоленскомъ договорѣ 1229 года: в*ѣре*мьнемь (дат. п. мн. ч.), въ Псалтыри 1296 года: в*ерѣ*мена 221, въ Архивской Лѣствицѣ XIII—XIV в.: в*ере*мя, въ Лѣствицѣ 1334 г. в*ере*мя 32, въ западно-русской грамотѣ 1387 г.: в*ере*менемъ, въ Новгородской лѣтописи XIV в.: изв*ере*менивъше 137, соврем. малорусск. и бѣлор. в*ере*мя;—уп*ре*къ, поп*ре*къ, уп*ре*кать, древ.-русск. копати п*ре*ки трубамъ Лаврент. сп. 107=поперекъ, на перерѣзъ, и т. д.; сравни церк.-славянск. п*рѣ*кы, чешск. napříč (напротивъ); рядомъ съ уп*ре*къ и проч. мы имѣемъ слова съ правильнымъ полногласіемъ: древн.-русск. п*ере*кы (Ипат. сп. л. 251, 252), соврем.—поп*ере*къ, п*ере*чить и т. п.

3. Въ томъ случаѣ, когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовала группа *ел*, за которою находился еще согласный звукъ (согл.+*ел*+согл.), изъ этого *ел* въ церковно-славянскомъ языкѣ является *лѣ*, въ сербскомъ *ље*, *лије*, въ чешскомъ двѣ группы la и lě (*лѣ*), въ польск. ło и le; въ русскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ является или *ело*, или, болѣе правильно, *еле*. Мы находимъ русское *ело* изъ обще-славянск. *ел* въ ж*ело*бъ (обще-слав. ж*ел*бъ, церк.-слав. ж*лѣ*бъ, сербск. ж*лије*б, чешск. ž*la*b и ž*lé*b, польск. z*łó*b); въ ш*ело*мъ (сравни церковно-славянск. ш*лѣ*мъ); въ ш*ело*мя холмъ (сравни церк.-славянское с*лѣ*мѧ), въ ш*ело*пай (сравни шелепъ, шлёпать, х*ло*пать). Мы находимъ русское *еле́* изъ обще-славянск. *ел* въ словахъ ж*еле*за, ж*елё*зка (сравни церк.-слав. ж*лѣ*за, сербск. ж*лије*зда, чешск. ž*lá*za и

*ž*l*e*za), ш*е*л*е*мъ шлемъ, см. Требникъ гр. Шереметева XIV в. л. 53 (сравни церк.-слав. ш*лѣ*мъ); ш*е*л*е*пъ; *желе*биться (3-е л. ед. ч. *желé*бится); сравни *жело*бъ (и *желе*бъ? фамилія Ж*é*л*е*бовъ, церк.-слав. *жлѣ*бъ); *селе*зень (сравни польск *śli*zień); *селе*зенка (сравни польск. *śle*dziona, чешск. s*le*z*e*na) и, вѣроятно, *беле*на (сравни старо-чешск. b*le*n, совр. чешск. b*lí*n, гдѣ *i* изъ *ѣ*).

Какъ и въ другихъ случаяхъ, мы имѣемъ здѣсь исключенія: стоитъ упомянуть о глаголѣ ш*лё*пать съ *ле* вм. *еле*; онъ родственъ съ словами ш*еле*пъ, *осло*пъ, х*ло*пать.

4. Въ самой тѣсной связи съ первымъ полногласіемъ находятся явленія, имѣвшія мѣсто тогда, когда въ обще-славянскомъ языкѣ въ началѣ словъ были гласные *о* и *е*, за которыми слѣдовалъ плавный звукъ + другой согласный (*о*, *е* + плавн. + согл.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обще-славянскомъ языкѣ были въ началѣ словъ группы *ор* и *ол*, въ церк.-славянскомъ и сербскомъ явились *ра*, *ла*, въ польскомъ и чешскомъ—*ro*, *lo*, въ русскомъ также *ро*, *ло* Примѣры: при церк.-слав. *ла*дии, рядомъ съ которымъ встрѣчается *ал*дии лодка, мы находимъ въ чешскомъ языкѣ *lo*ďˇ, въ польскомъ *ło*dź, въ русскомъ *ло*дья, *ло*дка; при церковно-славянскомъ *ра*вьнъ мы имѣемъ чешск. *ro*vný, польск. *ró*wny, русск. *ро*вный; ц.-слав. префиксу *раз* соотвѣтствуетъ чешск. и польск. *roz*, русскій *роз*. Надо замѣтить, что когда мы пишемъ этотъ префиксъ (точно также какъ и слова *ра*кита, *ра*бота и производныя) чрезъ *а*, то употребляемъ не русское, а церковно-славянское правописаніе. Въ древнихъ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ мы всегда находимъ *роз*, а не *раз*; то же мы видимъ въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ окающихъ говорахъ и въ малорусскомъ нарѣчіи; въ самомъ нашемъ литературномъ языкѣ мы слышимъ *о* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда префиксъ находится подъ удареніемъ (*рóскошь*, *рóздыхъ*, *рóзвальни*, *рóспись*). Великорусск. *рá*зумъ едва ли можно считать исключеніемъ въ виду малорусск. и бѣлорусск. *ро*зумъ; вѣроятно, оно вошло въ народный языкъ изъ книгъ.

Изъ правила о соотвѣтствіи русск. *ро*, *ло* церк.-славянскому *ра*, *ла* изъ *ор*, *ол* для русскаго языка почти нѣтъ исключеній; можно упомянуть только объ древне-русск. *ол*кати (Евангеліе 1354 г.: *ол*чать 35 об.; Евангеліе XIV в. Троицко-Сергіевой Лавры № 5: *ол*чють 31), о существительныхъ *ра*ло, *ра*тай (сравни литовск. *ar*tojis) при тожественныхъ польскихъ *ra*dło, *ra*taj съ одной стороны и древ.-русск.

*ро*лья съ другой, объ нарѣчіи *развѣ*, которое, впрочемъ, можетъ быть, вовсе не родственно съ префиксомъ *раз* и совершенно отлично отъ него по образованію.

Мы уже указали на нѣсколько исключеній изъ тѣхъ правилъ соотвѣтствія русскихъ полногласныхъ формъ формамъ церк.-славянскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій, которыя были разсмотрѣны нами выше. Сверхъ этихъ исключеній, можно считать исключеніями еще нѣсколько словъ, но они, кажется, скорѣе мнимыя исключенія, чѣмъ дѣйствительныя. Къ нимъ принадлежатъ русск. м*оло*ко при церковно-славянск. *млѣ*ко, сербск. *млиј*еко съ одной стороны, польскомъ m*ło*kos молокососъ съ другой; русск. д*ол*ото при сербск. *длиј*ето съ одной стороны, чешск. d*lá*to, польск. d*ł*ó*t*o съ другой; въ древнихъ церк.-славянскихъ памятникахъ это слово не встрѣчается, но въ спискахъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ оно пишется *длато*; русск. п*оло*велъ при церковно-славянск. *плѣ*велъ съ одной стороны, польск. p*ło*wa съ другой; русск. *ро*бенокъ (уменьшительное отъ *робъ*, церк.-слав. *ра*бъ) и *ре*бенокъ. Относительно всѣхъ этихъ словъ необходимо предположить, что уже въ обще-славянскомъ языкѣ они имѣли двойныя формы, въ однихъ случаяхъ съ группою *ел*, *ер*, въ другихъ—съ группою *ол*, *ор*: *мел*ко и *мол*ко, *дел*то и *дол*то, *ер*бенъкъ и *ор*бенъкъ.

Первое полногласіе въ главной части своихъ явленій (б*оро*да, б*ере*гъ) свойственно исключительно русскому языку и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ его особенностей. То немногое, что нѣсколько напоминаетъ его въ другихъ славянскихъ языкахъ (напримѣръ, словацкое č*ere*py, č*ere*va, č*ere*sňa; Bartoš, Dialektologie Moravská, I, 41) представляетъ съ нимъ лишь случайное сходство и не находится съ нимъ ни въ какой связи.

Второе полногласіе. Это полногласіе, имѣющее мѣсто не только въ русскомъ языкѣ, но и въ языкахъ польскомъ и верхне-лужицкомъ, состоитъ въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ церк.-славянскомъ языкѣ были въ древнѣйшую эпоху группы *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл*, а въ болѣе позднюю, въ эпоху написанія дошедшихъ до насъ церк.-славянскихъ памятниковъ,—гласные плавные, или *рь*, *лъ* съ предыдущимъ и послѣдующимъ согласнымъ звукомъ (т. е., сперва согласный + *ър*, *ъл*, *ьр*, *ъл* + согласный, потомъ согласный + *ръ*, *лъ* + согласный), въ русскомъ языкѣ *иногда* могутъ являться группы *ъръ*, *ьръ*, *ълъ*, *ьлъ* и въ рѣдкихъ случаяхъ—*ьръ*, образовавшіяся вслѣдствіе возникновенія паразитнаго

глухаго звука между плавнымъ и слѣдующимъ за нимъ согласнымъ. Слова со 2-мъ полногласіемъ мы видимъ уже въ самыхъ древнихъ русскихъ памятникахъ, и въ сѣверно-, и въ южно-русскихъ; такъ, въ Остромировомъ Ев. мы читаемъ: *мългнии*, *скърьбь*, *мълъвѧще*, *тълъцѣте*, *напълънюна*, *съмърьть*, *върьгѫ*, *зърьно*, *испърьва* и т. п., *мърътвъ*, *дързати*, *пърьстъ*; Минея 1095 года имѣетъ: *стълъпъ*, *кърьмити*, *испълъняя*, *гърдыню*, *пърьвыя*, *дързость*, *въвърьженъ*, *чъртогъ*, *върьста* и т. п., *жъртву*, *чъртания*, *пърьстъмъ*, *мъртвыхъ*. Надо замѣтить, что эти два памятника, какъ и многіе другіе, имѣющіе слова со вторымъ полногласіемъ, не знаютъ употребленія *ъ* и *ь* тамъ, гдѣ эти буквы не находятъ себѣ объясненія изъ древне-русской фонетики, вслѣдствіе чего присутствіе въ этихъ словахъ *ъ* и *ь* послѣ *р* и *л* не можетъ быть объясняемо какъ особенность правописанія, а не какъ особенность языка. Въ памятникахъ XII, XIII, XIV в. какъ сѣверно-, такъ и южно-русскихъ подобныя написанія встрѣчаются въ однихъ, старшихъ, очень часто, въ другихъ, младшихъ,—что вполнѣ естественно—рѣже или даже совсѣмъ рѣдко, причемъ въ послѣднихъ—что также вполнѣ естественно — слова съ *ъръ*, *ълъ*, *ъръ* встрѣчаются несравненно рѣже, чѣмъ слова съ *ърь*, *ерь*, гдѣ второй *ь*, конечно, означаетъ уже не особый гласный звукъ, а только мягкость *р* (Евангеліе 1355 г.: от*вер*ьзу, *церь*ковь; Евангеліе 1357 г.: *церь*ковь, по*черь*пала, *перь*стень и др.). Между прочимъ, слова со вторымъ полногласіемъ встрѣчаются также въ тѣхъ рукописяхъ XII и XIII в., въ которыхъ текстъ богослужебныхъ пѣснопѣній снабженъ нотами для пѣнія, такъ что для каждой гласной буквы имѣется (надъ нею) особый нотный знакъ. Такъ, мы читаемъ: въ Стихирарѣ 1157 года: *объльценъ* 7, *испълъняя* 181, *пърьсть* 184; въ другомъ Стихирарѣ XII в. (Синод. Библ. № 279): *мълъчаньну* 38 об., *обълъклъ* 42, *пърьвая* 120, *пърьстъмь* 31 об.; въ Тріоди XII в. (Синод. Библ. № 319): *мълъния* 8 об., *вълъною* 10 об., по *дълъгу* 32, *пърьвуюму* 7, *чърьньци* 26, *жълъчи* 66 и др. Здѣсь какъ надъ первымъ *ъ*, *ь*, такъ и надъ вторымъ неизмѣнно находятся нотные знаки — доказательство, что эти буквы произносились при пѣніи. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIV вѣка и болѣе позднихъ мы встрѣчаемъ на мѣстѣ древнѣйшихъ *ъръ*, *ълъ*, *ьрь*—группы *оро*, *оло*, *ере*. Мы читаемъ въ Поликарповомъ Ев. 1307 г. (галицко-волынскомъ): у*мере*твия 37; въ псковскомъ Ирмолоѣ 1344 г.: в *чере*мнѣмь мори 14 об.; въ Евангеліи 1357 г.: *мо*л*о*нья 124, *мо*л*о*нии 154 об., 164; въ новго-

родской Минеѣ 1370 г.: *доло*жьнующе; въ кіевской Псалтыри 1397 г.: м*оло*нья 20 об., 105; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописей: м*оло*нья 144, 145; въ Новгородской лѣтописи по Синод. сп.: съ Т*оро*жку 168, къ Т*оро*жку 167, новот*оро*жьскыи 160, Т*ъро*жку 161, 175, Пов*оло*жью 168, к над*оло*бомъ 243, ц*ере*ньцемъ 35, въ ч*ере*ньцихъ 216, ц*ьре*нци 235; въ Тріоди Публ. Библ. XIV в., новгородскаго происхожденія (f. I. 30): т*оро*жествуемъ; въ новгородскомъ Прологѣ 1400 г. (Синод. Библ.): ц*ере*нцю 9.

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи слова со 2-мъ полногласіемъ неособенная рѣдкость; въ нихъ на мѣстѣ древнихъ *ъ*, *ь* слышится *о*, *е:* великорусское м*оло*нья (Остромирово Ев.: м*ъ*л*ъ*нии), пос*оло*нь (Остромирово Ев.: с*ъ*л*ъ*ньце), с*оло*новоротъ, ст*олб*ъ, к*оло*бокъ (нѣчто въ родѣ лепешки), б*ере*вно и б*ре*вно (Остром. Ев.: б*ъ*р*ъ*вьно), в*ерё*вка, см*ерё*тушка, ч*ерё*мный рыжій. Рядомъ съ этими словами, въ которыхъ слышится гласный послѣ плавнаго, въ великорусскомъ нарѣчіи есть цѣлый рядъ словъ, гдѣ гласнаго послѣ плавнаго уже не слышно, но гдѣ остался отъ него слѣдъ въ видѣ мягкости плавнаго: в*ерь*хъ, ц*ерь*ковь, п*ерь*вый, с*ерь*пъ, ст*ерь*ва и т. п. Остатки и слѣды 2-го полногласія существуютъ также въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ великорусскомъ. Гуцулы говорятъ д*оло*бати, г*оро*бокъ; первое слово родственно съ нашимъ д*ол*бить, второе съ г*ор*бъ; въ Галиціи слышится в*ерь*хъ, ц*ерь*ковъ; въ бѣлорусскомъ нарѣчіи мы слышимъ м*ала*ння, м*ала*нка, см*яро*тный=см*ерё*тный смертный. Малорусское нарѣчіе, кромѣ того, имѣетъ слово г*ле*къ горшокъ=церк.-слав. г*ъ*къ, старое сѣверно-русск. г*ол*къ; современная форма этого слова образовалась изъ болѣе древней г*ъль*къ, съ особымъ видомъ 2-го полногласія (*ъль* вмѣсто *ъл* или *ълъ*), существованіе которой засвидѣтельствовано древними галицко-волынскими памятниками—Добриловымъ Ев 1164 г., Галицкимъ Ев. ок. 1266 г., Луцкимъ Ев. XIV в. и однимъ не галицко-волынскимъ —Евангеліемъ XII—XIII в. (Румянц. Муз. № 104).

Съ явленіями русскаго 2-го полногласія близко родственны: употребленіе мягкаго *р* (rz) въ польскомъ: w*ierz*ch (=в*ерь*хъ), w*ierz*ba (=в*ерь*ба), w*ierz*gać (сравни в*ърь*гѫ Остром. Ев.); употребленіе группы *ere*, *ire* въ древне-польск. c*ere*kew и c*ire*kew (Флоріанская Псалтырь XIV в.), гдѣ *е* послѣ *r* изъ *ъ* (сравни др.-русск. ц*ърък*ы), и наконецъ употребленіе мягкаго *р* (ŕ) въ верхне-лужицкомъ: vjeŕch, vjeŕba.

Глухіе ъ и ь передъ плавными. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковно-славянскій языкъ древнѣйшей эпохи имѣлъ группы *ър, ъл*, болѣе поздней—гласные *р* и *л* (т. е. *ръ, лъ* церк.-славянскихъ памятниковъ) съ послѣдующимъ согласнымъ, въ сербскомъ языкѣ мы находимъ плавный гласный *р* и *у* (которое образовалось изъ гласнаго *л*), въ чешскомъ—плавные гласные *r, l*, въ польскомъ—*ar, eł, ol*; но русскій языкъ (если въ немъ не развилось 2-е полногласіе) сохранилъ здѣсь *ър, ъл*, которыя перешли потомъ въ *ор, ол*. Примѣры: церк.-слав. т*ър*гъ, в*ъл*на, п*ъл*нъ=сербск. т*р*г, в*у*на, п*у*н=чешск. t*r*h, v*l*na, p*l*ný=польск. t*ar*g, w*eł*na, p*eł*ny=русск. т*ър*гъ, в*ъл*на, п*ъл*нъ, откуда т*ор*гъ, в*ол*на, п*ол*нъ. Кромѣ того, церковно-славянскимъ группамъ *ър, ъл* иногда соотвѣтствуютъ въ чешскомъ (второй группѣ)—группа *lu* и даже *lo*, въ польскомъ—*ru, łu, il*: чешск. p*lu*k, m*lu*viti, k*lo*basa, польск. m*ru*gać, d*łu*gi, t*łu*sty, w*il*k, m*il*czeć; сравни русск. м*ор*гать, к*ол*баса, м*ол*вить, в*ол*къ. Церковно-славянская группа *ьр*, откуда въ церковно-славянскихъ памятникахъ *рь*, имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ сербскомъ языкѣ въ плавномъ гласномъ *р*, въ чешскомъ—въ гласномъ *r* и (рѣдко) въ группахъ *ru, ri*, въ польскомъ—въ группахъ *ier, iar, ar, ir*; но русскій языкъ имѣетъ здѣсь постоянно *ьр*, откуда *ер*. Примѣры: церк.-слав. в*ьр*хъ; сербск. в*р*х; чешск. v*r*ch, z*r*no, tep*ru*v, tep*ří*v; польское s*ier*p, z*iar*no, m*ar*twy, w*ir*ch; русское в*ьр*хъ, з*ьр*но, м*ьр*твыи, откуда в*ер*хъ, з*ер*но, м*ёр*твый.

Большая часть указанныхъ здѣсь отличій русскаго языка отъ другихъ славянскихъ языковъ развились уже въ историческое время, но нѣкоторыя (русск. *ъл* при чешск. *lu*, польск. *łu, il*; русск. *ър* при польск. *ar, ir*), вѣроятно, принадлежатъ къ числу очень древнихъ.

Русское начальное *о*=**церк.-слав.** ѥ. Таковы главныя и древнія особенности русскаго языка. Одни изъ нихъ свойственны исключительно русскому языку, другія какъ русскому, такъ и нѣкоторымъ другимъ славянскимъ языкамъ. Число особенностей русскаго языка, отличающихъ его отъ другихъ славянскихъ языковъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ, въ историческую эпоху, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, все увеличивалось и теперь уже гораздо болѣе значительно, чѣмъ прежде. Слѣдующая особенность русскаго языка—мнимая особенность, о которой приходится намъ упомянуть только потому, что нѣкоторые ученые придаютъ ей большое значеніе и ставятъ ее ря-

домъ съ такими особенностями, какъ *ж* изъ *д* и полногласіе. Дѣло касается начальнаго *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ церк.-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ стоитъ *е*, въ такихъ словахъ, какъ *о*динъ, церк.-слав. ѥдинъ, сербск. јeдан, польск. jeden; *о*зеро, церк.-слав. ѥзеро, польск. jezioro; *о*лень, церк.-слав. ѥлень, сербск. јелен; *о*сень, церк.-слав. ѥсень, сербск. јесен; древне-русск. *о*дъва (при которомъ *е*два), церк.-слав. ѥдъва; древне-русск. *о*жь, *о*жикъ (у Скорины), малорусск. *о*жина, при русск. *ё*жъ, великорусск. *е*жевика, ново-болг. јеж, словинск. и польск. jež; древне-русск. *о*ще (современн. *о*що, *е*що), церк.-слав. ѥ*ште*, польск. jeszcze, и т. д. Надо замѣтить, что *о* въ такихъ словахъ не принадлежитъ исключительно русскому языку; если мы пороемся въ современныхъ славянскихъ говорахъ, то найдемъ въ нихъ почти всѣ эти слова не только съ *е*, но и съ *о*: такъ, въ ново-болгарскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ *о*дин, *о*ште; одно озеро въ нынѣшней Греціи, гдѣ нѣкогда жили славяне, называется μικρὰ "Οζερος; въ чешскомъ есть слово *o*seň, въ словинскомъ—*o*dvaj; самый церк.-славянскій языкъ имѣетъ слово *ал*нии олень, гдѣ *ал* образовалось, вѣроятно, изъ *ол*, *ѧл*. Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то найдемъ соотвѣтствія: для нашего *о*лень—въ лотышскомъ *a*lnis (церк.-славянскому ѥлень соотвѣтствуетъ литовское *e*lnis); для нашего *о*зеро — въ прусскомъ *a*zaran (церк.-славянскому ѥзеро соотвѣтствуетъ литовск. *e*žeras); для нашего *о*сень — въ готскомъ *a*sans и въ прусскомъ *a*sanis. Такимъ образомъ мы увидимъ, что мнимая особенность русскаго языка восходитъ къ глубокой, до-славянской древности.

Въ связи съ нею нѣкоторые ученые указываютъ, какъ на особенность русскаго языка древнѣйшей эпохи,—на переходъ начальнаго неіотированнаго *е* въ *о* въ цѣломъ рядѣ словъ взятыхъ нами изъ греческаго языка: въ личныхъ именахъ: *О*вдотья (=Евдокія), *О*всей (Евсевій), *О*стапъ (Евстафій), *О*встратъ (Евстратій), *О*лпатъ (Евпатій), *О*лфёръ (Елевѳерій), *О*лена (Елена); въ названіи города *О*лешье (Лаврент. сп.,=Ἑλισσός, соврем. Алешки); въ нарицательныхъ: *о*хидна (ἔχιδνα), *о*питемья (ἐπιτιμία), *о*ксамитъ (ἐξαμῖτος) и друг. Они начинаютъ попадаться въ русскихъ памятникахъ уже въ XI вѣкѣ: Пандекты Антіоха XI вѣка: *о*клисиастъ 79 об; Уставъ церковный XI—XII в. (Типогр. Б. № 285): *о*ктения 2; Юрьевское Ев. около 1120 г.: племена *о*хиднова 57 об.; Добрилово Ев. 1164 года: *О*вьгенья 250 об.;

Праздники XII в. (Типогр. Библ. № 330): *О*встафие 19 об; Житіе Нифонта 1222 г.: *О*левъферия 103 об.; Кормчая ок. 1282 г.: *о*питемья, *о*ктения, *О*вдокимъ и друг. Но 1) здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особенностью не только русскаго, но и средне-болгарскаго языка: употребленіе *о* на мѣстѣ классич. греческаго ε мы встрѣчаемъ въ памятникахъ средне-болгарскихъ, которые не могутъ считаться списанными съ русскихъ оригиналовъ, напр., въ Болонской Псалтыри конца XII или начала XIII в.: *о*ѳиопъскъ, въ Охридскомъ Апостолѣ XII в.: *О*риминии (Ерміонія), въ Берлинскомъ сборникѣ XIII в. (Starine, V, 53): *о*питемиѫ; сравни ново-болгарск. *о*хтик = ἑκτικὴ; 2) *о* на мѣстѣ греческ. ε, кажется, должно считать возникшимъ не на славянской, а на греческой почвѣ; по крайней мѣрѣ въ ново-греческомъ языкѣ мы находимъ немало словъ съ начальнымъ *о* вмѣстѣ ε: *o*vrjós (ἑβραῖος), *o*mnostjá (εὐνοστία), *ó*morfos (εὔμορφος), *ó*fkeros (εὔκαιρος), *o*lévtheros (ἐλευθερός), *o*rminévgo (ἑρμηνεύω), *ó*timos (ἕτοιμος) и т. п. Подобныя слова мы видимъ и въ средне-греческихъ памятникахъ, напримѣръ, въ Кипрской средневѣковой хроникѣ: ὀρπίδαν (ἐλπίδα); Ὄχτορ (Ἕκτωρ), ὀχτρούς (ἐχθρούς) и т. п. Достойно замѣчанія, что какъ въ русскомъ, такъ и въ ново-греческомъ *о* вмѣсто ε всего чаще является передъ *в* и что русское и болгарское *о* иногда вполнѣ совпадаетъ съ греческимъ *o*: *О*лфёръ (Елевѳерій)—*o*lévtheros, *О*риминии (Ерміонія) — *o*rminévgo. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права смотрѣть на *о*=греческ. ε какъ на отличительную черту русскаго языка.

Литература.

Лавровскій. О русскомъ полногласіи. Извѣстія Академіи Наукъ, VII, и отд., Спб. 1859.

Потебня. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ, 1866 (о полногласіи).

Потебня. Къ исторіи звуковъ русскаго языка, т. I (о 1-мъ и 2-мъ полногласіи и о начальномъ русскомъ *о* = ц.-слав. ю), т. II (о смягченіи зубныхъ и губныхъ). Воронежъ 1876 г., Варшава, 1880 г.

Joh. Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, т. II, Weimar, 1875 (о 1-мъ и 2-мъ полногласіи).

Jagić. Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus. Archiv für slavische Philologie, I (противъ Іоганна Шмидта).

К о ч у б и н с к і й. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Двѣ книги. Одесса, 1877—78 (о полногласіи и о группахъ глухой+плавный+согласный).

J a g i ć. Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen *е*, *ѣ*, ѧ. Archiv für slavische Philologie, V (о начальномъ *о*=ц.-слав. ѥ).

С о б о л е в с к і й. Русское начальное *о*=ц.-слав. ѥ. Русскій Филологич. Вѣстникъ 1882 г. № 4, 1885 г. № 1.

T h o m s e n. Der Ursprung des russischen Staates. Drei Vorlesungen. Deutsche Ausgabe. Gotha, 1879 (о скандинавскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ).

Д ю в е р н у а. О происхожденіи варягъ-руси. Чтенія 1862 г., кн. 2 (о томъ же).

T a m m. Slaviska låнord från nordiska språk. Upsala, 1882 (о томъ же).

С о б о л е в с к і й. Этимологическія замѣтки. Журн. Мин. Нар. Пр. 1886 г. № 9 (объ *якорь*, *варягъ*, *кълбягъ*).

M i k l o s i c h. Ueber die altrussichen Kolbjager. Archiv für slavische Philologie, X.

IV. Главныя звуковыя особенности древне-русскихъ говоровъ.

Русскій языкъ въ древнѣйшій періодъ своей исторіи не представлялъ полнаго звуковаго однообразія и въ однихъ мѣстахъ имѣлъ однѣ особенности, въ другихъ—другія; иначе говоря, онъ раздѣлялся на нѣсколько говоровъ. Замѣчательно, что дѣленіе древне-русскаго языка на говоры, сколько мы можемъ судить о послѣднихъ по дошедшимъ до насъ памятникамъ, до нѣкоторой степени совпадаетъ съ тѣмъ дѣленіемъ русскаго народа на племена, которое сохранила намъ Несторова лѣтопись.

Отдѣльную группу говоровъ составляли говоры кривичей или словѣнъ; это—говоры новгородскій, псковскій и полоцко-смоленскій (вѣроятно, полоцко-смоленско-витебскій); послѣднимъ говорили тѣ кривичи, которые жили по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины и Волги. Общая особенность кривичскихъ говоровъ состояла въ томъ, что въ нихъ могли мѣняться, т. е. замѣнять другъ друга, звуки *ц* и *ч*. Ее мы находимъ въ древнѣйшихъ новгородскихъ памятникахъ и, напримѣръ, читаемъ въ Минеѣ 1095 года: *ц*рево (чрево), влады*ц*и*ч*е, вься*ць*ская, *ч*вѣтъ, конь*ч*ь, пали*ч*ею и т. п. Она—обычное явленіе въ псковскихъ памятникахъ, въ родѣ Апостола 1307 г., гдѣ мы видимъ: съкон*ц*ашася, на*ц*алника, темни*ць*нымъ, стар*ч*и, рь*ч*и, не*ч*ии. Она замѣчается въ смоленской грамотѣ около 1230 г.: нѣмьчи*ць* вмѣсто нѣмьчи*чь*, Романови*ць*, сули*ч*а вмѣсто сули*ц*а. Въ полоцкой грамотѣ начала XV в. есть написанія въ родѣ неме*ч*ькии вмѣсто нѣме*ц*ькии, по розни*ч*и вмѣсто по розни*ц*и.

При этой общей особенности, отсутствовавшей въ другихъ говорахъ, говоры кривичей имѣли нѣкоторыя отличія другъ отъ друга; такъ, новгородскій и псковскій говоры, на мѣстѣ церковно-славянскаго

жд и современнаго литературнаго русскаго *жж*, имѣли *жг*: новгородская Минея 1095 года: дъ*жг*ь 84, одъ*жг*и 115; Минея 1096 года: дъ*жг*ь 215, одъ*жг*аеть 84, пригва*жг*аюма 92; Стихирарь 1157 года: одъ*жг*ивыи 80 об.; Тріодь 1311 г.: пригво*жг*ьнаго 23; Евангеліе до 1362 г.: до*жг*ь 30, до*жг*ить 26 об., ро*жг*ью (=церк.-слав. ро*жд*ию) 21 об.; Новгородская лѣтопись: дъ*жг*ь 45, 46, 49 и др., дъ*жг*емь 63, придъ*жг*ево 125; псковскій Апостолъ 1307 г.: до*жг*ь, надъ*жг*ити, пригво*жг*ьше, ро*жг*ья; псковскій Параклитикъ 1369 г.: до*жг*я, пригва*жг*яя. Сравни въ современномъ пермскомъ говорѣ во*жг*аться=возжаться. Въ полоцко-смоленскомъ говорѣ этой особенности, кажется, не было. Затѣмъ, въ новгородскомъ говорѣ мы находимъ болѣе или менѣе часто замѣну *ѣ* через *и*, по преимуществу въ концѣ словъ и въ слогахъ передъ послѣдующими мягкими согласными. Минея 1096 года: лицем*и*рьствовавъ 68, търьп*и*ние 78, претьрьп*и*лъ юси 125, нев*и*дѣния 165; Евангеліе 1355 г.: кол*и*нома 60, запр*и*чая 62, кол*и*блемы 64, челов*и*чьскыи 64 об., 123, челов*и*чь 81, 127 об., челов*и*комъ 105, 120, имамъ ти н*и*что рещи 65, на мѣстѣ н*и*кою ємь 70, им*и*ния 71, жел*и*зными 72, пропов*и*дь, вн*и*шнею 73, оскуд*и*ємо 85, лицем*и*ри 121 об., уб*и*жите 122 об., т*и*ло мою 126 об., см*и*шенъ 141, см*и*шение 143 об., прегр*и*шении 152 об., при вечер*и* 3, при пояс*и* 51 об., к жен*и* 59 об., по ланит*и* 103 об., в закон*и* 122, узр*и* (=узрѣ) 59 об., исцѣл*и* (=исцѣлѣ) 74 об., вид*и* (=видѣ) 93 об., 126, и друг.; Новгородская лѣтопись: обон*и*жаномъ 320. Эта особенность была, кажется, и въ псковскомъ говорѣ; по крайней мѣрѣ въ Прологѣ 1383 г. мы читаемъ: свир*и*лникъ, свир*и*ли, им*и*нию. Сравни въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, въ однихъ чаще, въ другихъ рѣже: стр*и*ча, св*и*ча, д*и*лять, медв*и*дь, полет*и*ли, на стол*и* и т. п. Этой особенность не было въ полоцко-смоленскомъ говорѣ. Далѣе, старый новгородскій говоръ иногда опускалъ *в* передъ мягкимъ *л*. Мы читаемъ въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1270 г.: приста*л*ивати (=приставливати), въ договорѣ 1314 г.: Жидьсла*л*ичь (=Жидьславличь), въ Новгородской лѣтописи: на Яросла*л*и дворѣ, ис Переясла*л*я, въ Переясла*л*ь, Мьстисла*л*ицъ, на Я*к*о*л*и улици. Та же особенность, въ современныхъ русскихъ говорахъ не существующая, была свойственна псковскому говору: запись Параклитика 1369 г.: испра*л*иваюця (=исправливаюче), зап. Трефолоя 1446 г.: испра*л*ивая, но повидимому неизвѣстна полоцко-смоленскому.

Псковскій говоръ отъ новгородскаго и смоленско-полоцкаго, а также и ото всѣхъ другихъ русскихъ говоровъ, отличался тѣмъ, что мѣнялъ взаимно *ж* и *з*, *ш* и *с*: Апостолъ 1307 г.: *з*дати (=ждати), когоздо, *з*ѣланию; смѣ*ш*илъ (=смѣсилъ), иску*ш*ьна; Параклитикъ 1369 г.: прилѣзно, *з*еланию, о*з*иве; сте*ж*ю (=стезю), про*ж*ябе, кладя*жи*; украсению, съгре*с*ихъ, *с*ествия (=шествия); доне*ш*и (=донеси), в*ш*ю силу, но*ш*иси (=носиши), и т. п.; Параклитикъ 1386 г.: но*ж*е (=нозѣ), поражи (=порази); ко*з*я (=кожа), по*з*ру (=пожру); ве*ш*ь (=весь), до *ш*его дне (=до сего дне); въпро*с*яти (=въпрошати), ва*с*и (=ваши), несо*с*я (=несоша) и т. п.

Изъ кривичскихъ говоровъ сохранился только говоръ новгородскій, который слышится въ настоящее время не только въ Новгородѣ и прежней новгородской области, но и въ новгородскихъ колоніяхъ, т. е. почти во всей сѣверной полосѣ Россіи; сверхъ того, онъ вытѣснилъ собою и псковскій говоръ, который исчезъ уже безслѣдно. Впрочемъ есть свѣдѣніе (Извѣстія Академіи Наукъ, IV, 112), что въ сѣверной части Бѣлоруссіи, въ Псковской, въ нѣкоторыхъ частяхъ С.-Петербургской и Смоленской губерній и теперь *ш* и *ж* произносятся иногда какъ *с* и *з*. Полоцко-смоленскій говоръ сохранился до нашего времени въ скудныхъ остаткахъ въ Себежскомъ уѣздѣ Витебской губ., Порѣцкомъ Смоленской губ. и Ржевскомъ Тверской губ.; въ другихъ мѣстахъ онъ вытѣсненъ сосѣдними бѣлорусскими говорами. Его древняя особенность—взаимная мѣна *ц* и *ч*—сохраняется и до нынѣ.

Старый западно-русскій, или бѣлорусскій говоръ—говоръ древнихъ дрягвичей, родоначальникъ современнаго бѣлорусскаго нарѣчія. Онъ не имѣлъ рѣзкихъ особенностей и нѣкогда былъ чрезвычайно близокъ къ средне-русскому, или великорусскому говору. Одною изъ старыхъ его особенностей, впрочемъ очень мелкою, должно считать употребленіе *жч* тамъ, гдѣ въ церк.-славянскомъ языкѣ мы видимъ *жд*, а въ литературномъ русскомъ слышится *жж*. Въ грамотахъ литовскихъ князей мы находимъ: наѣ*жч*ати, пріѣ*жч*алъ; въ Литовскомъ Статутѣ 1588 года: прие*жъч*ые, прие*жч*аючи, нае*жч*алъ и т. п. Въ Псалтыри 1296 года, памятникѣ, вѣроятно, также западнорусскомъ, есть слово дъ*жч*ѣвнымъ 288. Библія Скорины однажды представляетъ, на мѣстѣ *жч*, — букву *щ*: зави*щ*ить песъ, Исходъ, 23. Сравни современн. бѣлорусск. до*жч*икъ, до*щ*икъ.

Что касается до средне-русскаго говора—говора древнихъ вятичей и радимичей и ихъ колонистовъ на обѣихъ береговъ верхней Волги, отъ котораго ведетъ начало та часть великорусскаго нарѣчія, которая не знаетъ мѣны *ц* и *ч*,—то онъ, какъ можно заключать на основанiи ростовскихъ памятниковъ первой четверти XIII в., рязанской Кормчей 1284 г., галицкаго (Костромск. губ.) Ев. 1357 г., переяславскаго списка Поученій Ефрема Сирина 1377 г., Лаврентьевскаго списка лѣтописей и друг., не имѣлъ въ древности никакихъ рѣзкихъ особенностей и отличался отъ другихъ говоровъ только тѣмъ, что въ немъ отсутствовали тѣ особенности, которыя отличали эти говоры. Въ настоящее время потомки древняго говора вятичей дѣлятся на почти тожественные говоры óкающіе (сохраняющіе неударяемое *о*): владимирскій, ярославско-костромской, и на говоры áкающіе: тверской, московско-рязанскій, калужско-тульско-орловскій и др.

Галицко-волынскій говоръ—говоръ дулѣбовъ-волынянъ, предокъ современнаго малорусскаго нарѣчія—въ древнѣйшую эпоху отличался также немногими особенностями: въ немъ мы находимъ то же *жч* на мѣстѣ великорусскаго *жж*, что и въ западно-русскомъ. Въ Галицкомъ Ев. 1144 г. мы читаемъ: дъ*жч*ь 15, и*жч*енуться (=ижженуться) 16, въ*жч*елѣшя (церк.-слав. въждѣлѣшѧ) 28 об., ро*жч*ье 215 и друг.; въ Галицкомъ Ев. около 1266 г.: до*жч*ь, бездо*жьч*ье, и*жч*ену, въ*жьч*елаюте и друг.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: ро*жч*ье и друг. Сравни современное малорусск. до*щ*ь, род. до*щ*я, рі*щ*я (=церк.-слав. рождиѥ), виі*щ*яти и т. п. Сверхъ того, этотъ говоръ очень любилъ ассимиляцію *ъ* съ послѣдующимъ *и*: Добрилово Евангеліе 1164 г.: въпросяти и (=въпросять и), осудят*и* и, имут*и* и, съкрушит*и* и, моляхут*и* и, и т. п., которая существовала и въ другихъ говорахъ, особенно въ кіевскомъ (смотри Святославовъ Сборникъ 1073 г.) и отчасти въ смоленско-полоцкомъ (смоленская грамота ок. 1230 г.: въсхочет*и* и казнити).

О древнемъ кіевскомъ говорѣ, говорѣ полянъ, мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія. Самые авторитетные памятники этого говора—Мстиславова грамота 1130 г., два Сборника Святославовыхъ 1073 г. и 1076 г. и Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в. Можно думать, что этотъ говоръ имѣлъ изрѣдка замѣну *ѣ* чрезъ *и*; по крайней мѣрѣ въ Сборникѣ 1073 г. мы читаемъ: н*и*ции вмѣсто н*ѣ*ции, въ вѣр*и* вм. въ вѣр*ѣ*, исц*и*ли вм. исц*ѣ*ли; но всѣ эти примѣры свободно можно считать описками, происшедшими отъ небрежности переписчика.

Объ особенностяхъ древняго переяславско-черниговскаго говора, говора сѣверянъ, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

Съ теченіемъ времени, при постепенныхъ измѣненіяхъ въ звукахъ, говоры русскаго языка пріобрѣли новыя особенности, которыя уже несравненно болѣе прежняго обособили ихъ другъ отъ друга.

Сверхъ указанныхъ болѣе или менѣе значительныхъ особенностей древне-русскихъ говоровъ, слѣдуетъ отмѣтить еще одну мелкую, при помощи которой можно опредѣлять до извѣстной степени мѣсто написанія рукописей. Это гласный суффикса нарѣчій *къде*, *въсьде*, *сьде*. Рукописи южно-русскія, кіевскія и галицко-волынскія, имѣютъ въ концѣ этихъ нарѣчій *е*, какъ и церковно-славянскіе памятники; рукописи же сѣверно-русскія: новгородскія, западно-русскія, средне-русскія, имѣютъ здѣсь *ѣ*: кьдѣ, вьсьдѣ, сьдѣ, древнѣйшія рѣже, болѣе позднія—XIV в.—чаще. Сравни сербск. нарѣчія *гди*, *ђје*, *гдије* изъ кьдѣ и т. п.

Литература.

Лавровскій. О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. Спб. 1852.

Житецкій. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1875. Разборъ этого труда сдѣланъ Потебнею въ „Отчетѣ о 20-мъ присужденіи уваровскихъ наградъ".

Ogonowski. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg, 1880.

Соболевскій. Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ, 1881 (характеристика галицко-волынскаго нарѣчія въ XII—XV вв. и псковскаго говора въ XIV в.). Дополненіе: Русскій Филологическій Вѣстникъ 1884 г. № 3.

Ягичъ. Четыре палеографическія статьи. Спб. 1884 г. (здѣсь нѣсколько словъ о древне-кіевскомъ говорѣ).

Соболевскій. Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1885 г. № 2.

Пыпинъ. Споръ между южанами и сѣверянами. Вѣстникъ Европы 1886 г. № 4.

Соболевскій. Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII—XV вв. Русскій Филологич. Вѣстн. 1886 г. № 1.

Недешевъ. Историческій обзоръ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. Русскій Филол.

Вѣстн. 1884 г. № 3, и отдѣльно, Варшава, 1884. Разборъ этого труда въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885 г. № 6.

Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. М. 1886. Разборъ въ томъ же журналѣ 1887 г. № 5.

Соболевскій. Одна особенность стараго новгородскаго говора. Русск. Филологич. Вѣстн. 1886 г. № 4.

Шахматовъ. Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в. Спб. 1886. Разборъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1887 г. № 11.

V. Звуки древне-русскаго языка.

Попробуемъ опредѣлить, каковы были звуки русскаго языка въ началѣ его историческаго существованія, и укажемъ, какими буквами они означались въ нашемъ старомъ алфавитѣ.

Гласные. Звукъ *а* былъ звукомъ чистымъ и довольно рѣзкимъ, открытымъ. Онъ означался послѣ твердыхъ согласныхъ черезъ *а*, послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* — отчасти черезъ ꙗ, отчасти черезъ ѧ. Въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ эти буквы употребляются безразлично, но въ большинствѣ — ꙗ употребляется послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ, для означенія *ја*, а ѧ только послѣ согласныхъ.

Звукъ *о* былъ звукомъ открытымъ, т. е. довольно близкимъ къ звуку *а*; вслѣдствіе этого въ иностранныхъ словахъ, перешедшихъ въ русскій языкъ, на мѣстѣ иностраннаго *а* иногда является *о*: *О*нания 3, *о*кровустия = ἀκροβυστία 19, Апостолъ 1220 г., и др., а на мѣстѣ иностраннаго закрытаго *о* (особенно долгаго) встрѣчается *у*: ті*у*нъ=старо-сканд. thiôn, Р*у*алдъ (договоры Олега и Игоря) = ст.-сканд. Hrôaldr, Т*у*ръбернъ (договоръ Игоря)=ст.-сканд. Thorbjörn; также сравни Р*у*сь и греч. Ῥῶς.—Онъ передавался на письмѣ буквою *о*, рѣдко буквою ѡ.

Звукъ *е*, обыкновенно изображавшійся буквою *е* послѣ согласныхъ и ѥ послѣ j, звучалъ приблизительно такъ, какъ онъ теперь звучитъ въ великорусскомъ нарѣчіи, т. е. довольно мягко, смягчая предъидущій согласный; вслѣдствіе этого въ рукописяхъ, какъ сѣверно-, такъ и южно-русскихъ, въ древнѣйшихъ чаще, въ болѣе позднихъ рѣдко, попадаются случаи употребленія, вмѣсто буквы *е*,—буквы ѥ: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: клѥвета 29 об., умножитѥ

35 об., о имене 247 об.; Минея 1095 г.: камени 24, веселися 70, словесе 89, вьсевиньное 111, вьседьрьжителеви 165; Минея 1096 г.: се 11, равьночьстние 84, богатие 140, будеть 159, спасения 210; Добрилово Ев. 1164 г.: облещь, възлеже, погыбнеть, станеть, знамение, будеть; Луцкое Ев. XIV в.: Филипе (зват. пад.), тебе, всею. Нѣкоторыя рукописи, напр. Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в., имѣють е вмѣсто *е* послѣ согласныхъ очень часто. Въ началѣ словъ *е* обыкновенно имѣло передъ собою j, но въ нѣкоторыхъ словахъ оно произносилось безъ j, т. е. такъ, какъ произносится *е* въ нашихъ это, эдакъ. Эти слова, какъ показываютъ рукописи, строго различающія *е* и е (Юрьевское Ев. около 1120 г., Галицкое Ев. 1144 г., Апостолъ 1220 г. и друг.),—слова *е*теръ, *е*да, *е*дъва, *е*ще, *е*зеро, *е*и (да).

Звукъ *ѣ* былъ очень близокъ къ звуку *е* по своимъ качествамъ, хотя, вѣроятно, былъ звукомъ болѣе закрытымъ, но отличался отъ него своей долготою; это, какъ кажется, былъ единственный долгій звукъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго періода. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ онъ изрѣдка смѣшивается съ *е*. Остромирово Ев.: н*е*сть л. 26; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: вер*у*ѫ, руц*е*, о господин*е*, съвѣд*е*тель; Минея 1095 г.: обр*е*тъ 50, прѣм*е*нно 132; Минея 1097 г.: на тѣл*е* 305, посред*е* 317, възлет*е*ла 335, въ утроб*е* 381. Въ нотныхъ кондакаряхъ, гдѣ буквы въ словахъ повторяются согласно тому, какъ они должны были повторяться или протягиваться въ пѣніи, мы находимъ такія написанія, какъ гр*ѣее*ховъ (Кондакарь XII в. Троицкой Лавры, л. 5). Кромѣ буквы *ѣ*, въ одномъ памятникѣ—Сборникѣ Святославовомъ 1073 г.—употребляется јотированный *ѣ* или ѩ $=$ *jѣ*, въ другихъ же для означенія *jѣ* пишется или простой *ѣ*, или е: Архангельское Ев.: ежд̑ь$=$ѣжь, ести$=$ѣсти.

Звукъ *у* звучалъ такъ же, какъ онъ звучитъ теперь. Онъ изображался послѣ твердыхъ согласныхъ всего чаще черезъ *оу*, ȣ, т. е. такъ же, какъ и въ греческомъ, и въ церковно-славянскомъ алфавитахъ, рѣдко (въ древнѣйшихъ памятникахъ) черезъ ѫ. Послѣ мягкихъ согласныхъ и j для означенія *у* употреблялись буквы *ю*, ѭ и ѵ (т. е. *ѵ*, ижица). Послѣднюю букву, какъ знакъ отличный по значенію отъ *у*, мы находимъ только въ древнѣйшихъ рукописяхъ: Минея 1096 г.: л*ѵ*бъвьныи 7; Архангельское Ев. 1092 г.: вьс*ѵ* Галилѣю 27; Добрилово Ев. 1164 г.: сътвор*ѵ*, узр*ѵ*, мор*ѵ*.

Звукъ *ъ* въ доисторическій періодъ русскаго языка произносился какъ краткое закрытое *о*, близкое къ *у*. У греческихъ писателей онъ передается иногда черезъ ου, и, напримѣръ, у Константина Багрянороднаго (во 2-й половинѣ X вѣка) мы находимъ названіе одного днѣпровскаго порога Νεσσουπή = наше не съпи. Иностранныя слова, перешедшія въ русскій языкъ приблизительно въ VIII—IX в., имѣютъ иногда ъ вм. *у*; сравни названія народа — русское гъте и латинское *gut*hones. Но по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ историческому времени, звукъ ъ въ однихъ случаяхъ все болѣе подходитъ къ звуку *о*, въ другихъ становится все короче и короче и приближается къ исчезновенію. Въ памятникахъ XI в. мы, кажется, иногда уже имѣемъ дѣло съ ъ, какъ съ буквою, не означающею никакого звука; такъ, напр., въ словѣ народъ (Остром. Ев.) ъ можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ графическимъ знакомъ безъ звуковаго значенія.

Звукъ *ь* въ доисторическую эпоху русскаго языка произносился какъ краткое закрытое *е*, близкое къ *и*, но рано сталъ въ однихъ случаяхъ приближаться къ звуку *е*, въ другихъ близиться къ исчезновенію. Звукъ ь у Константина Багрянороднаго или передается буквою ε: названіе днѣпровскаго порога Βερούτζη = βράσμα νεροῦ кипѣніе воды=наше вьручи=церковно-славянское вьрѫшти, имен. ед. причастія женск. р. отъ глагола *вьрѣти* кипѣть; или совсѣмъ опускается: Νεασήτ = неясыть, что указываетъ на краткость и слабость произношенія конечнаго *ь*. Въ памятникахъ русскаго языка, начиная съ половины XI в., буква ь повидимому иногда уже не обозначаетъ звука и есть только графическій знакъ, указывающій на мягкость предшествующаго согласнаго.

Звукъ *и* въ древности произносился такъ же, какъ и теперь. Въ доисторическую эпоху, находясь послѣ гласныхъ и j, особенно въ концѣ словъ, онъ иногда былъ довольно краткокъ и близокъ къ исчезновенію, которое послѣдовало, вѣроятно, одновременно съ исчезновеніемъ ъ и ь; такимъ образомъ, въ словѣ, напримѣръ, благы*и* Остромирово Ев., *и*, какъ гласный звукъ, можетъ быть, уже не существовало, а буква *и* означала j, который нѣкогда находился передъ *и*; иначе говоря, благы*и* звучало не благыj*и*, какъ въ до-историческое время, а благыj. Вопросъ о томъ, всегда ли въ періодъ написанія первыхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ *и* въ началѣ словъ имѣло передъ собою j, или не всегда, по отсутствію данныхъ, неразрѣшимъ.

Случаи замѣны *и* черезъ *ы* въ словахъ съ префиксами въ родѣ възы-грася (Архангельское Ев. 1092 г. 126 об.; тамъ же: вы истину 1 об., вы имя 7, 33, вы истиньнѣмь 66), на нашъ взглядъ, ничего не доказываютъ и *ы* въ нихъ можетъ вести свое происхожденіе изъ *ыи*;— *ы* послѣ предлоговъ, въ родѣ из *ы*стьлѣния въ Праздникахъ XII—XIII в. (Типогр. Б. № 331) л. 74 об.; в *ы*ную землю въ смоленскомъ договорѣ ок. 1230 г.; в *ы*номь манастыри въ Прологѣ 1356 г. 31, в *ы*нъ грѣхъ тамъ же 41, в *Ы*ндѣи 35; в *ы*справу въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1368—1371 г.; с *ы*ною въ договорѣ 1371 г.; с *ы*ви=съ ивы въ двинской грамотѣ XIV в.; из *ы*стьбы въ Новгородской лѣтописи 11, с *ы*нѣми 192; в *ы*ныхъ въ Измарагдѣ XIV в. (Румянц. Муз.), какъ будто указывающее на произношеніе начальнаго *и* безъ јотаціи,— относится ко времени не ранѣе второй половины XII в. и не даетъ никакого права дѣлать заключенія о болѣе древней эпохѣ. Звукъ *и* передавался на письмѣ буквами *и* и *і*, которыя употреблялись съ одинаковымъ значеніемъ.

Звукъ *ы* произносился такъ же, какъ онъ произносится теперь въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ и въ польскомъ языкѣ, и не смѣшивался съ звукомъ *и*, хотя и былъ близокъ къ нему. Въ нотныхъ кондакаряхъ, гдѣ буквы повторяются согласно съ ихъ повтореніемъ при пѣніи, весьма обычны написанія въ родѣ н*ыи*иня, ѥдином*ыии*сльно (Кондакарь XII в. Троицкой Лавры). Онъ означался буквами ъı и ы; изъ нихъ послѣдняя употребляется рѣдко, въ немногихъ древнѣйшихъ памятникахъ (Святославовъ Сборникъ 1073 г., Пандекты Антіоха XI в., Реймское Евангеліе XI в.).

Согласные. Согласные звуки произносились большею частію такъ же, какъ мы произносимъ ихъ теперь, и означались тѣми же буквами, которыми означаются теперь.

Звукъ *г* произносился первоначально по-великорусски, т. е. какъ латинское g, а не какъ h. Это видно изъ того, что иностранныя слова, имѣвшія h, при передачѣ ихъ по-русски, теряли это h: др.-сканд. *H*alfdanr, въ латинской формѣ *H*aldanus—въ договорѣ Игоря съ греками *А*лданъ; древне-сканд. *H*akun — въ томъ же договорѣ *А*кунъ, *Я*кунъ; *H*allvardhr, въ латинской формѣ *H*alvardus—въ томъ же договорѣ *А*лвадъ. Сравни съ одной стороны др.-сканд. *G*rimr и Гримъ, *G*unarr и *Г*унарь и т. п., съ другой—подобное же опущеніе h въ сѣверно-русскихъ актахъ: новгородская грамота въ Ригу 1301 г.: *И*нчя

Олчять=*H*inze *H*oltzatus (*ч* по-новгородски—вмѣсто *ц*).—Когда появилось h—что случилось не ранѣе XII вѣка—и такимъ образомъ стали существовать два звука g и h, во всѣхъ памятникахъ сѣверной, московской Руси и въ книгахъ юго-западной, литовской Руси ихъ не различали на письмѣ и изображали одною и тою же буквою *г*; но въ грамотахъ литовскихъ князей и польскихъ королей и въ разнаго рода актахъ и памятникахъ западно-русскаго законодательства для h сохранили букву *г*, а g стали передавать сочетаніемъ *кг*: *кг*дѣ, литовская грамота 1375 года, *Кг*едроитьскии князи, грамота 1392 г.

Звукъ ѕ=дз въ русскомъ языкѣ старшей исторической эпохи не существовалъ, и буква ѕ, употреблявшаяся впрочемъ чрезвычайно рѣдко (обыкновенное ея употребленіе—съ числительнымъ, а не съ звуковымъ значеніемъ), означала звукъ *з*.

Шипящіе *ж* и *ш* и свистящій *ц* первоначально произносились, вѣроятно, всегда мягко, т. е. такъ, какъ они произносятся у насъ въ *дожжи*, *ѣжжю*, пу*шшю*, *шш*явель и въ малорусскихъ вули*ця*, Гри*ць*; вслѣдствіе этого буквы *ж*, *ш*, *ц* въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ нерѣдко сочетаются не только съ буквою *ю*, какъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ, но и съ буквою *я*, даже ѥ. Такъ, въ Галицкомъ Ев. 1144 г. постоянно послѣ шипящихъ и *ц* пишется *я*, а въ Минеяхъ 1095–1097 гг. мы находимъ: приложѥнию, въ нихъ жѥ, сажѥния, душѥвныя, удицѥю и т. п. Впрочемъ въ Архангельскомъ Ев. мы находимъ: вѣдови*цы* (им. мн.).

Звукъ *ч* звучалъ мягко, вѣроятно, такъ же, какъ теперь въ литературномъ русскомъ языкѣ; вслѣдствіе чего послѣ *ч* мы находимъ въ старшихъ памятникахъ какъ *ю*, такъ и *я*, ѥ.

Сложный звукъ *щ* не звучалъ у насъ никогда какъ *шт* и состоялъ изъ звуковъ *шч*; по крайней мѣрѣ въ Словахъ Григорія Богослова XI в. мы находимъ написанія им*жшч*е, отвѣ*шч*а и т. п.; тамъ же есть написаніе дро*щ*и = соврем. великор. дро*жж*и, малор. дрі*щ*і, гдѣ *щ*=*шч* или *жч*, словинск. drošči. Современныя великорусск. пер*ч*атка изъ пер*шч*атка (*шч*, *щ* изъ *ст*), *ч*анъ изъ дъ*щ*анъ (отъ дъска) также указываютъ на существовавшее нѣкогда въ русскомъ языкѣ (въ великорусскомъ нарѣчіи) произношеніе *щ* какъ *шч*.

Звукъ *ф* существовалъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшей эпохи только въ иностранныхъ словахъ: греческихъ, скандинавскихъ; при этомъ въ греческихъ словахъ (можетъ быть, согласно съ греческимъ

простонароднымъ произношеніемъ того времени) вмѣсто него звучалъ иногда звукъ *п*: *п*арусъ φᾶρος. Звукъ *ф* передавался не только буквою *ф*, но и буквою *ѳ*, такъ что обѣ эти буквы произносились одинаково. Вслѣдствіе этого мы находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ *ф* вмѣсто *ѳ* греческихъ словъ и на оборотъ: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: *ѳ*илиписиомъ 90, сапь*ѳ*иръмь 104, анъ*ф*ракъсъ 121 об., *Ф*ермодонты рѣкы 153, сера*ѳ*има 242 и др.; Минея 1096 г.: ана*ф*ома ἀνάϑεμα 78, Сте*ѳ*ана 91; Минея 1097 г.: Пьр*ѳ*урие 329, Ониси*ѳ*оре 330, *Ѳ*илипа и Варъ*ф*оломеа 372. Въ Кондакарѣ XII в. Публичной Библіотеки (q. 32) *ф* вмѣсто *ѳ* пишется даже въ греческихъ фразахъ, написанныхъ славянскими буквами: о *ф*еос му 114, докса си о *ф*еосъ 116. Сравни въ *средне-болгарскомъ* Евангеліи XII—XIII в. (Румянц. М. № 1690): скоръ*ѳ*иѧ, газо*ѳ*илакиѫ, А*ѳ*тонома, Тро*ѳ*има. Большинство рукописей конца XII, XIII и XIV вв. не знаетъ буквы *ѳ*, замѣняя ее постоянно буквою *ф*, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ она имѣетъ числительное значеніе.

Литература.

Потебня. Къ исторіи звуковъ русскаго языка, II. Варшава, 1880.

Соболевскій. Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ, 1884.

Шахматовъ. О языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в. Спб. 1886 (объ *ѣ*).

Брандтъ. О звуковомъ значеніи *ѣ*. Русск. Филол. Вѣстн. 1881 г. № 3.

Соболевскій. Какъ произносилась въ древней Руси ижица послѣ согласныхъ. Русск. Филолог. Вѣстн. 1882 г. № 2.

Соболевскій. Греко-славянскіе этюды. Тамъ же 1883 г. № 2 (о *ѳ*).

Thomsen. Der Ursprung des russischen Staates. Gotha, 1879.

VI. Исторія гласныхъ звуковъ.

Исчезновеніе глухихъ. Важнѣйшимъ событіемъ въ древней исторіи звуковъ русскаго языка было исчезновеніе глухихъ *ъ* и *ь* и чистаго *и* въ концѣ и иногда въ серединѣ словъ. Уже въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ — Остромировомъ Ев., Святославовыхъ Сборникахъ—мы находимъ опущеніе *ъ* и *ь*: книгамъ вмѣсто кънигамъ, сългнѫвъ вм. съгънѫвъ, тъкмо вм. тъкъмо, кто вм. къто, створити вм. сътворити, все вм. вьсе, и т. п. Но такъ какъ древнѣйшія наши рукописи суть списки, часто непосредственные, съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, гдѣ опущеніе *ъ* и *ь*—явленіе обычное, то на основаніи приведенныхъ примѣровъ и имъ подобныхъ мы не имѣли бы права дѣлать какія-либо заключенія, если бы эти примѣры не находили себѣ подкрѣпленія въ данныхъ памятниковъ XI и XII вв. съ чистымъ русскимъ языкомъ, каковы надпись на Тмутороканскомъ камнѣ (здѣсь читается: князь, не кънязь) и Мстиславова грамота; сверхъ того, какъ было указано выше, у Константина Багрянороднаго, слѣдовательно, еще въ концѣ X в.,—названіе днѣпровскаго порога написано Νεασήτ, съ согласнымъ на концѣ. Всѣ эти данныя, взятыя вмѣстѣ, даютъ достаточное основаніе думать, что во второй половинѣ XI вѣка какъ (во многихъ случаяхъ) глухіе, такъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) и конечное *и* исчезли изъ произношенія и перестали слышаться въ живомъ говорѣ. Глухой *ъ* исчезъ безслѣдно; *ь* оставилъ по себѣ слѣдъ въ видѣ мягкости предшествующаго согласнаго; послѣ *и* остался *j*, который нѣкогда находился между *и* и предшествующимъ гласнымъ. Звуки *ъ* и *ь* исчезли въ концѣ словъ всегда, даже и тогда, когда на нихъ было удареніе: *сынъ* (сравни литовск. sūnùs), *остръ* (сравни ли-

товск. ašîrûs), *ночь* (сравни литовск. naktîs и соврем. русское *ночесь*, которое образовалось изъ *ночь-съ*), *дънь* (сравни соврем. *днесь* изъ *дънь-съ*). Въ этихъ словахъ и др. мы, конечно, имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи — съ дѣйствіемъ вліянія словъ съ неударяемыми ъ и ь въ концѣ на слова съ ударяемыми глухими. — Что касается до глухихъ въ серединѣ словъ, то они исчезли вездѣ, гдѣ были безъ ударенія и гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало сохраненія гласнаго звука: кто, многъ, все, польза. Сравни: броня (Псалтырь 1296 г., зап.) востокъ, дохнуть (вдохнувъ, Псалтырь 1296 г., зап.), доска, кротокъ, мозгнуть, нонѣ (Лаврентьевск. списокъ, 111, 114; Минея 1097 г: нънѣ 306, 398)—гдѣ *о* изъ ъ—; полезный, силенъ, легокъ, стекло— гдѣ *е* изъ ь. Кромѣ того, есть основаніе думать, что и въ серединѣ словъ глухіе исчезли кое-гдѣ въ нѣкогда ударяемыхъ слогахъ. Звукъ *и* исчезъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ передъ собою гласный+j, именно въ концѣ словъ: въ формахъ именит.-винит. п. единств. ч. муж. р., дат.-мѣстн. ед. ч. женск. р., род. мн., 2-го лица ед. повелит. накл., и въ серединѣ словъ—тамъ, гдѣ онъ былъ безъ ударенія и гдѣ группировка согласныхъ не препятствовала его исчезновенію. Памятники письма обыкновенно сохраняютъ здѣсь букву *и* (какъ сохраняютъ въ большинствѣ случаевъ и буквы ъ и ь), которая такимъ образомъ означаетъ уже не гласный *и*, а согласный j; но встрѣчаются изрѣдка и случаи отсутствія буквы *и* и вмѣстѣ отсутствія какого-либо изображенія звука j: Житіе Нифонта 1222 г.: станяше бъдръ на молитвѣ *свою* 15 об., чьсо ради, господи *мо*, не възриши 35 об.; Апостолъ 1220 г.: любопривѣше быша 53 об.; Псалтырь XIII в. (Публ. Б. f. 1): стар*ешии* 9; договоръ вел. кн. Симеона Гордаго съ братьями: *Олексѣ* Петровичь; духовная Димитрія Донскаго: стар*ишии* путь, сыну стар*ишему*, брата стар*ишего*; Требникъ гр. Шереметева XIV в.: жит*искыи* 2 об., 3, 14, 107, 109 об., и т. п.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у однихъ говорившихъ сохранились въ произношеніи глухіе, у другихъ исчезли; вслѣдствіе этого мы находимъ рядомъ формы съ глухимъ гласнымъ (изъ котораго потомъ образовалось *о* или *е*) и формы безъ гласнаго звука; такъ, отъ *тьсть* форма род. п. звучала и тьстя (откуда тестя), и тстя, цьтя (Ипатьевскій списокъ лѣтописи; Литовская лѣтопись въ „Учен. Зап. Ак. Наукъ по 2 отд.“, I, стр. 31; Скорина, Бытіе, 55, Исходъ, 9 об.; соврем. бѣлорусское: Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, I, 355); отъ *чьсть* форма

того же пад. звучала и чьсти (откуда чести), и чсти, чти (Кормчая ок. 1282 г.: *чти* приложити; Лаврентьевскій сп. лѣтописи: въ *чти*; Литовскій Статутъ: *чти* подвышенья годенъ 4; Слово о п. игоревѣ); форма неопредѣленнаго накл. звучала и кръстити (откуда наше крестить), и крстити (откуда соврем. народное кстить); названіе *Пльсковъ* превратилось съ одной стороны въ Пльсковъ, откуда Плесковъ, съ другой въ Плсковъ (съ мягкимъ *л*), откуда *Псковъ*. То же мы видимъ въ Дебрянскъ и Брянскъ (изъ Дьбряньскъ), въ Полотескъ и Полоцкъ (изъ Полотьскъ), Смольнескъ и Смоленскъ (изъ Смольньскъ), Вить-бескъ, Видбескъ и Витебскъ (изъ Витьбьскъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда въ одномъ и томъ же словѣ находилось нѣсколько глухихъ звуковъ или не имѣвшихъ ударенія, или произносившихся въ разныхъ мѣстахъ съ различнымъ удареніемъ, произошло по нѣскольку варіантовъ одного и того же слова; напр., слово *бьрьвьно́* съ тремя *ь* (Остром. Ев.) и съ удареніемъ на концѣ дало варіанты бервно́, берно́, бревно́; сверхъ того, съ другимъ удареніемъ, то же слово стало звучать бервёно; формы косвенныхъ падежей словъ *жьрьць, жьньць, льстьць, шьвьць* и т. под., имѣвшія удареніе на концѣ, дали рядомъ: жерца, женца, лестьца, шевца и т. д. и жреца, жнеца, льстеца, швеца и т. д. (изъ жьрьца, жьньца и т. д.); слово *гълькъ* горшокъ въ древнихъ памятникахъ (между прочимъ въ Добриловомъ Ев. 1164 г.) обыкновенно пишется голькъ, т. е. съ сохраненіемъ ударяемаго *ъ*, откуда *о*, и исчезновеніемъ *ь*; но въ Пандектахъ Никона Черногорца XIII в., въ новгородскомъ Прологѣ XIII в. (Срезневскій, Св. и з. № LXXXVII, 167) и въ современномъ малорусскомъ оно звучитъ глекъ, гдѣ *е* изъ ударяемаго *ь* и гдѣ *ъ* исчезъ; слово *мъю* (такъ нерѣдко пишется оно въ старыхъ памятникахъ: Юрьевское Ев. около 1120 г.: умъж 173 об.; Ев. XII—XIII в. Рум. Муз. № 104: умъють 59; Кормчая ок. 1282 г.: мъеться 489, и др.) дало съ одной стороны мо́ю (изъ мъ́ю), съ другой—мъю́ (изъ мъю́; Домострой: мъютъ 87); слово *дьврь* имѣетъ въ древнихъ памятникахъ формы косвенныхъ падежей двери, дверехъ (Галицкое Ев. ок. 1266 г.; Кормчая ок. 1282 г.), при современныхъ двери и др.

Слѣдствія исчезновенія глухихъ. Исчезновеніе глухихъ звуковъ имѣло огромные результаты для русскаго языка и произвело цѣлый рядъ фонетическихъ измѣненій; эти измѣненія произошли преимущественно въ области согласныхъ звуковъ, но коснулись также и гласныхъ. Въ области гласныхъ произошли слѣдующія явленія.

1. *Возникновеніе новыхъ глухихъ* **ъ** *и* **ь** тамъ, гдѣ ихъ раньше не было. Это возникновеніе *ъ* и *ь* имѣло своею причиною всего чаще исчезновеніе глухихъ звуковъ въ концѣ словъ, результатомъ котораго явилось неудобопроизносимое сочетаніе согласныхъ. Новые глухіе мы видимъ въ остъръ, остёръ (древн. *остръ*), хытъръ, хитёръ (древн. *хытръ*), тѣсънъ, тѣсенъ (древн. *тѣснъ*), любъзнъ, любезенъ (древн. *любъзнъ*), дъсъкъ, досокъ, земъль, земель, капъль, капель, пѣсънь, пѣсень, пѣсенъ, сестъръ, сестёръ (изъ древн. *дъскъ*, *земль*, и т. д.), а также, подъ вліяніемъ подобныхъ словъ и формъ,—въ словахъ и формахъ земельный, земелька, капельный, капелька, пѣсенка, пѣсенный, пѣсенникъ и т. п.

Кромѣ глухихъ, кое-гдѣ, можетъ быть, возникли прямо чистые; по крайней мѣрѣ, объ *о* въ началѣ словъ, тамъ, гдѣ происшедшее вслѣдствіе исчезновенія глухихъ стеченіе согласныхъ было неудобно для произношенія, есть основаніе думать, что оно не восходитъ къ болѣе древнему *ъ*: Лаврентьевскій списокъ лѣтоп.: в день *о*вторникъ, подъ 1305 г.; бѣлорусск. Познанскій сборникъ конца XV в.: на *о*второкъ, ув *о*второкъ (Archiv für slav. Phil., IX, 360); современн. сѣв.-великорусск. *о*вторникъ, *о*ржаной, *о*льняной и т. п., южно-великор. *а*вторникъ и т. д., *А*мценскъ, названіе города, малор. в*і*второкъ (*і* изъ *о*, не изъ *ъ*).

2. *Удлиненіе* **о** *и* **е**. Въ одномъ изъ русскихъ говоровъ—въ говорѣ галицко-волынскомъ исчезновеніе глухихъ и *и* повело къ образованію долгихъ звуковъ. Когда въ слогахъ предъидущихъ тѣмъ, гдѣ были глухіе или *и*, находились звуки *е* или *о*, эти послѣдніе, вслѣдствіе исчезновенія глухихъ и *и*, подверглись такъ называемому замѣстительному удлиненію, и *е* стало произноситься долго, близко къ древнему *ѣ*, а *о* стало звучать какъ долгое *о*. Въ древнѣйшихъ памятникахъ, изъ которыхъ старшіе относятся къ половинѣ XII в., мы замѣчаемъ, что долгое *е* изображается буквою *ѣ*, долгое же *о* обыкновенно не отличается въ орѳографіи отъ краткаго *о*, и только изрѣдка мы видимъ на мѣстѣ его двойное *о*: *оо*. Галицкое Евангеліе ок. 1266 г.: в*оо*вьця овца, в*оо*вьчихъ овчихъ; Поликарпово Ев. 1307 г.: в*оо*тца отца. Въ нихъ употребленіе новаго *ѣ* на мѣстѣ древняго *е* отличается болѣе или менѣе значительною послѣдовательностью и является въ такихъ случаяхъ, какъ п*ѣ*щь, ш*ѣ*сть, кам*ѣ*нь, мат*ѣ*рь, неб*ѣ*съ, вес*ѣ*лье, з*ѣ*лье, въ н*ѣ*мь, въ н*ѣ*и, гдѣ *ѣ* образовалось изъ *е* черезъ удлиненіе, имѣвшее своей причиной исчезновеніе конечнаго *ъ*, *ь* или *и*.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда глухой звукъ сохранился или когда его не было, удлиненія не произошло, и *е* и *о* остались безъ перемѣны, такъ что въ памятникахъ мы читаемъ: пещи, шести, небеса и т. п. Въ дальнѣйшемъ развитіи галицко-волынскаго говора древнее долгое *е* дало съ одной стороны *і*, съ другой, перейдя въ *ō*, образовало *у* и дифтонги *уо, уэ, уи*, откуда также *і*; долгое *о* дало то же, что *ē*, перешедшее въ *ō*.

Удлиненіе *е* и *о* имѣло мѣсто не во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было исчезновеніе глухихъ и *и*; такъ, современный языкъ показываетъ, что оно не всегда было въ 3-мъ лицѣ ед. числа глагольныхъ формъ въ родѣ *хочется, гнется*, что его не было въ словахъ на *енько, енька, онько, онька*, что иногда оно отсутствовало въ словахъ съ полногласіемъ: *берегъ, передъ, берестъ, березъ* (род. мн.), *чередъ* (род. мн.). Впрочемъ рядомъ съ послѣдними формами встрѣчаются формы, образовавшіяся чрезъ удлиненіе звука: берізъ, черідъ.

Кромѣ указанныхъ исключеній, есть еще рядъ исключеній другаго рода, явившихся вслѣдствіе дѣйствія аналогіи, вліянія другихъ формъ. Въ цѣломъ рядѣ словъ въ именительн. пад. ед. ч. глухой звукъ сохранился и потомъ перешелъ въ *о* и *е*; таково слово *ледокъ*, нѣкогда бывшее съ *ъ* (ледъкъ); таково слово веч*е*р*о*къ, нѣкогда также имѣвшее *ъ* (вечеръкъ); таковы же формы родит. пад. мн. ч. дор*о*ж*е*къ, бер*е*з*о*къ (*е* и *о* изъ *ь* и *ъ*), и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда глухой звукъ сохранился, должно было ожидать сохраненія краткихъ звуковъ *е* и *о*; но такъ какъ въ формахъ другихъ падежей тѣхъ же словъ образовались долгіе звуки, то подъ вліяніемъ этихъ формъ явились долгіе звуки и здѣсь; такъ, рядомъ съ формою *ледъкъ*, была форма родит. пад. *ледъка*, гдѣ глухой исчезъ, а краткій гласный перешелъ въ долгій (*лē*дка); рядомъ съ формой дор*о*жькъ, была форма именит. пад. дор*о*жька, гдѣ вслѣдствіе исчезновенія глухаго звука явилось долгое *о* (дор*ō*жка). Такимъ образомъ *о* и *е* въ нѣкоторыхъ случаяхъ удлинилось тамъ, гдѣ *ъ* сохранился. Отсюда получились въ современномъ малорусскомъ языкѣ формы въ родѣ л*і*докъ, підвеч*і*рокъ, формы род. мн. дор*і*жокъ, бер*і*зокъ и т. п.

Надо имѣть въ виду, что исчезновеніе глухихъ оказало свое дѣйствіе также на предлоги-префиксы, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они были въ сложеніи съ именами и глаголами, такъ и тогда, когда они

стояли отдѣльно. Въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ есть слово *бѣз*дьна (Бѣзна, гр. галицкая 1366 г.), гдѣ *ѣ* образовалось изъ *е* подъ вліяніемъ исчезновенія *ь* послѣ *д*; въ современномъ языкѣ мы находимъ пiдъ столомъ, изъ подъ столомъ, гдѣ *і* изъ *ō*; въ Словахъ Ефрема Сирина 1492 г. мы читаемъ: *бѣс* печали, гдѣ *ѣ* явилось подъ вліяніемъ сочетаній въ родѣ *бѣз*дьна. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи, съ вліяніемъ однихъ словъ на другія.

3. *Образованіе плавныхъ гласныхъ.* Исчезновеніе глухихъ повело также къ образованію плавныхъ гласныхъ. Въ древне-русскомъ языкѣ плавные гласные первоначально были, кажется, во всѣхъ говорахъ и появились только тамъ, гдѣ прежде плавный согласный имѣлъ *послѣ* себя глухой, т. е. въ группахъ въ родѣ согласный + *ръ* + согласный. Въ древнемъ великорусскомъ нарѣчіи можно указать, какъ на имѣвшія когда-то плавный гласный,—на слова *Псковъ, кстить*, несомнѣнно изъ П*л*сковъ (съ мягкимъ *л*), П*ль*сковъ, к*р*стити, к*рь*стити. Для западно-русскихъ говоровъ мы имѣемъ данныя въ формѣ к*р*ви въ Псалтыри 1296 г.: мужа *крви* 6 об., взиская *крви* ихъ 17, от мужь *крви* 115 об., и въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: розлитье *крви*, и т. п., и въ словѣ к*р*вавый, въ томъ же Статутѣ. Впрочемъ примѣры изъ Статута могутъ быть отнесены на счетъ польскаго вліянія. Въ древнемъ галицко-волынскомъ говорѣ нѣкогда также были случаи образованія плавнаго гласнаго: Галицкое Ев. 1144 г.: х*р*'щяхуся 5 об., х*р*'щенью 6, х*р*'щю 6 и т. п.; Поликарпово Ев. 1307 г.: к*р*ве, к*р*ви; Луцкое Ев. XIV в.: к*ъл*неться. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ плавный гласный, по всей вѣроятности, не составлялъ слога и произносился какъ польскій r въ k*r*wi и т. п. Въ настоящее время плавные гласные въ серединѣ словъ встрѣчаются только на западной окраинѣ области русскаго языка—у галицкихъ лемковъ: к*р*ви, к*р*стити.

4. *Исчезновеніе чистыхъ* **о** *и* **е**. Вслѣдствіе исчезновенія глухихъ, при склоненіи образовались съ одной стороны—падежныя формы съ такъ называемыми бѣглыми *о* и *е* (изъ *ъ* и *ь*) и съ другой — падежныя формы безъ этихъ *о* и *е*, напримѣръ: с*о*нъ и сна, сну; пес*о*къ и песку, пескомъ; л*е*нъ и льна, льну; кон*е*цъ и конца, концу. Чередованіе большаго количества формъ съ *о* и *е* съ формами безъ *о* и *е* повело къ тому, что нѣкоторое количество словъ, имѣвшихъ древнее *о* или *е*, стали выбрасывать эти звуки въ косвенныхъ падежахъ ед. ч. и во множеств. числѣ. Такимъ образомъ образовались при склоненіи

формы безъ *о* и *е*: ровъ (*о* древнее), старая форма родит. пад. рова, новая—рва; ле*д*ъ (*е* древнее), старая форма род. п. *ле*да, новая—льда; кам*е*нь, старая ф. род. п. кам*е*ни, новая—камни, камня. То же произошло со словами ремень, гребень, корень, пепелъ, шесть, олень, урокъ (на великорусскомъ сѣверѣ род. п. шти, бльнй, урка) и т. п. Новыя формы развились въ однихъ русскихъ говорахъ въ большемъ числѣ, въ другихъ въ меньшемъ; легко замѣтить, что великорусскіе говоры имѣютъ ихъ больше, чѣмъ малорусскіе и бѣлорусскіе. Появленіе этихъ формъ относится ко времени недалекому отъ эпохи исчезновенія глухихъ: въ ростовскомъ Житіи Нифонта 1222 г. мы находимъ: на камьни 75 об., 131 об. (тамъ же: камьнию 66, 71 об. и др.); въ Псалтыри 1296 г. (вѣроятно, западно-русской): въ рвѣ 183 об.; въ Евангеліи 1358 г.: преже *штии* (читай: шти) день пасхи 157.

Переходъ глухихъ въ чистые. Мы указали, гдѣ глухіе исчезли и какія слѣдствія имѣло ихъ исчезновеніе. Во многихъ случаяхъ глухіе сохранились и потомъ перешли въ чистые: *ъ* въ *о*, *ь* въ *е*. Переходъ *ъ* и *ь* въ *о* и *е* произошелъ не одновременно съ исчезновеніемъ *ъ* и *ь*: памятники XI в., имѣющіе сравнительно немало словъ безъ *ъ* и *ь*, или совсѣмъ не знаютъ замѣны *ъ* и *ь* черезъ *о* и *е*, или даютъ крайне ограниченное число примѣровъ ея, которые почти всѣ съ достаточнымъ вѣроятіемъ можно считать за перешедшіе въ русскіе списки изъ церковно-славянскихъ оригиналовъ; такова, напримѣръ, форма смоковию въ Архангельскомъ Ев. 78. Памятники первой половины XII в. также не знаютъ замѣны *ъ* и *ь* черезъ *о* и *е*, и тѣ немногіе случаи употребленія *о*, *е* вм. *ъ* и *ь*, которые въ нихъ находятся (Юрьевское Ев.: врѣменемъ, на небесехъ, кровоточивая 52), могутъ указывать только на нѣкоторую близость *ъ* и *о*, *ь* и *е*; сверхъ того, одни изъ нихъ (кровоточивая) похожи на описки, а въ другихъ (врѣменемъ) можно видѣть особыя морфологическія образованія (сравни мечемъ и т. п., дат. мн.). Замѣна *ъ* и *ь* черезъ *о* и *е*, указывающая, можетъ быть, не на полное тожество, а только на значительное сходство этихъ звуковъ, достаточно часто является уже въ памятникахъ второй половины XII вѣка. Мы читаемъ въ новгородскомъ Стихирарѣ 1157 г.: цьрковь, цьркови, сладокъ, троическую, неплодове, вьртепе, начатокъ, съвокупляеться и т. под.; въ галицко-волынскомъ Добриловомъ Ев. 1164 г.: исперва, съмерти, плоть, исполнь, весь (vicus), силенъ, агнець, темницю, ото съмерти, ко мнѣ, со мною.

Вмѣсто замѣны *ъ* и *ь* чрезъ *о* и *е*, въ нѣкоторыхъ словахъ, послѣ *р* и *л*, мы видимъ замѣну *ъ* и *ь* черезъ *ы*; такъ, мы читаемъ въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: кр*и*вавый, кр*ы*вавъ, гдѣ мы видимъ *ы* на мѣстѣ древняго *ъ* (*ри* надо читать какъ *ры*); въ Луцкомъ Ев. XIV в.: скр*ы*жетъ (*ы* на мѣстѣ *ь*); въ галицкой грамотѣ 1424 г.: др*ы*ва, изъ дръва; въ западно-русскомъ Сборникѣ XV в. (Румянц. Муз. № 406), списанномъ съ южно-русскаго оригинала: сл*ы*зы, изъ слъзы; въ западно-русской Четьѣ 1489 года: гр*ы*тань, изъ гртань, др*ы*жаху, изъ дръжаху.

Замѣна глухихъ черезъ *ы* встрѣчается въ западно-русскихъ и южно-русскихъ памятникахъ, въ памятникахъ же сѣверно-русскихъ мы ея не встрѣчаемъ; она не встрѣчается и въ современныхъ сѣверно-русскихъ говорахъ. Но мы находимъ въ говорахъ бѣлорусскихъ: кр*ы*вавый, кр*ы*шка=кр*о*шка, кръшька, бл*ы*хъ, род. отъ бл*о*ха, блъха; въ малорусскихъ: кр*и*вавий, чорнобр*и*вий, др*и*ва (дрова), др*и*жати и т. п.

Въ одномъ памятникѣ — южно-русскомъ Часословѣ XIV в.—мы находимъ одинъ случай замѣны глухаго черезъ *а*: гр*а*тань; но трудно сказать, какое значеніе имѣетъ здѣсь *ра*; быть можетъ, здѣсь черезъ *ра* переданъ плавный гласный, т. е. это слово должно быть читаемо г*р*тань; быть можетъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ опискою.

Переходъ *е* въ *о*. Древнее *е*, а за нимъ и *е* изъ *ь*, еще въ ту раннюю эпоху, когда *ѣ* существовалъ какъ отдѣльный звукъ, всегда отличный отъ *е*, послѣ мягкихъ согласныхъ и *j*, стало переходить въ *о*. Это новое *о* мы встрѣчаемъ уже въ древнихъ кіевскихъ памятникахъ: въ Святославомъ Сборникѣ 1073 г.: ч*о*ловѣка 179 (это впрочемъ, можетъ быть, описка); въ Словѣ Ипполита объ антихристѣ XII в.: съкаж*о*мъ, блаж*о*нъ, муж*о*мъ, бывъш*о*мъ, звѣздочьтц*о*мъ, хытрьц*о*мъ, раздѣлившомъся; въ Лѣствицѣ XII в. (Рум Муз. № 198): въспрѣщающ*о*мъ, дат. мн., 54 об.; въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в.: приємш*о*му 37, стоящ*о*мъ 73 об., поживъш*о*мъ 26 об., сърящ*о*мъ 35 об. Въ памятникахъ галицко-волынскаго говора XII—XIV в. случаи употребленія *о* изъ *е* также встрѣчаются: въ Выголексинскомъ Сборникѣ XII—XIII в.: движющ*о*муся; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: послѣдующ*о*му, размѣш*о*нъ; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в.: приш*о*дъши, Ч*о*ртковичъ, ч*о*рныи, нич*о*го, ч*о*ботомъ, у Зудеч*о*вѣ. Относительно галицкихъ грамотъ надо впрочемъ имѣть въ виду, что въ нихъ замѣчается вліяніе оффиціальнаго литовско-русскаго языка стараго времени—нарѣ-

чія бѣлорусскаго, и что нѣкоторые изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *о* могутъ быть отнесены на счетъ бѣлорусскаго вліянія. Сверхъ указанныхъ, въ нѣкоторыхъ другихъ галицко-волынскихъ памятникахъ мы находимъ *ю* на мѣстѣ древняго *е*: въ Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: морю *жю*; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: ядущ*ю*, пиющ*ю* (имен. пад. множ. ч.), гдѣ *ю* образовалось, конечно, изъ *о*, а *о* изъ *е*. Въ памятникахъ западно-русскихъ мы также находимъ нѣкоторое количество случаевъ употребленія *о* изъ *е*; такъ, въ западно-русскихъ грамотахъ XIV—XV в. мы читаемъ: наш*о*го, ч*о*тыриста, ч*о*ломъ, ч*о*го; въ одномъ изъ памятниковъ западно-русскихъ—въ Четьѣ 1489 г. —употребленіе *о* вмѣсто *е* встрѣчается сравнительно очень часто, между прочимъ, въ такихъ случаяхъ, въ какихъ въ грамотахъ его не замѣчается: поведаюч*о*, даюч*о*, радуюч*о*ся, моляч*о*ся, поюч*о*, учинивш*о*, слышавш*о* и т. п. Если мы обратимся къ памятникамъ полоцко-смоленскимъ, то и тамъ найдемъ *о* изъ *е*, именно въ смоленскихъ грамотахъ 1284 г., гдѣ читается: ваш*о*му, наш*о*му, немьц*о*мъ; и въ полоцкой грамотѣ князя Ануфрія конца XIV в.: Соменьц*о* озеро. Въ памятникахъ средне-русскихъ: ростовскихъ, московскихъ и друг., подобная мѣна встрѣчается сравнительно часто. Мы читаемъ въ Апостолѣ 1220 г.: въстав'ш*о*му 33, вѣрующ*о*му 51, творящ*о*му 64 и др.; въ Житіи Нифонта 1222 г.: сопущ*о*му 125 об., умьрш*о*му 126 об.; въ Ев. 1354 г.: ни о ком *жо* 68, врач*о*въ, глаголаш*о* бо, ащ*о* 72 об., шедш*о*, он *жо* 74, бѣ *жо* ядущихъ 78 об.; въ Ев. 1357 г.: ро*жо*ною 3 об., л*жо*мъ свѣдителемъ 137 об., 144 об.; въ Ев. 1358 г.: *жо*нъ; въ Паремейникѣ XIV в. (Троицкая Лавра, № 3): пищ*о*ю 18 об., нищ*о*та 25 об., 36 об., развращ*о*но 31, напиш*о*ть 34, щ*о*дръ 35, низъш*о*дъ 46. Сверхъ того, *о* изъ *е* мы находимъ въ старшемъ московскомъ памятникѣ—въ духовной Ивана Калиты: Данилищ*о*ва свободка, Матфѣиц*о*вьское село. Въ памятникахъ новгородскихъ замѣна *е* черезъ *о* также встрѣчается: Кормчая ок. 1282 года: лежащ*о*му 445 об.; Ев. 1355 г.: *жо*нъ 46 об., ш*о*дъ 60 об., 90, ш*о*дъше 77, ш*о*дша 83, ош*о*дшима 64, *жо*рц*о*мъ 66 об.; договоры Новгорода съ тверскими князьями XIV в.: Тор*жо*къ, рубе*жо*мъ, ч*о*рныхъ, новгородц*о*въ; грамота къ нѣмцамъ 1392 г.: купьц*о*въ, купьч*о*въ; Новгородская лѣтопись XIV в.: Тържькъ 161; двинская рядная XIV в.: княжоостровьч*о*въ (род.).

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно было бы заключить, что переходъ *е* въ *о* произошелъ только послѣ шипящихъ; но въ нѣко-

торыхъ памятникахъ встрѣчаются обмолвки, которыя показываютъ, что онъ имѣлъ мѣсто и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ звуковъ. Древне-русскіе писцы не умѣли передавать *о* послѣ этихъ согласныхъ (точно такъ же, какъ не умѣемъ передавать и мы), и потому, если рѣшались изображать *о*, должны были или прибѣгать къ какому-либо особому способу изображенія этого *о*, или отказываться отъ изображенія мягкости согласнаго. Мы читаемъ: въ новгородскомъ Ев. 1270 г.: днѣотъ=днётъ=дьнь-тъ; въ московской духовной в. кн. Ивана Ивановича: блюдо серебро*но*; въ новгородск. Ев. до 1362 г.: Ѥлѣоны 155 =Елёны, сравни Олёна; въ новгор. Прологѣ 1356 г.: яро*м*ъ 83 об. =ярёмъ; въ двинскихъ грамотахъ второй половины XIV в.: за мо*ро*мъ, рубл*о*въ; въ новгор. Ев. XIV в. (Тип. Б. № 11): серобро, запись. Въ послѣднихъ примѣрахъ *о*, вѣроятно, передаетъ звукъ *о*, но остается не переданною на письмѣ мягкость согласныхъ.

Если мы обратимся къ современному русскому языку, то увидимъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи употребленіе *о* вмѣсто *е* сравнительно рѣдко и ограничивается довольно небольшимъ количествомъ случаевъ, которыхъ не возможно подвести ни подъ какое опредѣленное правило; можно только сказать, что *о* изъ *е* является или въ концѣ словъ, или когда за *е* слѣдуетъ твердый согласный; его мы видимъ всего чаще послѣ шипящихъ: нічого, чоловікъ, шовко́вый; но не рѣдки случаи употребленія *о* изъ *е* и послѣ другихъ согласныхъ: лёнъ, слёзы, трёма, третёго. Въ малорусскомъ нарѣчіи употребленіе *о* изъ *е* не находится въ зависимости отъ ударенія и равно можетъ быть и въ ударяемыхъ, и въ неударяемыхъ слогахъ.

Въ нарѣчіяхъ бѣлорусскомъ и южно-великорусскомъ, которыя акаютъ, *о* на мѣстѣ древняго *е* въ настоящее время зависитъ отъ ударенія и употребляется постоянно тогда, когда находится подъ удареніемъ въ концѣ слова или передъ твердымъ согласнымъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ (юго-западныхъ) встрѣчается *о* и безъ ударенія въ такихъ случаяхъ, какъ се́рцо, ше́раё (=сѣрое), зе́ллё, пе́рьё и т. п.

Въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ употребленіе *о* изъ *е* сходно съ употребленіемъ его въ говорахъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ, т. е. его мы слышимъ постоянно подъ удареніемъ въ концѣ словъ и когда за нимъ слѣдуетъ твердый согласный звукъ; но сверхъ того, мы находимъ значительное количество случаевъ замѣны *е* чрезъ

о въ слогахъ неударяемыхъ, также въ концѣ словъ или передъ твердыми согласными. Напримѣръ, въ олонецкомъ говорѣ слышится: *жона́*, племя́нничо*к*ъ, кре́стничо*к*ъ, чоловѣ*к*ъ, *ё*го́, *ё*му́, по́л*ё*, с*ё*стра́, о́з*ё*ро, игу́м*ё*нъ (Онежскія былины, собр. Гильфердингомъ); въ пермскомъ говорѣ мы находимъ: плать*ё*, мо́ж*о*тъ, тоску*ё*шь, ищ*о*шь, постой *жо* (Пермскій Сборникъ, II); въ калязинскомъ (Тверской губ.) говорѣ мы имѣемъ: ст*ё*кло, *ё*що, сиди́т*ё*, хо́дит*ё*, пойд*ё*м-т*ё* (Калачовъ, Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, кн. 2; авторъ находящейся здѣсь „Записки о городѣ Калязинѣ" говоритъ: „буква *е* въ началѣ и серединѣ словъ произносится большею частію какъ *ё*").

Если мы сопоставимъ случаи употребленія *о* изъ *е* въ древнерусскомъ съ случаями употребленія его въ современномъ русскомъ языкѣ, то увидимъ, что въ бѣлорусскомъ и великорусскомъ нарѣчіяхъ первоначально *о* образовалось изъ *е*, когда это *е* находилось въ концѣ слова или когда за нимъ слѣдовалъ твердый согласный звукъ, безразлично, имѣло ли оно на себѣ удареніе, или было неударяемымъ. Но съ теченіемъ времени, когда началось такъ называемое аканье, т. е. ослабленіе неударяемаго *о* по направленію къ *а*, въ тѣхъ говорахъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, неударяемое *о* изъ *е* исчезло, перешедши въ *а*. Такимъ образомъ, въ этихъ говорахъ сохранилось только ударяемое *о*, которое является во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находится въ концѣ словъ или передъ твердыми согласными. Къ послѣднимъ иногда слѣдуетъ относить звуки *ж*, *ш* и *j*; такъ, въ великорусскомъ нарѣчіи слышится: кут*ё*жъ, од*ё*жа, плат*ё*жъ, возм*ё*шь, ид*ё*шь, больш*о*й, сво*ё*й, земл*ё*ю, хотя рядомъ встрѣчается и старое *е*: мят*е*жъ, самъ-трет*е*́й, суд*е*й, сво*е*й, *е*й; сравни бѣлорусск. адз*е*жа, идз*е*шь. Звуки *ц*, *ч* и *щ* должны быть считаемы въ значительномъ большинствѣ случаевъ за мягкіе, передъ которыми *е* сохраняется: от*е*цъ, п*е*чь, м*е*чь, л*е*щъ (но т*ё*ща).

Изъ правила постояннаго употребленія *о* изъ *е* въ великорусскихъ говорахъ въ концѣ словъ и передъ твердыми согласными подъ удареніемъ—есть много исключеній, которыя распадаются на два разряда: въ однихъ мы видимъ сохраненіе *е*, гдѣ ожидали бы видѣть *о*; въ другихъ находимъ *о*, гдѣ ждали бы *е*.

Къ случаямъ, гдѣ сохранилось *е*, относятся слова, вошедшія въ народный языкъ изъ книжнаго языка, отчасти церковно-славянскаго происхожденія: кр*е*стъ, н*е*бо, н*е*бесъ, п*е*щера, л*е*въ (хотя собственное

имя звучитъ: Лёвъ), — и нѣкоторыя собственныя имена въ родѣ Парменъ, Елена, Орестъ (мало употребительныя; сравни Пётръ, Ѳёкла, Матрёна, Олёна). За этими случаями нужно поставить тѣ, въ которыхъ за *е* нѣкогда слѣдовалъ мягкій согласный звукъ, теперь уже отвердѣвшій: почтенный (изъ почьтеньный), душевный, плачевный, полезный, бѣлозерскій, учебный (иногда, впрочемъ, говорятъ и учóбный). Сюда же относится рядъ словъ со 2-мъ полногласіемъ, гдѣ *р* теперь часто звучитъ твердо: верхъ, стерва, первый, серпъ (= вьрьхъ, верьхъ...). Далѣе слѣдуютъ слова съ дѣйствительнымъ или мнимымъ отрицаніемъ *не*: нéводъ, нéнависть, нéхотя, недоросль, неучъ, неслухъ; весьма возможно, что здѣсь *е* сохранилось подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ употребленія отрицанія подъ удареніемъ, въ которыхъ за *е* слѣдуетъ мягкій согласный, т. е. случаевъ въ родѣ невидаль, нечетъ, нехристь. Наконецъ, есть нѣсколько словъ, въ которыхъ сохраненіе *е* не поддается никакому объясненію: ветхій, ветошь (при сѣв.-великор. вётхой; сравни польск. w*io*tchi), шестъ, щедрый, сѣв.-великорусскія формы 2 л. мн. ч. есте́, спите́, хотите́; впрочемъ рядомъ съ послѣдними встрѣчаемъ формы съ *ó*: сѣв.-великор. спитё, хотитё, бѣлорусск. стоицё, сидзицё (Дембовецкій, Описаніе Могилевск. губ., I, 543). Слѣдующіе случаи сохраненія *е* принадлежатъ къ числу мнимыхъ исключеній, гдѣ мы пишемъ *е*, но гдѣ надо было бы писать *ѣ*: бл*ѣ*скъ, бр*ѣ*дъ, тр*ѣ*скъ, ночл*ѣ*гъ (Лаврентьевскій сп. 155: ночл*ѣ*гъ; сравни малорусск. ночл*і*гъ,—га), оп*ѣ*ка (сравни малор. оп*і*ка), п*ѣ*стъ (сравни польск. p*ia*st), кл*ѣ*стъ (названіе птицы; здѣсь корень тотъ же, что въ словахъ кл*ѣ*ть, кл*ѣ*тка, кл*ѣ*щи и т. п.; въ другихъ славянскихъ языкахъ въ этихъ словахъ находимъ звуки, соотвѣтствующіе нашему *ѣ*: сербск. кл*иј*ешти), м*ѣ*лкій (Лаврент. сп. 295: м*ѣ*лка; сравни церк.-слав. м*ѣ*лъкъ, малорусск. м*і*лкий, польск. m*ia*łki), в*ѣ*кша (сравни древне-русск. в*ѣ*къша), н*ѣ*́когда (=нѣтъ времени), н*ѣ*́кому, н*ѣ*́кого и т. п. (здѣсь *нѣ* =нѣсть, 3 л. наст. вр.; сравни сѣв.-великор. éкогда, éкому = есть когда, есть кому; Зап. Р. Географ. Общ. по о. этногр., IV, 254), формы родит. и винит. пад. личныхъ мѣстоименій—мен*ѣ*́, теб*ѣ*́, себ*ѣ*́ (здѣсь виденъ результатъ вліянія другихъ древне-русскихъ формъ родит. ед. съ *ѣ*: земл*ѣ*, душ*ѣ*). Сверхъ того, не слѣдуетъ считать исключеніями тѣхъ словъ, которыя у насъ иногда пишутся съ *е*, какъ безм*ѣ*нъ, гдѣ рекомендуется писать *е*, хотя малор. безм*і*нъ,—на, польское bezm*ia*n ясно указываютъ на *ѣ*; л*ѣ*са, л*ѣ*́ска (сравни польск. l*a*ska вѣтка);

*лѣ*карь, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія писать *е*. Нарѣчный суффиксъ *дѣ* въ словахъ гд*ѣ*, нигд*ѣ*, везд*ѣ* пишется вполнѣ правильно съ *ѣ*, какъ онъ является и въ древне-русскихъ (сѣверно-русскихъ) памятникахъ. Онъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ имѣетъ различный видъ: въ церк.-славянскомъ и малорусскомъ онъ звучитъ де, въ сербскомъ и великорусскомъ д*ѣ*.

Другаго рода исключенія, гдѣ *о* является вмѣсто ожидаемаго *е*, всѣ объясняются болѣе или менѣе дѣйствіемъ аналогіи. Такъ, *о* вмѣсто *е* въ формахъ зовёте, идёте (2 мн.), зовётъ, идётъ (3 л. ед.) можетъ быть объяснено вліяніемъ формъ зовёмъ, идёмъ; точно такъ же объясняются случаи въ родѣ на клёнѣ, въ чернозёмѣ (сравни клёнъ, чернозёмъ); тётя (ср. тётка), ранёшенько (ср. ранёхонько), бѣлёшенько (ср. бѣлёхонько); точно такъ же, наконецъ, объясняются и тѣ случаи, гдѣ *о* стоитъ не на мѣстѣ *е*, а на мѣстѣ *ѣ*: её, тоё, самоё, всеё (род. и вин. пад.); здѣсь, по всей вѣроятности, оказали вліяніе формы средняго рода на *о*—моё, твоё, своё. Случаи въ родѣ звёзды, гнёзда, вёдра, рядомъ съ которыми слышится зв*ѣ*зды, гн*ѣ*зда, обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи другихъ существительныхъ: чередованія: звезда́—звёзды, гнездо́—гнёзда, ведро́—вёдра были вызваны чередованіями въ родѣ *жена́—жо́ны*, *весло́*—вёсла. Наконецъ, аналогіею объясняются также формы пріобрёлъ, прибёгъ, позёвывалъ, надёвывалъ, напечатлёнъ (у Лермонтова): чередованія пріобр*ѣ*ту́—пріобрёлъ, *бѣгу́*—бёгъ, *зѣ*ваю—позёвывалъ были вызваны чередованіями въ родѣ *мету́*—мёлъ, под*мета́ю*—подмётывалъ, *веду*—вёлъ. Въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ мы находимъ еще нѣкоторое количество случаевъ, гдѣ *о* образовалось изъ *ѣ* и пока не можетъ быть объяснено удовлетворительно; таковы, между прочимъ, слова: бесёда, блёдный, сусёдъ.

Здѣсь должно указать на нѣсколько мнимыхъ исключеній. Въ сёдла *о* явилось совершенно правильно (древн. седьло, въ церк.-славянск. Супрасльской рукописи: о*се*дьлати). Форма цвёлъ также вполнѣ правильна, ибо *о* образовалось изъ *е*, а *е* изъ ь (цвьтѫ, цвьлъ). Въ словѣ рёдька, какъ оно звучитъ въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, *о* образовалось не изъ *ѣ*, а изъ *е*: сравни польск. rz*o*dkiew, гдѣ *о* изъ *е*. Въ сѣв.-великорусск. сверёпъ *о* можетъ быть оправдано старо-польскимъ swierz*o*py дикій конь. Въ словѣ ослёпъ (оно слышится въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ, между прочимъ въ курскомъ) *о* восходитъ къ *ь*: сравни церк.-славянск. ос*ль*плъ.

Замѣчательно, что русское *е* не перешло въ *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *е* не было никакого согласнаго, т. е. въ началѣ словъ; въ великорусскомъ нарѣчіи слышится: это, эво, эдакъ, а не *от*о, *ов*о, *о*дакъ, въ бѣлорусск.—гэтотъ, гэтакъ и т. п.

Въ галицко-волынскомъ говорѣ, кромѣ перехода въ *о* древняго *е* и *е* изъ *ь*, совершился также, въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, переходъ въ *о*—безъ сомнѣнія, долгое—новаго *ē* или *ѣ*. Достовѣрныхъ примѣровъ этого перехода въ памятникахъ не сохранилось (укажемъ впрочемъ на формы дат. мн. извольшомъ, отрѣкающомъся въ Выголексинскомъ Сборникѣ, ѥдущомъ въ Поликарповомъ Ев., гдѣ *о*, если оно не перешло въ эти памятники изъ рукописей кіевскихъ, — должно быть объясняемо изъ *ē*), и это *ō* очень рано перешло въ *у*.

Переходъ *о* въ *у*. Долгое *о*, и ударяемое, и неударяемое, развившееся въ галицко-волынскомъ говорѣ съ одной стороны изъ краткаго *о* (послѣ твердыхъ согласныхъ), съ другой—изъ новаго *ē*, или *ѣ*, которое въ свою очередь возникло изъ краткаго *е* (послѣ мягкихъ согласныхъ),—произносясь закрыто, стало мало по малу приближаться къ *у* и во многихъ случаяхъ перешло въ этотъ звукъ. Указывающія на это данныя находятся уже въ старшихъ рукописяхъ галицко-волынскаго происхожденія: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: вечеръ суб*у*тныи, щюдръ; Галицкое Ев. около 1266 г.: июдѣюмъ (дат.); галицкія грамоты XIV—XV в.: унук*у*мъ (дат.), др*у*здъ, добров*у*льно, торг*у*вля, по н*ю*и, на сво*ю*и, у наш*ю*мъ, грош*ю*вь, чт*ю*нъ. Это *у* мы находимъ въ литературныхъ памятникахъ южно-русскихъ XVII и XVIII вѣка, львовскихъ и кіевскихъ: Плачъ альбо ляментъ 1615 г.: въ славѣ добр*у*й, въ дому сво*ю*мъ, въ н*ю*й, о н*ю*мъ; Вирши Берынды на Рождество Хр. 1616 г.: свѣдк*у*въ, старц*у*въ, въ н*ю*й, *ю*й, въ вс*ю*мъ, и т. п.; Вирши Кассіана Саковича 1622 г.: п*у*лночныи, крол*ю*мъ (дат.), непріател*ю*мъ,—л*ю*въ, въ н*ю*й и др.; интерлюдіи Георгія Конисскаго XVIII в.: в*у*нъ, пост*у*й, т*у*лко и т. п. Сравни въ протестаціи запорожскихъ козаковъ 1610 г.: язык*у*въ, вязн*ю*въ (Акты Ю. и З. Р. II).

Мы не имѣемъ матеріала для того, чтобы опредѣлить, было ли это *у* первоначально долго, или нѣтъ. Кажется, болѣе вѣроятно, что оно было сперва долгимъ и что потомъ долгое *у* съ одной стороны утратило свою долготу, съ другой дало начало дифтонгамъ *уо*, *уэ*, *уи*. Краткое *у* существуетъ и понынѣ въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ, напримѣръ, въ угорскомъ, гдѣ слышится к*у*нь, м*у*й, въ н*ю*й,

на сво*юй*; дифтонги извѣстны въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ и въ говорахъ Гродненской губерніи, представляющихъ переходъ отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому (к*уо*нь, к*уэ*нь, к*уи*нь). Прочіе малорусскіе говоры (въ томъ числѣ украинскій и галицкій), вмѣсто этого *у*, имѣютъ *і* съ твердымъ или мягкимъ предъидущимъ согласнымъ, которое восходитъ къ *у* и развилось изъ него при посредствѣ дифтонга *уи*: к*і*нь.

Кромѣ *у* изъ *ō*, въ галицко-волынскомъ говорѣ древней эпохи развилось—повидимому въ очень ограниченномъ количествѣ случаевъ —*у* изъ краткаго неударяемаго закрытаго *о* какъ древняго, такъ и развившагося изъ *е*: Выголексинскій Сборникъ XII—XIII в.: кадящ*ю* (им. мн.); Галицкое Ев. ок. 1266 г.: морю ж*ю* и вѣтру; Луцкое Ев. XIV в.: ск*у*зѣ (изъ ск*о*зѣ) сквозь, ядущ*ю*, пьющ*ю* (им. мн.); грамота 1378 г.: м*у*настыръ. Сравни соврем. сѣверно-малорусск. *у*гонь, г*у*лубка, т*у*бі, с*у*бі и т. п.—Формы неопред. н. въ родѣ куп*у*вати, таньц*ю*вати, мал*ю*вати сюда не относятся: они обязаны своимъ *у* вліянію формъ настоящ. времени: куп*ую*, таньц*юю*, мал*юю*.

Съ этимъ *у* изъ *о* тожественно по происхожденію то *у*, которое встрѣчается изрѣдка въ великорусскихъ говорахъ, преимущественно въ сѣверныхъ: б*уя*́ре, х*у*рошо́ и т. п. Оно развилось также изъ неударяемаго закрытаго *о* и, повидимому, не отличается древностью; по крайней мѣрѣ, въ памятникахъ мы не нашли для него достовѣрныхъ примѣровъ. Великорусскія ж*у*равль (Златоструй XII в.: ж*е*равие, им. мн.; Русская Правда по сп. Кормчей ок. 1282 г.: ж*е*равь), м*у*равей (ср. церк.-слав. мр*а*вии, польск. mrówka), к*у*лебяка (сравни к*о*лобокъ, к*о*лбаса, сѣв.-великор. к*о*любака), б*у*равинка (названіе сорта яблоковъ), изъ ж*о*равль, м*о*ровей, к*о*лебяка, б*о*ровинка, сюда не относятся: въ нихъ *у*—результатъ дѣйствія аналогіи и перешло въ указанныя слова изъ словъ ж*у*рить, м*у*рава, к*у*ль, б*у*равъ. Слова к*у*рносъ, к*у*ргузъ не имѣютъ никакого отношенія къ старому к*ъ*рнити, современн. к*о*рнать и, вѣроятно, родственны съ литовск. kiauras, лотышск. caurs дырявый, пустой, лат. scaurus кривой.

Отожествленіе *ѣ* **съ** *е*. Какъ мы уже указали, въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка есть то или другое количество случаевъ употребленія *е* вмѣсто *ѣ*, которое свидѣтельствуетъ о взаимной близости этихъ звуковъ. Въ послѣдующихъ по времени памятникахъ,

какъ южно-, такъ и сѣверно-русскихъ, замѣна *ѣ* черезъ *е* встрѣчается болѣе часто: гал.-волынск. Добрилово Ев. 1164 г.: бе, светъ, веси, обретая, некыи, бесы, на мѣсте, на местѣ и др.; новгородскій Стихирарь 1157 г.: семене, изменению, обрете, прегрешении, тесныи, многотърпеливе, на дрѣве, прѣпетыи и т. п.; при этомъ, въ южно-русскихъ, въ частности – въ галицко-волынскихъ памятникахъ, обратная замѣна, замѣна *е* черезъ *ѣ*, совсѣмъ или почти совсѣмъ отсутствуетъ, а въ памятникахъ новгородскихъ, на оборотъ, *ѣ* вмѣсто *е* древняго и *е* изъ *ъ* является столь же нерѣдко, какъ и *е* вмѣсто *ѣ*. Стихирарь 1157 г.: съмѣрти, корѣне, повѣлѣная, ижѣ, тьзоимѣнитьница, на колѣсници, безмѣздьника, принѣсти, пьрвѣѣ и друг. Это обстоятельство показываетъ, что на сѣверѣ Руси, въ частности—въ Новгородѣ, во второй половинѣ XII в. различіе между *е* и *ѣ* было очень слабо, гораздо слабѣе, чѣмъ на югѣ Руси. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи галицко-волынскій говоръ продолжалъ различать *ѣ* и *е*, и хотя встрѣчается даже въ XV в. *е* вмѣсто *ѣ*, но такіе случаи сравнительно рѣдки и при нихъ случаевъ употребленія *ѣ* вм. *е* совсѣмъ нѣтъ. На сѣверѣ, напротивъ того, съ XIII вѣка, мы замѣчаемъ, что нѣкоторые писцы, наиболѣе слабые въ традиціонной орѳографіи, перестаютъ отличать *ѣ* отъ *е* и начинаютъ употреблять безразлично *ѣ* вм. *е* и *е* вм. *ѣ*. Такимъ памятникомъ, гдѣ мы наблюдаемъ полное смѣшеніе *ѣ* и *е*, является договорная грамота смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, 1229 г.; въ ней мы находимъ цѣлый рядъ случаевъ совершенно безразличнаго употребленія *ѣ* и *е*: утвѣрдять, останѣться, вдѣржати, будѣть, дѣревъмь и т. п.; всемь, темь, ѥхати. То же мы видимъ въ новгородской договорной грамотѣ 1265 г.: всѣму, на всѣмь, на цѣмь (=на чемъ), дѣржати; всеми, техъ, тобе, ѥздити, звери и др. То же мы находимъ въ новгородскихъ рукописяхъ: въ Кормчей ок. 1282 г., въ Тріоди 1311 г., въ Новгородской лѣтописи. Эти и имъ подобныя данныя указываютъ на то, что въ говорахъ сѣверно-русскихъ (сѣверно- и южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ) приблизительно въ концѣ XII в. произошло болѣе или менѣе полное отожествленіе этихъ двухъ звуковъ, т. е. *ѣ* стало звучать какъ *е*. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ болѣе позднихъ (преимущественно въ западно-русскихъ грамотахъ и печатномъ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.) мы замѣчаемъ уже употребленіе одного *е*, такъ что *ѣ* совсѣмъ или почти совсѣмъ отсутствуетъ.

Въ большей части памятниковъ, которые въ позднѣйшую эпоху были списываемы на нашемъ сѣверѣ съ древне-русскихъ оригиналовъ, *ѣ* и *е*, не смотря на то, что этими буквами означался одинъ звукъ, продолжали употребляться болѣе или менѣе правильно, т. е. традиціонно; благодаря этому употребленіе и различеніе на письмѣ *ѣ* и *е* сохранились до нашихъ дней и сдѣлались одною изъ труднѣйшихъ частностей нашего правописанія. Хотя вообще мы употребляемъ букву *ѣ* въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ ее знаютъ памятники XI—XII в., тѣмъ не менѣе есть рядъ словъ, въ которыхъ мы пишемъ неправильно *е* и *ѣ*. Къ числу тѣхъ изъ нихъ, которыя нами неправильно пишутся съ *е* вм. *ѣ*, прежде всего относится рядъ глаголовъ съ длительнымъ значеніемъ: л*е*тать, м*е*тать и т. п., древнія формы которыхъ были съ *ѣ*; сравни польск. l*a*tać, mi*a*tać; затѣмъ, *е* вм. *ѣ* мы видимъ, между прочимъ, въ словахъ: бр*е*згать (древн. бр*ѣ*згати), в*е*дро (древн. в*ѣ*дро), вер*е*я (древн. вер*ѣ*я; Минея 1096 г., 192), др*е*мать (древн. др*ѣ*мати; Лаврент. сп. 268), п*е*сокъ (др. п*ѣ*съкъ), *семья* (др. с*ѣ*мия; Жит. Ниф. 1222 г.), т*е*мя (др. т*ѣ*мя, малор. т*і*мя), тр*е*звъ (др. тр*ѣ*звъ), д*е*верь (др. д*ѣ*верь), прил*е*жно (др. прил*ѣ*жьно), кол*е*бать, кол*е*блю (др. кол*ѣ*бати, кол*ѣ*блю); въ этихъ словахъ мы видимъ *ѣ* въ церк.-славянскомъ языкѣ; сравни сербск. др*ије*мати, кол*и*бати, п*ије*сак, польск. w*ia*dro, p*ia*sek. Слова древле, древьнь звучали у насъ въ древности иногда съ *е*, иногда съ *ѣ*; сравни съ послѣднимъ *і* изъ *ѣ* въ чешскомъ dříve. На оборотъ, *ѣ* вм. *е* употребляется нами неправильно въ словѣ с*ѣ*кира, древн. секыра (Лаврент. сп. 227); сравни польск. s*o*kiera; здѣсь *о* указываетъ на древнее *е* (латинск. s*e*curis съ ĕ). Мы пишемъ, сверхъ того, *ѣ* въ словахъ бр*ѣ*ю, брадобр*ѣ*й, зм*ѣ*й, зм*ѣ*я, древнія формы которыхъ были бр*ь*ю,—бр*ь*и, зм*ь*я, откуда бр*е*ю,—бр*е*й, зм*е*я (Обиходъ церковный XIV в. Рум. М. № 284; зм*е*ю 14); здѣсь *е* образовалось изъ *ь*, такъ же, какъ въ п*е*й, в*е*й, б*е*й. Затѣмъ, мы пишемъ *ѣ* въ словахъ Алекс*ѣ*й, Серг*ѣ*й и т. п., вмѣсто *е*, которое образовалось изъ болѣе древняго *ь* и которое мы пишемъ въ цѣломъ рядѣ другихъ именъ: Авд*е́*й, Настас*е́*й, Мок*е́*й, Пелаг*е́*я, Опракс*е́*я и т. п. Происхожденіе *ѣ* здѣсь нужно объяснять аналогіею: окончаніе *ѣ*й, съ *ѣ*, именъ въ родѣ Варфолом*ѣ*й, Фад*ѣ*й, Елис*ѣ*й, Матф*ѣ*й (*ѣ*=греческ. *αι*) перешло въ имена Алекс*ѣ*й, Серг*ѣ*й. Время появленія этого *ѣ*—очень древнее: Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: Иерем*ѣ*юмь 188; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: Иерем*ѣ*ю л. 143; но онъ получилъ особенное распространеніе въ

нашей орөографіи съ XIV в.; такъ, мы читаемъ въ Ев. 1317 г.: Иеремѣюмъ 104, 114 об., Ѥремѣя 120 об. (при Тиверея 116 об.); въ Ев. 1358 г., писанномъ въ московской области: Сергѣя, Олексѣя, Ѥремѣя; въ Лаврент. сп: Евдокѣи 400; въ Новгородской лѣтописи: Єремѣя 244.

Послѣ отожествленія съ *е*, древній *ѣ* имѣлъ въ сѣверно-русскихъ говорахъ ту же судьбу, что и *е*, и въ тѣхъ изъ нихъ, которые съ теченіемъ времени развили у себя аканье, подвергся тѣмъ же измѣненіямъ, что и *е*.

Переходъ *ѣ* въ *і*. Древній *ѣ*, сохранившись въ галицко-волынскомъ говорѣ XII в. какъ отдѣльный звукъ и не отожествившись съ *е*, сталъ мало по малу суживаться и приближаться къ древнему *и*. Буква *и* на мѣстѣ буквы *ѣ*, передававшая звукъ хотя и не тотъ самый, который передавался обыкновенно буквою *и*, то все таки до извѣстной степени близкій къ нему,—изрѣдка является въ галицко-волынскихъ книгахъ начала XIV в.: Поликарпово Ев. 1307 г.: вид*и*нья, окамен*и*ло, св*и*дѣнье, вид*и*въ. Галицкія грамоты конца XIV и начала XV в. имѣютъ ее уже сравнительно часто: св*и*дци, пас*и*ками, слуз*и* нашему, л*и*сы, прив*и*сити, и это, по нашему мнѣнію, не позволяетъ сомнѣваться, что писцы грамотъ произносили *ѣ* приблизительно такъ, какъ произносится теперь малорусское *і*.

Новый *ѣ*, т. е. то долгое *е*, которое въ галицко-волынскомъ говорѣ образовалось изъ *е* вслѣдствіе исчезновенія глухихъ и которое первоначально было нѣсколько отлично отъ древняго *ѣ* (новый *ѣ*, какъ мы видѣли, могъ переходить въ *о*, а древній *ѣ* не зналъ перехода въ *о*), въ тѣхъ словахъ, гдѣ онъ сохранился, скоро совпалъ съ древнимъ *ѣ* и потому имѣлъ одну съ нимъ судьбу, т. е. подобно ему перешелъ въ *і*. Въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в. мы находимъ ш*и*стдесятъ, ш*и*стьцятого, ш*и*сть, нарож*и*ньемъ, гдѣ *и* образовалось изъ новаго *ѣ*; сравни въ Добриловомъ Евангеліи 1164 г.: ш*ѣ*сть, въ рож*ѣ*ньи.

Въ настоящее время въ большей части малорусскихъ говоровъ на мѣстѣ стараго *ѣ*, какого бы происхожденія онъ ни былъ, слышится звукъ *і*, т. е. мягкое *и*, очень близкое къ великорусскому *и* и отличное отъ малорусскаго *и* — рефлекса древняго *и*, если передъ нимъ нѣтъ *j*. Въ меньшей части малорусскихъ говоровъ (по преимуществу въ говорахъ сѣверно-малорусскихъ) и тотъ и другой *ѣ* иногда

рефлексируются или мягкимъ *е*, болѣе или менѣе отличнымъ отъ обычнаго *е*, или дифтонгами *íe*, *ié*.

Кстати замѣтить, что въ тѣхъ малорусскихъ говорахъ, гдѣ *ѣ=і*, есть нѣсколько случаевъ появленія *і* не на мѣстѣ *ѣ*, а на мѣстѣ *и*. Таковы, между прочимъ, слова въ родѣ ум*і*рати, зб*і*рати, к*і*вати, гдѣ *і* замѣнило собою древнее *и* и *ы*, перейдя въ эти глаголы изъ глаголовъ въ родѣ л*і*тати, пом*і*тати; таковы формы дат. ед. на *ові* (въ родѣ вол*ові*), *і* которыхъ, вѣроятно, не что иное, какъ рефлексъ древняго *ѣ* въ формахъ дат. и мѣстн. ед. (жен*ѣ*, теб*ѣ*, берез*ѣ*), занявшій мѣсто древняго *и*; таковы слова, заимствованныя изъ польскаго языка, въ которыхъ *і* передаетъ польское *і* или мягкое *е*: пан*і* (польск. pan*i*, великорусск. пан*ья*), в*і*рша (польск. w*ie*rsz), сок*і*ра (польск. sok*ie*ra).

Звукъ *и*, замѣнявшій собою *ѣ* въ старомъ новгородскомъ говорѣ и перешедшій изъ него въ современные сѣверно-великорусскіе говоры, не находится ни въ какой непосредственной связи съ малорусскимъ *і*.

Звукъ *и* въ современныхъ великорусскихъ д*и*тя, д*и́*тятко и т. п., с*и*дѣть, с*и*жу, с*и́*дя, с*и́*день и т. п., *jи*сть=ѣсть, настоящ. вр.: ѣмъ, *jи*шь, *jи*сть—*jи*стъ и т. д., не находится ни въ какой связи ни съ малорусскимъ *і*, ни съ новгородскимъ *и* изъ *ѣ* (сравни церк.-слав. *сѣ*дѣти, *сѣ*ждѫ, *сѣ*дѧ, сербск. с*ије*ђети, чешск. s*e*děti, польск. s*ie*dzieć; церк.-слав. д*ѣ*тѧ, сербск. д*ије*те, чешск. d*í*tě, польск. dz*ie*cię; церк.-славянск. *я*сти, *я*мь, сербск. *jе*сти, *jе*м—*ије*м, польск. *je*ść, *je*m). Онъ неясенъ по происхожденію, но имѣетъ всѣ признаки древности, являясь иногда подъ удареніемъ и находя себѣ соотвѣтствіе въ малорусскомъ *и* въ с*и*діти, с*и́*день, с*и*дьма́, д*и*тя́, д*и*ти́на (Четья 1489 г.: д*и*тище) и въ словацк. *í*: j*í*m, j*í*š, j*í*=ѣмъ, ѣшь, ѣстъ, такъ что можетъ быть названъ обще-русскимъ.

Отожествленіе *ы* и *и*. Прежде всего должно замѣтить, что въ русскомъ языкѣ есть нѣкоторое количество словъ, въ которыхъ звуки *ы* и *и* неясны по происхожденію и пока не могутъ быть объяснены удовлетворительно; таково *ы* въ словахъ непост*ы*жьнъ, непост*ы*жимъ и т. п., встрѣчающихся въ этомъ видѣ нерѣдко въ древнихъ памятникахъ: Минея 1097 г.: непост*ы*жьна 57; Стихирарь 1157 г.: непост*ы*жьне 84 об.; Тріодь XII в. (Тип. Б. № 256): непост*ы*жиме 84 об.; Слово Ипполита объ антихристѣ XII—XIII в.: пост*ы*зающимъ; Апостолъ 1220 г.: непост*ы*жьнаго 76 и др.; таково *и* въ словѣ т*и*сяча;

послѣднее является въ Галицкомъ Ев. ок. 1266 г., въ Луцкомъ Ев. XIV в., въ западно-русскихъ грамотахъ и два раза даже въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописей (стр. 434, 450); это слово въ чешскомъ и словацкомъ яз. звучитъ *tisíc*, гдѣ *i* послѣ *t* нельзя считать происшедшимъ изъ *ы*. Къ этимъ словамъ слѣдуетъ прибавить еще н*и*нѣ, н*и*нѣшнии, н*и*нѣчя, которыя съ *и* встрѣчаются нерѣдко въ западно-русскихъ грамотахъ и въ Четьѣ 1489 г. и изъ которыхъ послѣднее находится также въ грамотѣ тверскаго князя Бориса 1427 г. (Срезневскій, Свѣдѣнія и зам., № LIV); въ нихъ *и* является также въ польскомъ языкѣ: n*i*nie, n*i*niejszy;—а также древне-русское и современн. д*и*ра, д*и*ря (при д*ы*ра; сравни бѣлорусск. дюра, дзюра, польское dz*iu*ra, греч. *θύρα*). Сверхъ этихъ случаевъ, мы видимъ употребленіе рядомъ *и* и *ы* въ цѣломъ рядѣ случаевъ послѣ *р*: р*и*гати (между прочимъ, въ Лаврент. спискѣ, 350) и р*ы*гати, р*и*кати и р*ы*кати, р*и*чати и р*ы*чати, также какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ: польск. *rzy*gnąć (изъ *ри*—), чешск. *ři*hnûti (изъ *ры*—), польск. *ry*czeć (изъ *ры*—), чешск. *ři*četi (изъ *ри*—). Равнымъ образомъ употребляются рядомъ *и* и *ы* въ древне-русск. кор*и*сть и современн. кор*ы*сть, въ древне-русск. кр*и*ло и современн. кр*ы*ло (Житіе Нифонта 1222 г.: кр*ы*лы своими 122), въ современн. кр*и*къ и кр*ы*къ (Слово о п. игор.: кр*ы*чатъ), гр*и*бъ и гр*ы*бъ. Происхожденіе *и* и *ы* и ихъ взаимныя отношенія здѣсь для насъ также неясны.

Въ галицко-волынскомъ говорѣ звуки *ы* и *и*, постепенно измѣняясь, стали приближаться другъ къ другу и наконецъ дошли въ большей части случаевъ (если передъ *и* не было *j*) до полнаго тожества, такъ что стали звучать или какъ великор. *ы*, или какъ звукъ средній между великор. *ы* и *и*. Случаи употребленія *ы* вм. *и*, указывающіе на взаимное сближеніе звуковъ *ы* и *и*, являются въ галицко-волынскихъ памятникахъ уже съ XII в.; такъ, въ Добриловомъ Ев 1164 г. мы читаемъ: погуб*ы*выи, прос*ы*ти, съвѣтьн*ы*къ; въ Поликарповомъ Ев. 1307 года: о назарян*ы*нѣ, седм*ы*жды; въ Луцкомъ Ев. XIV вѣка: съ н*ы*мь; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в.: с*и*нъ, познавам*и* (1 л. мн.), с болот*и* и т. п. Съ этимъ *и* вм. *ы* не слѣдуетъ смѣшивать *и* вм. *ы* послѣ гортанныхъ, напр., въ ник*и*и, въск*и*се (Добрилово Ев.). Въ настоящее время малорусскіе говоры не знаютъ различія между *ы* и *и* и оба звука въ нихъ звучатъ или какъ *ы*, или какъ очень твердое *и*.

Переходъ *е* **въ** *а*. Обще-русское *е* изъ древняго *е* и *ь* и сѣверно-русское *е* изъ *ѣ*, какъ неударяемое, такъ и ударяемое, въ старомъ псковскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ — подвести которые подъ общіе законы мы не можемъ—съ теченіемъ времени стало произноситься столь открыто, что наконецъ или очень приблизилось къ *а*, или даже отожествилось съ *а*. Псковскіе памятники XIV и XV в. имѣють уже значительное количество случаевъ употребленія буквъ *а* и *я* на мѣстѣ *е*, *ѣ*: Апостолъ 1309—1312 г.: сѣеться въ нечьстия; Параклитикъ 1369 г.: при посадницѣ при Костромя, поите испраливающя (запись), прославихъ твоя божество, всемирноя слово, на покаяния, солнцa омрачашеся, в пучиня, въ чревя, въ вратяхъ, лютя, агняца, колясницами; Прологъ 1383 г.: пришьствия христово, оружию своя, дѣтищa сыи, повѣдашa старець, срѣтя, идя (аор.), покаяниямь, учителямъ (твор. ед.), на мѣстя; Лукино Ев. 1409 г.: имя моя, сердцa ваше, ющa, далечa, ястя (2 мн.) и др.; Трефолой 1446 г.: довляеть 6 об., ангелы сбирающa вся языкы 66 об., господне пришьствия 152 об., вчaрашнии 172 об. Время перехода псковскаго *е* въ *а* мы, за недостаткомъ памятниковъ, не можемъ опредѣлить даже приблизительно, но несомнѣнно, онъ начался за долго до XIV в., въ то время, когда еще не успѣло вполнѣ развиться *о* изъ *е*, и въ XIV в. былъ уже законченъ.

Псковское *а* изъ *е* не стоитъ одиноко въ русскомъ языкѣ. Въ галицко-волынскомъ говорѣ перешло въ *а* то *е*, которое звучало послѣ j въ формахъ им.-вин. ед. средн. рода: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: умножѣнья, куръглашѣнья (им.-вин.), Галицкое Ев. ок. 1266 г.: куроглашенья, въ Словахъ Ефрема Сирина 1492 г.: весѣлья. Оно сохраняется въ малорусскихъ говорахъ и въ настоящее время: камiння, насiння, зiлля, весiлля и т. п. (—ння, —лля изъ —нья, —лья).

Великорусскіе говоры, можетъ быть, потому, что въ нихъ широко распространился переходъ *е* въ *о*, не знаютъ перехода ударяемаго *е* въ *а*, а переходъ *е* неударяемаго произошелъ чрезъ посредство *о* и не имѣетъ, такимъ образомъ, никакого отношенія къ выше указанному явленію псковскаго говора. Звукъ *а* въ формахъ сравнительной степени: Евангеліе 1357 г., писанное въ сѣв. Галичѣ: легчaя будетъ 33 дважды; Ев. 1358 г., написанное, кажется, въ московской области: лжѣя юму бысть 11 об.; Ев. 1399 г., написанное, вѣроятно,

тамъ же: легчая будеть 33, 59; Домострой по сп. XVI в.: крѣпчяя 124; современн. сѣверно-великорусск.: крѣпчая, сильняя, красняя, сильнѣя, краснѣя,—едва ли не есть результатъ ассимиляціи конечнаго *е* съ предшествующимъ *а* (легчая) и послѣдовавшаго за тѣмъ дѣйствія аналогіи (лжѣя); сравни сѣв.-великор. дѣлатъ, игратъ изъ дѣлаетъ, играетъ чрезъ посредство дѣлаатъ, играатъ.—Звукъ *а* въ великорусск. окромя́, опосля́, нельзя́ (въ Ипатьевскомъ сп. лѣт.: нѣлзя 439, нелзя 461; въ зап.-русск. Катихизисѣ 1562 г. нѣсколько разъ: нельза), при кро́мѣ, по́слѣ, древне-русск. нѣльзѣ (Святославовъ Сб. 1073 г. 6, 130; Богословіе Іо. Дамаскина XII в. 188, и др.), неясенъ по образованію; сравни съ окромя́—польск. kromia, съ опосля́—малорусск. після́, піля, съ нельзя́ — старыя формы имен. ед. льзя: Пандекты Антіоха XI в.: кая *льзя* ѥсть 87 об.,—пользя: Уставъ церковный XI—XII в. (Тип. Б. № 285): на пользю 25 об.; но во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы онъ произошелъ изъ *я*.—Формы съ ударяемымъ *а* въ родѣ великорусскихъ сѣмя́нъ, времяя́нъ, племя́нникъ, стремя́нный обязаны своимъ *а* вліянію формъ им.-вин. на *мя*: сѣмя, время и т. п. Сравни въ новгородскихъ Праздникахъ XII—XIII в. (Тип. Б. № 330): пламяньныя стрѣлы 44 об.; въ Ев. 1354 г.: знамянии сихъ 4 об., знамянья 6 об., 9, знамяна (аор.) 11 и т. п.; въ Ев. 1357 г.: знамянья 123 об., знамянавше 58, 151 об. и др.; въ Ев. 1399 г.: времяна 24 об.; въ Лаврентьевскомъ сп.: по времянѣхъ, времяньныхъ, пламянь, знамянья, имяна, племяни и т. п. Сѣверно-великорусск. пря́сный=прѣсный, ся́стрица=сестрица, помя́лышко=помелышко и т. п. суть результатъ перехода *а* въ *е* и возникшаго затѣмъ чередованія въ однихъ и тѣхъ же словахъ *а* и *е*.

Переходъ *а* въ *е*. Звукъ *а* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находился послѣ твердаго согласнаго и имѣлъ на себѣ удареніе, сохранился безъ измѣненія во всемъ русскомъ языкѣ, причемъ остался по прежнему открытымъ звукомъ. Не то было съ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и j, какъ неударяемымъ, такъ и ударяемымъ: оно во многихъ случаяхъ ассимилировалось съ предыдущимъ мягкимъ звукомъ и перешло въ *е*.

Псковскіе памятники XIV и XV вв., имѣющіе нерѣдко *а* вм. *е*, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ рядъ примѣровъ употребленія *е* вм. *а*, показывающихъ, что *е* вм. *а* въ псковскомъ говорѣ того времени было весьма распространено. Мы читаемъ въ Параклитикѣ 1369 г.:

твоѥго хвалениѥ, страшнаго помышлениѥ, из истлѣниѥ, иного прибѣжище, ѥдинаго законодавьце (род. ед.), клѣтвѣ, провѣщелъ, мѣдвеню, клятва прабабнѣя; въ Прологѣ 1383 г.: от смѣрениѥ, от святилище, многа исправлениѥ, своя дѣяниѥ (им.-вин. мн.), старицѣ (им. ед.), въ стьклѣници; въ Параклитикѣ 1386 г.: въпиѥше, кровью излиѥною, смереяся, потресеся; въ Трефолоѣ 1446 г.: цвѣте не увѣдающеи 93 об., доконцае (причаст.) 101 об., из ыстлѣніе 113 об., и др. Эти примѣры показываютъ, что псковское *е* изъ *а* слышалось обыкновенно (но не всегда) или въ концѣ словъ, или въ серединѣ словъ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ. Время, когда закончился въ псковскомъ говорѣ переходъ *а* въ *е*, не можетъ быть нами опредѣлено за неимѣніемъ псковскихъ памятниковъ ранѣе XIV в.

Старый новгородскій говоръ, повидимому, также зналъ этотъ переходъ. Данныя старшихъ новгородскихъ памятниковъ: Минея 1095 г.: въждедая 201, сугражененинъ 222; Минея 1097 года: дивѣщеся 380; Стихирарь Академіи Наукъ XII вѣка: учещую; Милятино Евангеліе 1215 года: учеше 36, оставленъ буду строѥниѥ дому 107 об., прискърьбна ѥсть душе моя 137 об., — могли бы указывать на глубокую древность новгородскаго *е* изъ *'а*, если бы ихъ можно было считать достовѣрными, т. е. не описками. Данныя памятниковъ послѣдующаго времени: Трефолой 1260 года: святаго Георгиѥ; Кормчая ок. 1282 г.: освящеѥть 462 об.; Ев. до 1362 г.: Ѥмилиѥна 160; Новгородская лѣтопись: до Днѣпрѣ 197 (сравни от Днѣпря 198, Днѣпрю 158); Требникъ гр. Шереметева XIV в.: печаль приѥт мя 87, просвѣщеѥть 98,—въ большинствѣ случаевъ не совпадаютъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ современныхъ потомкахъ стараго новгородскаго говора, и потому не внушаютъ довѣрія; только освящеѥть и просвѣщеѥть, кажется, передаютъ особенность живаго языка и указываютъ на существованіе въ немъ *е* изъ *а*. Нынѣшніе сѣверно-великорусскіе говоры, знающіе мѣну *ц* и *ч*, почти всѣ знаютъ и *е* вм. *а*, въ слогахъ какъ неударяемыхъ, такъ и ударяемыхъ, преимущественно при послѣдующемъ мягкомъ согласномъ: петь=пять (но пятый), потерели (но потерялъ), грезь, печель, хозеинъ. Чередованіе *е* и *а* въ однихъ и тѣхъ же корняхъ и словахъ (петь и пятый) повело въ этихъ говорахъ къ появленію *а* на мѣстѣ *е* (*ѣ*) въ словахъ въ родѣ пря́сный (при прѣ́сенъ=прѣсенъ), помя́лышко, сястрица, по преимуществу въ слогѣ съ послѣдующимъ твердымъ согласнымъ.

Сверхъ этихъ сѣверно-русскихъ говоровъ, мягкое *е*, или *є* изъ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и j существуетъ въ нѣкоторыхъ западныхъ малорусскихъ говорахъ: галицк. т*є*жко, *жє*ль, шабл*є*, кон*є* (отсюда кое-гдѣ *і*: *жі*ль, *жі*ти, ч*і*сто=жаль, жати, часто; сравни въ Виршахъ Кассіана Саковича, напечатанныхъ въ Кіевѣ въ 1622 г.: молч*ѣ*ня=молчанье). Здѣсь оно является какъ безъ ударенія, такъ и подъ удареніемъ, безразлично въ слогахъ съ послѣдующимъ мягкимъ и съ послѣдующимъ твердымъ согласнымъ. Время появленія этого *є* мы не въ состояніи опредѣлить; всѣ данныя галицко-волынскихъ памятниковъ, начиная съ Добрилова Ев. 1164 г., которыя имѣютъ *е* вм. *а*, намъ не внушаютъ довѣрія.

Аканье. Съ указаннымъ измѣненіемъ не имѣютъ ничего общаго тѣ измѣненія звука *а*, которыя мы видимъ въ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ и которыя находятся въ тѣсной связи съ измѣненіями звуковъ *е* и *о* и имѣютъ мѣсто исключительно въ слогахъ неударяемыхъ. Если мы взглянемъ на латинскій языкъ, то увидимъ въ немъ потемнѣніе гласныхъ звуковъ, или измѣненіе неударяемыхъ *е* и *о* въ болѣе глухія *і* и *u*: l*e*go—coll*i*go, *e*mo—red*i*mo, bon*o*s—bon*u*s. Подобныя явленія потемнѣнія гласныхъ, имѣющаго своею причиною ослабленіе мускульнаго усилія при произношеніи, взятыя въ совокупности, составляютъ отличительную особенность южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ—такъ называемое *аканье*. Оно состоитъ въ настоящее время въ слѣдующемъ.

Послѣ твердыхъ согласныхъ старыя неударяемыя *а* и *о* въ однихъ случаяхъ—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ чаще, въ другихъ акающихъ рѣже—звучатъ глухо и приближаются къ *ы*, такъ что слышится глухой звукъ, который мы можемъ назвать условно *ъ*: на́ д*ъ*мъ=на́ домъ, вы́с*ъ*дка=вы́с*а*дка; въ другихъ случаяхъ—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ рѣже, въ другихъ чаще—*а* сохраняется, а *о* (если не сохраняется, какъ въ юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ послѣ ударенія: до́бр*о*г*о*, при г*а*сп*а*д*а*ра́) болѣе или менѣе приближается къ *а*: с*а*ди́ть, са́д*а*, сл*а*ва́=слова́, д*а*бро́. Послѣ мягкихъ согласныхъ въ однихъ случаяхъ, въ соотвѣтствіе *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ,—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже—*а* и *о* звучитъ какъ *и*: св*и*то́й, п*и*то́къ, ч*и*сы́, б*и*ру́=бёру́, бе́ру́, нич*и*во́=ничово, ничего; въ другихъ случаяхъ—въ московскомъ говорѣ рѣже, въ другихъ чаще—*а* сохраняется и *о* (если не сохра-

няется) приближается къ *а*: московск. п*о́ля*=п*о́ля* и п*о́лё*, п*о́ле*, н*а́*ш*а* =н*а́*ш*а* и н*а́*ш*о*, наше, курск. и бѣлор. свят*о́й*, ч*а*с*ы́*, бяр*у́*, нич*а*г*о́*.

Неударяемое *е*, какого бы оно происхожденія ни было, изъ стараго ли *е*, или изъ *ь*, *ѣ*, въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ слышится глухо и иногда сохраняется, иногда (чаще) звучитъ какъ *и*: м*и*ня́, т*и*бѣ́, н*и*дѣ́ля; въ другихъ акающихъ говорахъ оно иногда звучитъ также какъ *и*, но чаще какъ *а*: мяне́, тябѣ́, нядѣ́ля.

Различіе въ произношеніи неударяемыхъ гласныхъ находится въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій. Напримѣръ, сохраненіе *а* и образованіе *а* изъ *о*: с*а́*д*а* (род. п.), сл*о́*в*а*=слово, б*а*р*а́*на, з*а*д*о́*къ, сил*а*ч*а́*, въ московскомъ говорѣ всего чаще имѣютъ мѣсто тогда, когда *а* находится въ слогѣ сосѣднемъ со слогомъ ударяемымъ; глухой *ъ* изъ *а* и *о*: съпаг*и́*, зъхатѣ́лъ, стърик*у́*, является обыкновенно (но далеко не всегда) въ слогѣ третьемъ отъ ударяемаго.

Начало нашего аканья по памятникамъ можетъ быть возведено въ XIV в. (при этомъ должны быть оставлены въ сторонѣ данныя псковскихъ памятниковъ въ виду возможности толковать ихъ различно). Первые случаи замѣны неударяемаго *о* какъ древняго, такъ и образовавшагося изъ *е*, звукомъ *а* являются въ памятникахъ, написанныхъ въ Москвѣ и въ московской области около половины XIV в.: Ев. 1339 г., запись: въ *а*пустѣвшии земли (Срезневскій, Св. и зам., № LXXXVI); Ев. 1354 г.: всаж*а*нъ 5 об., на веч*а*рехъ 71 об., веч*а*ряю 126, ж*а*лаше 130 об. (рядомъ: ни о ком ж*о*, глаголаш*о* и др.); Ев. 1358 г.: възрад*а*вашася 120 об.; но они мало внушаютъ довѣрія и могутъ быть признаны за ошибки или описки. Можно упомянуть еще о Бр*о*шевую (вин. ед., названіе деревни) въ духовной Ивана Калиты и Бр*а*шевая (названіе той же деревни) въ духовныхъ вел. кн. Ивана Ивановича, Димитрія Донскаго, Василія Димитріевича; удареніе этого слова, вѣроятно, было не на первомъ слогѣ. Несомнѣнные слѣды *а* вм. *о* находятся въ памятникѣ самаго начала XV в.—въ коломенской Палеѣ 1406 г., писецъ которой не всегда различаетъ *а* и *о* и ставитъ буквы *а* и *о* одну вмѣсто другой: мъл*а*ньямъ=мол*о*ньямъ 3, п*а* роду 20, дом*а*чадець 66 дважды, порящая по вздуху 20, зад*о*вити 31. Памятники второй половины XV в. имѣютъ *а* вм. *о* уже нерѣдко, хотя впрочемъ огромное большинство ихъ, особенно московскіе акты разнаго рода, упорно придерживаются старой орѳографіи; въ полоцкомъ договорѣ съ Ригою 1478 г. мы читаемъ: п*а* веснѣ,

*па*сле, *а*бою сторонъ, ст*а*ить, д*а* Ильина дня; въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: пот*а*пталъ, п*а*ганый, к*а*рабль, н*а*ября, рад*а*ватися.

Одновременно съ *а* вм. *о* начинаютъ появляться съ одной стороны случаи употребленія *е* вм. *а* въ неударяемыхъ слогахъ: надпись на монетахъ кн. Андрея Можайскаго конца XIV в.: печать кн*е*жа= княжа́; Ев. 1354 г.: вид*е*ща 50; Ев. 1399 г.: церкы св*ѣ*щающия злато 51 об.; указанный договоръ 1478 г.: риж*е*не, о ч*е*сехъ; Четья 1489 г.: св*е*того 11, пам*е*ть 255 об., колодези 212 об., в*е*зати 229 и друг. Съ другой стороны появляются *и* и *ы* вмѣсто *е* и *о*: Ев. 1354 г.: донд*и*же (постоянно), ащ*и* 133, и доселѣ н*и* имать быти 154 об.; Ев. 1399 г.: вы не вѣсте ни помышля*и*те 16, горе вамъ яко въздрыда*и*те и въсплачетеся 68 (рядомъ: любодѣѥвыи 37 об., мысл*е*те, 2 л. мн., 39, множ*е*цею 48 об.); духовная в. кн. Василія Дмитріевича: по матери мо*и*е животѣ, Скирм*е*ново, Гусл*е*ця (названія селъ; сравни въ духовной Ив. Калиты: Скирм*и*новьскоѥ, Гусл*и*ця, гдѣ *и*, по всей вѣроятности, неударяемое); полоцкій договоръ 1478 г.: тягл*и*цовъ (им. тяглецъ), серебр*ы*ный вм. серебр*о*ный, серебр*е*ный; Четья 1489 г.: кл*и*нися 5 об., мертв*и*ца 35, лест*и*цемъ.

Приведенныя данныя показываютъ, что начало аканья восходитъ къ XIV в. и что въ XV в. оно существовало если не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ теперь, то все таки въ значительныхъ размѣрахъ.

Въ XIV и XV вв. нашъ сѣверъ вообще и Москва въ частности уже имѣли опредѣленную орѳографію, и понятно,—аканье оказалось не въ состояніи ее поколебать. Вслѣдствіе этого при помощи нашего правописанія можно съ достаточною точностью опредѣлить, гдѣ въ древнее время произносилось *о*, *е*, *а*. Однако не всегда. Въ нашу орѳографію, при всей вѣрности ея традиціи, вкралось не мало ошибокъ, особенно въ тѣхъ словахъ, которыя болѣе или менѣе рѣдко встрѣчались въ старомъ литературномъ языкѣ.

Мы употребляемъ теперь *а* вм. *о* въ цѣломъ рядѣ словъ, взятыхъ изъ церковно-славянскаго языка: въ словахъ съ префиксомъ *раз*—, въ словахъ р*а*сту, р*а*стеніе (вмѣсто р*о*сту, р*о*стеніе), р*а*бота, р*а*кита, з*а*ря (послѣднее слово въ церк.-слав. языкѣ звучало не только з*а*ря, но и з*о*ря; сравни польск. zorza, чешск. zoře, соврем. сѣв.-великор. з*о*ря, южно-великорусск. зо́рю, зо́ри, зо́ренька, малорусск. з*о*ря), въ формахъ род. пад. ед. ч. прилагательныхъ *аго*, *яго* вм. *ого*, *его*; здѣсь наше аканье не только не внесло въ нашу орѳографію ничего новаго,

но и способствовало утвержденію старыхъ церк.-славянскихъ написаній. Въ другихъ случаяхъ аканье послужило къ употребленію вполнѣ неправильныхъ, ничѣмъ съ сравнительно-этимологической точки зрѣнія не оправдываемыхъ написаній, именно въ словахъ: *ка*лачъ вм. *ко*лачъ, при сѣв.-великор. *ко*лачъ (расходная книга Никона 1652 г.: *ко*лачи; Временникъ О. и. и др. III, 5); сравни чешск. kolač, сербск. *ко*лач; *ка*сатка вм. *ко*сатка (сравни коса и т. п.); б*а*рсукъ, при древне-русскомъ б*о*рсукъ, сравни польск. borsuk; л*а*пта (названіе дѣтской игры), сравни чешско-словацк. lopta; ст*а*канъ, сравни древне-русск. дост*о*канъ, ст*о*канъ (*о* изъ *ъ*); завтр*а*къ, завтр*а*кать, сравни въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтоп. (128, 149) и въ Словѣ о полку игор. заутр*о*къ, заутр*о*кати, польск. zajutrék (*е* изъ *ъ*), род. п. zajutrka; к*а*рманъ, сравни собственное имя К*о*рманъ въ 1-й Псковской лѣтописи (Полн. собр. р. л. IV, 189), польск. мѣстное названіе въ актѣ 1424 г.: in villa Cormanicze in Premisliensi districtu (Akta gr. i ziemskie, VII, 65), польск. областн. korman покрышка для платья отъ дождя (Rozprawy Akad. Krakowsk., VIII), великор. областн. *ко*рма мотня у невода; кр*а*пива, сравни кр*о*пива въ Домостроѣ XVI в. 120, Кр*о*пивна въ духовной Димитрія Донскаго, укр*о*пъ и т. п.; бр*а*зда́ вожжа („бр*а*зды правленія“), сравни ц.-слав. бръзда, въ Прологѣ Погодина Публ. Б. № 59, XIV в.: бр*о*зды въ уста вложеше; здѣсь *а* явилось очень рано (бр*а*здами и уздою, Псалтырь 1296 г.), вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія этого слова со словомъ бр*а*зда=борозда; названія: В*а*зуза, М*а*сальскъ, К*а*шира и т. п., сравни въ Новгородской лѣтописи: В*о*зуза 167, М*о*сальскъ 229, въ духовной вел. кн. Ивана Ивановича: К*о*шира.

Рядомъ съ *а* вм. *о*, мы находимъ также употребленіе *о* вм. *а*, несогласное съ древнимъ произношеніемъ, въ словахъ: бал*о*мутъ, ср. малорусск. бал*а*мутъ; ласк*о*въ, ср. церк.-слав., др.-русск. и малорусск. ласк*а*въ; Житіе Нифонта 1222 г.: ласк*а*вымь 121; но уже въ Лаврентьевск. спискѣ ласк*о*въ 444; л*о*токъ, сравни древне-русск. л*а*тъка, соврем. великор. л*а*чуга; ов*о*дъ, сравни въ Житіи Өеодосія печерскаго XII в.: ов*а*ду и комаромъ, ов*а*да и комара 11, польск. owad; нав*о*жденіе дьявольское; сравни въ старыхъ памятникахъ нав*а*жденик, глаголъ в*а*дити.

Буква *е* вмѣсто *я* пишется теперь въ словахъ: т*е*тива, ц.-слав. т*ѧ*тива; ястр*е*бъ, сравни въ Златоструѣ XII в.: о ястр*я*бѣхъ, въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: ястр*я*бъ 63, въ Лѣствицѣ 1334 г.:

ястребля вида 136 об., въ Ипатьевскомъ сп. лѣт.: ястрябомъ 487, польск. jastrząb.

Сверхъ этого, мы пишемъ 1) *и* вм. *е*, *ѣ* въ свирѣпъ (постоянно съ *и* уже въ Палеѣ 1406 г.), при церк.-слав. и др.-русск. сверѣпъ; въ мизинецъ, при др.-русск. мѣзинъ (Лаврентьевск. сп.: людье мѣзинии 359), сербск. мезимац, чешск. mezinec; въ свидѣтель, при ц.-слав. и др.-русск. съвѣдѣтель (съ *и* уже въ Палеѣ 1406 г.); въ снигирь, при чешск. sněhula, польск. snieguła; въ вития, улизнуть, колѣни, двѣсти; и 2) *ы* вм. *о* въ полымя = поломя, церк.-слав. пламѧ.

Благодаря аканью, въ акающихъ говорахъ явилось значительное число случаевъ чередованія *а* безъ ударенія (изъ *о*) и *о* съ удареніемъ: вскачу́—вско́читъ, нашу́—но́ситъ, акно́ - о́кна, вада́—во́ды. Они повели къ возникновенію въ нѣкоторыхъ словахъ *о* на мѣстѣ ударяемаго *а* и къ образованію чередованія стараго *а* безъ ударенія съ новымъ *о* съ удареніемъ: плачу́—пло́титъ, сажу́—со́дитъ, дарю́—до́ритъ, пальто́—по́льта, кайма́—ко́ймы, бѣлор. кро́сонька при краса́, што́ники при штаны́ и т. п. Въ формѣ котитъ (отъ качу, катить)—*о* древне; сравни малор. котити, чешск. kotiti, польск. pokotem.

Къ явленіямъ такъ называемаго аканья не слѣдуетъ относить *е* въ словѣ лебедь. Это слово является съ *е* въ Русской Правдѣ по сп. 1282 г.; въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи оно звучитъ лебідь и лебедь, лебідка, лебюдка; въ современн. великорусскихъ говорахъ мы слышимъ лебёдушка, лебёдка, гдѣ *ё*=*о* ясно указываетъ на древнѣйшее *е*. Такимъ образомъ *е* въ лебедь нужно считать древнимъ и если и происшедшимъ изъ *а*, то все таки не имѣющимъ связи съ аканьемъ и образовавшимся гораздо раньше появленія аканья. Слово лебедь родственно съ польскимъ łabędź, чешск. labuť, сербск. лабуд (*ę* и *у* изъ *ѫ*); въ нашемъ лебяжій *я* восходитъ къ *ѧ*. Кромѣ этого слова, въ великорусскомъ нарѣчіи есть нѣсколько глагольныхъ формъ, въ которыхъ вмѣсто ожидаемаго *а* мы имѣемъ *е* и *о* подъ удареніемъ; эти формы — запречь, запрёгъ, при запряжка и т. п., и трёсъ при тряска и т. п. Находящаяся въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ форма запрюогъ (сравни запрягу) имѣетъ дифтонгъ *уо*, который указываетъ на древнее *е*; при великор. трёсъ существуетъ малорусское украинск. тріс (сравни трясу), гдѣ *і* происходитъ также изъ болѣе древняго *е*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ звукъ *е* не можетъ быть поставленъ въ связь съ аканьемъ: это звукъ древній, встрѣчающійся въ говорахъ

не акающихъ. Вѣроятно, здѣсь мы имѣемъ дѣло со старымъ явленіемъ, возникшимъ благодаря вліянію такихъ глагольныхъ формъ, какъ *лягу—лечь—лёгъ, сяду—сѣлъ*, въ которыхъ чередуются *а* и *е*.

Само собою разумѣется, съ аканьемъ также не имѣетъ ничего общаго ни то сѣверно-великорусское *а*, которое иногда слышится въ род. над. прилагательныхъ: доброва, худова, синева (здѣсь надо видѣть слѣдствіе вліянія формъ род. пад. именъ существительныхъ), ни малорусское *а* въ словахъ багатый, гараздъ, гарячий и др., которое мы встрѣчаемъ въ галицко-волынскомъ Указателѣ еванг. чтеній XIII—XIV в.: багатъ, и которое явилось подъ вліяніемъ *а*, находящагося въ послѣдующемъ слогѣ, такъ что это *а* есть слѣдствіе ассимиляціи гласныхъ. Кстати замѣтимъ, что въ малорусск. можна=можно мы имѣемъ дѣло съ полонизмомъ: сравни польск. można (подразумѣвается rzecz).

Мелкія явленія въ исторіи гласныхъ. 1. Въ новгородскомъ говорѣ, издревле знавшемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (но не всегда) замѣну *ѣ* черезъ *и*, послѣ того какъ тотъ *ѣ*, который не перешелъ въ *и*, отожествился съ *е*, явился рядъ случаевъ употребленія *и* вмѣсто *е* и на оборотъ: 1) Ев. 1355 г.: нѣсть пророкъ бе-щисти 51 об.; Требникъ гр. Шереметева XIV в.: творицъ 68 об., в бещистьи 139 об., растоциная 75, прегрешиния 118; 2) Тріодь 1311 г.: каделницю 71 об.; Ев. 1355 г.: свѣтелника 72 об.; Прологъ 1356 г.: пресныи другъ 84 об.; Ев. до 1362 г.: сынове неприязнены 142; Новгородская лѣт.: подъвегли = подвигли 21. Сравни современн. сѣверно-великорусскія щиль, либедь, ракетовъ кустъ, вехорь, печь истопелась и т. п. Эти *и* вмѣсто *е* съ одной стороны и *е* вм. *и* съ другой объясняются дѣйствіемъ аналогіи тѣхъ словъ, въ которыхъ на мѣстѣ древняго *ѣ* звучало то *и*, то *е*; такимъ образомъ чисть возникло рядомъ съ честь благодаря существованію вмѣстѣ весть и вить = вѣсть; чередованіе звуковъ *е* и *и* (изъ *ѣ*) въ хотелъ и хотилъ (=хотѣлъ) вызвало, рядомъ съ истопилъ, — форму истопелъ, и т. д. Старые псковскіе памятники также знаютъ эти новыя *и* и *е*: Прологъ 1383 г.: створиние, идолослужетели, друженою; Лукино Ев. 1409 г.: тритьея. Такъ какъ новгородскій говоръ оказалъ вліяніе на установленіе въ Москвѣ правописанія, а вмѣстѣ и произношенія нѣкоторыхъ словъ, то новгородское *е* вмѣсто *и* явилось въ нѣсколькихъ словахъ нашего литературнаго языка: апрѣль (съ *ѣ* уже въ Палеѣ 1406 г., 12), Огрофена; сравни малор. Горпина, со старымъ *и*.

2. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ, вмѣсто мѣстоименія *онъ*, мы часто слышимъ *ёнъ*, *енъ*, *ёна*, *ена*, *яна́*, множ. ч.— *ёны́*, *ены́*, *енѣ́*, *яны́*, *янѣ́*. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ переходомъ *о* въ *е*, а съ слѣдствіемъ вліянія формъ косвенныхъ падежей мѣстоименія *и*: *ёму́*, *ему́*, *яму́*, *её́*, *яе́* и т. д.

3. Возвратное мѣстоименіе *ся* въ южно- и сѣверно-великорусскихъ говорахъ нерѣдко звучитъ *си*: сажу*си*, сади*си*, попал*си*. Здѣсь, вѣроятно, мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ однихъ глаголовъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ на другіе. Нѣкоторые глаголы, сочинявшіеся съ дательн. пад., нѣкогда имѣли при себѣ мѣстоименіе *си*: съжалити *си*, стужити *си*, судити *си* Галицкое Ев. 1144 года, Юрьевское Ев., препинати *си*, прѣтъкнути *си* Лѣствица XII в. (Рум. М. № 198) 129, годити *си* Патерикъ Синайскій XII в. (Син. Б.) 45, сотснути *си* Лаврентьевск. сп. л., 282. Вліяніе ихъ послужило причиною того, что *си* замѣнило собою *ся* и въ рядѣ другихъ глаголовъ, сочинявшихся издревле съ винит. пад., напримѣръ, въ възвратити *ся*: възврати *си* Лаврент. сп. л., 328.

4. Малорусскія формы прош. врем. имѣютъ звукъ *у* на мѣстѣ великорусскаго *ы*: б*у*въ, б*у*ла́, б*у*ли́, заб*у*въ, заб*у*ла и т. п. Въ старшихъ памятникахъ малорусскаго нарѣчія подобныхъ формъ не встрѣчается, и только въ Луцкомъ Ев. XIV в. мы находимъ причастіе заб*у*вена (=забвена), указывающее, что формы б*у*лъ и др. въ то время могли уже существовать. Если это *у* не древне и форму б*у*ти при б*ы*ти нельзя ставить рядомъ съ формами сл*у*ти и сл*ы*ти, пл*у*ти и пл*ы*ти (сравни *u* въ b*u*ł, b*u*l, pozab*u*dl разныхъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ), то должно думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи, именно что *у* въ б*у*ти образовалось подъ вліяніемъ формъ будущ. врем., имѣющихъ *у*:—буду, будемъ и т. д. Во всякомъ случаѣ объяснять *у* въ б*у*ти, какъ образовавшееся изъ *ы* путемъ перехода *ы* въ *у*, нельзя.

Великорусскія и бѣлорусскія б*у*ло́, б*у*ва́ть, б*у*ва́ць и т. п., съ неударяемымъ *у*, встрѣчающіяся изрѣдка рядомъ съ б*ы*ло́, б*ы*ва́ть, несомнѣнно одного происхожденія съ малор. б*у*лъ и проч.

Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ. Кромѣ глухихъ *ъ* и *ь* и *и*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, спорадически, ослабѣли и потомъ исчезли изъ произношенія также другіе гласные, неударяемые, главнымъ образомъ конечные.

Къ числу случаевъ исчезновенія конечныхъ чистыхъ гласныхъ прежде всего нужно отнести исчезновеніе *ѣ* въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ формахъ родительн. пад. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій женск. рода, т. е. въ формахъ въ родѣ добро*ѣ* (собственно: добро*јѣ*), сине*ѣ*, то*ѣ*, ваше*ѣ*. Его результатомѣ было образованіе формъ съ *ј* на концѣ: доброј, синеј, тој, вашеј, которыя употребляются нами теперь; впрочемъ, формы на *ѣ* сохранились до настоящаго времени, особенно въ языкѣ пѣсенъ. Когда сталъ исчезать въ нихъ конечный *ѣ*, сказать трудно, такъ какъ въ старыхъ памятникахъ *ј* передавался буквою *и*, и нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ *и* = *и* и гдѣ *и* = *ј*. Старшій памятникъ, намъ извѣстный, гдѣ мы можемъ указать отсутствіе *ѣ*,—новгородское Евангеліе до 1362 г.: радости ваше никто же възметь 125 (сравни жит*и*скыми 67 об.); здѣсь писецъ не сумѣлъ передать на письмѣ *ј* и не означилъ его никакою буквою; полоцкая грамота 1465 г.: ваше милости слуга. Кромѣ этихъ формъ, мы не находимъ конечнаго *ѣ* въ частицѣ *вѣдь*, нѣкогда бывшей формою 1-го л. ед. перфекта вѣд*ѣ*: Лаврентьевскій списокъ лѣт.: то вѣд*ѣ* яла вы рота 269. Эта форма употребляется въ значеніи *вѣдь* также въ церк.-славянской Супрасльской рукописи; сравни старо-чешск. vědě=enim (Виттембергская Псалтырь XIV в: čso vědě mně=quid enim). Равнымъ образомъ отпалъ конечный *ѣ* — далеко не всегда — въ нарѣчіяхъ докол*ѣ*, откол*ѣ*, досел*ѣ* и т. п.; первое изъ нихъ безъ *ѣ* находится уже въ Новгородской лѣтописи: доколь 142.

Формы творит. пад. ед. словъ женскаго рода во многихъ случаяхъ утратили конечное *у*, сохранивъ бывшій передъ нимъ *ј*:— жено*й*, добро*й* изъ жено*ю*, добро*ю*. Первые извѣстные намъ случаи, гдѣ отсутствуетъ *у*, встрѣчены нами въ Апостолѣ 1220 г.: христовою сило вѣща 41 об.; далѣе, мы находимъ въ Житіи Нифонта 1222 г.: молитво и постъмь 66 об., въ Ев. XIII в. Публ. Библ. (f. 9): съ мно юсте 11, въ Прологѣ 1356 г.: он же третице пославъ бѣсы 32, въ двинской рядной XIV в.: двоpяниномъ Матуто*и* Мартынкомъ, въ новгородской грамотѣ 1396 г.: за олексѣево*и* пецатью. Во всѣхъ первыхъ примѣрахъ писцы не сумѣли изобразить j, оставшагося на концѣ словъ по исчезновеніи *у*; въ послѣднихъ примѣрахъ писцы передали j, по обычаю, черезъ *и*. Кромѣ формъ твор. ед., отпаденіе конечнаго *у* мы наблюдаемъ въ *нѣ-ту*=нѣсть ту; оно произошло не позже XIV в.: Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: наряда въ неи нѣтъ; договоръ Ди-

митрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: мира нѣтъ, воины нѣтъ; грамота кн. Андрея Полоцкаго до 1399 г.: нетъ. То же мы видимъ въ великорусскихъ формахъ 1-го л. ед. наст. вр. *чаю*, *благодарствую*, которыя нерѣдко произносятся *чай*, *благодарствуй*, и въ малорусской формѣ дат. ед. *чому* въ тѣхъ случаяхъ, когда эта форма употребляется какъ нарѣчіе, въ значеніи зачѣмъ; сравни съ малорусск. чомъ древнерусское *чему*, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *чему* ты не казаше сыновъ своихъ 269.

Опущеніе *е* мы иногда видимъ въ формахъ сравнительной степени въ родѣ скорѣ*й*, сильнѣ*й*, яснѣ*й* изъ скорѣј*е* и т. д. и въ близкомъ къ нимъ нарѣчіи развѣ*й* изъ развѣј*е*. Оно восходитъ къ XIV в.: Ев. 1354 года: отраднѣ*и* будеть земли содомьстѣи неже граду тому 37 об., разви*и* женъ 53 об., развѣ*и* словеси 63; Ев. 1355 г.: земли Сисодомьстѣи легъча*и* будеть неже тобѣ 34; Ев. 1358 г.: Туру и Сидону легча*и* будеть 41, церкве болѣ*и* ѥсть сдѣ 42, добрѣ*и* бо ти ѥсть 55, да первѣ*и* насытяться чада 79, что ѥсть удобѣ*и* рещи 88 об., вдовица множа*и* всѣхъ въверже 132, другии ученикъ рече скорѣ*и* Петра 219 и друг. Буква *и* здѣсь означаетъ, безъ сомнѣнія, ј, т. е. она равна нашему *й*. Кромѣ указанныхъ формъ, конечное *е* отсутствуетъ теперь или всегда, или иногда въ лишь, прочь = др.-русск. лиш*е*, проч*е* (Новгородская лѣтопись: поиде проч*е* 319), авось=др.-р. авос*е* (грамота ок. 1454 г.: авос*е* приставъ твои; Мейчикъ, 193), ужъ =уж*е*, —*жъ* = —*же*. По памятникамъ, отпаденіе здѣсь *е* относится къ XIII в.: договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: а*ж* бы (нѣсколько разъ); Прологъ 1356 г.: бѣ бо ужъ преставилъся 7; Ев. до 1362 г.: ѥльма *ж* другъ ми приде 70.

Опущеніе *а* мы видимъ въ возвратномъ мѣстоименіи *ся* при глаголахъ: найтись, сдѣлалось, удалось и т. п. Исчезновеніе здѣсь конечнаго гласнаго восходитъ къ XIV в.: новгородская грамота 1373 г.: учинилось, договоръ Риги съ Полоцкомъ 1405 г.: надеючесь. Стоитъ отмѣтить еще хотъ изъ хотя.

Конечное *о* потеряно цѣлымъ рядомъ нарѣчій и частицъ: тутъ (древн. тут*о*), вотъ (древн. вот*о*, от*о*), вонъ (древн. вон*о*, он*о*), какъ, такъ (древн. как*о*, так*о*), камъ (др. кам*о*), которыя встрѣчаются безъ *о* въ памятникахъ XIV вѣка: Прологъ 1356 г.: створи же такъ ѥпископъ 11 об., камъ ѥси дѣлъ 67 об.; Лаврентьевскій списокъ: такъ буди 76.

Въ нѣсколькихъ великорусскихъ словахъ, въ концѣ ихъ, мы находимъ исчезновеніе болѣе, чѣмъ одного гласнаго звука. Древнѣйшій видъ нарѣчія *топерь*, *теперь* былъ топьрьво (Лаврентьевскій сп., 111) или тепьрьво (теперво, Прологъ XIII вѣка; Срезневскій, Св. и зам., № LXXXVII, стр. 176), откуда сперва теперьвъ, потомъ теперь. Слово *государь* потерпѣло цѣлый рядъ измѣненій: сперва исчезъ въ немъ звукъ *г*, потомъ *о*, такъ что оно стало звучать *сударь*; потомъ слогъ *дарь*; такимъ образомъ получилось *су*, частичка, иногда употреблявшаяся (и, кажется, употребляющаяся) въ значеніи современнаго *съ* въ слушаю-*съ*, иногда не имѣвшая никакого значенія; напр., въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума, извѣстнаго раскольническаго первоучителя, мы читаемъ: я-*су*, простите, своровалъ; какъ-*су* мнѣ царя не жалѣть? Потомъ и эта частица потерпѣла сокращеніе и утратила свой гласный звукъ; она употребляется теперь нами только для выраженія вѣжливости. Слово *надо* есть сокращеніе древняго на *добѣ*.

Въ началѣ словъ исчезло *и* въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ въ нѣкоторыхъ словахъ: *мати*, *меновати*, *грати*, и въ предлогѣ-префиксѣ *зъ*: малор. *зъ* лісу, бѣлор. *зъ* лѣсу = *изъ* лѣсу, и т. п. Когда предлогъ *изъ* сталъ употребляться въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ рядомъ и въ полномъ, и въ сокращенномъ видѣ (Псалтырь 1296 г.: незмѣньному 108 об.) и въ послѣднемъ случаѣ иногда звучать одинаково съ предлогомъ *съ*,—произошло смѣшеніе *изъ* и *съ*, результатомъ котораго явилось употребленіе *изъ* и *зъ* вмѣсто *съ*, съ значеніемъ *съ*. Это употребленіе мы находимъ уже въ XIV в.: въ Луцкомъ Ев. XIV в.: *ис*твори, *ис* нимь, не *исъ*блазнитеся; въ грамотѣ литовскихъ князей 1350 г.: тягатися *исъ* королемь, поити *ис* татары; въ грамотѣ Витовта 1383 г.: *з* лѣсомъ, *з* лугами. Кромѣ *и*, можно упомянуть объ исчезновеніи начальнаго *е* или *о* въ *ще*=еще.

Исчезновеніе гласныхъ въ серединѣ словъ, болѣе или менѣе общее всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, очень рѣдко и можетъ быть указано только въ словѣ *десять*, которое, въ сложеніи съ другими числительными и при потерѣ ударенія, очень рано начинаетъ появляться въ сокращенномъ видѣ: *дсять*, откуда *тцять*, *тцать*. Мы находимъ его безъ *е*, между прочимъ, въ новгородскомъ Ев. 1270 года: ѥдиного на дъсять, ѥдиного на дъсяте (нѣсколько разъ); въ новгородскомъ же Ев. XIII—XIV в. Типографской Библ. № 13: ѥдинъ на дъсять, ѥдиному на дъсять; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ 1314 г.: полу

трьтия дчати; въ Новгородской лѣтописи: полъ пята дьсятъ 96. Въ настоящее время это числительное безъ ударенія звучитъ во всемъ русскомъ языкѣ *тцять, тцать*. Слово *заяцъ* въ великорусскомъ нарѣчіи въ косвенныхъ падежахъ и въ большей части производныхъ утратило свое *а*, сохранивъ только предшествующій ему j: зайца, зайчикъ и т. п. По всей вѣроятности, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ случаевъ дѣйствія аналогіи: сравни боецъ, пропоецъ, род. бойца, пропойца и т. д., довольно позднимъ; по крайней мѣрѣ Сумороковъ еще знаетъ формы съ гласнымъ: и много заяцовъ весьма по тѣмъ мѣстамъ (басня „Совѣтъ боярскій").

Акающіе говоры, особенно великорусскіе, вообще склонны къ опущенію въ серединѣ словъ неударяемыхъ гласныхъ. Мы слышимъ нерѣдко въ пѣсняхъ и быстрой рѣчи: первиваючи, колколъ, гворить и т. под.

Кстати замѣтимъ, что древне-русское, весьма обычное въ памятникахъ рьку, рьчеши, рька (причаст.), откуда рку, рка, и т. п., не имѣетъ ничего общаго съ только что указанными примѣрами. Въ этомъ глаголѣ образованіе *ь* относится къ древнѣйшей, обще-славянской эпохѣ, и отношеніе др.-русскаго рьку къ церк.-слав. рекѫ совершенно одинаково съ отношеніемъ церк.-слав. мьрѫ, тьрѫ къ берѫ, перѫ. Чешскій языкъ имѣетъ также řku, řka и т. п., изъ рьк—.

Стяженіе гласныхъ. Великорусскіе, главнымъ образомъ окающіе говоры въ нѣкоторыхъ, немногихъ случаяхъ знаютъ стяженіе двухъ гласныхъ въ одинъ. Сюда относятся глагольныя формы въ родѣ игратъ =играетъ, играмъ = играемъ и формы косвенныхъ падежей мѣстоменій: мово=моево, мому=моему. Древность стяженія здѣсь гласныхъ на нашъ взглядъ подлежитъ сомнѣнію; по крайней мѣрѣ относящіяся сюда извѣстныя намъ данныя памятниковъ (Ев. 1357 г.: иже на кровѣхъ да не слезатъ възятъ же еже есть въ храминѣ 123 об.; Ев. 1358 г.: моляше и фарисѣи да обѣдатъ у него 102; Псалтырь XIV в. Румянц. Муз. № 327: чаяхъ спасения твого) кажутся намъ не заслуживающими довѣрія, описками.

Литература.

Колосовъ. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол. Варшава, 1872. Этотъ трудъ составленъ исключительно на основаніи печатнаго матеріала, скуднаго и изданнаго не всегда точно.

Колосовъ. Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка. Варшавскія Университетскія Извѣстія 1876 г., и отд., Варшава, 1876. Здѣсь кое-что о звукахъ *ѣ* и *ы*.

Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава, 1878. Этотъ очень плохой трудъ имѣетъ своимъ предметомъ одно великорусское нарѣчіе.

Потебня. Два изслѣдованія.... (объ особенностяхъ русскихъ говоровъ).

Потебня. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Воронежъ, 1871.

Житецкій. Обзоръ...

Ogonowski. Studien...

Соболевскій. Изслѣдованія въ области русской грамматики. Варшава, 1881. Замѣчанія на этотъ трудъ: Beiträge zur russischen Grammatik, Шахматова, въ Archiv für slavische Philologie, VII.

Соболевскій. Очерки....

Соболевскій. Къ исторіи русскихъ акающихъ говоровъ. Русск. Филолог. Вѣстникъ 1884 г. № 3.

Соболевскій. Малорусское *бути*. Тамъ же, 1882 г. № 3.—Славянское *тысяча*. Тамъ же, 1885 г. № 1.

Недешевъ. Историческій обзоръ....

Карскій. Обзоръ....

Шахматовъ. О языкѣ....

Jagić. Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen *e*, *ѣ*, *ѧ* in den slavischen Sprachen. Archiv für slav. Philologie, V (объ измѣненіяхъ звука *е* въ русскомъ языкѣ).

Богородицкій. Гласные безъ ударенія въ обще-русскомъ языкѣ. Казань, 1884.

Аппель. О бѣлорусскомъ нарѣчіи. Русск. Филолог. Вѣстникъ 1880 г. № 2 (о бѣлорусскомъ аканьѣ и объ им. ед. јонъ).

Брандтъ. О нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія *и*. Тамъ же, 1881 г. № 4 (объ им. ед. јенъ и јонъ).

VII. Исторія согласныхъ звуковъ.

Слѣдствія исчезновенія глухихъ. Исчезновеніе глухихъ въ серединѣ и концѣ словъ повело къ цѣлому ряду измѣненій въ области русскаго консонантизма. Значительное количество согласныхъ, прежде отдѣленныхъ другъ отъ друга глухими, по исчезновеніи этихъ послѣднихъ, очутились рядомъ и должны были подвергнуться ассимиляціи, диссимиляціи, отвердѣнію и т. п.; многіе согласные въ послѣднихъ слогахъ словъ, раньше имѣвшіе послѣ себя глухіе, когда эти глухіе исчезли, оказались конечными звуками.

Ассимиляція и диссимиляція. Первые случаи ассимиляціи и диссимиляціи, дошедшіе до насъ въ памятникахъ, относятся къ XIII и XIV вв., но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что большая ихъ часть получила свое начало много раньше.

Звукъ *с* перешелъ въ *з*, когда, съ исчезновеніемъ глухаго, соприкоснулся съ *б*, *г*, *д*: Кормчая ок. 1282 г.: *з*дѣ, вѣ*з*дѣ, *з*доровие, *з*бирають, *з* горчицами; Поликарпово Ев. 1307 г.: *з*драва, *з*дѣла, *з*бора, *з*будется; Ев. 1355 г.: ве*з*дѣ, въ *з*борищи, *з*дѣ, *з* горы; Ев. 1357 г.: *з*дѣ, *з*дѣла, *з* безаконьникы, *з*будуться; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *з*борная, *з* дѣтьми, *з* Бѣла озера, *з* голода, и т. п.

Звукъ *к* передъ *д* перешелъ въ *г*: Житіе Нифонта 1222 г.: *г*де, нѣ*г*дѣ; Псалтырь 1296 г.: *г*дѣ; Ев. 1354 г.: *г*дѣ, ни*г*дѣ, и т. п., а передъ *к*—въ *г* или *х*: Поликарпово Ев. 1307 г.: мя*х*кы; Ев. 1354 г.: мя*г*ки, мя*х*кы, *х* коюи притчи; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *г* кому, *г* Кыеву, *г* которымъ, и т. п.

Звукъ *б* передъ *ц*, *ч*, *щ* перешелъ въ *п*: Лѣствица 1334 года: *п*ьчела; духовная в. кн. Ивана Ивановича: с о*п*ча; Ев. 1357 г.: *п*челъ, о*п*щею; Лаврент. сп. лѣт.: паро*п*ци; Мстижское Ев. XIV в. (Вил. П. Б. № 3): *п*челъ 22, и т. п.

Звукъ *д* передъ *к* перешелъ въ *т*: Минея XIV в. (Рум. М. № 1205): сла*т*кими; Паремейникъ XIV в. (Троицк. Л. № 4): гла*т*кы; Палея 1406 г: рѣ*т*ка.

Звукъ *ж* передъ *к* перешелъ въ *ш*: Измарагдъ XIV в. (Рум. М.), Паремейникъ XIV в. (Троицк. Л.): тя*ш*ко; передъ *ш* — въ *т*: Лаврентьевск. сп.: моло*т*шюю.

Звукъ *з* передъ *к* перешелъ въ *с*: Поликарпово Ев. 1307 г.: у*с*кими; Мстижское Ев. XIV в. (Вил. П. Б. № 3): у*с*ка 31 об.

Звукъ *к* передъ *т* иногда въ нѣкоторыхъ словахъ перешелъ въ *х*: Поликарпово Ев. 1307 г., Лаврент. сп. лѣт. и др.: *х*то.

Звукъ *т* передъ *б* перешелъ въ *д*: Ев. 1354 г.: та*д*бы; Лаврент. сп. л.: сва*д*бѣ.

Звукъ *ч* передъ *т* въ нѣкоторыхъ словахъ перешелъ въ *ш*: Добрилово Ев. 1164 г.: *ш*то 126; полоцкая грамота ок. 1300 г.: *ш*то; Архивская Лѣствица XIII—XIV в.: *ш*то, ни*ш*то, и т. п.; передъ *ш* — въ *т*: духовная новгородца Климента XIII в.: лу*т*ьшии; Лаврентьевск. сп. л.: лу*т*ши, лу*т*шиѣ; Новгородская лѣт.: вя*т*ьшихъ.

Кромѣ этихъ случаевъ ассимиляціи и диссимиляціи, общихъ или всѣмъ, или большей части русскихъ говоровъ, можно отмѣтить еще нѣсколько, сопровождавшихся стяженіемъ или исчезновеніемъ согласныхъ и встрѣчающихся въ древнихъ памятникахъ.

Ж и *ш*, когда за ними слѣдовало *с*, перешли въ *з* и *с* и иногда исчезли: Лѣствица XII в. (Рум. М. № 198): мъноствы = мъно*ж*ьствы 177; смоленская гр. 1229 г.: ризкии = ри*ж*ьскии; Новгородская лѣт.: варязьская, ладозьскоѥ; галицкая гр. 1375 г.: князьство; Ипатьевскій сп. л.: Бозкъ = Бо*ж*ьскъ (назв. города), мнискій чинъ = мни*ш*ьскыи.

Ч, *т* и *д*, когда за ними слѣдовало *с*, стянулись вмѣстѣ съ нимъ въ *ц*: смоленская гр. 1229 г.: го*ч*кыи = го*ц*кыи = го*т*ьскыи; новгородская гр. 1259—1263 г.: тыся*ц*кымь, нѣмь*ц*кымь, любь*ц*кымь, го*ц*кыи, новгороди*ц*ьскыхъ; смоленская гр. 1284 г.: нѣме*ц*кыи, и т. п.; Ипатьевскій сп. лѣт.: *ц*ьтя = тьстя 492.

В передъ послѣдующимъ *в* и *с* передъ послѣдующимъ *с* въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчезли: духовная в. кн. Ивана Ивановича: к святѣй Богородици Володимерь = *въ* Володимерь; смоленскій договоръ 1229 г.: застанете своюю женъю = *съ* своюю, гость смолняны приѥдѣть = *съ* смолняны, рускии, у рускои земли = ру*сь*скии, ру*сь*скои; Ев. XIII —XIV в. (Рум. М. № 107): начнеши студомъ держати послѣднеѥ

(мѣсто)=*съ* студомъ 61; полоцкая гр. ок. 1300 г.: стою своими дѣтми =*съ* своими; Ипатьевск. сп. л.: жити сватомъ своимъ=*съ* сватомъ 460.

Предлогъ-префиксъ *отъ* (иногда звучавшій и безъ *ъ* на концѣ) въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно передъ *б, г, д, з*, ассимилировалъ свое *т* съ послѣдующими согласными и такимъ образомъ измѣнился въ *одъ*. Потомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ другихъ предлоговъ-префиксовъ съ древнимъ *д*, въ родѣ *передъ, надъ, подъ*, этотъ предлогъ въ юго-западныхъ русскихъ говорахъ сталъ звучать съ *д* и передъ другими согласными и гласными: Архивская Лѣствица XIII—XIV в.: *од*инудь; галицкая грамота 1400 г.: без *од*вукупу; Ефремъ Сиринъ 1492 г.: *одъ* вѣка; Литовскій Статутъ 1588 г.: *од*ыймованье, *од*носити, *од*ъмовити и т. п.

Выпаденіе согласныхъ. Стеченіе подъ рядъ нѣсколькихъ согласныхъ, образовавшееся послѣ исчезновенія глухихъ, повело иногда къ выпаденію одного или болѣе изъ нихъ, какъ въ серединѣ, такъ и въ началѣ словъ. Примѣры:

полтора изъ полъ*въ*тора, Лаврент. сп. л.;

бърно изъ бър*в*ьно, Ев. 1317 г.; берно, Мстижское Ев. XIV вѣка (Вил. Публ. Б.);

горазно изъ горaз*дь*но, Прологъ 1356 г. 34 об.;

безна, Палея 1406 г. 2; Бѣзна, галицк. грам. 1366 г.;

ѥство изъ ѥ*сть*ство, Кормчая ок. 1282 г. 447 об. и др., Прологъ 1356 г.;

нечтивыи изъ нечьстивыи, Псалтырь 1296 г. 3, 16, 72;

изба изъ и*стъ*ба (въ Лаврент. сп.: и*ст*обка 56 и др.; въ Новгородской лѣтописи: и*сть*ба); это слово—по происхожденію, вѣроятно, нѣмецкое—извѣстно не только славянскимъ, но также и романскимъ народамъ: сравни средневѣковое лат. stuba, нѣм. stube, франц. étuve, итальянск. stufa;

очнуться изъ оч*х*нутися; сравни прочу*х*аться;

зга изъ *сть*га; сравни *сть*зя;

чанъ изъ *дъщ*анъ (древнее произношеніе дъ*шч*анъ; сравни современное олонецк. *щ*анъ);

стоканъ изъ *дъ*стъканъ; сравни: достоканъ въ духовной Ивана Ивановича, досканецъ изъ дъ*стъ*каньць, сканная работа = филигранная работа, изъ *дъстъ*каньная;

хорь изъ *дъ*хорь; сравни польск. tchórz, чешск. tchoř.

Значительное количество случаевъ отпаденія и выпаденія согласныхъ представляютъ намъ собственныя имена, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ измѣнились, что трудно узнать ихъ первоначальную форму. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтоп. мы встрѣчаемъ названіе города Бряньскъ рядомъ съ *Дъбряньскъ*; первая форма образовалась изъ второй чрезъ отпаденіе *д* (сравни *дъбрь*). Такъ же образовались Псковъ (Новгородская лѣт.) изъ П*ь*сковъ, П*л*сковъ, и Ржева (соврем. Ржевъ) изъ *В*ържева; сравни другое, древнее названіе этого города *В*ержавскъ (Дополнен. къ Акт. Истор. I, № 4; корень, можетъ быть, тотъ же, что въ сербск. *врж* кустъ).

Нѣкоторое количество случаевъ отпаденія согласныхъ приходится также на конецъ словъ. Многія причастія во всемъ русскомъ языкѣ утратили конечный *л*: умеръ, несъ и т. п. изъ древнихъ умър*лъ*, нес*лъ*; сравни формы женск. р. умер*ла*, нес*ла*. Древнѣйшій примѣръ причастія безъ *л*, намъ извѣстный, примѣръ сомнительнаго достоинства, относится къ началу XIII в. и находится въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: тъ недуги наша приятъ и болѣзні поне*съ* 23 об. Далѣе, мы читаемъ въ Тріоди 1311 г.: развѣр*гъ* юси 21. Въ московскихъ актахъ XV—XVI в. отсутствіе *л* въ причастіяхъ уже нерѣдко (грамота 1490 г.: тако ре*къ* посельскои, и т. п.). Въ современныхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ мы часто встрѣчаемъ отпаденіе конечнаго согласнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда слово оканчивается двумя или болѣе согласными: мосъ вм. мос*тъ*, поѣсъ вм. поѣз*дъ*, шесь вм. шес*ть*, страсъ вм. крас*ть*, боясь вм. боя*знь* и т. п. Сомнительно, чтобы оно отличалось древностью; впрочемъ мы читаемъ у Скорины: шерсь козью =шерс*ть*, Исходъ, 66 об.

Вставка согласныхъ. Рядомъ съ исчезновеніемъ согласныхъ мы встрѣчаемъ въ серединѣ словъ также и ихъ вставку. Случаи ея рѣдки и ограничиваются очень небольшимъ количествомъ словъ. Это—глаголъ сърѣтати съ родственными. Ев. 1354 г.: с*т*рѣте, с*т*рѣтоста, с*т*рѣсти; Ев. 1355 г.: с*т*рѣте, ус*т*рѣтению; Новгородская лѣт.: ус*т*рѣте, ус*т*ретоша, и т. п. Сравни современн. великор. вс*т*рѣтить, вс*т*рѣча, с*т*ражаться, с*т*рубъ (при срывать и т. п. безъ *т*), малорусск. с*т*рітити и т. п. Сверхъ этихъ случаевъ, звукъ *т* былъ у насъ вставленъ въ церковно-славянскомъ словѣ *срамъ* съ производными, въ которомъ глухаго между *с* и *р* никогда не было. Мы читаемъ въ Стихирарѣ 1157 г.: пос*т*рамила 23 об.; въ Лѣствицѣ XIII в. (Рум. М. № 199):

*стр*амъ 12 об.; въ Псалтыри 1296 г.: пос*тр*амисте, пос*тр*амлени, *стр*амота и т. п.; въ Тріоди 1311 г.: пос*тр*амити, и т. п.

Кромѣ *т*, въ русскомъ языкѣ кое-гдѣ произошла вставка *д*: галицкая грамота 1399 г.: узо*зд*рять=възъзьрять; Кормчая ок. 1282 г.: доброн*д*равию 584 об.= —нравию. Въ послѣднемъ словѣ, перешедшемъ въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго яз., глухаго послѣ *н* никогда не было.

Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ. Твердые согласные, соприкоснувшись, послѣ исчезновенія слѣдовавшаго нѣкогда за ними *ъ*, съ мягкими согласными, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами сдѣлались мягкими; на оборотъ, мягкіе согласные, когда, вслѣдствіе исчезновенія *ь*, соприкоснулись съ слѣдовавшимъ за *ь* твердымъ согласнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами сдѣлались твердыми. Вполнѣ достовѣрные примѣры отвердѣнія и смягченія согласныхъ мы находимъ уже въ памятникахъ XII—XIII в.: въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: нивъныхъ, вьзя, вьзяти; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: прискърьбьнъ 120 об.; въ Галицкомъ Ев. около 1266 г.: снѣдъно, равъны, темъны, правъды, болъна, доволъно, альчьна, алъчюща; въ Псалтыри 1296 года: ропъщють; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: мъзда, царьство, любъве, ропъщють, и т. п. Постановка *ъ* и *ь* показываетъ, что здѣсь произошло измѣненіе качества согласныхъ: одни, прежде мягкіе, отвердѣли; другіе, прежде твердые, смягчились. Сравни современн. ровный изъ ровъный, царство изъ царьство, красный изъ красьный и т. п., сѣв.-великор. силный изъ сильный, болной, болшой, толко и т. п., малорусск. волний, білший, тілко и т. п. (съ твердымъ *л*); великор. мельче изъ мѣлъче. Число случаевъ употребленія твердыхъ согласныхъ на мѣстѣ древнихъ мягкихъ въ серединѣ словъ и мягкихъ на мѣстѣ древнихъ твердыхъ въ современномъ русскомъ языкѣ очень велико; можно замѣтить, что великорусское нарѣчіе имѣетъ больше отвердѣвшихъ согласныхъ, чѣмъ малорусское, и южно-великорусскіе говоры больше, чѣмъ сѣверно-великорусскіе.

Сверхъ того, мы имѣемъ нѣкоторое количество случаевъ отвердѣнія согласныхъ въ концѣ словъ. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка въ окончаніи формъ 1 л. ед. ч. (имаамъ), творит. и мѣстн. ед. ч. мы иногда видимъ *ъ* вмѣсто *ь*, но этотъ *ъ* можетъ быть причисленъ къ числу особенностей правописанія церк.-славянскихъ оригиналовъ; въ болѣе позднихъ памятникахъ, съ XIII в., *ъ* вм. *ь*,

конечно, имѣетъ другое значеніе — указываетъ на отвердѣніе конечнаго согласнаго. Его мы видимъ въ формахъ въ родѣ дамъ (1-е л. ед.), волкомъ (твор. ед.), въ томъ (мѣстн. ед.), и, напримѣръ, въ новгородскомъ Милятиномъ Евангеліи 1215 г.: мы читаемъ: прѣдъ отцьмь вашимъ небесьныимъ 9 об., прѣдъ олтарьмъ 11, съ братъмъ твоимъ, съ супьремъ твоимъ 11 об., чимъ ся одежемъ 14 об., съ Зеведѣомъ 16 об., о друзѣмъ 20 об., на камени семъ 48 об., въздамъ 50 об., дамъ, прѣдамъ 80, и т. п. (часто). Въ настоящее время великорусскіе говоры знаютъ конечное мягкое *м* только въ формахъ имен.-винит. ед. (се*мь*, восе*мь*, ози*мь*) и въ книжномъ ес*мь*; а большая часть говоровъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ имѣетъ конечное *м* всегда твердое (у Скорины: сед*мъ*, ос*мъ* и т. п.).—Съ XIV в. въ сѣверно-русскихъ памятникахъ начинаютъ встрѣчаться формы 3 л. ед. и множ. ч. наст. вр., вмѣсто *ь*, съ *ъ* на концѣ, показывающимъ, что конечное *т* этихъ формъ тогда произносилось уже твердо: Ев. 1354 г.: стоитъ 2, достоитъ 17 об., 42 об., 43, успѣетъ ти ся 49 об., напоитъ, погубитъ 50 об., устроитъ 52 об., спитъ 103, ѣстъ 107 об. и др.; Ев. 1355 г.: просятъ 76, искусятъ и 89, смѣритъся 98, уморятъ 103, отпустятъся 151; Ев. 1357 г. судитъ; духовная Димитрія Донскаго: вѣдаетъ; договоръ Полоцка съ Ригою 1405 года: казнятъ, емлютъ, пустятъ. Въ настоящее время твердое *т* въ формахъ 3 л. слышится почти во всѣхъ сѣверновеликорусскихъ и въ части южно-великорусскихъ говоровъ, а также кое-гдѣ въ нарѣчіяхъ малорусскомъ (въ Галиціи и въ Кіевской губ.) и бѣлорусскомъ (въ пинскомъ говорѣ, переходномъ отъ малорусскаго къ бѣлорусскому), за исключеніемъ формъ естъ, вѣстъ, ѣстъ или истъ (между прочимъ: съисъ, Писемскій, „Плотничья артель";=литературн. съѣстъ), сутъ.—Вѣроятно, къ нѣсколько болѣе позднему времени относится отвердѣніе конечныхъ мягкихъ губныхъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ: Познанскій сборн конца XV в.: кро*въ*=кровь (Arch. IX, 364); Скорина: кро*въ*, голу*бъ*; Лютер. Катихизисъ 1562 г.: любо*въ*, церко*въ* и т. п.; соврем. малор. и бѣлор. голу*бъ*, кро*въ*, любо*въ* и т. п.—Еще новѣе отвердѣніе конечнаго *н* въ великорусскихъ говорахъ въ нѣкоторыхъ формахъ род. мн.: пѣсе*нъ*, баше*нъ* и т. п. (при деревe*нь* и др.).

Къ числу случаевъ смягченія согласныхъ звуковъ принадлежатъ замѣчательные случаи смягченія подъ вліяніемъ предъидущаго мягкаго согласнаго звука, случаи, имѣющіе мѣсто, между прочимъ, въ одномъ

изъ памятниковъ галицко-волынскаго говора—въ Луцкомъ Ев. XIV в.: галелѣисьскую, сидоньсьскыя, гдѣ *с* смягчилось подъ вліяніемъ предъидущихъ *j* и мягкаго *н*. Подобныя формы теперь встрѣчаются въ малорусскомъ нарѣчіи и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, главнымъ образомъ въ словахъ на *скій* и на *ство*.

Въ большей части случаевъ смягченіе согласныхъ было неорганическое, т. е. состояло только въ измѣненіи качества звука; но въ нѣкоторыхъ мы имѣемъ смягченіе переходное, т. е. такое, которое имѣло результатомъ измѣненіе сущности звука. Обще-русскимъ можетъ считаться только одинъ случай переходнаго смягченія — *ш*лю, древняя форма *съ*лю; *ш* встрѣчается здѣсь съ XIII вѣка: грамота рижанъ ок. 1284 г.: *ш*лите; Ев. 1355 г.: по*ш*ли 69 об., по*ш*лю 134; Ев. 1357 г.: по*ш*лю 22 об., 70; Лаврентьевск. списокъ. Кромѣ этого глагола, переходное смягченіе мы находимъ въ прилагательномъ о*шль* = о*сьль* (сравни въ Юрьевскомъ Ев. постоянно осьлъ, осьля): Ев. 1357 г.: на жребяти о*ш*ли 122 об.; Палея 1406 г.: челюсть о*ш*лю 181;—въ глаголѣ *ш*любовати = *съ*любовати, который является съ *ш* очень часто въ западно-русскихъ актахъ XIV—XVI вв. и въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.; сравни современн. малор. и бѣлор. *ш*любъ свадьба, вѣнчанье; — вѣроятно, въ словѣ *ш*ти=*съ*ти (сравни *сътъ*, *сыта* и т. п.): Домострой XVI в.: *ш*тямъ, *ш*тей, *ш*ти, современн. великор. *ш*ти или, при ассимиляціи послѣдующаго согласнаго съ предъидущимъ,—*щ*и;— наконецъ въ соврем. бѣлорусск. про*ш*нися.

Переходъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные. Конечные звучные согласные *б, в, г, д, ж, з* съ теченіемъ времени во всѣхъ почти великорусскихъ, бѣлорусскихъ и западно-малорусскихъ говорахъ перешли въ отзвучные, и такимъ образомъ явились: *п* вм. *б*: ло*п*ъ; *ф* вм. *в*: ло*ф*ъ (образованіе *ф* впрочемъ имѣетъ мѣсто только въ великорусскомъ нарѣчіи и совсѣмъ чуждо малорусскому и бѣлорусскому, гдѣ *в* или сохраняется, или звучитъ какъ не образующее слога *у*: ло*у*); *к* вм. *г*=латинск. *g*: дру*к*ъ (московскій говоръ); *х* вм. *г*=лат. *h*: бо*х*ъ (московскій говоръ), дру*х*ъ (курскій говоръ); *т* вм. *д*: дѣ*т*ъ; *ш* вм. *ж*: но*ш*ъ; *с* вм. *з*: во*с*ъ.

Замѣна звучныхъ отзвучными почти не замѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ (какъ вовсе не замѣчается и въ современныхъ южно-великорусскомъ путивльскомъ и восточно-малорусскихъ говорахъ —украинскомъ и др.), но нѣтъ основанія думать, чтобы она получила

развитіе уже въ позднее время. Мы читаемъ въ Кормчей ок. 1282 г.: калан*т*ъ 564 об. (рядомъ: калан*д*ъ); въ Псалтыри 1296 г.: отину*ть* 14 об.; въ Лѣствицѣ 1334 г.: отину*ть* 215; въ Ев. XIV в. (Публ. Б. f. 17): отину*ть* 23; въ Ипатьевскомъ сп. лѣт.: Сер*ть* 3. Въ современномъ русскомъ правописаніи мы не находимъ отзвучныхъ на мѣстѣ звучныхъ, и, кажется, единственное исключеніе представляетъ собою слово пры*ть*, въ которомъ едва ли не надо писать *д*, такъ какъ оно, вѣроятно, одного корня съ церк.-славянск. пр*ѧд*ати, пр*ѧд*ъ, съ нашими пру*ж*ина, пру*д*кій.

Переходъ в *въ* у. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (необязательно) согласный *в*, утративъ послѣ себя глухой звукъ и занявъ мѣсто передъ однимъ или нѣсколькими другими согласными, перешелъ въ *у*. Трудно сказать, какъ первоначально произносилось это *у*; кажется, оно не составляло слога и произносилось кратко. Новгородскіе памятники не знаютъ *у* изъ *в* до XIII—XIV вв., когда оно изрѣдка появляется: Кормчая ок. 1282 г.: *у*торникъ 522 об., но*у*городьского 539; Евангеліе 1355 г.: *у* праздьникъ 159 об.; Новгородская лѣтопись XIV в.: пол*у*тора ста=полъ *в*тора съта 45, *у*торникъ 214, 219. Сравни въ современн. сѣв.-великор. говорахъ: *у*дова, но*у*городецъ, *у* дѣвушкахъ (очень рѣдко). Въ памятникахъ псковскихъ XIV в. случаи перехода *в* въ *у* болѣе часты: Параклитикъ 1386 г.: *у*кусивъшю, *у*звеличися, хотя и не составляютъ обычнаго явленія, какъ въ памятникахъ полоцко-смоленскихъ. Изъ послѣднихъ въ старшемъ—въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1229 г. мы читаемъ: *у*здумалъ, *у* Ризѣ, *у*стоко, *у* Русе =въ Русь и т. п.; въ полоцкой грамотѣ ок. 1300 г.: *у* Полотеско, и т. п. Естественно, употребленіе *у* изъ *в* мы встрѣчаемъ и въ современномъ потомкѣ полоцко-смоленскаго говора — въ говорѣ ржевскомъ. Въ западно-русскихъ грамотахъ XIV в. и позже, выданныхъ литовскими князьями и польскими королями, замѣна *в* черезъ *у* встрѣчается весьма часто; она представляетъ самое обычное явленіе и въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Въ галицко-волынскихъ памятникахъ она также весьма часта и встрѣчается уже въ древнѣйшемъ изъ нихъ—въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: до*у*лѣють; Галицкое Ев. ок. 1266 г. имѣетъ *у* изъ *в* уже часто: *у*купѣ, *у*зяти, *у* шестую годину, *у*лѣсти *у* корабль; Поликарпово Ев. 1307 г.: *у* водахъ, не *у*веди во искушѣнье, *у*нутрьняя, *у*торыи; Луцкое Ев. XIV в.: *у* слѣдъ, *у*сходяща, видѣ*у*ше. Это *у* не рѣдко и въ современномъ малорусскомъ на-

рѣчіи. Въ памятникахъ великорусскихъ, не имѣющихъ особенностей новгородскаго говора, замѣна *в* черезъ *у* встрѣчается весьма рѣдко; такъ, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт. мы находимъ только: *у*нуки 64, 65, но*у*городьстии. Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, не знающихъ мѣны *ч* и *ц*, нѣтъ почти совсѣмъ замѣны *в* черезъ *у*; въ говорахъ южно-великорусскихъ въ однихъ (въ Московской и Рязанской губ.) ея также нѣтъ, въ другихъ—въ калужскомъ, орловскомъ, курскомъ, отчасти въ тульскомъ—она встрѣчается довольно часто, но ограничивается предлогомъ-префиксомъ *въ* и немногими словами съ начальнымъ *в*: *у*дова, *у*нукъ, *у*сё = всё, и т. п. Въ древнихъ памятникахъ кіевскихъ *у* изъ *в* нѣтъ.

При появленіи *у* изъ *в*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ получилось два ряда словъ и формъ, изъ которыхъ въ однихъ *в* сохранилось, въ другихъ—перешло въ *у*, въ родѣ *в*здумалъ и *у*здумалъ, *въ* слѣдъ и *у* слѣдъ. Это повело къ тому, что въ словахъ, имѣвшихъ древнее *у* безъ ударенія, на мѣстѣ этого *у*, рядомъ съ нимъ, возникло *в*. Иначе говоря, чередованіе древняго *в* съ образовавшимся изъ него *у*: *въ* слѣдъ и *у* слѣдъ, вызвало чередованіе древняго *у* съ *в*: *у* мужа (предлогъ *у* съ род. п.) и *въ* мужа. Новгородскіе памятники и современные сѣверно-великорусскіе говоры, имѣющіе мѣну *ц* и *ч*, естественно, почти совсѣмъ не знаютъ *в* вмѣсто *у*: Ев. 1355 г.: еуангелія въскресная за*в*треняя 147; современн. за*в*тра, за*в*трокъ и т. п. Въ псковскихъ памятникахъ *в* вмѣсто *у*, кажется, не встрѣчается. Смоленско-полоцкіе акты имѣютъ это *в* изрѣдка: смоленская грамота 1284 г.: *в* сѣбе = *у* себе; полоцкая гр. ок. 1300 г.: *во* отьца=*в* отьца=*у* отца; точно также его знаетъ и современный ржевскій говоръ. Въ западно-русскихъ памятникахъ XIV в. и слѣдующихъ и въ современныхъ бѣлорусскихъ говорахъ *в* вмѣсто *у*—явленіе обычное. Нѣсколько случаевъ его употребленія представляетъ, между прочимъ, Псалтырь 1296 г.: да не въпаду пакы *в*добь в тыя же грѣхы 124=*у*добь, кто *в*равнится господеви 185 об. (Синайская Пс.: *у*равьнитъсѧ), и *въ*молкоша вълны... и възвеселишася яко *у*молкоша 236 (Синайская Пс.: *у*млъкѫ). Въ галицко-волынскихъ памятникахъ мы читаемъ: въ Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: *в*ъмрете, *в*ъмыся, во *в*ъстѣхъ=въ устѣхъ, *в*ъшима = ушима, *в*хо = ухо, *в*ъ отця=у отца; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: на*в*чи, съ *в*ченики, *в*ъмреть, во *в*тробѣ и т. п. Подобные случаи *в* вмѣсто *у* мы встрѣчаемъ очень часто и въ современномъ малорусскомъ нарѣ-

чіи. Памятники великорусскіе, не знающіе мѣны *ц* и *ч*, имѣютъ *в* вмѣсто *у* рѣдко: Ев. 1354 г. (можетъ быть, московское): за*в*тра еще мрачно зѣло въставъ 65; Ев. 1357 г. (галицкое): видѣхъ *въ* отца моюго 13 об. Изъ современныхъ великорусскихъ говоровъ тѣ, которые имѣютъ *у* изъ *в*, имѣютъ и *в* вмѣсто *у* и особенно часто употребляютъ *в* въ значеніи предлога-префикса *у*: *въ* мене, *въ* насъ; прочіе великорусскіе говоры знаютъ новое *в* только въ словѣ за*в*тра, за*в*трокъ и производныхъ (у нашихъ поэтовъ даже въ за*в*треня: „да чу, и къ за*в*тренѣ звонятъ“, Жуковскій).

Переходъ *г* **въ** *h*. Къ числу древнѣйшихъ измѣненій русскихъ согласныхъ принадлежитъ измѣненіе *г* = *g* въ *г* = *h*. Какъ сказано выше, первоначально *г* произносилось у насъ какъ *g*; но очень рано вмѣсто него стало слышаться *h*: въ галицко-волынскомъ Ирмолоѣ XII—XIII в. мы находимъ написанія: бласловите, бласловленъ; въ полоцкой грамотѣ конца XIII в.: бласловляю, бласловѣнье. Эти написанія показываютъ, что въ приведенныхъ словахъ писцы не только произносили *г* какъ *h*, но иногда и опускали этотъ звукъ. Въ болѣе позднихъ памятникахъ мы нерѣдко замѣчаемъ отсутствіе *г* въ началѣ словъ *г*осподарь, *г*осударь, *г*осподинъ и т. п.: въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: отъ *о*спожына заговѣнья; въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1371 г.: *о*сподаря; въ зап.-русск. Четьѣ 1489 г.: *о*сподарьскъ, *о*споже; сверхъ того, въ моск. грамотѣ 1429—1432 г. (Рум. Муз.; Лебедевъ, 2) мы читаемъ: княгини. Такого рода исчезновеніе *г* могло имѣть мѣсто, конечно, только въ томъ случаѣ, когда *г* произносилось какъ *h*. Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *h* господствовало уже въ XIV в. Къ этому времени относится начало употребленія въ грамотахъ литовскихъ князей и польскихъ королей новаго знака для *г* = *g* — *кг*, который почти постоянно является въ словахъ, заимствованныхъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ изъ польскаго и литовскаго языковъ (гдѣ *g*, не *h*): Скири*кг*айло, *Кг*едроитьскии князи, *кг*ды, и крайне рѣдко въ словахъ чисто русскихъ, въ родѣ *кг*дѣ. Если мы возьмемъ латинскія грамоты, писанныя въ Галиціи, то найдемъ въ нихъ въ большинствѣ случаевъ *h*, а не *g*: въ грамотѣ 1371 г.: *H*odovica; въ грамотѣ 1375 г.: *h*aliciensis; въ грамотѣ 1451 г.: *h*lubokigo; но рядомъ съ *h* въ нихъ встрѣчается и *g*: грамота 1378 г.: mo*g*illa; грамота 1451 г.: Jur*g*i = Юрій, Юргій, hluboki*g*o; послѣднія данныя указываютъ на то, что въ XIV и XV в. въ малорусскихъ го-

ворахъ, не смотря на господство *h*, кое-гдѣ еще оставалось *g*; на то же указываетъ *к* въ словѣ роз*к*а=розга (Луцк. Ев. XIV в.), современн. різ*к*а, образовавшееся, конечно, изъ *g*, а не изъ *h*.

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи одни говоры знаютъ *h* въ большемъ количествѣ случаевъ, другіе въ меньшемъ. Нашъ литературный языкъ знаетъ *h* только въ словахъ *б*ла*г*одарить, *б*ла*г*ословлять, *г*осподь, *г*осподинъ, бо*г*а и т. п. Кромѣ этихъ словъ, великорусское нарѣчіе прежде знало звукъ *h* въ формахъ род. пад. прилагательныхъ и мѣстоименій: хорошо*h*о, добро*h*о, мое*h*о; но съ теченіемъ времени это *h* исчезло, такъ что явились сначала формы безъ *h*, до насъ не дошедшія: хорошоо, доброо, въ которыхъ потомъ на мѣстѣ *h* развилось *в* и такимъ образомъ получились современныя формы хорошо*в*о, добро*в*о. Формы съ *в* встрѣчаются уже въ московскихъ и сѣверно-русскихъ актахъ XV в.; кромѣ того, въ надписи на крестѣ 1434 г. мы читаемъ: боголѣпно*в*о Преображения (Зап. Имп. Археол. Общ., X, 333). Сравни въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: по*в*осты 59 (дважды) =по*г*осты, сѣверно-великор. ко*в*да, то*в*да=ко*г*да, то*г*да, пермск. *в*осподинъ (Пермск. Сборн., I, 120), онежск. мно*в*о = мно*г*о (Кирѣевскій, Пѣсни, III, 62), бѣлорусск. *в*усли = *г*усли, а также бѣлорусск. коро*г*одъ (такъ уже у Скорины, Исходъ, 61 об., и въ Лютеранскомъ Катихизисѣ 1562 г., 84) = великор. хоро*в*одъ, коро*в*одъ, малорусск. *г*оробець = великор. *в*оробей.

Смягченіе согласныхъ. Кромѣ указанныхъ ранѣе случаевъ смягченія согласныхъ, въ историческое время существованія русскаго языка были еще случаи смягченія согласныхъ гортанныхъ и зубныхъ.

1. Смягченіе гортанныхъ, неорганическое и непереходное, имѣло мѣсто почти исключительно передъ *ы* и состояло въ томъ, что древніе твердые слоги *кы*, *гы*, *хы* превратились въ мягкіе *ки*, *ги*, *хи*. Начало этого явленія (если мы оставимъ въ сторонѣ фуник*и* Святославова Сб. 1073 г., л. 231 об.) въ южно-русскихъ говорахъ относится по меньшей мѣрѣ къ первой половинѣ XII вѣка. Мы находимъ въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: к*и*ихъ 2 об., велик*и*и 173; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: птіцямъ небесьск*і*мъ 77; въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: ник*и*и, въск*и*е, сек*и*ра; въ Лѣствицѣ XII в. (Румянц. М. № 198): велик*и*ими 2 об., ак*и* 69, 81, 83 об.; въ Богословіи Іо. Дамаскина XII в. (Син. Б.): пак*и* 49, плътьск*и* 96, ак*и* 151; въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго по Успенскому сп. XII—XIII в.: велик*и*и 16 об.,

паки 41. Изъ западно-русскихъ памятниковъ его имѣетъ старшій—договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г., гдѣ читается: ризкии, латинескии, латинескимь, княгини, лихии; въ болѣе поздней Псалтыри 1296 г. оно встрѣчается сравнительно часто: с наимьники 26 об., истергии 38, ближники 74 об., други 75, ближики 78, аки 116, 240, 252 об., 253, праздьники 149 об., исъкідашася 152, великимі 221 об. Новгородскіе памятники имѣютъ *ки*, *ги*, *хи* (если не считать другиими въ погодинскомъ Кондакарѣ XII в. № 43, л. 4) — со второй половины XIII вѣка: Кормчая ок. 1282 г.: нѣкимъ 564, праздьники 565, чистительскихъ 565 об., кумирьскихъ, римьскимь 566 об., кииждо 567, Киевѣ, въ Киевѣ 574 и др. (нерѣдко); Ев. 1355 г.: многи 4 об., слуги, погибнеть 6, некии 8 об., рекии 11, руки, паки 17 об. и др. (очень часто); Прологъ 1356 г.: погибнути 3, погибають 6, многи 49, аки 69 об., 75, 78, владыки 79 об. и др. (нерѣдко); Новгородская лѣт. XIV в.: югъръскии, другии 95, сътьскии 116, заморьскии 145, госпожинькинъ день 211; новгородская грамота 1372 г.: новгородскихъ; гр. 1392 г.: заморьскихъ. Средне-русскіе памятники: духовныя в. кн. Ивана Калиты и другихъ московскихъ князей, Стихирарь 1331 г, Ев. 1354 г., Ев. 1357 г., Ев. 1358 г., Лаврентьевскій сп. лѣт., имѣютъ смягченные гортанные болѣе или менѣе часто, Стихирарь даже почти постоянно.

Должно замѣтить, что это смягченіе не было обязательнымъ, и потому мы долгое время замѣчаемъ въ памятникахъ колебаніе между *ы* и *и*, т. е. рядомъ съ *кы*, *гы*, *хы* мы находимъ *ки*, *ги*, *хи*; такъ, мы читаемъ въ смоленской грамотѣ 1229 г.: смольнескыи, латинескымь, Ригы; въ грамотѣ Кейстута около 1341 г.: Дорогычинъ; въ двинской грамотѣ XIV в.: послухы (рядомъ съ сороки, вѣки); въ московской гр. 1447—53 г.: посельскымъ, симановьскыи, верзневскымъ, и т. п. Само собою разумѣется, нѣкоторая часть приведенныхъ данныхъ должна быть отнесена не на счетъ языка стараго времени, а на счетъ правописанія. Что до современнаго языка, то въ немъ еще находятся кое-какіе остатки старыхъ не смягчившихся гортанныхъ — формы въ родѣ отыскывать, растягывать, отпихывать (рядомъ съ отыскивать и т. д.); сравни въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: выискывати 245, приискываху 254 и др.

Позднѣе неорганическое смягченіе гортанныхъ начало являться и передъ другими гласными, впрочемъ въ немногихъ случаяхъ; такъ, мы находимъ: въ галицкомъ Ев. 1357 г.: кюръ не въспоють 106, кю-

рицѧ 82 об., *кю*ю стражю 90; въ псковскомъ Прологѣ 1383 г.: *к*еретичьск*ю*; въ Ев XIV в. (Троицк. Лавра № 5): чимъ *кю*цімъ хлѣбы 17; въ полоцкой грамотѣ 1405 г.: безъ всякя*я* хитрости; въ Ипатьевскомъ сп. лѣт.: кюряне; въ Домостроѣ XVI в.: колк*е*, толк*е*, сколк*е*, легонк*е*. Въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы иногда слышимъ: головк*ю*, чайк*ю*, сахарк*ю*, съ верх*ю*, тольк*я*, копѣйк*я*, бережнёхоньк*я*, Ваньк*я* и т. п.; нѣчто подобное есть и въ малорусскихъ говорахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это мягкое *к* подверглось переходному смягченію и дало *т*: великорусск. чай*т*ю, Вань*т*я; малор. (гуцульск.) донь*т*я = донька. Съ этимъ переходомъ *к* въ *т* сравни переходъ *к* въ *т* въ Овдо*т*ья изъ Овдо*к*ья и *г* въ *д* въ древне-русск. Дюргий, Дюр*д*ий = Гюргий, Георгій, въ современномъ великорусск. ан*д*елъ=ангелъ, крен*д*ель = нѣм. krengel, въ малор. с*т*иртъ=скирдъ и т. п. Кстати замѣтимъ, что въ словѣ пау*т*ина, которое обыкновенно считаютъ происшедшимъ изъ пау*к*ина и рядомъ съ которымъ существуетъ слово пау*ч*ина,—*т* неясно по происхожденію. Относительно *ч* въ пау*ч*ина не можетъ быть сомнѣній: оно изъ *к*; но *т* въ пау*т*ина съ трудомъ поддается объясненію; можетъ быть, рядомъ съ словомъ пау*к*ъ нѣкогда существовало другое слово того же корня съ тѣмъ значеніемъ—пау*т*ъ, существующее теперь только съ значеніемъ оводъ.

2. Смягченіе зубныхъ. Переходное смягченіе зубныхъ *д* и *т* въ *дз* и *ц* рѣдко въ великорусскихъ говорахъ, и слова въ родѣ *дзѣци*, *ц*ебѣ, *ц*ерпѣ*ць* встрѣчаются только въ ситскомъ (о́кающемъ) говорѣ и кое-гдѣ въ Нижегородской и Самарской губ. Переходъ *д* и *т* въ *дз* и *ц*—явленіе свойственное большей части бѣлорусскихъ говоровъ, въ томъ числѣ говору ржевскому, Тверской губ., и нѣкоторымъ говорамъ Гродненской губ., составляющимъ переходныя ступени отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ малорусскому. Здѣсь онъ восходитъ къ сравнительно позднему времени: въ такихъ печатныхъ изданіяхъ, какъ Библія Скорины начала XVI в., Литовскій Статутъ 1588 в., въ грамотахъ и актахъ XVI в. мы еще не находимъ достовѣрныхъ случаевъ смягченія зубныхъ. Правда, въ нихъ встрѣчаются изрѣдка формы въ родѣ сла*ць*, справи*ць*, но это, конечно, не что иное, какъ обычные въ нихъ полонизмы. То же должно сказать и о большей части случаевъ употребленія *ц* въ бѣлорусскихъ актахъ XVII в., напр., о словѣ *ц*етревъ = тетеревъ,—сравни польск. cietrzew'—польское происхожде-

ніе котораго не подлежитъ сомнѣнію. Но въ тѣхъ же памятникахъ XVII в. мы изрѣдка встрѣчаемъ слова чисто русскія, гдѣ *ц* и *дз* могутъ быть относимы на счетъ русскаго языка и принадлежать тогдашнему произношенію бѣлоруссовъ: *Ц*имошка, Ар*ц*емъ. — Въ большей части современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ не существуетъ совсѣмъ мягкихъ *д* и *т*; всѣ они смягчились въ *дз* и *ц*: *дз*ѣдъ, *дз*еряво, *ц*ѣста, *ц*ибѣ и т. п. (кромѣ вопросительной частицы *ти*, гдѣ *т*, вѣроятно, новаго происхожденія—изъ *ч* или изъ *ц*). Кстати замѣтить, что *ц*, которое мы находимъ въ Ипатьевскомъ сп. лѣтоп.: на мос*ц*ѣ 486=на мостѣ и въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи (между прочимъ у Основьяненка): въ гос*ц*і, лис*ц*я, на помос*ц*і,—не имѣетъ никакой связи съ смягченіемъ зубныхъ; оно—результатъ вліянія однихъ словъ на другія. Въ древне-русскомъ языкѣ группа *ск* смягчалась и въ *ст*, и въ *сц*, и потому, естественно, рядомъ съ дъ*ст*ѣ и дъ*сц*ѣ, русь*ст*іи и русь*сц*іи, по аналогіи съ этими двойными формами, возникло при го*сти*—го*сци*, при мо*ст*ѣ—мо*сц*ѣ.

Сверхъ смягченія гортанныхъ и зубныхъ, есть одинъ случай смягченія *ц* или, точнѣе, перехода его въ мягкое *т*. Слова *ц*вѣтъ, *ц*вѣсти и родственныя во многихъ великорусскихъ говорахъ и въ тѣхъ бѣлорусскихъ, въ которыхъ мягкія *д* и *т* сохранились,—теперь звучатъ: *т*вѣтъ, *т*вѣтокъ; въ XV в., какъ видно изъ Ипатьевскаго списка лѣт., въ нихъ былъ еще звукъ средній между *ц* и *т*, который писецъ передалъ черезъ *цт*: недѣлю *цт*вѣтную 134 (по фотолитограф. изд.), *цт*вѣтокъ 137, 138.

Отвердѣніе согласныхъ передъ гласными въ русскомъ языкѣ рѣдко. Мы не знаемъ ни одного согласнаго, который бы сдѣлался изъ мягкаго твердымъ во всѣхъ русскихъ говорахъ; въ значительной части примѣровъ отвердѣніе—явленіе спорадическое. Мы остановимся только на наиболѣе распространенныхъ и старыхъ случаяхъ.

1. *Отвердѣніе шипящихъ и* **ц**. Какъ сказано выше, шипящіе звуки въ древнѣйшую эпоху исторіи русскаго языка были мягки, т. е. произносились: *ж*—какъ наше *ж* въ словахъ ѣ*жж*ю, ви*жж*ять, *щ*—какъ наше *щ* въ *щ* (т. е. *шш*) въ словахъ пи*щ*ю, пи*щ*ять, *ч*—какъ наше *ч* въ пла*ч*ю, ту*ч*я. Съ теченіемъ времени мы начинаемъ замѣчать отвердѣніе шипящихъ во многихъ говорахъ. Относящіяся сюда данныя находятся въ памятникахъ съ начала XIV в.: въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: слыш*ы*шь; въ договорѣ Димитрія Дон-

скаго съ Ольгердомъ 1372 г.: ме*жы*, кня*жы*лъ; въ духовной Димитрія Донскаго до 1389 г.: *жы*вите, *жы*рошкины, Суро*жы*къ, *жы*вота, дер*жы*тъ; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *жы*лами 172, *жажы* 410; въ кіевской Псалтыри 1397 г.: *лжы* 79. Послѣ XIV в. сочетаніе *ж, ш, ч* съ *ы* не рѣдкость, особенно въ бѣлорусскихъ актахъ и печатныхъ изданіяхъ, напримѣръ, въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: ме*жы*, рѣ*чы*, на*шы*, почон*шы* и т. п. (очень часто). Современные русскіе говоры имѣютъ, одни въ большемъ, другіе въ меньшемъ количествѣ, твердые шипящіе. Литературный языкъ и большая часть великорусскихъ говоровъ произносятъ *ж* и *ш* твердо, а *ч* мягко; малорусскіе говоры отличаются обиліемъ мягкихъ шипящихъ.

Тѣ звуки, которые передаются у насъ черезъ букву *щ*, въ древности, какъ сказано выше, произносились какъ *шч*. Съ теченіемъ времени въ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и нѣкоторой части малорусскихъ говоровъ эта звуковая группа, вслѣдствіе ассимиляціи второй ея части съ первою, перешла въ *шш*, и, напримѣръ, въ смоленской грамотѣ 1284 г. мы находимъ: и*щ*ьло=и*шш*ьло=и*сш*ьло; въ Лаврентьевскомъ спискѣ: и*щ*ьли 226 и т. п.; въ большей части малорусскихъ говоровъ *шч* сохранилось до настоящаго времени. Сказанное имѣетъ въ виду только древнее *щ* или *шч*; въ новомъ *шч*, образовавшемся въ сравнительно позднее время при сложеніи предлоговъ-префиксовъ съ именами и глаголами, — *ч* сохранилось и не перешло въ *ш*: *ш честью* = съ честью, *ш чѣмъ* = съ чѣмъ (но *шшё*тъ счетъ, *шш*итать и т. п.). Двойное *ш* (*щ*), равно какъ и двойное *ж* въ *ѣжжю*, *виж-жять*, въ литературномъ языкѣ обыкновенно произносится мягко, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ двойное *ш* и двойное *ж* образовались при сочетаніи предлоговъ и префиксовъ съ именами и глаголами: *ж жо*нами, *жжэ*чь, *ш шы*тьёмъ, *шшы*ть, и гдѣ оба *ж* и оба *ш* произносятся твердо. Другіе русскіе говоры (въ томъ числѣ многіе великорусскіе) произносятъ всякое двойное *ж* и *ш* твердо: *ѣжжу*, *шшу*ка; при чемъ двойное *ш* иногда почти не отличается отъ простаго *ш*, т. е. почти не удвояется: е*шо* = ещё.

Звукъ *ц* имѣлъ ту же судьбу, что и *ж, ш*; отвердѣніе его (если мы оставимъ въ сторонѣ вдови*цы* Арханг. Ев. 1092 года) относится также къ XIV в.: кіевская Псалтырь 1397 г.: язы*цы* 84 об. Оно особенно сильно распространилось въ великорусскихъ говорахъ и здѣсь повело къ отвердѣнію согласнаго *с* въ возвратномъ мѣстоименіи при

глаголахъ. Послѣднее во многихъ случаяхъ (въ формахъ 3-го лица ед. и множ. ч. и въ неопредѣленн. накл.), находясь послѣ глагола, какъ бы слилось съ нимъ, при чемъ, подъ вліяніемъ конечнаго *т* этихъ формъ, *с* мѣстоименія стало звучать какъ *ц*: берётця, дерётця, жмутця. Это новое *ц* раздѣлило судьбу стараго *ц*, т. е. съ теченіемъ времени также отвердѣло (берётца и т. д.), и затѣмъ оказало свое вліяніе на возвратное мѣстоименіе тамъ, гдѣ оно стояло послѣ глагольныхъ формъ 1-го, 2-го лица, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; результатомъ этого вліянія было отвердѣніе *с* въ *ся*, или переходъ *ся* въ *са*. Отвердѣніе звука *с* въ *ся* извѣстно изъ памятниковъ XIV в.; такъ, въ Сильвестровскомъ Сборникѣ этого вѣка (Тип. Библ.) мы находимъ насладиса; въ Ев. 1354 г.: въ своя *сы*; въ такъ наз. Академическомъ сп. лѣтописи: въ своя *сы* (Лѣтопись по Лавр. сп., 505). Сравни современн. великорусск. беруса, деруса, берёсса и т. п., сѣв.-великор. билсы, ударилсы; сравни также въ пинскомъ говорѣ, переходномъ отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому: сподѣваюса, купаласа, отозвавса.— Нарѣчія суда, отсуда, нерѣдко произносящіяся въ великорусскихъ говорахъ съ твердымъ *с*, не обязаны этимъ послѣднимъ отвердѣнію *ц*: въ церк.-славянскихъ памятникахъ мы находимъ постоянно сѫду, въ древне-русскихъ, рядомъ съ сюду и т. п. (Архангельск. Ев. отсюдѣ; Ев. 1270 г.: отсюду), встрѣчается и суду: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: отъсуду 85 об. и др.; Архангельское Ев. 1092 г.: отсуду 17 об.; Юрьевское Ев: отъсуду 65 об.; Милятино Ев. 1215 г.: отсуду 3 об.; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: суду и овуду. Эти нарѣчія, очевидно, отличны по образованію отъ нарѣчій сюда, сюды и т. п. и не имѣютъ съ ними никакой генетической связи.

2. Отвердѣніе р. Въ русскомъ языкѣ находилось и находится нѣсколько словъ, имѣющихъ въ корнѣ то твердое, то мягкое *р*; это—*радъ*, нерадити и нерядити: гал.-волынск. Ев. XII—XIII в. (Тип. Б.): нерядиши ни о комь же; гал.-вол. Архивская Лѣствица XIII—XIV в.: сквьрны сея нерядять; новгородск. Ев. 1355 г.: блюдитеся и нерядите о єдиномь отъ малыхъ сихъ 26 об.; современн. великор. неряха, неряшливъ и т. п.; рушити и рюшити: новгор. Минея 1097 г.: рюшиши 367; новгор. Кормчая ок. 1282 г.: рюшить; Новгородск. лѣт.: порюшилася 306; зап.-русск. Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: нарюшити, нарюшоно 26, 42 об.; соврем. великор. рюхнуть, рюха и т. п.; тросту и соврем. сѣв.-великор. трёсточка (сравни церк.-слав. тръсть,

*тр*есть); *ра*товать и соврем. малор. *ря*тувати; граница и соврем. малорусск. г*ря*ниця; красть и соврем. новгор. к*ря*сть, и т. п. Послѣднія изъ приведенныхъ словъ имѣютъ мягкое *р* новое (происхожденіе котораго однако неясно); въ другихъ и твердое *р*, и мягкое *р* кажутся древними, такъ что ихъ можно сопоставить съ твердымъ и мягкимъ *л* въ б*лу*дъ (церк.-слав. блѫдъ), б*лу*дить и въ заб*лю*дить Остромирово Ев. 55 об., б*лю*дьныи грѣхъ Святосл. Сб. 1073 г. 198 об., б*лю*дьницу Слово Ипполита объ ант., заб*лю*жешия (овцы, род. пад.) Ев. 1399 г. 24,—современн. великор. уб*лю*докъ; — съ твердымъ и мягкимъ *н* въ г*ну*сный и т. п. и въ г*ню*сьни Свят. Сб. 1073 г. 101 об., Лег*ню*сы Скорина, Исходъ 17 об., г*ню*су, г*ню*сна, г*ню*сны, г*ню*сно Левитъ 12, 21 об., 22, 22 об., 23 и др., соврем. великор. г*ню*съ; — съ твердымъ и мягкимъ *д* въ не*ду*гъ, не*ду*жь (мы не*ду*жи противу вамъ стати, Ипат. сп. 45) и въ великор. *дю*жій;—съ твердымъ и мягкимъ *т* въ с*ту*дить, с*ту*день и въ с*тю*дено Кормчая ок. 1282 года 447, с*тю*денець Ев. 1317 г. 13, с*тю*денѣць Ипатьевск. сп. 559, соврем. великор. с*тю*день и т. п., бѣлорусск. с*тю*дёный, с*цю*дзёный. — Быть можетъ, мягкое *р* въ не*ря*дити слѣдуетъ объяснять вліяніемъ на глаголъ не*ра*дити и родственныя глагола *ря*дити (церк.-слав. рѧдити) и т. п.; мягкое *р* въ *рю*шити (какъ и мягкія *н*, *т* въ г*ню*съ, с*тю*денъ) —тѣмъ, что звукъ *у* здѣсь восходитъ къ до-славянскому дифтонгу eu; мягкое *р* въ т*рѐ*сточка — тѣмъ, что это слово восходитъ къ древнѣйшему тръсть, церк.-слав. тръсть, тресть, а не къ тръсть, трость. Во всякомъ случаѣ относительно приведенныхъ словъ нѣтъ никакого основанія думать, чтобы въ нихъ твердое *р* возникло изъ мягкаго.

Переходъ мягкаго *р* въ твердое передъ гласными, иначе отвердѣніе *р*, — явленіе весьма распространенное на западѣ Россіи. Примѣры его встрѣчаются въ галицко-волынскихъ памятникахъ съ XII—XIII в.: Выголексинскій Сборникъ XII—XIII в.: г*ра*дуща; Архивская Лѣствица XIII—XIV в.: ухыщ*ра*ния; Луцкое Ев. XIV в.: раши*ра*ють; галицкая грамота 1378 г.: мунасты*ръ*; Ефремъ Сиринъ 1492 г.: об*ра*щеть; но ихъ очень мало и они очень похожи на описки. Они появляются въ бѣлорусскихъ грамотахъ и книгахъ съ XV в.: договоръ Полоцка съ Ригою 1405 г.: сереб*ры*ны; грамоты XV вѣка: п*ры*язнь, п*ры*судили, звѣ*ръ*, звѣ*ру* и т. п.; Познанскій Сборникъ конца XV в.: повѣт*ры*ю, у мо*ра*, по мо*ру*, гово*ра*ть, рост*ра*съ, по*ра*докъ и т. под. (Archiv für slav. Ph IX, 364); Литовск. Статутъ 1588 г.: го*ра*чий,

отво*рати*, напе*родъ*, т*ры*, п*ры*ходили и др. (очень часто). Въ настоящее время твердое *р* на мѣстѣ стараго мягкаго *р* извѣстно во многихъ (но не во всѣхъ) западныхъ малорусскихъ говорахъ и въ значительномъ большинствѣ бѣлорусскихъ. Послѣдніе почти совсѣмъ не знаютъ мягкаго *р* (только въ пе*рья*, Ма*рья* и т. п., съ послѣдующимъ *j*), и постоянная твердость *р* составляетъ одну изъ отличительныхъ ихъ особенностей.

3. Отвердѣніе губныхъ. Губные согласные по самой своей природѣ мало способны къ мягкому или небному произношенію. Отсюда сохраненіе *j* послѣ губныхъ и переходъ его въ мягкое *л* въ русскомъ, церковно-славянскомъ и сербскомъ языкахъ; отсюда и отвердѣніе ихъ въ старомъ галицко-волынскомъ говорѣ, начавшееся, вѣроятно, въ давнее время (его имѣютъ почти всѣ соврем. малорусскіе говоры), но не нашедшее себѣ отраженія въ старыхъ письменныхъ памятникахъ. Прежде мягкія *б, в, м, п* передъ *е, і, j* только отвердѣли, такъ что въ настоящее время *бе* произносится малоруссами какъ *бэ, бъ*ю, *пъ*ю—какъ *бъ*ю, *пъ*ю. Тѣ же согласные передъ *а* и *у* (т. е. въ слогахъ *бя, бю* и проч.), прежде чѣмъ отвердѣть, выдѣлили изъ себя *j*, который отчасти сохраняется и теперь: *въ*яну, люб*ъ*ю, корм*ъ*ю, *пъ*ять, отчасти перешелъ въ мягкія *л* и *н*: *спл*ять=спятъ, *мн*ясо=мясо, па*мн*ять, ру*мн*яний, ім*ня*. Одно слово *св*ятий съ производными сохраняетъ мягкое *в* если не во всѣхъ, то въ большей части малорусскихъ говоровъ.— Отвердѣніе губныхъ чуждо только сѣверно-малорусскимъ сѣдлецкимъ говорамъ, въ которыхъ можно слышать не только *п*ять, но и *п*яниця =пьяница и т. п.

Малорусскія и бѣлорусскія формы въ родѣ род. ед. голу*ба*, дат. голу*бу* (отъ голу*бь*) не находятся въ непосредственной связи съ малорусскимъ отвердѣніемъ губныхъ. Опи, встрѣчаясь уже въ западнорусскихъ печатныхъ изданіяхъ XVI в. (у Скорины: голу*ба*, Левитъ, 28 об.), обязаны своимъ происхожденіемъ отвердѣнію конечныхъ согласныхъ и послѣдовавшему затѣмъ вліянію имен. пад. ед. (голу*бъ*) на другія падежныя формы.

Диссимиляція плавныхъ. Это явленіе имѣетъ мѣсто тогда, когда въ одномъ и томъ же словѣ находятся два одинаковыхъ плавныхъ звука (т. е. два *р*, два *л*), отдѣленныхъ другъ отъ друга однимъ, двумя, нѣсколькими звуками; оно состоитъ въ томъ, что одинъ изъ двухъ *р* замѣняется звукомъ *л*, а одинъ изъ двухъ *л*—звукомъ *р*. Количество

примѣровъ диссимиляціи плавныхъ въ нашемъ языкѣ очень невелико. Мы читаемъ въ новгородской Кормчей ок. 1282 г.: *у*ларь, изъ *у*рарь, *о*рарь ὡράριον; въ Ев. 1357 г.: февра*л*я; въ Лаврентьевскомъ сп.: ѳевра*л*я; въ Новгородской лѣт. XIѴ в.: феv*л*аря, изъ фев*р*а*р*я. Современный литературный русскій языкъ имѣетъ слова: ве*р*блюдъ, изъ ве*л*ьблюдъ (сравни ц.-слав. ве*л*ьблѫдъ, ст.-чешск. ve*l*blud), пе*р*епелъ, изъ пе*л*епелъ (въ пѣсняхъ, записанныхъ въ началѣ XVII в. для Рич. Джемса: пе*л*епелка, соврем. пермск. пе*л*епелъ, хорв. p*l*epelica), про*л*убь, изъ про*р*убь, собственныя имена Мерку*л*ъ, изъ Мерку*р*ъ, Мерку*р*ій, Перфи*л*ъ, Перфи*л*ій, изъ Перфи*р*ій, Порфи*р*ій, и т. п. Сверхъ того, современное названіе озера Се*л*егеръ образовалось изъ Се*р*егерь, какъ оно звучитъ еще въ Новгородской лѣтописи (121, 166). Наконецъ, малорусскіе говоры рядомъ съ срібро=серебро имѣютъ также и срібло, рядомъ съ *р*ебро́—*л*ебро́, вмѣсто *р*ицарь, *р*ейстровый—*л*ицарь, *л*ейстровый; въ бѣлорусскомъ нарѣчіи слышится а*л*аръ = о*р*арь.

Если два мягкихъ *л* стоятъ рядомъ, то первый изъ нихъ иногда замѣняется јотомъ: великорусск. назойливъ, изъ назо*л*ьливъ (сравни назола), наха*й*ливъ, изъ наха*л*ьливъ. Сравни въ Ев. XIѴ в. (Публ. Б. f. 10, л. 58) и въ другомъ Ев. XIѴ в. (Публ. Б. f. 17, *л*. 41 об.): бѣ*й*ство, т. е. бѣйство, изъ бѣ*ж*ъство, бѣ*з*ъство, бѣ*с*ъство; въ современномъ бѣлорусскомъ: мала*й*ца́, мала*й*цу́ = молодца, молодцу, изъ моло*ць*ця, моло*ць*цю.

Мѣна *в* и *л*. Твердое *л*, находясь передъ согласными или въ концѣ словъ, въ разныхъ русскихъ говорахъ перешло въ *в* или въ не составляющее слога краткое *у*, такъ что старое волкъ стало звучать во*в*къ или воўкъ, старое да*лг*—да*в*ъ или даў. Переходъ *л* въ *в* имѣетъ самое обширное распространеніе въ современныхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ и встрѣчается въ печатныхъ южно-русскихъ изданіяхъ XVI—XVII в. (особенно въ лексиконѣ Памвы Берынды 1627 г.); онъ имѣетъ мѣсто также въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (главнымъ образомъ въ Вологодской губ.).

Обратное явленіе, измѣненіе *в* въ твердое *л*, наблюдается только въ немногихъ отдѣльныхъ словахъ — въ *с*лобода съ производными, въ ко*л*ды, то*л*ды, завсе*л*ды, А*л*гинья = Евгенія, А*л*фимъ = Евфимій, А*л*патъ=Евпатій. Изъ нихъ первое, встрѣчающееся, между прочимъ, въ новгородской грамотѣ 1371 г. (при *св*обода во всѣхъ другихъ новгородскихъ грамотахъ, въ духовныхъ московскихъ князей XIѴ в. и въ

Лаврентьевскомъ сп.) и въ Лютеранскомъ Катихизисѣ 1562 г., употребляется теперь въ обоихъ своихъ значеніяхъ: воля и поселокъ, во всемъ великорусскомъ нарѣчіи, даже, во второмъ значеніи,—въ литературномъ языкѣ, и имѣетъ широкое распространеніе въ нарѣчіяхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ. Нарѣчія *колды* и др., изъ *ковды*, *когды*, извѣстны только великорусскимъ говорамъ какъ окающимъ (костромскому), такъ и акающимъ. Собственныя имена въ родѣ *Алгинья*, сколько мы знаемъ, употребляются исключительно въ акающихъ говорахъ.

Мѣна *ф* и *х*. Звукъ *ф*, перешедшій въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ, скоро былъ усвоенъ народомъ, но не вездѣ. Галицко-волынскій говоръ обнаружилъ мало способности къ усвоенію *ф* и сталъ замѣнять его черезъ *х*. Вслѣдствіе этого въ галицко-волынскихъ памятникахъ въ словахъ, перешедшихъ изъ греческаго языка, мы иногда находимъ какъ-бы отсутствіе различенія буквъ *ф* и *х*, употребленіе *х* вм. *ф* и на оборотъ—*ф* вм. *х*: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: земля не*х*талимля, въ прѣдѣлѣхъ не*х*талимлихъ, Ѥри*ф*онъ, Амфило*ф*ья; Луцкое Ев. XIV в.: Хролъ; галицкія грамоты XIV в.: Хома, Хролъ, Хотимья, Ходко, Ходоръ (сравни въ псковскомъ Параклитѣ 1386 г.: при попе Фодоре, зап.; въ Ипат. сп.: у Фодорка 595). Современные малорусскіе говоры въ большинствѣ случаевъ замѣняютъ *ф* или черезъ *х*: Хома, Хівря (=Февронія), или черезъ *хв*: *Хв*едоръ, *Хв*едько; только немногіе изъ нихъ имѣютъ *ф* и употребляютъ его, между прочимъ, вмѣсто *х* и *хв*: *ф*устка, *ф*орий, *ф*остъ.

Сѣверно-русскіе говоры, напротивъ того, не только усвоили *ф*, но и обнаружили къ этому звуку нѣкоторое пристрастіе, такъ что стали замѣнять имъ *х* и *хв* (особенно *хв*) не только въ заимствованныхъ, но и въ исконныхъ русскихъ словахъ. Мы читаемъ: въ рязанской Кормчей 1284 года: Анфило*ф*ии 1 об.; въ Ев. 1358 г.: Анфило*ф*ья, Фрусанфа; въ Лаврентьевскомъ сп.: Амфило*ф*ии; въ Ев. 1399 г.: ли*ф*ою 60; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: пророка Мала*ф*ия 168 об.; въ Новгородской лѣтописи XIV в.: Т*ф*ѣрь 247 (при Тъ*хв*ѣрь, 160, 167, Тъ*хв*ѣрца 164, соврем. Ти*хв*инъ); въ грамотѣ ок. 1428 г.: Фристофоръ (Мейчикъ, 99); въ Ипатьевскомъ сп. лѣт.: *ф*иниптомъ 395 (сравни *х*имипетъ въ припискѣ къ Мстиславову Ев. послѣ 1115 г., греч. χυμευτόν); въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: ли*ѳ*ою 88, у*ѳ*алена 244; въ зап.-русск. Познанскомъ Сб. к. XV в.: *ф*алять, у*ф*атилъ (Arch., IX, 363); въ Пу-

тешествіи попа Лукьянова 1701 г. (по изд. „Русск. Архива“): Ли*ѳ*инъ=Лихвинъ. Современные великорусскіе говоры имѣютъ *Ф*ирсанъ (=Хрисанѳъ), *Ф*іона (=Хіонія), Мала*ф*ей (=Малахія), *ф*инифть, па*ф*ида, *ф*атера (изъ *кв*артера, черезъ посредство *хв*артера), *ф*арталъ, *ф*илинъ (вѣроятно, изъ *кв*илинъ, черезъ посредство *хв*илинъ; сравни др.-р. цвѣлити, Слово о п. иг., гал.-вол. лѣтопись; соврем. великор. квилить, малор. квиліти); сверхъ того, въ южно-великорусскихъ говорахъ нерѣдко слышится *ф*остъ вм. *хв*остъ, *ф*оростъ вм. *хв*оростъ и т. п., а сѣв.-русскій ситскій (по рѣкѣ Сити) говоръ постоянно имѣетъ *ф* даже въ формахъ род.-мѣстн. мн. въ родѣ добры*ф*ъ, мое*ф*ъ.

Впрочемъ, сѣверно-русскимъ говорамъ не совсѣмъ чужда также и замѣна *ф* черезъ *х*, но она встрѣчается рѣдко: Прологъ 1356 г.: въ Коло*х*онѣ 90 об., современное Ховронья (=Февронія), Пер*х*уръ (=Порфирій; въ Новгородской лѣт. XIV в.: Парфурии 145), Ва*х*ромей (=Варѳоломей). Древне-русское прос*к*ура или, какъ въ Кормчей ок. 1282 г., прос*х*ура 105=прос*ф*ора, прос*ф*ура (Житіе Нифонта 1222 г., 167), — обязано своимъ *к*, *х* вліянію глагола прос*к*умисати προσκομίζειν и производныхъ и не находится ни въ какой связи съ случаями замѣны *ф* черезъ *х*. Сравни въ старыхъ южно-славянскихъ памятникахъ прос*к*ура; современное сербск. прос*к*ура, ново-болгарск. прос*к*уръ.

Мелкія явленія въ исторіи согласныхъ. 1. Памятники русскаго письма, начиная съ древнѣйшихъ, рядомъ съ *к*рьстъ, *к*рьстити и т. п., имѣютъ *х*рьстъ, *х*рьстити, или даже *х*ристъ, *х*ристити. Мы читаемъ, напримѣръ, въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: *х*ристивыися 28 об., *х*риштениѭ, *х*риштаахуся 46 об., *х*ристи 48 и т. п.; въ Уставѣ церковномъ XI—XII в. (Тип. Б. № 285): по *х*рьстѣхъ 11 об., *х*рьстинамъ 23 об. и т. п.; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: *х*р’щяхуся, *х*р’щю, *х*р’щенье и т. п. Современные русскіе говоры, почти всѣ, имѣютъ *х*рестъ, *х*рестити и производныя. Это *х* вмѣсто *к* не слѣдуетъ ставить на ряду съ *х* въ др.-р. *х*лопотъ (Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII—XIII в.: гласъ *х*лопота 13), соврем. *х*лопоты (при др.-р. *к*лопотъ), *х*ламъ (при чешск. *k*lam, польск. *k*łam), *х*лобучить (при *к*лобукъ) и др. и считать происшедшимъ изъ *к*; оно перешло въ *к*рьстъ и др. изъ слова Христосъ. Смѣшеніе или, вѣрнѣе, отожествленіе этихъ словъ въ народномъ понятіи повели также къ тому, что вмѣсто Христосъ, *х*ристианьскъ и т. п., въ старыхъ памятникахъ мы иногда видимъ *К*ристосъ, *к*рь-

стианьскъ: Святославовъ Сборникъ 1073 года: на *к*ристѣ *к*ристосовѣ, *к*рьстьяныи, *к*рьстианьскы и т. п.; современное великорусское *к*рестьянинъ.

2. Въ древне-русскихъ памятникахъ названія мѣсяцевъ нерѣдко писались: сеп*т*я*м*брь, октя*м*брь, ноя*м*брь, декя*м*брь. Происхожденіе звука *м* въ этихъ словахъ неясно; вѣроятно, онъ явился у болгаръ, въ первое время существованія ихъ литературнаго языка, и употреблялся при ѧ для болѣе точной передачи греческаго сочетанія εμ. Наши памятники иногда имѣли *м* въ титлѣ, и, напримѣръ, въ церковномъ Уставѣ XI—XII в. (Тип. Б.) мы читаемъ: сеп*тябрь. Вслѣдствіе неправильнаго чтенія такого сокращенія произошло неправильное написаніе (находящееся, между прочимъ, въ этомъ же Уставѣ) се*мп*тябрь, откуда се*м*тябрь и наконецъ се*н*тябрь (Ипатьевскій сп. л.). Въ виду этого не слѣдуетъ думать, что *н* въ этомъ словѣ образовалось изъ *п*.

3. Въ великорусскомъ нарѣчіи мѣстоименія этотъ, эдакій часто звучатъ э*ф*тотъ, э*х*тотъ, э*н*тотъ, э*с*тотъ, э*в*дакій, э*г*дакій и т. д. Наблюденіе надъ народнымъ употребленіемъ этихъ мѣстоименій показываетъ, что звуки *в* и *ф*, *х* и *г*, *н*, *с* являются въ нихъ всего чаще только въ извѣстныхъ случаяхъ. Именно, *в* и *ф* являются только тогда, когда впереди мѣстоименія находится предлогъ *въ*: *въ* э*ф*томъ мѣстѣ, *въ* э*в*дакомъ дѣлѣ; *н* является послѣ предлога *на*: *на* э*н*томъ мѣстѣ; *с* слышится послѣ предлоговъ *съ*, *изъ* — *съ* эстимъ, *изъ* эздакой дали; *х*, *г* — послѣ предлога *къ*: *къ* эктому, *къ* эгдакому скоту. Если мы обратимся къ старымъ памятникамъ, то найдемъ, что указательная частица *э* прежде употреблялась отдѣльно отъ мѣстоименій, такъ же, какъ частица *ни* въ современныхъ *ни* въ чемъ, *ни* къ кому и т. п.: Путешествіе попа Лукьянова 1701 г. (по изд. „Русскаго Архива"): *е* къ темъ къ цвѣтамъ 41. Въ старомъ бѣлорусскомъ нарѣчіи въ мѣстоименіи *ни*что, при отдѣленіи частицы *ни* отъ мѣстоименія *что* предлогомъ, иногда встрѣчается повтореніе этого предлога: Лютер. Катихизисъ 1562 г.: *в* ни *во* што 163; Литовскій Статутъ 1588 г.: *в* ни *во* што 72. Въ польскомъ языкѣ нѣчто подобное изрѣдка встрѣчается и теперь: *w* ni *w* czym, *z* ni *s* czym, *w* ni *we* cz (ни во что). То же было и въ великорусскомъ нарѣчіи, и мѣстоименныя формы *въ* э*ф*томъ, *съ* эстимъ и т. п. образовались изъ *въ* э *въ* томъ, *съ* э *съ* тѣмъ, т. е. черезъ постановку предлога и передъ *э*, и послѣ *э*.

4. Жители небольшой полосы Бѣльскаго и Брестскаго уѣздовъ Гродненской губ., малоруссы, въ настоящее время совсѣмъ утратили шипящіе звуки и, подобно сосѣдямъ съ запада—полякамъ-мазурамъ, постоянно употребляютъ вмѣсто нихъ свистящіе, иначе говоря—мазуракаютъ: *взе*=вже, уже, *лезала*=лежала, дру*з*ина, *ц*орный, по *ц*омъ, пус*ц*у=пущу, *сце*=ще, еще и т. п. Эта особенность произношенія встрѣчается въ языкѣ старыхъ актовыхъ книгъ города Дорогичина, гдѣ мы находимъ: въ актѣ 1530 г.: слу*з*бу, тамо*с*нимъ; въ актѣ 1531 г.: *ц*ерезъ („Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ... въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ“. Вильна, 1884). Подобнаго рода замѣна шипящихъ свистящими не имѣетъ связи съ особенностями древняго псковскаго говора; здѣсь, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ сосѣднихъ мазуракающихъ говоровъ польскаго языка, гдѣ шипящіе почти совсѣмъ не употребляются, замѣняясь свистящими.

Съ замѣною шипящихъ свистящими и свистящихъ шипящими не имѣетъ связи *ч* въ древне-русск. и современномъ русскомъ *ч*епь (=цѣпь) и въ родственныхъ — при*ч*епиться, *ч*епецъ, о*ч*епокъ (малор. о*ч*іпокъ), *ч*епуха; оно не ведетъ своего начала отъ *ц* въ *ц*ѣпь и производныхъ; по всей вѣроятности, слова *ч*епь и *ц*ѣпь, не смотря на тожество значенія, даже не родственны между собою. Происхожденіе *з* въ *з*елѣзо, *з*емчугъ (въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ), рядомъ съ *ж* въ *ж*елѣзо, *ж*емчугъ, не ясно, равно какъ и *з* въ малорусскомъ *з*олізо, *з*алізо. Это *з* слышится также въ польскихъ (не мазуракающихъ) говорахъ: źielazo, и въ моравскомъ нарѣчіи: zelezo, такъ что *з* въ *з*елѣзо надо считать звукомъ очень древнимъ, не менѣе древнимъ, чѣмъ *ж* въ *ж*елѣзо. Что до словъ церк.-слав. и древне-русск. о*ц*ѣстити и о*ч*истити, современнаго о*ч*истить и т. п., то здѣсь мѣна *ц* и *ч* вполнѣ правильна: *ц* явилось изъ *к* подъ вліяніемъ *ѣ*, а *ч*—подъ вліяніемъ *и*.

Возстановленіе согласныхъ въ предлогахъ-префиксахъ. Предлоги-префиксы *без*, *въз*, *из*, *раз—роз*, *от*, *об*, въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ еще въ обще-славянскомъ языкѣ оканчивавшіеся на согласный, — въ древнѣйшій періодъ исторіи русскаго языка иногда столь тѣсно сливались съ слѣдовавшими за ними именами и глаголами, что вслѣдствіе дѣйствія ассимиляціи и диссимиляціи, теряли свои конечные согласные или лишали имена и глаголы

ихъ начальныхъ согласныхъ. Такимъ образомъ слышалось: безаконию (=без-законию), бе зълобы (=без зълобы), въсылати (=въз-сылати), исыпати (=из-сыпати), и Смольньска (=из Смольньска), ижити (=из-жити), оступити (=от-ступити), ошьдъ (=от-шьдъ), обьртѣти (=об-вьртѣти), оболоко (=об-волоко) и т. п. Съ теченіемъ времени, въ русскомъ языкѣ явилось стремленіе къ возстановленію предлоговъ-префиксовъ въ ихъ звуковой полнотѣ и къ отдѣленію ихъ отъ именъ и глаголовъ, и мы начинаемъ встрѣчать въ памятникахъ новыя звуковыя сочетанія: Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII вѣка: рассудити 14; Евангеліе 1270 г.: ижьженуть 24; Кормчая ок. 1282 г.: беззлобье 458; Евангеліе 1354 г.: иссыпати 32, иссыплють 107 об., рассядуться 36, рассыпаеть 43 об., 55, 99, рассужати 51 об.; Ев. 1355 г.: исъсѣченъ 8 об., иссѣцѣте 82 об., рассядутся 30 об., ижженуть 73 об., 77, 148, ижжившю 100; Мстижское Ев. XIV в. (Вил. Публ. Б. № 3): расъсядутся 32 об., росъсадить 59, исъсяче 65 об., 90 об., исъсѣците 98 об., рашьширяють 64 об. и т. п. Въ то же время стали исчезать формы въ родѣ изѣдати, отимати, отяти и т. п., и получили преобладаніе формы съ *j* послѣ префикса: изъѣдати, отъяти и т. п.: грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: изъимали; Ев. 1357 г.: изъѣсть, изъѣдають, отъиде; Новгородская лѣтопись: изъимаша 254, 257, изъима 257. Въ современномъ языкѣ древнія сочетанія въ родѣ разинуть, разиня, разѣвать, обозъ, обернуть, обязать, отворить, обѣдъ встрѣчаются сравнительно рѣдко, и обыкновенно у насъ слышится без заботы, беззаботность, ис себя, рассудокъ, обвить, обвѣсить, объѣдаться, отъявленный и т. п., съ возстановленнымъ согласнымъ въ предлогѣ-префиксѣ или въ началѣ слѣдующаго слова.

Великорусское нарѣчіе знаетъ одинъ случай, гдѣ возстановленіе префикса сдѣлано неудачно. Это глаголъ раззорить и производныя. Корень его—*ор-*, тотъ же, что въ церковно-славянскомъ и современн. сербскомъ об-*ор*-ити, и нѣкогда онъ звучалъ разорити, съ однимъ *з*. Нашъ народъ, не имѣя другихъ словъ съ тѣмъ же корнемъ, отожествилъ послѣдній съ корнемъ *зор-* въ *зоря*, *зоркій*, *озорной* и т. п. и такимъ образомъ, при возстановленіи согласнаго въ *раз-*, удвоилъ *з*. Двойное *з* въ раззорити повело къ образованію глагола *зорить* съ значеніемъ раззорять, существующаго во многихъ великорусскихъ говорахъ и проникшаго даже въ литературный языкъ: „чиновники вездѣ часовни и скиты *зорили*“ (Печерскій, Въ Лѣсахъ, III, 228).

Литература.

Колосовъ. Очеркъ....—Обзоръ....

Потебня. Два изслѣдованія....

Житецкій. Обзоръ....

Ogonowski. Studien....

Соболевскій. Очерки....—Изслѣдованія....

Недешевъ. Историческій обзоръ....

Карскій. Обзоръ....

Шахматовъ. О языкѣ....

Malinowski. Ueber die Endung des Gen. Sing. masc.-neutr. des pronominalen und zusammengesetzten Declination im Russischen und Kašubischen. Kuhn's Beiträge zur vergleichende Sprachforschung, VIII (о *в* въ род. *моево*, *доброво*).

Колосовъ. Почему въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій окончаніе *го* смѣнилось на *во*? Филологическія Записки 1877 г., вып. 2.

Joh. Schmidt. Die Entwickelung von unursprünglichem *j* im Slavischen und Litauischen. Kuhn's Beiträge, VI (о мягкости *р* въ русск. п*ря*жити при польск. p*ra*żyć и т. п.).

Востоковъ. Особенность просторѣчія. Извѣстія Академіи Наукъ, т. VIII, стр. 312 (объ э*ф*тотъ, э*н*тотъ и т. п.).

Бодуэнъ-де-Куртенэ. Глоттологическія замѣтки. Воронежъ, 1877 (о томъ же).

VIII. Главныя формальныя особенности русскаго языка.

Русскій языкъ въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія владѣлъ большею частью тѣхъ формъ склоненія и спряженія, которыя существовали въ церковно-славянскомъ языкѣ. Конечно, эти общія русскому языку съ церковно-славянскимъ формы имѣли русскую звуковую окраску, такъ что, напримѣръ, форма 3-го лица мн. ч. сигматическаго аориста въ русскомъ языкѣ звучала съ *а*, а не съ ѧ на концѣ: падошя или падош*а*, а не падошѧ, а форма того же лица и числа имперфекта оканчивалась на *у*, а не на ѫ: падах*у*, а не падахѫ. Но нѣкоторыя формы, извѣстныя въ церковно-славянскомъ языкѣ, отсутствовали въ русскомъ. Таковы, между прочимъ, формы 2-го и 3-го лицъ двойств. на *те* и на *тѣ*, формы сильнаго аориста типа *несъ* и формы сигматическаго аориста типа *нѣсъ*. Въ свою очередь русскій языкъ имѣлъ нѣкоторое количество формъ, не существовавшихъ въ церк.-слав. языкѣ. Они слѣдующія:

Формы род. п. ед., им. и вин. п. мн. на *ѣ*. Имена женскаго рода съ основою на *а* такъ называемаго мягкаго склоненія (въ родѣ *земля*), имена прилагательныя членныя женскаго рода и мѣстоименія также женскаго рода въ русскомъ языкѣ имѣли формы род. п. ед. ч. съ окончаніемъ *ѣ*: земл*ѣ*, добро*ѣ*, мою*ѣ* (= ц.-слав. землѧ, добрыѩ, моюѩ). Эти формы находятся въ старшихъ памятникахъ русскаго письма. Мы читаемъ въ Остромировомъ Ев.: в҃ недѣл*ѣ* 12 = второй недѣли, г҃ недѣл*ѣ* 19, 21 = третьей недѣли, великыя недѣл*ѣ* 152, 153; въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года: отъ троиц*ѣ* 8 об., отъ не*ѣ* 155 об., позѣ ю*ѣ* 169; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: великыя недѣл*ѣ* 86 об., 88 об., святыя Еуфимиѣ 130, Анны пророчиц*ѣ* 157,

жьдуще Захари*ѣ* 167, свято*ѣ* мученицѣ 169, пророка Или*ѣ* 169 об.; въ Реймскомъ Ев. XI в.: святыя недѣл*ѣ* 2, и др.

Тѣ же имена и мѣстоименія въ русскомъ языкѣ имѣли формы именительнаго и винительнаго пад. мн. ч. на *ѣ*: Святославовъ Сб. 1073 г.: пътиц*ѣ* лѣтаѭть 129 об., приемля душ*ѣ* человѣчьскы 156; Реймское Ев.: правы творите стьз*ѣ* его 18. Соотвѣтствующія церк.-слав. формы оканчиваются на ѧ: пътицѧ, стьзѧ.

Имена мужескаго рода съ основою на *о* такъ называемаго мягкаго склоненія (*конь*), имена прилагательныя членныя муж. р. и мѣстоименія также муж. р. въ русскомъ языкѣ образовывали вин. пад. мн. ч. съ окончаніемъ *ѣ*. Формы на *ѣ* встрѣчаются въ старшихъ русскихъ памятникахъ: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: вьс*ѣ* помыслы 17 об., сиц*ѣ* даемъ дары 49; Архангельское Ев.: дамь тобѣ ключ*ѣ* 168 об.; Реймское Ев.: видѣ ины стоящ*ѣ* 32, исцѣляше вьс*ѣ* 4. Тѣ же формы въ церк.-слав. языкѣ имѣютъ окончаніе ѧ: ключѧ, вьсѧ.

Въ болѣе позднихъ памятникахъ русскаго письма, XII, XIII и XIV вв., формы на *ѣ* встрѣчаются въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ памятникахъ XI в.; при этомъ въ книгахъ, содержащихъ въ себѣ русскіе списки съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, они находятся рядомъ съ формами на *я*, *а*=ц.-слав. ѧ, въ родѣ зем*ля*, душ*а*=ц.-слав. землѩ, душѧ, а въ грамотахъ, писанныхъ на болѣе или менѣе чистомъ русскомъ языкѣ, безъ примѣси или съ незначительною примѣсью церковно-славянскаго элемента, они господствуютъ, и при нихъ совсѣмъ не замѣчается формъ на *я*, *а*. Это показываетъ, что формы на *я*, *а* = церк.-слав. ѧ, въ народномъ русскомъ языкѣ древняго періода не существовали и что присутствіе ихъ въ книгахъ всякаго рода, въ лѣтописяхъ и т. п. должно объяснять вліяніемъ церковно-славянскаго языка.

Если мы обратимся къ другимъ славянскимъ языкамъ, то увидимъ, что изъ нихъ въ сербскомъ и словинскомъ не было и нѣтъ формъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ на *ѣ*, и что формы род. ед. женск. р., имен. и винит. множ. женск. р., вин. мн. муж. р. въ этихъ языкахъ восходятъ къ болѣе древнимъ формамъ на ѧ. Напротивъ того, въ языкахъ чешскомъ, старомъ и новомъ, и словацкомъ названныя формы оканчивались и иногда оканчиваются на *е*, соотвѣтствующее русскому *ѣ*: др.-чешск. ze svéj zem*ě*, téj-to chvil*e*, ve vše kraj*e*, nade vše král*e*, mnohé zem*ě* и т. п.; въ нихъ, какъ въ русскомъ

языкѣ, мы не находимъ формъ, которыя можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ возвести къ болѣе древнимъ формамъ на ѧ. То же можно сказать и о польскомъ языкѣ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ его и отчасти въ современныхъ польскихъ говорахъ формы род. ед. женск. р., им. и вин. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. оканчиваются на *e*: Молитвы 1375 г.: tworzyciel nieba i ziemie, z dziewice Marije, otpuśći nasze winy, и такимъ образомъ соотвѣтствуютъ русскимъ формамъ на *ѣ*; формы на ę = ц.-слав. ѧ, если не принимать въ расчетъ нѣсколькихъ (очень немногихъ) ошибокъ и описокъ, не встрѣчаются въ памятникахъ, какъ не встрѣчаются и въ тѣхъ современныхъ польскихъ говорахъ, которые сохраняютъ въ концѣ словъ носовые гласные.

Происхожденіе *ѣ* въ разсматриваемыхъ теперь русскихъ формахъ не вполнѣ ясно. Мы не имѣемъ никакого основанія думать, что это *ѣ* произошло изъ ѧ; но возможно предположить, что это *ѣ* образовалось изъ того же сочетанія звуковъ, изъ котораго развилось церк.-слав. окончаніе данныхъ формъ—ѧ.

Чередованіе ѧ и *ѣ* въ однихъ и тѣхъ же словахъ, восходящее къ праславянскому періоду, хотя и не часто, но встрѣчается въ славянскихъ языкахъ: церк.-славянск. дрѧзга, русск. др*я*зга (*я* изъ ѧ)—сербск. др*ије*зга (*ије* изъ *ѣ*), польск. drz*a*zga (*a* изъ *ѣ*); русск. пр*я*мъ, словацк. pr*ia*m, сербское пр*е*ма (*я* и *е* изъ ѧ) — церк.-слав. пр*ѣ*мъ; русск. рум*я*нъ, сербское рум*е*н (изъ румѧнъ) — церк.-слав. рум*ѣ*нъ, польск. rum*ia*ny, rum*ie*niec, и т. п. Взаимное отношеніе ѧ и *ѣ* въ формахъ род. ед. и другихъ можетъ быть тожественно съ взаимнымъ отношеніемъ ѫ и *ы* въ церк.-слав. идѫшть и ид*ы*, прѫжати и пр*ы*гати, и русскія формы земл*ѣ*, муж*ѣ* могутъ быть одинаковы по образованію съ формами жен*ы*, раб*ы*.

Формы косвенныхъ падежей членныхъ именъ прилагательныхъ.

Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ имѣетъ два вида формъ: къ первому относятся тѣ, которыя образованы черезъ присоединеніе падежной формы члена (=мѣстоименія *и*) къ соотвѣтствующей формѣ имени; ко второму относятся тѣ, которыя произошли путемъ присоединенія падежной формы члена къ формѣ имени въ именит. ед. муж. род. Такимъ образомъ въ древнихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ два ряда формъ, изъ которыхъ для насъ имѣютъ значеніе формы род., дат. и мѣстн. пад. ед. ч. муж.-ср. и женск. род. и родительн.-мѣстн. пад. дв. ч.

Церковно-славянскій языкъ для родит. пад. муж. и ср. р. членныхъ прилагательныхъ имѣлъ окончаніе *аго, яго, аго, яго.* Въ русскомъ языкѣ вмѣсто этого окончанія мы видимъ окончанія *ого* для прилагательныхъ съ твердою основою и *его* для прилагательныхъ съ мягкою основою. Эти формы по своему образованію относятся ко второму виду. Въ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, формы родит. пад. на *ого* и *его* рѣдки; за то они постоянно встрѣчаются въ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ —въ грамотахъ, въ которыхъ формы на *аго, аго* совершенно отсутствуютъ. Такъ, въ смоленской грамотѣ 1229 г. мы читаемъ: смольнеск*ого*, латинеск*ого*, дѣтск*ого*, гочк*ого*, лучш*его*, и не находимъ ни одной формы на *аго*. Въ виду этого можно думать, что формы на *аго* въ живомъ древне-русскомъ языкѣ въ историческое время или существовали въ незначительномъ числѣ, или — что болѣе вѣроятно — совсѣмъ не существовали. Если одни изъ современныхъ славянскихъ языковъ имѣютъ формы родит. ед. на *ого* (*ога*) (сербскій, отчасти словинскій и верхне-лужицкій),—другіе имѣютъ формы на *его* (польск. *ego*, чешск. *ého*); ни тѣ, ни другіе не знали и не знаютъ формъ на *аго* или ихъ рефлексовъ.

Церковно-славянскій языкъ для род. пад. ед. женск. р. имѣлъ окончаніе *ыѩ, иѩ*. Въ старыхъ русскихъ памятникахъ этому окончанію соотвѣтствуетъ окончаніе *ыѣ, иѣ*, которое нѣкогда существовало въ живомъ русскомъ языкѣ. Послѣднее видно какъ изъ того, что оно и теперь встрѣчается (почти исключительно въ пѣсняхъ) въ нарѣчіяхъ великорусскомъ, бѣлорусскомъ и (очень рѣдко) малорусскомъ, такъ особенно изъ того, что въ старыхъ грамотахъ и актахъ, до XVII вѣка включительно, мы находимъ его сравнительно нерѣдко, напр.: король... полск*ыи* землѣ, куявск*ыи* землѣ, добрянск*ыи* землѣ, поморск*ыи* землѣ (грамота польск. короля Казимира 1361 г.), у переяславьск*іе* соли (московская грам. 1432 г.), отъ Архангельск*іе* деревни (устюжская грам. 1555 г.). Рядомъ съ формами родит. пад. женск. рода на *ыѣ, иѣ*, но чаще, чѣмъ эти послѣднія, мы встрѣчаемъ въ старыхъ памятникахъ формы на *оѣ* и *еѣ*. Они извѣстны съ давняго времени: Архангельское Ев. 1092 г.: свят*оѣ* мученицѣ 169, Минея 1097 г.: коньць утрьн*еѣ* 481, Успенскій Сборникъ XII в.: съмрьти тоѣ пагубн*оѣ*, на мѣстѣ ветъх*оѣ* деревян*оѣ* (церкви). Ихъ рефлексы (великор. ф. на *ой, ей*) въ современныхъ русскихъ говорахъ

господствують. Современныя сербскія и словинскія формы род. ед. женск. р. на *е*, вѣроятно, восходятъ къ древнимъ формамъ на *оѩ*; современныя западно-славянскія формы того же падежа оканчиваются на рефлексы окончанія *ѣ*: *éj*, *ej*, *é*, *eje*; ни сербскій и словинскій, ни зап.-славянскіе языки, повидимому, не знали и не знаютъ формъ род. ед. женск. р. на *ыѩ* или *ыѣ*.

Формы дательн. пад. ед. ч. муж. и ср. въ церковно-славянскомъ языкѣ оканчивались на *уумоу*, *уму*, *юуму*, *юму*. Въ русскомъ языкѣ этимъ окончаніямъ соотвѣтствуютъ окончанія *ому* и *ему*, встрѣчающіяся въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: благовѣрьн*ому* 90 об., ближьн*ему* 92 об., въземлюшт*ему* 93 об., прѣступаѭшт*ему* 139 об., врачьбн*ому* 140 об.; въ Сборникѣ Святослава 1076 г.: небесн*ому* 5, вышьн*ему* 6, създан*ому* 9, първ*ому* 54, ништ*ему* 81; въ Минеѣ 1096 г.: болѣзньн*ому* 94, бѣсовьск*ому* 153, дрѣвьн*ему* 207; въ Минеѣ 1097 г.: безаконьн*ому*, тих*ому* 315, възлюблен*ому* 330, сътворш*ему* 441, и др. Въ русскихъ грамотахъ мы видимъ исключительно эти послѣднія окончанія. Изъ памятниковъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ, формы на *ууму*, *уму* болѣе или менѣе часто попадаются только въ древнѣйшихъ, XI и XII вв.; памятники послѣдующаго времени имѣютъ ихъ рѣже и въ XIV в. они встрѣчаются въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ памятниковъ церковно-славянскаго происхожденія мы находимъ, вмѣсто формъ на *ому*, *ему*, формы дательн. пад. ед. ч. съ двумя *о* или съ *ое*, которыя, конечно, не что иное, какъ подражанія формамъ церковно-славянскимъ съ двумя *у*; они особенно часто встрѣчаются въ русскихъ нотныхъ стихирарях, тріодяхъ и т. п. богослужебныхъ книгахъ XII—XIV в. (напримѣръ, въ новгородскомъ Стихирарѣ XII в. Синод. Б. № 279: непрѣкосновеньн*оо*му 50 об.), но находятся и въ такихъ памятникахъ, какъ Сборникъ Святослава 1073 г.: прѣчист*оо*му 22 об., Архангельское Ев. 1092 г.: просящ*ео*му 24 об. Все это показываетъ, что окончанія *ууму*, *уму* въ живомъ русскомъ языкѣ въ историческое время не существовали. Въ сербскомъ языкѣ (а отчасти также въ словинскомъ и верхне-лужицкомъ) для дательнаго падежа употребляются тѣ же окончанія *ому* и *ему*, что и въ русскомъ; въ западно-славянскихъ языкахъ мы обыкновенно находимъ окончанія *ému*, *emu*; ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не было и нѣтъ окончаній *ууму*, *уму* или ихъ рефлексовъ.

Формы дат.-мѣстн. пад. ед. ч. женск. род. въ церк.-славянскомъ языкѣ оканчивались на *ѣи* и *ии*. Въ древне-русскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ и формы подобныя церковно-славянскимъ формамъ— формы на *ѣи*, но главнымъ образомъ въ тѣхъ изъ нихъ, которые списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ; въ грамотахъ онѣ не встрѣчаются; нѣкоторыя данныя лѣтописей (особенно Новгородской XIV в.: на Рогат*еи* улици 90, на Лубян*ѣи* улици 112, на Кулачьск*ѣи* 170) говорятъ въ пользу того, что они нѣкогда, въ маломъ числѣ, могли существовать въ живомъ древне-русскомъ языкѣ. Рядомъ съ ними въ памятникахъ находятся формы на *ои*, *еи*. Онѣ постоянно употребляются въ грамотахъ и нерѣдки въ спискахъ тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ неособенно силенъ церковно-славянскій элементъ. Такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: по ногатѣ смольнеск*ои*, у руск*ои* земли и т. п. Членныя формы на *ои*, *еи*, кромѣ русскаго, извѣстны также сербскому и отчасти словинскому и верхнелужицкому языкамъ. Зап.-славянскіе языки теперь имѣютъ обыкновенно формы на *éj*, *ej*, *é*, но въ древне-чешскомъ были и формы на *ѣи*.

Формы мѣстн. пад. ед. ч. муж.-ср род. въ церк.-славянск. языкѣ оканчивались на *ѣмъ* и *имъ*. Въ русскомъ языкѣ, повидимому, существовали и эти окончанія (на это указываютъ данныя Русской Правды по сп. ок. 1282 г.: въ тиунѣ... ратаин*ѣмъ* 53, въ свобод*немъ* 62, и Новгородской лѣтописи XIV в.: въ Неревьск*емъ* коньци 75, 145, на Ламьск*емъ* Волоце 82, на Нов*емъ* Търгу 82, 87); но рядомъ съ ними, и гораздо чаще, издревле употреблялись окончанія *омъ* и *емъ*. Они съ XII в. являются въ книгахъ часто, а въ грамотахъ постоянно. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то сербскій языкъ, повидимому, зналъ обѣ эти формы. Въ польскомъ и чешскомъ языкахъ мы находимъ теперь только окончаніе *ém*, *em*, но прежде эти языки —по крайней мѣрѣ чешскій—имѣли также и формы на *ѣмъ*.

Формы родит.-мѣстн. п. дв. ч. въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣли окончанія *ую* и *юю*. Въ древне-русскомъ языкѣ эти формы, теперь уже не существующія, оканчивались не только на *ую*, *юю*, но и на *ою*, *ею*: Архангельское Ев. 1092 г.: о бѣсьн*ою* 31 об., дьнь свят*ою* мученику 133 об., свят*ою* безмьздьнику 137, 163, свят*ою* правьдьнику 139 об., свят*ою* отьцю, свят*ою* цьсарю 163; Минея 1096 г.: из мрачьн*ою* адовьн*ою* боку 139, мудр*ою* мученику 175, 179; Минея 1097 г.: чьстьн*ою* страдальцю 296, из дѣвичьск*ою* и мужеискусьн*ою*

боку 351. Существовали ли въ живомъ русскомъ языкѣ формы на *ую*, по неимѣнію данныхъ, нельзя рѣшить. Въ другихъ славянскихъ языкахъ мы теперь не находимъ формъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ родит.-мѣстн. пад. дв. ч. на *ою*, кромѣ лужицкихъ, гдѣ еще существуютъ формы этихъ падежей на *oji* и *eji*. Формы на *ую*, *юю* ни въ одномъ славянскомъ языкѣ, кромѣ церк.-славянскаго, не были извѣстны.

Формы дат. и мѣстн. пад. *тобѣ, собѣ, тебе, себе.* Въ церк.-славянскомъ языкѣ формы дат. и мѣстн. пад. ед. ч. мѣстоименій 2-го лица и возвратнаго звучали: тебѣ, себѣ. Обѣ эти формы существовали и существуютъ и въ русскомъ языкѣ, но рядомъ съ ними встрѣчаются довольно часто и формы т*о*бѣ, с*о*бѣ. Ихъ мы находимъ въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: с*о*бѣ 162 об., 211, 223 об. и т. п., въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: о с*о*бѣ 3 об., въ с*о*бѣ 49, къ с*о*бѣ 14 об., по т*о*бѣ 29 об., отпущаються т*о*бѣ грѣси 79, т*о*бѣ глаголю 79 об., къ т*о*бѣ 81 об. и др.; въ Минеѣ 1095 г.: о т*о*бѣ 178; въ Минеѣ 1097 г.: о с*о*бѣ 490. Въ современномъ сербскомъ языкѣ существуютъ формы только съ *е*: теби, себи, а въ современныхъ польскомъ и чешскомъ только съ *о*: t*o*bie, s*o*bie, t*o*bě, s*o*bě.

Тѣ же формы тѣхъ же мѣстоименій въ церк.-славянскомъ языкѣ имѣли на концѣ всегда *ѣ*. Въ древне-русскомъ языкѣ, на ряду съ формами на *ѣ*, мы находимъ еще формы съ окончаніемъ *е*, т. е. теб*е*, себ*е*, тожественныя съ формами родит. пад. ед. ч. Вѣроятно, эти формы первоначально имѣли значеніе только мѣстнаго пад. (сравни мѣстн. ед. небес*е*), но очень рано получили значеніе также и дательн. пад. Съ этимъ значеніемъ мы находимъ ихъ уже въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: къ себ*е* 18 об., 63, къ теб*е* 31 об., 64, 65, 80, теб*е* пытажщту 16, вънемли себ*е* 37 об., вънимаи себ*е* 39, не обавися теб*е* 43 об., будеть теб*е* 101 об. и др., а также въ Архангельскомъ Ев. и въ Минеяхъ 1095—1097 гг. Они встрѣчаются такъ часто, что ихъ конечное *е* нельзя объяснять смѣшеніемъ звуковъ *ѣ* и *е*. Въ современныхъ славянскихъ языкахъ (въ томъ числѣ и русскомъ) они неизвѣстны.

Формы 2-го лица ед. ч. на *шь.* Церковно-славянскій языкъ имѣлъ для 2-го лица ед. ч. наст. врем. два окончанія *си* и *ши*. Въ русскомъ языкѣ окончаніе *си* существовало и существуетъ до настоящаго времени, а окончаніе *ши* является только въ тѣхъ старыхъ па-

мятникахъ, которые списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовѣ или имѣютъ въ своемъ языкѣ церк.-слав. элементъ. Въ грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера, на мѣстѣ церковно-славянскаго окончанія *ши*, мы находимъ окончаніе *шь*; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: посул*ишь*; въ рижской грамотѣ около 1300 г.: вѣдае*шь*, слышы*шь*, дѣе*шь*, купи*шь*, емле*шь* и др. Изрѣдка *шь* встрѣчается и въ памятникахъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ, и въ русскихъ сочиненіяхъ съ церк.-славянск. элементомъ въ языкѣ; такъ, въ Евангеліи XII в. (кіевск. Церк.-Археологич. Муз.) мы находимъ: тружаеш*ь* 33 об.; въ Ев. XII—XIII в. (Рум. М. № 104): прѣтъкне*шь* 63; въ Кормчей ок. 1282 г.: изгуби*шь* 586 об., съхрани*шь*, буде*шь*, переступи*шь*, узри*шь* 587 об., стои*шь* 592, служи*шь* 592 об., начне*шь* 596, дьржи*шь* 603 об. и др.; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: терпи*шь* 19 об. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то формы на *шь* извѣстны въ древнѣйшихъ памятникахъ языковъ сербскаго, словинскаго, чешскаго, польскаго и лужицкихъ; ихъ мы находимъ и въ такъ наз. Фрейзингенской рукописи XI в.: vzovues, zadenes, prides (=взове*шь*, задѣне*шь*, приде*шь*), и въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ: Иверское Ев. XII —XIII в.: спи*ш'*; Стаматовское Ев.: грѣде*шъ* (Срезневскій, Св. и з., LXXXII, стр. 43). Повидимому, ни въ русскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ церк.-славянскаго, не было окончанія *ши*.

Формы 3-го лица ед. и мн. ч. на *тъ*. Церковно-славянскій языкъ для формъ 3-го лица наст. вр. имѣлъ окончаніе *тъ*. Въ русскомъ языкѣ, почти во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ, преобладаютъ формы на *ть*, и, напримѣръ, Остромирово Ев. имѣетъ только 4 формы на *тъ*; что же касается до грамотъ, то въ нихъ до конца XIV в. мы совсѣмъ не находимъ формъ на *тъ*, такъ что формы 3-го лица въ нихъ оканчиваются исключительно на *ть*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ теперь не существуетъ ни того, ни другаго окончанія (только польск. jes*t* изъ ѥс*тъ*, чешск. jes*t* или изъ ѥс*тъ*, или изъ ѥс*ть*), но въ старыхъ памятникахъ сохранились нѣкоторые слѣды древнихъ формъ; такъ, въ польской Флоріанской Псалтыри XIV в. и въ польскомъ Молитвенникѣ 1527 г. мы видимъ форму jes*ć*=ѥс*ть*; въ чешскихъ глоссахъ XII—XIII вѣка находится большое количество формъ на *t* въ родѣ nudi*t*=нудитъ, osuzaje*t*=осуждаетъ, stanu*t*=станутъ; въ чешской Виттембергской Псалтыри XIV в. читается: su*t*=

суть, zaplatit, otplatit = заплатитъ, отплатитъ, гдѣ *т*, можетъ быть, произносилось мягко, можетъ быть, твердо.

Точно также въ древнѣйшихъ русскихъ грамотахъ нѣтъ окончанія *тъ* и для 3-го лица ед. ч. аориста. Въ церк.-славянскомъ языкѣ эта форма иногда оканчивалась на *тъ*: бы*стъ*, възѧ*тъ*; въ русскомъ мы имѣемъ—бы*сть*, съ *ь*, и възя, безъ *тъ* или *ть*. Формы въ родѣ възя*тъ*, весьма нерѣдкія въ русскихъ спискахъ съ церк.-слав. оригиналовъ, повидимому, никогда не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ. Они неизвѣстны (какъ и формы аориста на *тъ*) также и другимъ славянскимъ языкамъ.

Формы 3-го лица имперфекта въ церк.-славянскомъ языкѣ всегда оканчивались на *е* въ единств. и на *ѫ* во множеств. ч.: несѣаш*е*, несѣах*ѫ* (только въ церк.-слав. Саввиномъ Ев. одинъ разъ: запрѣщаше*тъ*, Срезневскій, Пам. юсов. письма, 64). Въ русскомъ языкѣ, рядомъ съ формами на *е* и *у*, мы нерѣдко встрѣчаемъ также формы съ окончаніемъ *ть*; послѣднее явилось въ формы имперфекта, безъ сомнѣнія, изъ формъ настоящаго времени. Древнѣйшая форма имперфекта на *ть* находится въ Остромировомъ Ев.: муждаше*ть*; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г. подобныя формы довольно часты: ляжаше*ть*, стрѣжаху*ть*, угнѣтаху*ть*, моляху*ти* и (*и* изъ *ь*, вслѣдствіе ассимиляціи *ь* съ *и* — вин. ед. мѣстоименія); то же можно сказать о Юрьевскомъ Ев. и другихъ памятникахъ XII вѣка. Формы на *ть* встрѣчаются въ памятникахъ какъ южно-русскихъ, такъ и сѣверно-русскихъ, между прочимъ въ Новгородской лѣтописи по списку XIV в., и могутъ считаться обще-русскими. Къ сожалѣнію, въ грамотахъ формъ имперфекта нѣтъ, и поэтому мы не можемъ сказать, насколько формы на *ть* были распространены въ живомъ русскомъ языкѣ. Изъ другихъ славянскихъ языковъ формы имперфекта на *ть* (или на *тъ*) существовали нѣкогда въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ. Въ сербскомъ Волкановомъ Ев. XII в.: хулаше*ть*, выпрашаху*ть*, цѣловаху*ть* и т. п. (Срезневскій, Св. и з., XII, 34); въ сербскомъ спискѣ поученій Константина Болгарскаго XIII вѣка: глаголаху*ть*, отсилааху*ть* и т. п. (Starine, V, 38); въ чешскихъ глоссахъ XII—XIII в.: izbivachu*t*.

Формы 1-го лица мн. ч. на *ме* и *мо*. Въ церк.-слав. языкѣ эти формы оканчивались или на *мъ*, или на *мы*. Русскій языкъ издревле знаетъ оба эти окончанія (отмѣтимъ въ новгородской грамотѣ ок. 1260 г.: ес*мы*, въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: да*мы*,

продамы), но имѣетъ, кромѣ ихъ, еще два другихъ — *ме* и *мо*. Изъ нихъ первое извѣстно только въ памятникахъ новгородскихъ, псковскихъ и смоленско-полоцкихъ: Новгородская лѣтопись XIV в.: ѥс*ме* (часто), проливаи*ме* (повелит. накл.) 37, 169; Слово о п. игор.: мужаи*мъ*ся (повелит. н.); псковскій Апостолъ 1307 г.: ѥс*ме*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: ес*ме*; грамота Витовта 1399 г.: ес*ме*; Библія Скорины: видехо*ме*, Числа 32; но встрѣчается въ нихъ рѣдко (главнымъ образомъ въ одной формѣ—ѥс*ме*). Оно существуетъ, кромѣ русскаго языка, также въ языкахъ средне- и ново-болгарскомъ, чешскомъ и словацкомъ. Окончаніе *мо* извѣстно въ памятникахъ галицко-волынскихъ и западно-русскихъ, а также въ современныхъ малорусскихъ говорахъ: галицкія грамоты XV в.: приводи*мо*, чини*мо*, есь*мо*; грамоты литовскихъ князей и польскихъ королей XIV—XV в.: чинимо, ес*мо* (часто); Четья 1489 г.: ес*мо*, буде*мо*, держѣ*мо*, празнуи*мо* и т. п. Формы на *мо*, кромѣ русскаго языка, встрѣчаются также въ языкахъ средне- и ново-болгарскомъ, сербскомъ, словинскомъ и словацкомъ.

Кромѣ формъ 1-го л. мн. ч. на *ме* и *мо*, памятники русскаго языка имѣютъ еще одну форму того же лица и числа на *мя*: ес*мя*. Она встрѣчается уже въ новгородской грамотѣ ок. 1375 г., въ двинской рядной XIV в. и въ Ипатьевскомъ сп. лѣт. (580). Грамоты разнаго рода XV—XVII в., писанныя въ предѣлахъ московскаго государства, имѣютъ ее очень часто. Происхожденіе ея неясно. Современные славянскіе языки не знаютъ формъ сходныхъ съ ѥс*мя*.

Имперфектъ на *яхъ, ахъ*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ имперфектъ имѣлъ окончанія или полныя *ѣахъ, яахъ, аахъ, ѣаше* и т. д., или сокращенныя *ѣхъ, яхъ, ахъ*. Живой древне-русскій языкъ, повидимому, совсѣмъ не знаетъ полныхъ окончаній и употребляетъ только сокращенныя *яхъ* и *ахъ*: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: б*яше* 129 об. (=ц.-слав. б*ѣаше*, б*ѣше*); Архангельское Ев. 1092 г.: ид*яше*, жив*яше*, съм*яше* (=ц.-слав. ид*ѣаше*, жив*ѣате*, съм*ѣаше*), сѣд*яше*, вѣд*яше* и др.; Минея 1095 г.: търьп*яше* 209, ид*яше* 214; Минея 1096 г.: ид*яста* 48; Реймское Ев. XI в.: рост*яше* 12, ид*яше* 13, хот*яше* 15, б*яше* 17, 19. Памятники послѣдующаго времени и между ними лѣтописи имѣютъ формы имперфекта на *яхъ* и *ахъ* въ большомъ количествѣ, за исключеніемъ грамотъ, въ которыхъ не встрѣчается никакихъ формъ имперфекта. Кромѣ этихъ формъ, древніе русскіе памятники знаютъ смѣ-

шанныя формы имперфекта, представляющія собою соединеніе церк.-славянскихъ формъ на *ѣахъ* съ русскими на *яхъ* и оканчивающіяся на *яахъ*: Остромирово Ев.: *бяаше*, *идяаше*, *живяаше* и т. п. (часто); Святославовъ Сборникъ 1073 г.: вед*яаше*, *бяаху*, ид*яаше*, им*яаше*, богат*яаше* и т. п. (часто); Архангельское Ев.: сѣд*яаше*, *бяаху*, ид*яаше*, хот*яаше* и т. п. Конечно, подобныя формы — формы исключительно книжныя, чуждыя живому русскому языку.

Возможно, что живому русскому языку были нѣкогда, въ историческое время, извѣстны кое-какія формы имперфекта на *ѣяхъ*; по крайней мѣрѣ, формы въ родѣ им*ѣяше* упорно держатся въ русскихъ книгахъ даже второй половины XIV в. (напримѣръ, въ Ев. 1355 г.). Также возможно, что въ то же время существовала имперфектная форма *бѣхъ* (рядомъ съ *бяхъ*). Она находится, между прочимъ, въ Новгородской лѣтописи XIV в.: *бѣху* 43, *бѣше* 60, *беше* 202. Другіе славянскіе языки въ историческое время своего существованія имѣли и имѣютъ формы имперфекта близкія къ русскимъ формамъ.

Спряженіе имперфекта въ русскомъ языкѣ одинаково съ спряженіемъ его въ церковно-славянскомъ языкѣ; только формы 2-го и 3-го лица дв. ч. и 2-го л. мн. ч. въ сѣверно-русскихъ памятникахъ XIII—XIV в. иногда оканчиваются не на *ста*, *сте* или *шета*, *шете*, а на *шта*, *ште*: Житіе Нифонта 1222 г.: стоя*шьте* два мюрина 20, два хѣрувимъ стоя*ште* одесную 119; Сборникъ XIII в. (Публ. Библ. q. 18): бя*шта* 124 об.; Ев 1357 г.: зря*шьта* 151 об., идя*шьта* 154 об., хожа*шьта* 167 об., бѣа*шьта* 175; Ев. 1358 г.: идя*шта* 3, бѣ*шта* 146 об., иска*шта* 204, чюдя*шта*ся 208 об.; новгородское Ев. XIV в. (Рум. М. № 434): бѣ*шьта* 66 об.; Новгородская лѣтопись: мысля*шьта* 129; псковское Лукино Ев. 1409 г.: бя*шьте*. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить степень древности подобныхъ формъ въ русскомъ языкѣ, но считаемъ нелишнимъ указать на существованіе сходныхъ формъ — дв. ч. на štaj, štej и множ. ч. на šće, šćo въ лужицкихъ языкахъ.

Давнопрошедшее. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ давнопрошедшее или plusquamperfectum, состоявшее изъ имперфекта *бѣахъ* и причастія на *лъ*. Русскіе памятники знаютъ это давнопрошедшее: Лаврентьевскій сп. л.: обновлена бысть цьркы, яже *бѣ опольла* въ пожаръ, еще бо не *бяху ся утвердили* вѣрою, си не *бѣша слышали* словесе книжного; но рядомъ съ нимъ употребляютъ и другое, со-

стоящее изъ прошедшаго сложнаго, въ родѣ *былъ юсмь*, и причастія на *лъ* (*юсмь* часто опускается): смоленскій договоръ съ Ригою 1229 г.: *ишлъ былъ* (=ишло было); новгородскій договоръ съ Тверью 1265 г.: что *былъ отъялъ* братъ твои; смоленская грамота 1284 г.: *ищьло было*; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: Ярославъ *былъ уставилъ* и убити; новгородскій договоръ съ Тверью 1305 г.: *дали юсме былъ*; галицкая закладная 1386 г.: *придалъ былъ*. Давнопрошедшее втораго типа извѣстно, кромѣ русскаго, также сербскому, словинскому и западно-славянскимъ языкамъ.

Причастія наст. вр. на *а*. Церковно-слав. причастія наст. вр. дѣйств. зал. оканчивались въ имен. пад. ед. ч. муж. рода или на ѧ: любѧ, или на *ы*: ид*ы*. Формы на ѧ = *я* обычны во всѣхъ русскихъ памятникахъ, но формы на *ы* употребляются только въ тѣхъ памятникахъ, которые или списаны съ церк.-слав. оригиналовъ, или имѣютъ въ своемъ языкѣ въ томъ или другомъ количествѣ церк.-слав. примѣсь. Памятники съ чистымъ русскимъ языкомъ, каковы грамоты, не знаютъ причастій на *ы* и вмѣсто нихъ, въ томъ же значеніи — имен. п. ед. муж. р. —, имѣютъ причастія на *а*: ид*а*, которыя появляются очень рано: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: рек*а* 188 (=церк.-слав. рек*ы*), приснотек*а*и 247 (=ц.-слав. —тек*ы*и); Минея 1096 г.: зов*а* 44, 82, 120, 185, мог*а* 83; Минея 1097 г.: жив*а* 487; Минея XI в. (Публ. Б. f. 36): с*а*и 9 (=ц.-слав. с*ы*и); Добрилово Ев. 1164 г.: чьт*а*и 80 об.; Житіе Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: дад*а*, пек*а* 17, ѣд*а* 25 об.; смоленская грамота ок. 1230 г.: возм*а*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: мог*а*, постерег*а*; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1301 г.: жив*а*; духовная в. кн. Ивана Калиты: ид*а*, и друг. Современный русскій языкъ не знаетъ причастныхъ формъ ни на *ы*, ни на *а*. Отсутствіе въ грамотахъ причастій на *ы* и постоянное употребленіе въ нихъ причастій на *а* позволяетъ предполагать, что первыя не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ, принадлежа только литературному языку древней Руси, и что ихъ мѣсто въ народныхъ говорахъ было занято вторыми. Это предположеніе относительно русскаго языка до нѣкоторой степени подтверждается языкомъ чешскимъ, въ которомъ никогда не было и нѣтъ причастныхъ формъ на *ы* и встрѣчаются одни формы на *а*: jd*a* (=церк.-слав. ид*ы*, русск. ид*а*), js*a* (=церк.-слав. с*ы*, русск. с*а*), řk*a* (=церк.-слав. рек*ы*, русск. рьк*ы*) и т. п. Происхожденіе окончанія *а* и его отношеніе къ

окончанію *ы* для насъ не совсѣмъ ясно, но кажется,—это *а* сходно съ *ѣ* въ род. ед. женск. р. душѣ и др.

Неопредѣленное накл. на *ть*. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ форму собственно неопред. н. на *ти* и двѣ формы такъ наз. супина на *тъ* и на *ть*; послѣднюю образовывали только глаголы съ гортанными согласными въ основахъ, въ родѣ лѧгѫ: облеш*ть*. Въ русскомъ языкѣ существовали всѣ эти формы—форма на *ти* въ значеніи только неопред. накл., форма на *тъ* въ значеніи только супина, а форма на *ть* въ значеніи и неопред. н., и супина. Послѣдняя встрѣчается уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остромирово Ев.: не придохъ разоритъ нъ напълни*ть* 213; Святослав. Сб. 1073 г.: придѣяху почрьпа*ть* 257; Арханг. Ев: не имуть въкуси*ть* съмьрти 80 об.; Реймское Ев. XI в.: можеть Богъ въздвигну*ть* чяда Аврааму 21; Добрил. Ев. 1164 г.: оному подобають рос*ть*, а мнѣ мни*ть*ся 8 об., възиде на гору ѥдинъ помоли*ть*ся 74 об., да ся не възвратить въспять възя*ть* ризъ своихъ 80 об.; Патерикъ Синайскій XII в.: бѣ видѣ*ть* старьца носяща брѣмя (Срезневскій, Св. и з., LXXXII, 62). Она извѣстна также старшимъ русскимъ грамотамъ: смоленскій договоръ 1229 г.: аже извиниться латининъ, не мьтати ѥго у погрѣбъ.... у жельза усади*ть*; смоленскій договоръ ок. 1230 г.: немьчицю постави*ть* и передъ княземь; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: шолъ соли веси*ть*. Памятники XIV в. имѣютъ формы на *ть* сравнительно нерѣдко: грамота литовскихъ князей 1350 г.: аже побѣгнеть холопъ, выда*ть* его; Ев. 1354 г.: придохъ раздѣли*ть* человѣка на отца своего 38 об., приде взиска*ть* и спастъ погыбшаго; Ев. 1355 г.: шли бяху брашна купи*ть* 14; Ев. до 1362 г.: како можеть человѣкъ роди*т*ся старъ сы 2 об., подобаеть.... мнѣ мни*т*ся 5, иже имать уши слыша*ть* да слышить 51 об., подобаеть в третии день въскресну*ть* 107; Ев. 1399 г.: пришелъ ѥси мучи*ть* насъ 37; Мстижское Ев. XIV в. (Вил. П. Б. № 3): не достоить твори*ть* в суботу 37 об., никто же можеть разъграби*ть* 60 об. Изъ другихъ славянскихъ яз. польскій яз. имѣетъ формы неопредѣл. н. на *ć=ть* издревле въ огромномъ количествѣ (формы на *ci=ти* и *t=тъ* въ старо-польскихъ памятникахъ очень рѣдки); то же можно сказать о лужицкихъ яз. (формы на *ći, śi=ти* очень рѣдки; формъ на *t* нѣтъ совсѣмъ); въ чешскомъ яз. распространены всѣ три формы неопред. н.; сербскій и словинскій яз. знаютъ только формы на *ти*.

Кромѣ указанныхъ формальныхъ особенностей русскаго языка, должно упомянуть о слѣдующемъ.

Формы дат. и твор. множ. ч. въ великорусскомъ нарѣчіи иногда оканчиваются на *мя*: творит. дву*мя*, тре*мя*, четырь*мя*, сто*мя* (между прочимъ, у Державина), пермск. и*мя*, всѣ*мя*, свои*мя*, добры*мя*; дат. сѣверно-великор. и*мя* (имъ), тобольск тѣ*мя* (=тѣмъ). Окончаніе *мя* встрѣчается изрѣдка въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: тре*мя*, и извѣстно въ памятникахъ съ XV в.: Ипатьевскій сп. л.: тре*мя* имены 483; быть можетъ, оно родственно съ сербскимъ окончаніемъ дат. и твор. мн. на *ме* (изъ мѧ).

Форма 1-го л. ед. ч. глагола *быти* въ русскомъ языкѣ нѣкогда звучала не только ѥс*мь*, но и ѥс*ми* Мы находимъ ее съ окончаніемъ *ми* въ памятникахъ XIV в. и слѣдующихъ, какъ сѣверно-, такъ и западно- и южно-русскихъ, между прочимъ въ грамотѣ Андрея Полоцкаго до 1399 г.; сверхъ того, ф. ѥс*ми* находится въ одномъ сербскомъ Патерикѣ XIV вѣка.

Форма 3-го лица ед. ч. того же глагола въ русскомъ языкѣ нѣкогда звучала не только ѥс*ть*, но и ѥс*ти*. Она очень рѣдка, съ окончаніемъ *ти*, въ памятникахъ: Ев. XII—XIII в. (Рум. М. № 104): въ немь же льсти нѣс*ти* 4 (описка?); изъ современныхъ русскихъ говоровъ она извѣстна только въ ситскомъ: ес*ци* (*ц* изъ *т*). Сравни старо-чешск. jes*ti*, соврем. чешск. jes*ti*-ť; въ средне-болгарской грамотѣ 1348 г.: яко же ѥс*ти* лѣпо (Срезневскій, Св. и з., LXXXI, 33). Кажется, русскій языкъ имѣлъ и другія формы 3-го л. ед. и мн. ч. на *ти*; по крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ, особенно бѣлорусскихъ, мы находимъ: пусть не ожидаю*ти* ето лѣтечко мене домой, мѣсячко ночьчю свѣти*ти*, а днемъ нѣ, чужія жонки йду*ти*, обѣдати несу*ти* (Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, I, 90, 103, 230).

Формы 2-го и 3-го двойств. ч. на *те*, *тѣ*, нерѣдкія въ церковно-славянскихъ памятникахъ и встрѣчающіяся въ русскихъ спискахъ съ нихъ (даже конца XIV в.: Ев. 1399 г.: яже бѣс*те* обѣщника Симонови 65 об.), повидимому, въ живомъ русскомъ языкѣ стараго времени не существовали, и ихъ мѣсто было занято окончаніемъ *та*. Ни грамоты, ни другіе оригинальные русскіе памятники не знаютъ формъ дв. ч. на *те* и *тѣ*.

Формы настоящ. вр. на *аамъ* или *амъ*, *ааши* или *аши*, въ родѣ ц.-слав. им*аамъ*-им*амъ*, также были въ древности чужды русскому языку.

Современныя западно-малорусскія (лемк.) зн*амъ*, спів*амъ* и т. п.—заимствованіе изъ одного изъ западно-славянскихъ языковъ (польскаго или словацкаго), гдѣ формы на *ат*, *áт* весьма многочисленны.

Относительно причастій прошедш. вр. въ родѣ любль, възложь есть основаніе думать, что они не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ древней эпохи. Мы находимъ ихъ только въ спискахъ съ церк.-слав. оригиналовъ и въ русскихъ произведеніяхъ съ церк.-слав. примѣсью въ языкѣ; наши грамоты не знаютъ ихъ и вмѣсто нихъ постоянно употребляютъ причастія въ родѣ люб*ивъ*, възлож*ивъ*.

Литература.

Соболевскій. Изслѣдованія.... (о формахъ род. и др. п. на *-ѣ*, о склоненіи членныхъ прилагательныхъ, о формахъ на *шь*, ес*мя*, ес*ми*, ес*ти*, дву*мя*).

Брандтъ. О личныхъ наставкахъ славянскаго глагола. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1881 г. № 1. Дополненіе—тамъ же № 4.

Шахматовъ. Beiträge zur russischen Grammatik. Archiv für slav. Philologie, VII (о формахъ на *шь*, неопред. на *тъ*).

Leskien. Das russische дву*мя*, тре*мя*, четырь*мя*. Тамъ же, I.

IX. Исторія формъ склоненія.

Мы не будемъ касаться тѣхъ формальныхъ измѣненій, которыя находятся въ связи съ исторіею звуковъ, въ родѣ измѣненія им.-вин. ед. средн. р. моѥ въ мојо, моѥ̂ или измѣненія твор. ед. рукою въ рукой; о нихъ была уже рѣчь выше. Мы будемъ говорить только о тѣхъ измѣненіяхъ формъ, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ или вліянію однихъ формъ на другія, или борьбѣ формъ между собою, или другимъ не-фонетическимъ факторамъ.

Смѣшеніе именныхъ основъ. Склоненіе именъ въ санскритскомъ языкѣ имѣетъ нѣсколько системъ; именно, въ этомъ языкѣ различаются склоненія именъ съ основами 1) на ă, 2) на *ā*, 3) на ŭ, 4) на ĭ, 5) на *ū*, 6) на *ī* и 7) на разные согласные. Склоненіе именъ въ греческомъ языкѣ также дѣлится на нѣсколько системъ, тѣхъ же, что и въ санскритѣ. Въ славянскихъ языкахъ уже въ древнѣйшій доисторическій періодъ ихъ существованія исчезла значительная часть древнихъ формъ отъ основъ на *ъв* (=санскритск. *ū*) и на согласные, и мѣсто ихъ было занято формами вновь образовавшимися по образцу формъ отъ основъ на *ь* (=санскр. ĭ), *о* (=санскр. ă) и *а* (=санскр. *ā*). Такимъ образомъ, напримѣръ, отъ основы *матер* была утрачена форма твор. п. ед. ч., и ея мѣсто было занято новою формою *матерьѭ*, образовавшеюся по образцу формъ отъ основъ на *ь*, въ родѣ *костьѭ*. Точно также къ древнѣйшему періоду существованія славянскихъ языковъ относится начало смѣшенія основъ на *о* муж. и ср. р. и основъ на *ъ* (=санскр. ŭ) муж. и ср. р.,—основъ на *о* съ предшествующимъ *j* или мягкимъ согласнымъ и основъ на *ь* муж. и ср. р.,—основъ на *о* ср. р. и основъ на *ес* (=санскр. ăs) ср. р.

Смѣшеніе основъ на **о** *и на* **ъ**. Сравненіе славянскихъ языковъ съ литовскимъ показываетъ, что въ первыхъ нѣкогда было довольно много словъ съ основою на *ъ*. Древнія формы большей ихъ части еще въ глубокой древности были замѣнены новыми, образовавшимися по образцу формъ словъ съ основою на *о*; между прочимъ, всѣ прилагательныя съ основою на *ъ* перешли въ славянскихъ языкахъ въ склоненіе основъ на *о*; сравн. славянск. *бъдръ, остръ* и т. п. съ литовскими budrùs, aštrùs. Вслѣдствіе этого въ славянскихъ языкахъ сохранились древнія формы только отъ существительныхъ съ основою на *ъ*, и то отъ очень немногихъ. Въ памятникахъ церк.-славянскаго языка формы склоненія основъ на *ъ* являются всего чаще отъ четырехъ словъ: *сынъ, домъ, медъ, вьрхъ*; но въ склоненіи даже этихъ словъ издревле являются, рядомъ съ древними формами отъ основъ на *ъ*, новыя формы, образованныя по образцу основъ на *о*. То же, что въ церковно-славянскомъ, мы видимъ и въ древне-русскомъ языкѣ: здѣсь постоянно, рядомъ съ древними формами немногихъ словъ съ основою на *ъ*, встрѣчаются новыя, въ родѣ род. сын*а*, зват. сын*е* и т. д. Въ свою очередь, слова съ основою на *о* въ русскомъ языкѣ, главнымъ образомъ муж. рода, подчинились вліянію словъ съ основою на *ъ*; вслѣдствіе чего въ ихъ склоненіи мы нерѣдко находимъ двоякія формы—древнія, отъ основы на *о*, и новыя, образованныя по образцу формъ основъ на *ъ*. Эти двоякія формы тянутся черезъ всю исторію русскаго языка и сохраняются до настоящаго времени.

Форма род. пад. ед. ч. основъ на *о* оканчивалась на *а*; та же форма основъ на *ъ* оканчивалась, между прочимъ, на *у* (*ю*). Въ древнерусскихъ памятникахъ отъ словъ съ основою на *о* мы видимъ, кромѣ формъ род. ед. на *а*, также формы того же пад. на *у* (*ю*). Такъ, напр., мы читаемъ въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: отъ льн*у* 218 об.; въ новгородск. грамотѣ 1265 г.: отъ лн*у*; въ Кормчей ок. 1282 г.: отъ лн*у* 589 об.; въ новгородск. гр. 1305 г.: ис Торъжк*у*; въ полоцкой гр. ок. 1331 г.: отъ воск*у*, отъ хмѣл*ю*; въ Ев. 1354 г.: со брег*у* 70 об.; въ новгор. грам. 1373 г.: полон*у* новторского; въ Новгородской лѣтописи: до търг*у* 60, съ Торожк*у* 168; въ галицкой грамотѣ 1400 г.: без одвукуп*у*.

Форма дат. ед. основъ на *о* оканчивалась на *у*; та же форма основъ на *ъ* оканчивалась, между прочимъ, на *ови* и *еви*. Древніе памятники, кромѣ формъ дат. ед. на *у*, имѣютъ отъ основъ на *о* также

формы на *ови*, *еви*: Мстиславова грамота 1130 г.: Георгию*ви*; смоленская грамота ок. 1230 г.: Бо*гови*, мастер*ови*; духовная новгородца Климента до 1270 г.: Данил*ови*; полоцкая грамота около 1300 г.: бровст*ови*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: мост*ови*, монастыр*еви*; полоцкая гр. ок. 1331 г.: купц*ѣви*, вѣсц*ѣви*; Новгородская лѣтопись: Драгуил*ови* 28, Судил*ови* 49, Андреѥ*ви* 49, Гюрг*еви* 49, Якун*ови* 69, Михал*еви* 85, отц*еви* 187, кон*еви* 291. Формы дат. на *ови* встрѣчаются также въ грамотахъ галицкихъ, но особенно часты въ галицко-волынской лѣтописи, сохранившейся въ Ипатьевскомъ спискѣ: Воишелг*ови*, Данил*ови*, холм*ови*, лед*ови*, соньм*ови*, Юрь*еви*, цар*еви* и т. п.

Форма мѣстн. ед. основъ на *о* оканчивалась на *ѣ* (*и*); та же форма основъ на *ъ* оканчивалась на *у* (*ю*). Въ древнихъ памятникахъ, отъ словъ съ основою на *о*, формы мѣстн. ед. встрѣчаются не только съ окончаніемъ *ѣ*, *и*, но также съ окончаніемъ *у*: въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: въ пир*у* 52, на търг*у* 54; въ грамотѣ рижанъ около 1300 г.: седѣла дружина у пир*у*; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ 1265 г.: на Торожк*у*; въ договорѣ ок. 1301 г.: в Торъжьк*у*; въ Новгородской лѣт.: на Новемь Търг*у* 49, 60. Памятники западно-русскіе XV—XVI в. имѣютъ формы на *у* очень часто: полоцкая грамота 1407 г.: у Полоцк*у*; полоцкая грамота 1478 г.: въ Смчлонък*у*; Лѣтописецъ переяславскій (по изд. кн. Оболенскаго): въ Смоленск*у* 41, у Курьск*у* 54, въ Полотсц*ю* 5; Литовскій Статутъ 1588 г.: о недаваньн*ю* 44, у воиск*у* 57, на писар*у* 127 и т. п.

Въ формахъ зват. ед. ч. издревле употреблялось постоянно окончаніе основъ на *ъ*—*у* во многихъ изъ тѣхъ существительныхъ съ основою на *о*, которыя имѣли передъ гласнымъ основы *j* или мягкій согласный: цесар*ю*. Въ древне-русскомъ языкѣ мы иногда (очень рѣдко) встрѣчаемъ, вмѣсто окончанія *е*,—окончаніе *у* въ словахъ съ основою на *о* съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ; такъ въ двухъ новгородскихъ Стихираряхъ XII в. Акад. Наукъ и Син. Б. № 279 мы читаемъ: тебе жених*у* мои люблю, вмѣсто: жениш*е*; въ галицко-волынской лѣтописи по Ипатьевскому сп.: сват*у* 440, 446, 455.

Форма имен. пад. множ. основъ на *о* оканчивалась на *и*; форма того же пад. основъ на *ъ* имѣла окончаніе *ове* или *еве*. Древніе памятники, рядомъ съ формами на *и*, имѣютъ изрѣдка формы имен. мн. отъ словъ съ основою на *о*, оканчивающіяся на *ове*, *еве*: новгородская

гр. ок. 1300 г: пос*ловѣ*; духовная в. кн. Ивана Калиты: татар*ове*; грамота литовскихъ князей 1350 г.: татар*ове*; Ев. 1355 г.: поп*ове* (запись); новгородскія грамоты 1372 и 1373 г.: пос*ловѣ* (не только им., но и вин. мн.); Новгородская лѣтопись: дъжд*еве* 263. Нѣсколько большее количество подобныхъ формъ находится въ галицко-волынской лѣтописи по Ипатьевскому сп.: поп*ове*, бор*ове*, лях*ове*, татар*ове*, и при томъ не только въ значеніи им. мн., но и винит.: поидоша въ лях*ове*.

Форма род. мн. основъ на *о* оканчивалась на *ъ* (ь); та же форма основъ на *ъ* имѣла окончаніе *овъ* или *евъ*. Памятники русскаго языка съ XII в. имѣютъ въ большомъ количествѣ формы род. мн. отъ словъ съ основою на *о*, оканчивающіяся на *овъ*, *евъ*: Житіе Өеодосія Печерскаго по сп. XII в.: манастыр*евъ* 7, бѣс*овъ* 13, 19, труд*овъ* 14 об.; договоръ Смоленска съ Ригою ок. 1230 г.: розбоиник*овъ*; договоръ Новгорода съ тверскимъ княземъ ок. 1265 г.: купц*евъ*, повоз*овъ*; Ев. 1270 г.: хлѣб*овъ* 39 об., динари*евъ* 70 об.; договоръ Новгорода ок. 1301 года: новъгородьц*евъ*, новоторъжьц*евъ*; дововоръ Новгорода ок. 1305 г.: пристав*овъ*, закладник*овъ*; духовная Ивана Калиты: бортник*овъ*, оброчник*овъ*, поя*с*овъ, суд*овъ*; грамота литовскихъ князей 1350 г.: город*овъ*; Ев. 1354 г.: град*овъ* 111, хлѣб*овъ* 181; галицкая грамота 1371 г.: вжитк*овъ*; Лаврентьевскій сп.: сторож*овъ* 231; Новгородская лѣтопись: двор*овъ*, кон*евъ*, корабл*евъ*. Рядомъ съ этими формами, въ памятникахъ XIV в. встрѣчаются еще въ значительномъ количествѣ и старыя формы: новгородская грамота ок. 1325 г.: твоихъ мужь; духовная Ив. Калиты: ис портъ; духовная Семена Гордаго: конь своихъ; Новгородская лѣтопись: городъ вашихъ 194, възяша 6 городъкъ 50, и т. под.

Формы словъ муж. р. съ основою на *о*, имѣющія окончанія формъ основъ на *ъ*, пользуются широкимъ распространеніемъ въ современномъ русскомъ языкѣ.

Формы род. и мѣстн. п. ед. на *у* многочисленны во всѣхъ его говорахъ и находятся даже въ литературномъ языкѣ: песк*у*, на кра*ю* и т. п.; при этомъ рядомъ съ ними употребляются и старыя формы основъ на *о* съ окончаніями *а* и *ѣ*, *и*. Нѣкоторыя слова имѣютъ по двѣ падежныхъ формы род. и мѣстн. ед.—на *а* и *у*, на *ѣ*, *и* и *у*.

Формы дат. ед. на *ови*, *еви* исчезли изъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ и въ настоящее время распространены (въ значи-

тельномъ числѣ) только въ малорусскомъ нарѣчіи: бог*ови*, бог*ові* (рядомъ съ бог*у*); они употребляются въ значеніи не только дат., но и мѣстн. ед.

Формы зват. ед. на *у* также исчезли изъ великорусскихъ говоровъ, но еще существуютъ въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ, въ первомъ рѣдко: сынк*у* (рядомъ съ кум*е*), во второмъ часто: дід*у*, сват*у* и т. п. (рядомъ съ дід*е*, сват*е*).

Формы имен. мн. на *ове*, *еве* сохранились въ ничтожномъ количествѣ въ великорусскихъ говорахъ, или въ древнемъ своемъ видѣ: онежск. (пѣсенн.) татар*ове*, улан*ове*, путивльск. цар*еве*, или въ видоизмѣненіи: сват*овья* (изъ сват*ове*), кум*овья* (изъ кум*ове*); сравни сын*овья* (изъ сын*ове*, основа на *ъ*). Въ бѣлорусскихъ говорахъ они также очень рѣдки: сват*ове*, муж*ове*. Малорусское нарѣчіе имѣетъ ихъ въ большемъ числѣ, особенно говоръ лемковъ: сват*ове*, вітр*ове* (рядомъ съ сват*и*, вітр*и*).

Формы род. мн. на *овъ*, *евъ* имѣютъ широкое распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ. Великорусскіе и бѣлорусскіе говоры еще сохраняютъ старыя формы род. основъ на *о*: глаз*ъ*, раз*ъ*, рог*ъ*, сапог*ъ* и т. п., но они въ нихъ крайне малочисленны (рядомъ съ ними: рог*овъ*, сапог*овъ*). Въ малорусскихъ говорахъ старыхъ формъ род. мн. больше: год*ъ*, час*ъ*, конъ, но они все таки являются исключеніями. Даже слова средняго р. основъ на *о*, въ значительномъ большинствѣ случаевъ сохраняющія древнія окончанія, въ род. мн. нерѣдко имѣютъ окончаніе *овъ*: великор. мѣст*овъ*, дѣл*овъ*, кушань*евъ*, ружь*евъ* (у Гоголя), гулянь*евъ* (у Писемскаго); у Скорины: разныхъ заважи*евъ*, Второзаконіе, 47 об.

Изъ словъ съ основою на *ъ* въ настоящее время ни одно не сохраняетъ древняго склоненія; всѣ они склоняются одинаково со словами съ основою на *о*.

Смѣшеніе основъ на **о** *и на* **ь**. Слова съ основою на *ь* мужеск. рода имѣли ту же судьбу, что и слова съ основою на *ъ*. Всѣ прилагательныя съ этою основою (кромѣ числительныхъ *триѥ*, *четыриѥ*) утратили свое древнее склоненіе еще въ доисторическую пору: одни перешли въ склоненіе основъ на *о*, другія стали несклоняемыми. Къ послѣднимъ изъ нихъ мы можемъ отнести такія прилагательныя, какъ *испълнь*, *свободь*, *особь*, которыя встрѣчаются въ церковно-славянск. языкѣ, напримѣръ, въ Супрасльской рукописи: *испльнь* небо и вся землꙗ славы ѥго, два брата *испльнь* сѫшта вѣры, *свободь* ѥго сътво-

риши, и которыя извѣстны также русскому языку: современн. *особь* статья. Значительная часть существительныхъ съ основою на *ѣ*, также еще въ глубокой древности, утратила формы древняго склоненія, и только на основаніи данныхъ литовскаго языка и фонетическихъ особенностей этихъ словъ мы можемъ думать, что они нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *ѣ*. Мы можемъ смѣло сказать, что всѣ слова муж. р. въ родѣ *зѧть, тать*, съ окончаніемъ *ть*, прежде принадлежали къ числу словъ съ основою на *ѣ*, такъ какъ, если бы они принадлежали къ словамъ съ основою на *о*, то въ нихъ *т* смягчилось бы передъ *j* и мы имѣли бы въ церк.-славянскомъ языкѣ з*ѧщть*, а не з*ѧть*, въ русскомъ зя*чь* и т. д.; точно также, мы можемъ сказать, что всѣ слова муж. р. на *дь, бь, вь, пь* нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *ѣ*.

Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма мы находимъ смѣшеніе основъ на *ѣ* съ основами на *о* въ единств. числѣ и видимъ, что часто слова съ основою на *ѣ* принимаютъ падежныя окончанія основъ на *о* и весьма рѣдко, на оборотъ, слова съ основою на *о* —окончанія основъ на *ѣ*. Въ этихъ памятникахъ встрѣчаются рядомъ формы родит. п. огн*я*, гост*я* и огн*и*, гост*и*, дат. огн*ю*, гост*ю* и огн*и*, гост*и* и т. д.; но первыя болѣе часты, чѣмъ вторыя. Въ памятникахъ XIII—XIV в. древнія формы основъ на *ѣ* муж. рода чрезвычайно рѣдки и ограничиваются почти ничтожнымъ количествомъ случаевъ, главнымъ образомъ отъ словъ: *гость, тьсть, зять* и *путь*. Въ новгородской грамотѣ 1270 г. мы читаемъ: гост*и* нашему; въ Кормчей ок. 1282 г.: к зят*и* 487; въ новгородской грамотѣ ок. 1325 г.: гост*и* новгородьскому; въ Лаврент. сп. лѣт.: отъ тест*и* своего 332, ко тьст*и* 410; въ Новгородской лѣтописи: къ зят*и* 130, възмолися зят*и* 193; въ Ипатьевскомъ сп. л.: тьст*и* своему 207, к зят*и* 335, 361. Слово *путь*, хотя и не всегда (Скорина: подлѣ пут*я*, Быт., 89), но сохраняетъ древнія формы склоненія въ ед. ч. и въ настоящее время.

Во множ. числѣ основы на *ѣ* муж. р. сохранили древнія формы вин. и род. пад. и остатки древнихъ формъ твор. пад. Въ род. пад. мы постоянно видимъ дрѣвнія формы въ родѣ гост*ьи* (откуда гост*ей*) и гост*ии*. Они послужили къ образованію такихъ же формъ и отъ основъ на *о* съ предшествующимъ *j* или мягкимъ согласнымъ. Мы находимъ: въ Ев. 1270 г.: пѣняз*ии* 49; въ Кормчей ок. 1282 г.: безъ стихар*ии* 613; въ Лаврентьевск. сп. л.; княз*ии* 347, 440; въ Новго-

родской лѣт.: князи*и* 308; въ Ипатьевск. сп. л.: мужи*и* 378, князь*и* 391, мѣсяци*и* 384; въ Четьѣ 1489 г.: мѣсяце*и* 16, 16 об. Въ современномъ русскомъ языкѣ вполнѣ обычны формы род. мн.: князе*й*, ноже*й*, рубле*й*, даже мѣсяце*й* (при рубл*ёвъ*, мѣсяц*евъ*). — Въ творит. пад. мы изрѣдка находимъ древнія формы: гость*ми*. Они не только сохранились, но и повели къ образованію, отъ словъ съ основою на *о*, новыхъ формъ твор. мн. на *ьми*: Добрилово Ев. 1164 г.: муж*ьми* 129 об.; грамота рижанъ въ Витебскъ около 1300 г.: кон*ьми*; Прологъ 1356 г.: нож*ьми* 2 об., страж*ьми* 87 об.; Лаврент. сп. л.: меч*ьми* 76; Паремейникъ XIV в. (Троицк. Л. № 4): княз*ьми* 13 об.; Ипатьевск. сп. л.: кон*ми* 369. Подобныя формы мы находимъ изрѣдка и въ современномъ языкѣ. Обратное вліяніе, вліяніе основъ на о на основы на ъ, замѣчается въ твор. мн.: пут*и* темными, Ефремъ Сиринъ 1377 г. 58 об.—Кромѣ этихъ формъ, основы на ь сохранили остатки формъ дат. и мѣстн. мн. на *ѣмъ, ѣхъ*; они встрѣчаются главнымъ образомъ въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ: гост*ёмъ*, гост*ёхъ*.

Смѣшеніе основъ на **о** *средн. р. и на* **ес** *средн. р.* Это смѣшеніе началось въ доисторическій періодъ и кончилось тѣмъ, что древнія формы отъ основъ на *ес*, кромѣ имен.-вин. и род. мн., исчезли и ихъ мѣсто заняли новыя формы по образцу основъ на *о*; такъ, отъ *небо* развились новыя формы родит. п. ед. ч. неб*а*, дат. неб*у* и т. д., а древнія формы неб*есе*, неб*еси* исчезли. Нѣкоторыя слова съ основою на *ес* образовали новыя формы по образцу основъ на *о* съ сохраненіемъ суффикса *ес* во множ. ч.: неб*еса*, чуд*еса*, а одно также и въ единств.: кол*есо*, кол*еса*, кол*есу* и т. п. (древнее кол*о*, кол*есе*). Послѣднее нѣкогда имѣло новыя формы и безъ суффикса *ес*: договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: с кол*ы* (сравни въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: слов*ы* 144 об.); Лаврентьевск. сп. л.: на кол*а* 131, 251, на кол*ѣхъ* 252 (*кола* — повозка). Особо стоятъ слѣдующія рѣдкія формы словъ съ основою на *ес*: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: божия чю*десa* 245; Милятино Ев. 1215 г.: из оч*еся* 16, знамения велика и чюд*еся* 54 об.

Смѣшеніе основъ на **о, ъ, ь** *и на* **а**. Между тѣмъ какъ начало смѣшенія основъ на *о* съ основами на *ъ, ь, ес* относится къ доисторической эпохѣ, смѣшеніе основъ на *о, ъ, ь* и согласные всѣхъ родовъ (*волкъ, гость* и др.) съ основами на *а* женск. р. (*жена*) началось въ XIV в. Оно имѣло мѣсто въ формахъ дат., твор. и мѣстн. пад. множ. ч. и состояло въ томъ, что слова съ основами на *о, ъ, ь* усвоили

себѣ для этихъ падежей окончанія основъ на *а*. Мы читаемъ: въ новгородской гр. ок. 1305 г.: по постояни*я*мъ; въ Ев. 1354 г.: на распуть*я*хъ 117; въ Ев. 1355 г.: книжник*а*мъ 87; въ Прологѣ 1356 г.: къ гробищ*а*мъ 4 об., въ гробищ*а*хъ 4 об., 5; въ Ев. 1358 г.: о глагол*а*хъ 202 об.; въ новгородскомъ договорѣ съ Тверью 1371 г.: дворян*а*мъ, бояр*а*мъ; въ договорѣ 1373 г.: купц*а*мъ; въ Ев. XIV в. (Рум. Муз. № 434): по мѣст*а*мъ 56; въ Паремейникѣ XIV в. (Троицк. Л. № 4): требищ*а*мъ 43; въ двинской рядной XIV в.: посадник*а*мъ, княжоостровьч*а*мъ; въ двинской купчей XIV в.: чернц*а*мъ. Старыя формы дат. мн. въ родѣ волк*омъ*, кост*емъ*, твор. мн. волк*и*, кост*ьми*, мѣстн. мн. волц*ѣхъ*, кост*ехъ* долгое время продолжали существовать рядомъ съ новыми формами на *амъ*, *ами*, *ахъ*, и мы ихъ находимъ въ значительномъ количествѣ въ памятникахъ не только XIV—XV в. (здѣсь они господствуютъ), но и XVI в.: Судебникъ 1550 г.: съ князи, на отвѣтчик*ѣ*хъ, на послус*ѣ*хъ, въ заим*ѣ*хъ; Домострой: з гриб*ы*, с рыжик*и* 86, въ сундук*е*хъ 93, 94 и т. п. Они въ скудныхъ остаткахъ сохраняются даже въ современныхъ говорахъ: по дѣл*о*мъ, съ тесовыми ворот*ы* (Пушкинъ), сѣв.-вр. (былинн.): по стойл*о*мъ, съ добрыми молодц*ы*, галицк. (лемк. и бойк.) дат. час*і*мъ (изъ час*о*мъ), твор. час*и*, мѣстн. час*і*хъ (изъ час*ѣ*хъ).

Въ свою очередь основы на *о* оказали вліяніе на основы на *а* (а вмѣстѣ и на основы на *ъ*) въ формахъ твор. мн. Окончаніе этихъ формъ основъ на *о*—*ы* (волк*ы*) перешло въ формы основъ на *а*, и такимъ образомъ окончаніе этихъ послѣднихъ, вмѣсто древняго *ами*, стало звучать *амы*. Новыя формы, въ родѣ слезам*ы*, городам*ы*, въ настоящее время имѣютъ широкое распространеніе въ сѣверно-великорусскихъ, южно-великорусскихъ (въ путивльскомъ) и бѣлорусскихъ говорахъ. Старые памятники, кажется, не знаютъ этихъ формъ; находящіяся въ нихъ формы твор. мн. прилагательныхъ: Прологъ 1356 г.: безаконьным*ы*, Ипат. сп. лѣт.: ратным*ы* 431, околным*ы* 613 и т. п., едва ли не описки.

Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ основъ на **о**. Смѣшеніе основъ на *о* съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ (а равно слившихся съ ними древнихъ основъ на *ъ*) муж. и средн. р. (*волкъ*, *окно*) съ основами на *о* съ предшествующимъ *j* или мягкимъ согласнымъ (а равно и съ основами на *ь*) тѣхъ же родовъ (*конь*, *поле*) состояло въ томъ, что формы мѣстн. п. ед. и множ. ч. мягкихъ основъ, на мѣсто своихъ

древнихъ окончаній *и* и *ихъ*, приняли отъ твердыхъ основъ окончанія *ѣ* и *ѣхъ*. Старшій случай этого смѣшенія находится въ Минеѣ 1095 г.: въ человѣчѣ образѣ 81; онъ не внушаетъ довѣрія и очень похожъ на описку. Другіе случаи мѣстн. ед. на *ѣ* мы видимъ въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в.: при Анатолиѣ 14; въ Кормчей ок. 1282 г.: въ Ярославлѣ 575; въ Тріоди 1311 г.: въ стихирарѣ 17, въ отцѣ 31; въ Ев. 1317 г.: о слѣпцѣ 12 об., въ сборищѣ 70; въ духовной Семена Гордаго: на Кержачѣ, на княженьѣ; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: въ здоровьѣ, по отцѣ; въ Ев. 1354 г.: при морѣ 50, в морѣ 70 об.; въ Ев. 1357 г.: во отцѣ 21, 21 об., о князѣ 76 об., въ солнцѣ 109, о слѣпцѣ 115, в законѣ господнѣ 171 об., в Галичѣ, запись; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: въ манастырѣ, въ огнѣ 104 и т. п. Случаи мѣстн. мн. на *ѣхъ* мы читаемъ въ Псалтыри 1296 г.: въ манастырѣхъ; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: о князехъ 10; въ Тріоди 1311 г.: въ трѣхъ лицѣхъ 79, 83 об.; въ Лаврентьевск. сп. л.: на кривичѣхъ, на вятичѣхъ 18, въ сторожѣхъ 65, в черньцѣхъ 451, —ехъ 461 и т. п.

Древнія формы на *и*, *ихъ* въ XIV в. были еще въ постоянномъ употребленіи, и, напримѣръ, въ договорѣ Семена Гордаго съ братьями мы читаемъ: при нашемь отц*и*. Теперь формы на *и* существуютъ въ небольшомъ количествѣ въ говорахъ бѣлорусскихъ (на кон*и'*) и въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ (въ московскомъ: въ забыть*и'*; въ пу-тивльскомъ: на конц*и'*); большинство малорусскихъ говоровъ имѣетъ для мѣстн. ед. мягкихъ основъ окончаніе *і* изъ *ѣ*. Формы на *ихъ*, кажется, теперь уже не существуютъ въ русскомъ языкѣ.

Обратное вліяніе, вліяніе мягкихъ основъ на твердыя, имѣло мѣсто только въ винит. пад. множ. ч., употреблявшемся также и въ значеніи имен. Оно состояло въ замѣнѣ окончанія вин. мн. твердыхъ основъ *ы* (волк*ы*) окончаніемъ того же пад. мягкихъ основъ *ѣ* (муж*ѣ*) и было извѣстно главнымъ образомъ въ старомъ новгородскомъ говорѣ: Ев. до 1362 г.: горе вамъ лицемѣрѣ 45, ученици іоановѣ 48 об., будуть трусѣ 56, въстануть лжии христѣ 93 об., отпущаються грѣсѣ 138 об., народѣ угнѣтають тя 143, что стоите праздьнѣ 152 и др.; грамота 1372 г.: пословѣ Михаиловѣ; грамота 1392 г.: побилѣ розбоиникѣ Матьфѣева сына; Новгородская лѣт.: начаша воювати городѣ черниговьскѣѥ и възяша... и иныѥ городѣ мнозѣ 158. Сравни соврем. бѣлорусск. имен. мн. мужикѣ, вин. мн. вѣнкѣ, дворѣ.

Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ основъ на а. Основы женск. р. на *а* съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ (*жена*) оказали вліяніе на основы на *а* съ предшествующимъ *j* или мягкимъ согласнымъ (*душя*), которое имѣло своимъ результатомъ принятіе въ формы род. и дат.-мѣстн. ед., им.-вин. дв., им.-вин. мн. мягкихъ основъ окончаній формъ тѣхъ же падежей твердыхъ основъ.

Формы родительнаго пад. единств. ч. на *и* вмѣсто древняго *ѣ* (это *и* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ *ы* твердыхъ основъ: жен*ы*) встрѣчаются уже въ памятникахъ XI - XII вв., новгородскихъ и кіевскихъ: въ Минеѣ 1095 г.: изъ отроковичи 45, преподобьныя Еvфросиниі 192; въ Реймскомъ Ев. XI в.: святаго Иана прѣдьтеч*и* 23; въ Стихирарѣ 1157 г.: пророка Захари*и* 7, святыя Мария егюптяныни 133 об., святыя Мари*и* 156 об.; въ новгородскомъ Стихирарѣ XII в. (Син. Б. № 279): пророка Захари*и* 8, святыя Ефросини*и* 24 об., Зиновия и Зинови*и* 43; въ Житіи Θеодосія Печерскаго по сп. XII в.: нѣколику брати*и* 17, отъ суди*и* 36 об. Памятники XIII—XIV в., особенно сѣверно-русскіе, имѣютъ формы на *и* очень часто: Милятино Ев. 1215 г.: милостын*и* вашея 145; Ев. 1270 г.: отъ Аримаѳѣ*и* 8, жены самаряныни 13, седмь брать*и* 45, не створивъ вол*и* 80; Кормчая ок. 1282 г.: без вол*и* 473 об., безъ опитемь*и* 524, до пса и свини*и*, не ползуюши душ*и* 605 и др.; въ Ев. 1317 г.: посредѣ пшениц*и* 38 об., кръви Захари*и* 51, срачиц*и* не възбрани 74, пророка Захарь*и* 108, пророка Иль*и* 123, святыя мучениц*и* 111; въ духовной Ивана Калиты: княгин*и* моею; въ духовной Семена Гордаго: у Овц*и*, своее купл*и*; въ Ев. 1354 г.: жены самаряныни 16 об., душ*и* не могуще убити 38 об., не имѣ земл*и* 44 об.; у мытниц*и* 44 об., бес притч*и* 69 об., отъ смоковниц*и* 155; въ Евангеліяхъ 1355, 1357, 1358 гг.; въ Лаврентьевск. сп. л.

Древнія формы род. ед. мягкихъ основъ на *ѣ* въ памятникахъ XIV в. (напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ сп. л.) встрѣчаются еще часто. Въ настоящее время они сохраняются въ говорахъ малорусскихъ, въ большинствѣ которыхъ на мѣстѣ древняго *ѣ* слышится *і* (душ*і*), въ меньшинствѣ—*е* (душ*е*); говоры великорусскіе и бѣлорусскіе ихъ уже почти совсѣмъ утратили, такъ что ихъ остатки теряются среди массы формъ на *и*.

Формы дательн.-мѣстнаго п. ед. ч. на *ѣ* вмѣсто древняго *и* являются уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма: Минея 1095 г.:

въ ветъсѣ одежѣ 93, къ ширынѣ 99, святѣи госпожѣ Богородицѣ, запись; Минея 1096 г.: въ пустынѣ 51; но становятся многочисленными только въ памятникахъ XIII и XIV вв. Мы читаемъ въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: на землѣ 88; въ Трефолоѣ 1252 г.: къ зарѣ; въ Ев. 1270 г.: земле содомьстѣи 29; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: по нуже 58, въ продаже 66; въ Кормчей ок. 1282 г.: по отнѣ смерти 574 об.; въ духовной Ивана Калиты: далъ Федосьѣ; въ духовной Семена Гордаго: дядѣ, даю своѥи княгинѣ, братьѣ; въ Ев. 1354, 1355, 1357, 1358 гг.; въ Лаврентьевскомъ сп. л.

Формы дат.-мѣстн. ед. мягкихъ основъ на *и* еще вполнѣ обычны въ памятникахъ XIV в., и, напримѣръ, въ духовной Ив. Калиты мы читаемъ: княгин*и* своѥи (дат.). Они сохраняются въ настоящее время въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ (душ*ú*) и извѣстны также въ великорусскомъ нарѣчіи (напримѣръ, въ путивльскомъ говорѣ). Но обыкновенно великорусскіе говоры употребляютъ дат.-мѣстнаго на *ѣ* (душ*ѣ́*), и притомъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сѣверныхъ, окончаніе *ѣ* имѣетъ мѣсто въ формахъ не только мягкихъ основъ на *а*, но и основъ на *ь* женск. р.: на печ*ѣ́*, въ гряз*ѣ́* и т. п.

Форма именит.-винит. пад. двойств. ч. на *ѣ* вмѣсто древняго *и* встрѣчаются изрѣдка въ памятникахъ XIII и XIV вв.: Ев. 1270 г.: дъвѣ тысящѣ 54 об., Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: 12 вѣкш*е* 53; новгородская грам. ок. 1305 г.: по двѣ вѣкшѣ; Ев. 1354 г., 38, Ев. 1355 г., 32, Ев. 1358 г., 38 об.: двѣ птицѣ. Эти формы, какъ и древнія формы дв. ч. на *и*, въ настоящее время уже не существуютъ.

Формы именит.-винит. п. множеств. на *и* вмѣсто древняго *ѣ* начинаютъ появляться въ достовѣрныхъ примѣрахъ съ XIII в.: Милятино Ев. 1215 г.: начьнеть бити рабы и рабын*и* 103; Тріодь 1311 г.: блудниц*и* чреплють твоѥ милосердьѥ (отъ блудниц*а*) 11 об.; Ев. 1354 г.: придоша птиц*и* 44 об., пасущии свинь*и* 70 об., внидоша в свинь*и* 99 об., начнеть бити рабын*и* 104; Ев. 1355 г.: внидоша въ свинь*и* 37 об., погуби убиниц*и* ты 51; Ев. 1354 г.: взрите на птиц*и*, въ житниц*и* събирають 35, 40; придоша птиц*и* 44 об., 68; птиц*и* позобаша 94 об.; Ефремъ Сиринъ 1377 г.: душ*и* вашѣ исполнени зависти 57 об.; Лаврентьевск. сп.: ископаша печеру и кѣль*и*, и т. п.

Формы им.-вин. мн. на *ѣ* въ памятникахъ XIV в. (напримѣръ, въ Лаврент. сп. л.) встрѣчаются еще часто. Въ настоящее время они сохраняются въ говорахъ малорусскихъ, причемъ мѣсто древняго *ѣ*

въ однихъ изъ нихъ занимаетъ *і* (душі), въ другихъ—*е* (душе). Говоры великорусскіе и бѣлорусскіе имѣютъ формы на *ѣ* въ скудныхъ остаткамъ и обыкновенно употребляютъ новыя формы на *и*.

Обратное вліяніе, вліяніе мягкихъ основъ на *а* на твердыя, мы наблюдаемъ въ формахъ род. ед. и имен.-винит. мн.

Формы род. ед. твердыхъ основъ на *ѣ* вмѣсто *ы* мы находимъ въ Минеѣ 1096 г.: съ высот*ѣ* 64; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: до сея сѫбот*ѣ* 77 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: по полу гривн*ѣ*; въ духовной новгородца Климента XIII в.: полъ гривн*е*, у Коз*ѣ*; въ договорѣ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: старост*ѣ* не судити; въ такомъ же договорѣ 1371 г.: с ыноѥ сторон*ѣ*; въ новгор. грам. 1392 г.: не поминати грамот*ѣ*, до Михаил*ѣ*, нѣтъ измѣн*ѣ*; въ Новгородской лѣт.: ис печер*ѣ* 10, бе-знатб*е* 45, у Нѣжат*е* 62, из Рус*е* 103, слушаюче льстьб*ѣ* ихъ 105, посадника дѣля Мирошк*е* и Иванка и Ѳом*ѣ* 114, Мирошк*е* и Иванка не пусти 115, рѣп*ѣ* возъ 162 и др.; въ сѣверно-великор. грамотѣ XIV—XV в. (Мейчикъ, 117): отъ Пунанцов*е* земли, отъ митрофанов*е* земли, отъ матфеив*е* земли, отъ Пунов*е* горки; въ Ипатьевск. сп. л.: изъ Москв*е* 407. Нѣкоторые памятники новгородскаго происхожденія имѣютъ, согласно съ особенностью новгородскаго говора, *и* вмѣсто *ѣ*: договоръ съ Тверью 1270 г.: у Кюрил*и*; двинскія купчія XIV в.: с ыв*и* = съ ивы, до несторов*и* пожни; грамота 1667 г.: отъ берез*и*, до берез*и*.

Современный языкъ знаетъ еще формы род. ед. твердыхъ основъ на *ѣ* вмѣсто *ы* въ небольшомъ количествѣ: южно-великорусск. у голодной кум*ѣ* все хлѣбъ на умѣ, около вод*ѣ*, изъ Москв*ѣ*; сѣв.-вр. отъ Амелфы Тимофеевн*ѣ*; малорусск. съ правд*і*, до торбинк*і* и т. п.

Формы имен.-винит. множ. твердыхъ основъ на *ѣ* вмѣсто *ы* изрѣдка встрѣчаются въ тѣхъ же памятникахъ, которые имѣютъ род. ед. на *ѣ*, т. е. почти исключительно въ новгородскихъ: духовная Климента XIII в.: 4 гривн*е*, 13 ногат*е*; договоръ Новгорода съ Тверью 1314 г.: андрѣев*ѣ* дѣти; договоръ 1372 г.: на порук*ѣ*, тѣ грамот*ѣ* подереть; грамота 1392 г.: смотрѣвъ въ грамот*ѣ* въ стар*ѣи* въ заморьск*ѣи* въ хрестн*ѣи*, грамот*ѣ* опришьнии; Новгородская лѣт.: шнек*е* привезоша 99.

Въ современномъ языкѣ именныя формы им.-вин. мн. твердыхъ основъ женск. р. на *ѣ* встрѣчаются, кажется, только въ бѣлорусскихъ говорахъ, и то очень рѣдко: дзѣвк*ѣ* вино выпили.

Переходъ именъ съ основами на **о** *и на* **т** *въ склоненіе основъ на* **а**. Нѣкоторыя имена съ основами на *о* и на *т* утратили свое древнее склоненіе и перешли въ склоненіе основъ на *а*. Сюда относятся прежде всего имена на *ло*, какъ исконныя русскія въ родѣ объѣда*ло*, воротило, заправи*ло*, Чури*ло*, такъ и заимствовавшія отъ этихъ послѣднихъ свое окончаніе, перешедшія изъ греческаго языка Михай*ло*, Дани*ло*, Гаври*ло* и т. п. Они первоначально склонялись во всемъ русскомъ языкѣ какъ слова на *о* средняго рода, но въ сѣверно-русскихъ говорахъ рано начали переходить въ склоненіе основъ на *а*, т. е. оканчиваться въ имен. ед. на *а*, въ род. ед. на *ы* и т. д. Мы читаемъ въ духовной новгородца Климента XIII в.: Самуил*ѣ* даите боровъ; въ новгородской грам. 1392 г.: до Михаил*ѣ*; въ Новгородской лѣт.: съ Нездил*ою* 174, посла Нездил*у* Прокшиниця 218, убиша попа Петрил*у* 235, послаша Мануил*у* 163, убиша Рагуил*у* 123, постави церковь Гаврил*а* 98, послаша Гаврил*у* 214, убиша Данил*у* 232. Современные великорусскіе говоры обыкновенно склоняютъ слова на *ло* какъ слова женск. рода.

Уменьшительныя на *ко* первоначально были словами средняго р. (сравни греч. παιδίον, ἀνδρίον, γυναίκιον; нѣмецк. mädchen, mütterchen, Julchen) и склонялись также какъ основы на *о*. Въ сѣверно-русскихъ памятникахъ до XIV в. включительно они обыкновенно сохраняютъ старое склоненіе: смоленская гр. 1284 г.: Дядк*о*, Федорк*о*; духовная Ивана Калиты: Бориск*у* Воркову; духовная в. кн. Ивана Ивановича: Нестерк*о*; Новгородская лѣт.: Иванк*а* не пусти 115, съ Михалк*омъ* 121, Михалк*у* Степаницю 127 и т. п.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: Василько, Владимирк*о*, Михалк*о* и т. п. (часто); но рядомъ съ этими формами мы находимъ уже нѣкоторое количество новыхъ формъ: Минея 1096 г.: помагаи рабу своюму Дъмък*ѣ*, запись (Дъмъка—уменьшительное отъ Даміанъ, съ измѣненіемъ гласнаго послѣ *д* подъ вліяніемъ глагола дъму и т. п.); духовная Климента XIII в.: у Борк*ы*, с Борк*ою*; Новгородская лѣт.: Мирошк*а* посадникъ 117, послаша Мирошк*у*, прия Мирошк*у* 111, Мирошк*е* не пусти 115 и т. п. Памятники послѣ XIV в. имѣютъ формы и старыя и новыя вмѣстѣ, и, напримѣръ, въ московской грам. до 1472 г. (Лебедевъ, стр. 6) мы находимъ съ одной стороны: Ондреик*о*, Семенк*омъ*, Демидк*омъ*, на Семенк*а*, съ другой: Онанк*ою*, Онанк*у* (вин.). Современные великорусскіе и бѣлорусскіе говоры сохраняютъ нѣкоторое количество старыхъ формъ: великор. гнѣдк*о́*,

гнѣдка́ и т. д., сѣрко́; сѣв.-великор. Ивануш*ко*, Саш*ко́*, батюш*ко*, у батюш*ка*, батюш*комъ*, мое конишеч*ко* доро́жное (онежскія былины); южно-великор. путивльск. съ Вась*комъ*, съ дя́динь*комъ*; но обыкновенно слова въ родѣ Вась*ка*, мальчиш*ка*, мужичиш*ка* склоняются какъ основы на *а*.—Малорусскіе говоры сохраняютъ старое склоненіе почти безъ измѣненія.

Уменьшительныя на *я* = древнее ѧ, въ родѣ Ва*ня*, Ко*ля*, Ка*тя*, братен*я*, глупен*я*, нѣкогда имѣли основу на *т* и склонялись какъ телѧ: род. Ваня*те*, дат. Ваня*ти* и т. д. Подобныя формы по памятникамъ намъ неизвѣстны, но мы можемъ ихъ возстановить на основаніи старо-сербскихъ уменьшительныхъ Андре (изъ Андрѧ), Яке (изъ Якѧ), род. Андре*та*, Яне*та* и т. д. (сравни в.-русск. Ваня*тка*) и на основаніи современныхъ великорусск. гусеня*та*, жиденя*та*, малорусск. оченя*та* и др. Эти уменьшительныя, съ тѣхъ поръ какъ ихъ застаетъ исторія, склоняются какъ основы на *а*.

Кромѣ этихъ словъ, есть нѣкоторое основаніе думать, что существительныя на *а* и *я* въ родѣ пройд*а*, рёв*а*, пустомел*я*, розин*я* только съ сравнительно недавняго времени стали склоняться одинаково съ жен*а*, зем*ля* и что прежде они были не что иное какъ причастія наст. времени. Сравни съ пройд*а*—древне-русск. прич. им. ед. муж. р. ид*а*, чешск. jd*a* (отъ *ити*), съ пустомеля — церк.-слав. мелѧ, русск. меля (отъ *млѣти*, *молоти*).

Смѣшеніе мѣстоименныхъ основъ. Мѣстоименное склоненіе меньше уклонилось отъ старины, чѣмъ именное. Прежде всего стоитъ отмѣтить нѣсколько случаевъ смѣшенія склоненія мѣстоименнаго съ именнымъ. Формы родительнаго пад. (они же формы и винит.) ед. личныхъ и возвратнаго мѣстоименій въ древнее время звучали мен*е*, теб*е*, себ*е*, такъ же, какъ звучатъ они и теперь въ малорусскомъ нарѣчіи. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ эти формы исчезли и замѣнились формами, образовавшимися по образцу именныхъ формъ. Въ однихъ случаяхъ мѣстоименныя формы приняли окончаніе именныхъ формъ муж. р. *а* (то же, что въ хлѣб*а*, коня); въ другихъ—окончаніе *ѣ* (теперь *е*, не *ё*), взятое у старыхъ именныхъ формъ женскаго рода (въ родѣ душ*ѣ*). Формы мен*я*, теб*я*, себ*я* не отличаются древностью и восходятъ по памятникамъ только къ XV в.: московская грамота 1436—45 г. (Лебедевъ, стр. 3): отъ меня; формы же мен*ѣ*, теб*ѣ*, себ*ѣ* встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго

письма: Остромирово Ев.: въ себѣ пришьдъ 118; Архангельское Ев.: не посѣтихомъ тебѣ 75; Минея 1095 г.: ис тебѣ 89, 160, 206, 211, 232 и др. (очень часто); Пандекты Антіоха XI вѣка: не вѣмь тебѣ 229 об.; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: у себѣ 101 об., у тебѣ 162, за тебѣ 178; Милятино Ев. 1215 г.: вы есте оправьдающеи себѣ 123, любити ближьняго яко себѣ 130 об., блюдите сами себѣ 132; Житіе Нифонта 1222 г.: видѣ самъ себѣ 126, отъ тебѣ 131 об.; Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в. (очень часто). Изъ современныхъ говоровъ во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ и въ нѣкоторыхъ изъ южно-великорусскихъ (въ томъ числѣ въ московскомъ) мы находимъ въ постоянномъ употребленіи формы род.-вин. меня, тебя, себя; въ пинскомъ, переходномъ отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, встрѣчаются рядомъ мене и меня; въ другихъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ обыкновенно слышатся формы на *ѣ*: менѣ, тебѣ, себѣ; послѣднія впрочемъ изрѣдка являются и на сѣверѣ, при чемъ тамъ вмѣсто *ѣ* иногда слышится *и*: въ онежскихъ былинахъ: складывайте съ себи платьица цвѣтныи.

Затѣмъ, въ области мѣстоименнаго склоненія заслуживаютъ вниманія случаи смѣшенія однихъ мѣстоименныхъ основъ, твердыхъ, съ другими, мягкими. Великорусскія формы твор. ед. ч*ѣ*мъ, с*ѣ*мъ, к*ѣ*мъ (древн. ч*и*мь, с*и*мь, к*ы*мь, к*и*мь: Житіе Нифонта 1222 г.: повѣжь с к*ы*мь бесѣдовавъ 116) обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ твердыхъ основъ въ родѣ т*ѣ*мъ, вслѣдствіе вліянія твердыхъ мѣстоименныхъ основъ на мягкія. Они не отличаются большою древностью, но первая изъ нихъ въ XIV в. въ московскомъ говорѣ уже существовала,—впрочемъ, рядомъ со старою формою ч*и*мъ. Въ духовной Семена Гордаго мы встрѣчаемъ послѣднюю: ч*и*мъ мя благословилъ отець; въ духовной Димитрія Донскаго находится первая: ч*ѣ*мъ.— Форма к*ѣ*мъ найдена нами въ Лѣствицѣ 1334 г.: ни надъ к*ѣ*мъ же 8 об.

Цѣлый рядъ мѣстоименій съ твердою основою: *тъ*, *онъ*, *одинъ*, *самъ*, *инъ*, подобно именамъ, приняли въ именит. и винит. п. мн. ч. муж. и женск. р. окончаніе *ѣ* (вс*ѣ*) вмѣсто *ы* и *и*; такимъ образомъ вмѣсто древнихъ т*ы*, он*ы*, одн*ы*, сам*ы*, ин*ы*, т*и*, он*и* и т. д. явились новыя формы: т*ѣ*, он*ѣ*, одн*ѣ*, сам*ѣ*, ин*ѣ*. Эти формы мы находимъ изрѣдка въ памятникахъ XIII в.; онѣ уже нерѣдки въ памятникахъ XIV в.: Кормчая ок. 1282 г.: т*ѣ* (цари) спасаються 610; договоръ Новгорода съ Тверью 1314 г.: т*ѣ* (головы) поиду; духовная Семена

Гордаго: *тѣ* люди не надобны; Ев. 1355 г.: ины овца имамъ и *тѣ* ми подобаеть привести 154 об.; Прологъ 1356 г.: *самѣ* ядуще 92 об., бѣша святии *тѣ* 94, *онѣ* (бѣсы) хотяху 96, *онѣ* же рѣша 97 об.; Ев. 1357 г.: *онѣ* (посланные) възложиша руцѣ 107; Ев. 1358 г.: *тѣ* утѣшаться, *тѣ* наслѣдять землю, *тѣ* насытятся и др. 32 об., 194; Лаврентьевскій сп. лѣтоп.: кто одолѣеть мы ли *онѣ* ли 45, печенѣзи тоняху *инѣ* въ инѣхъ рѣкахъ 147. Хотя въ настоящее время на нѣкоторыя изъ этимъ формъ (*онѣ*, *однѣ*) принято смотрѣть какъ на формы исключительно женск. и средн. рода, но ни старые памятники, ни современный языкъ не даютъ права на такого рода взглядъ: у Котошихина: *однѣ* пушкари; въ онежскихъ былинахъ: *онѣ* (богатыри) крестами помѣнялися, и т. п.; вообще народъ употребляетъ формы съ *ѣ* безразлично для всѣхъ трехъ родовъ. Формы *тѣ*, *онѣ* въ настоящее время свойственны всему великорусскому нарѣчію; одного образованія съ ними малорусск. т*і*, вон*і*, сам*і* и т. п.

Нѣкоторыя мѣстоименія, принявшія окончаніе *ѣ* въ именит. и винит. множ. ч.,—въ творит. ед., родит., дат., творит. и мѣстн. множ. въ великорусскихъ говорахъ имѣютъ въ основѣ *и* на мѣстѣ древняго *ѣ*: великорусск. сам*и*мъ, сам*и*ми, сам*и*хъ, одн*и*мъ, одн*и*ми, одн*и*хъ и т. п.; въ бѣлорусскомъ нарѣчіи тотъ же звукъ въ основѣ имѣетъ мѣстоименіе *весь*: вс*и*мъ, вс*и*хъ, вс*и*ми. Это *и* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію мягкихъ мѣстоименныхъ основъ: сравни мо*и*хъ, тво*и*хъ. Трудно сказать, когда появились формы сам*и*мъ, сам*и*хъ; формы вс*и*хъ, вс*и*мъ мы видимъ нерѣдко въ зап.-русскихъ памятникахъ XIV в.: въ грам. Витовта 1383 г.: вс*и*ми пожитки, вс*и*мъ потомкомъ. Замѣчательно, что московскій говоръ прежде нѣсколько приближался къ бѣлорусскому нарѣчію: онъ имѣлъ формы вс*и*мъ, вс*и*хъ, вс*и*ми; такъ, въ духовной Ив. Калиты 1328 г. мы читаемъ: со вс*и*ми волостьми, по вс*и*мъ попьямъ.

На оборотъ, мѣстоименія, сохранившія *и* въ имен. и вин. мн.,—въ твор. ед., родит., дат., твор. и мѣстн. множ. иногда имѣютъ въ основѣ *ѣ*, на мѣстѣ древняго *и*: кіевская Псалтырь 1397 г.: нечестьемъ сво*є*мь 98 об.; Мстижское Ев. XIV в. (Вил. Публ. Б.): всѣмъ сердцемь своѥмь 93 об.; псковская Псалтырь XIV в.: устъ моѥхъ; Новгородская лѣт.: стрыемь сво*є*мь 296; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: оброки сво*е*ми; современн. великорусск.: твор. мо*е*мъ (не моёмъ), род.—мѣстн. мо*е*хъ, дат. мо*е*мъ, твор. мо*е*ми.

Нерѣдкія въ великорусскихъ говорахъ и обычныя въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ формы въ родѣ *тыхъ, одныхъ, самыхъ* не имѣютъ никакого отношенія къ смѣшенію основъ; это—членныя мѣстоименныя формы, одинаковыя по образованію съ формами членныхъ прилагательныхъ: *добрыхъ* и т. п.

Смѣшеніе падежей. Цѣлый рядъ измѣненій въ формальномъ строѣ русскаго языка имѣлъ своею причиною смѣшеніе падежей въ одномъ и томъ же склоненіи, или употребленіе однихъ падежныхъ формъ словъ въ значеніи другихъ падежныхъ формъ тѣхъ же словъ.

Именительный и звательный. Форму зват. пад. издревле имѣли только имена, и то не всѣ и не во всѣхъ числахъ. Она была свойственна только единственному числу существительныхъ муж. и женск. рода; множеств. и двойств. числа ея не имѣли, т. е. форма имен. п. этихъ чиселъ употреблялась, между прочимъ, въ значеніи зват. пад. Прилагательныя имѣли форму зват. п. рѣдко, и обыкновенно вмѣсто нея употреблялась форма имен. п. Сверхъ того, при рядѣ словъ, которыя должны бы были стоять въ формѣ зват. пад., иногда въ этой формѣ стояло только одно первое слово или нѣсколько первыхъ словъ, а остальныя имѣли формы имен. п. Наконецъ, славянскіе языки еще въ доисторическую эпоху утратили форму звательн. пад. отъ многихъ основъ на согласные звуки. Такимъ образомъ въ началѣ исторической эпохи русскій языкъ несомнѣнно имѣлъ форму зват. пад. въ единств. ч. только отъ основъ на *ъ*, на *о*, на *а* (едва ли всѣхъ: слова въ родѣ *судии, пустыни*, кажется, не имѣли формы зват. п.) и на *ь* муж. и женск. р. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма, кіевскихъ и новгородскихъ, мы уже встрѣчаемъ замѣну формы зват. пад. основъ на *о* и на *а* формою именит. п.: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: яко же брати*я* отъ сего разумѣѥмъ 131; Минея 1095 г.: Захари*я* богодъхновене 45, Захари*я* священиче 47 и т. п.; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: лютѣ тебе Хоразинъ, лютѣ тебѣ Виѳсаид*а* 43 об., 102 об., ты Каперънаум*ъ* сънидеши 43 об., 103. Памятники XIII—XIV в., сѣверно-русскіе, имѣютъ эту замѣну нерѣдко: Милятино Ев. 1215 г.: горе тебе Хоразин*ъ* 94; Апостолъ 1220 г.: тѣмь убо брати*я* дължьници ѥсмъ 40, молю убо васъ брати*я* 59 об., препираю ся брати*я* моя о васъ 72 об., молю же вы брати*я* 74 об., 76 об. и т. п.; Житіе Нифонта 1222 г.: се же мънѣ отьци и брати*я* правьдьнику повѣдающи 44, не мозѣмъ брати*я* прельститися 71; Ев. 1270 г.: врачь

исцѣлися самъ; Ев. 1357 г.: радуися царь ию(дѣ)искъ 146, 148, Марѳ*а* Марѳ*а* печешися о мнозѣ 159; Ев. 1358 г.: горе тобѣ Хоразинъ 41, Лазорь гряди вонъ 156 об., радуися царь июдѣискъ 184 об., 186, 186 об.; Мстижское Ев. XIV в. (Вил. П. Б.): отроковиц*а* въстани 91, и др. Современные великорусскіе говоры утратили почти совсѣмъ формы зват. п. (кромѣ Бож*е*, Господ*и* и пѣсенныхъ: ой же ты, рата*ю*-ратаюшко; ой же ты, Иванушко Дубрович*у*) и на мѣстѣ ихъ обыкновенно употребляютъ формы имен. п. Бѣлорусскіе и малорусскіе говоры сохраняютъ и въ настоящее время въ обиліи формы зват. основъ на *ъ*, *о*, *а*, въ родѣ сынк*у*, кон*ю*, пан*е*, рыб*о*.

Рядомъ съ замѣною формы зват. пад. формою именит. пад., мы встрѣчаемъ и обратное явленіе—замѣну формы имен. п. муж. р. формою зват. п., наблюдаемое нами главнымъ образомъ въ древнихъ новгородскихъ памятникахъ. Первоначально, конечно, форма зват. пад. употреблялась вмѣсто формы имен. пад. только тогда, когда въ ней должно было стоять или собственное имя, или по крайней мѣрѣ слово, означающее одушевленный предметъ; но впослѣдствіи въ новгородскомъ говорѣ форма зват. п. въ значеніи именительнаго стала образовываться и отъ словъ, означающихъ предметы не одушевленные, и даже отъ мѣстоименій, прилагательныхъ и причастій. Мы читаемъ въ новгородскихъ памятникахъ: въ Кормчей ок. 1282 г.: Юрь*ѥ* Володимѣричь, Юрь*ѥ* сѣде 574 об.; въ Ев. 1355 г.: гнаше и Симон*е* и иже бяху с нимь 112; въ Новгородской лѣт.: заложи церковь Сьмьюн*е* Дыбачевиць 96, сърубиша церковь Къснятин*е* съ братомь 99, останък*е* разидеся, новгородьци останък*е* живыхъ послаша Гюргя 162, Иванк*е* Тимошкиниць 220, придоша... Петр*е* Водовиковиць 229; въ новгородской грам. 1392 г.: посадник*е* и весь господинъ велик*ы*и Новъгородъ, т*ѣ* товаръ, что в Ругодивѣ порубилѣ, и противъ того товара..., дворъ ихъ погорѣ*ле*; въ двинской рядной XIV в.: Завк*е* ста на судѣ, Савк*е* рче, Смен*е* Ночин*е* имал*е* по рукописанью и взял*е* у насъ...; въ двинскихъ купчихъ XIV в.: купи Игнат*е*, да Игнат*е*, Грихн*е* Даниловъ, Иван*е* Федоровичь, Онтан*е* Кузмин*е*, Климята Васильев*е*, Зѣновеи Иванов*е*. Памятники не новгородскаго происхожденія знаютъ употребленіе формы зват. п. муж. р. вмѣсто имен. п. почти исключительно въ собственныхъ именахъ: Златоструй XII вѣка: святыи Никола*ѥ* явися 67 об., сътвори святыи Никола*ѥ* 68 и др.; зап.-русск. Лѣтописецъ Переяславскій XV—XVI в. (по изд. кн. Оболенскаго): Васили*е* 35; лебедян-

ская грам. 1659 г.: попъ Евсѣе; московскіе литературные памятники XV—XVI в. (главнымъ образомъ житія) имѣютъ формы собственныхъ именъ на *іе* (Васил*іе*) въ значеніи имен. п. нерѣдко.

Кромѣ именит. пад., форма зват. п. въ новгородскихъ памятникахъ встрѣчается изрѣдка также въ значеніи винит. ед.: гр. 1392 г.: аже гдѣ изнаидуть или тать или товар*е* = товаръ.

Современный русскій языкъ знаетъ употребленіе зват. вм. имен. только въ пѣсняхъ: онежск. Петр*е*, Садк*е*, воронк*е*; бѣлорусск. улан*е*, панич*у*; малорусск. козач*е*, и т. п.

Именительный и винительный. Какъ извѣстно, искони слова средняго рода имѣли одну и ту же форму какъ для именит., такъ и для винит. пад. всѣхъ чиселъ; слова муж. и женск. р. знали одну форму имен.-вин. п. для двойств. ч. Сверхъ того, въ славянскихъ языкахъ еще въ доисторическую пору ихъ существованія произошло, вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій, отожествленіе формъ именит. и винит. п. ед. ч. основъ на *ъ*, *о*, *ь* (сын*ъ*, вълк*ъ*, гост*ь*, кост*ь*) и имен.-вин. мн. ч. основъ на *а* и *ь* женск. р. (жен*ы*, кост*и*), а также началось употребленіе, въ основахъ на *ъв* и согласные муж. и женск. р., формъ вин. пад. ед. вмѣсто именит.: вин. кр*ъвь* вмѣсто имен. кр*ы* (эта форма имен. п. ед. дошла до насъ только въ старо-польскихъ памятникахъ), вин. люб*ъвь* рядомъ съ имен. люб*ы*, вин. кам*ень* рядомъ съ имен. кам*ы* и т. п., и, рѣже, на оборотъ (Лѣствица XII в. Рум. М. № 198: о кам*ы* претъкнувъ ногу 42 об.). Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ въ первое время его исторіи всѣ формы имен. двойств. были вмѣстѣ съ тѣмъ формами вин. дв., бо́льшая часть формъ имен. ед. была тожествена съ формами винит. ед. и значительная часть формъ имен. множ. совпадала по звукамъ съ формами вин. мн. Въ XIII—XIV вв. нѣкоторыя формы имен. ед., несходныя съ вин. ед., въ родѣ люб*ы*, кам*ы*, повидимому, уже прекратили свое существованіе; по крайней мѣрѣ памятники не даютъ намъ основанія думать, чтобы въ XIII—XIV вв. они находились въ живомъ говорѣ. Только одна форма, и то видоизмѣненная,— форма имен. ед. церк*ви* (изъ древней цьрк*ы*, церк*и*) тогда еще существовала; она довольно часто встрѣчается въ спискахъ евангельскихъ текстовъ и—что особенно важно— въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт. Въ то же время формы имен. п. множ. муж. р. стали уже смѣшиваться съ формами вин. мн., т. е. употребляться одни вмѣсто другихъ.

Нѣкоторое количество случаевъ употребленія формъ вин. множ. муж. р. въ значеніи именит. находится въ памятникахъ ранней эпохи: Святосл. Сборникъ 1073 г.: три друзи (не трие) 188; Архангельское Ев.: старьци людьскыи 98 об.; Юрьевское Ев.: дьни ти 67 об., 141, 167; но эти случаи, особенно первый и послѣдній, могутъ быть относимы на счетъ не русскаго, а церк.-слав. языка: сравни въ ц.-слав. Синайской Псалтыри им. мн. дьни 203, 220. Несомнѣнные примѣры смѣшенія им. и вин. мн. муж. р. встрѣчаются въ памятникахъ только съ XIII в., сѣверно-русскаго происхожденія.

Мы находимъ вин. вмѣсто имен. (а вмѣстѣ и зват.) въ Житіи Нифонта 1222 г.: неислѣдованыя неизмѣрныя чины раставлени быша 113; въ Кормчей ок. 1282 г.; избрашася три браты 573 об., люди събираються 582, поють четвьрообразнии животы 594; въ Псалтыри 1296 г.: люди поучишася 3 об., вси пути господни 46; въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1314 г.: Юрьи Калѣка и вси талщикы (им. ед. тальщикъ), кто мои недругы; въ духовной Семена Гордаго: мои тивуни и посельскыѣ и ключники; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: отци мои душевныѣ; въ рязанской грам. послѣ 1356 г.: ямыцики ать не заимають людеи; въ Ев. 1354 г.: быша прикратилися дни ты 61 об., 80 об., будут бо дни ты печални 129 об., унци мои упѣтины (!) заколены 72; въ Ев. 1355 г.: вы отци игумены и попове, запись; люди сѣдящеи во тьмѣ 168; въ Ев. 1357 г.: своѣ не прияша 1, что стоите праздны 43 об., прекратятся дни ты 62 об.; въ Ев. 1358 г.: хромии ходять прокаженыя очищаються 40 об., многи пророци въстануть 160; Лаврент. сп. л.: придоша рязаньскыѣ князи, и др.; Новгородская лѣт.: сдумавъше новгородьце показаша путь 115, одени въ бръне и коне ихъ, инии корабле стояху 137, ядяху люди листъ 162, меды изварены 232.

На оборотъ, мы читаемъ имен. вм. винит. въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: съзъвавъ князи и люди 144 об., идѣмъ въ ближьняя вьси и гради 147; въ Житіи Нифонта 1222 г.: князи имамъ 68 об.; въ Псалтыри 1296 г.: въ боголюбивыя мужи, запись, подвигни черноризци и черноризицѣ 74 об.; въ Ев. 1355 г.: расыпа пѣнязи 4 об., прѣбысть яко три мѣсяци 155 об.; въ Ев. 1357 г.: будеть раздѣленъ... три на два а два на трие 81 об., съзываають другы и сусѣди 84, съзвавъ старѣишины и князи 113, пребысть яко три мѣсяци 173; Лаврентьевск. сп. л.: пустити воробьи, нача вои совкуп-

ляти, удавиша кони (имен.) человѣ*ци* (вин.), и др.; Новгородская лѣт.: нзищю муж(ѣ) новгородь*стии* 164, поимавъ стареиш*ие* муж*и* Новгородь*стии* 168, дары принесе кон*и* и вельблуды 193.

Въ XVI в. старыя формы имен. мн., теперь не существующія, повидимому, еще употреблялись въ живомъ говорѣ: Скорина: сапо*зи* имеите на ногахъ, Исходъ, 23; Судебникъ 1550 г.: пошлется на послу*си*.

Въ современномъ языкѣ мы почти совсѣмъ не находимъ древнихъ формъ имен. мн. существительныхъ муж. р. съ основами на *о* съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ и на *ъ*; они исчезли, и вмѣсто нихъ теперь во всемъ русскомъ языкѣ употребляются древнія формы винит. п.: волк*и*, труд*ы*, пут*и*, съ значеніемъ и имен., и вин. п. Равнымъ образомъ нѣкоторыя мѣстоименія имѣютъ, въ значеніи именит. и вин. мн. муж. р.,—древнія формы вин. мн.: великор. вс*ѣ*, т*ѣ*, он*ѣ*, одн*ѣ*, малор. вс*і* (*і* изъ *ѣ*), великор. и бѣлор. мо*ѣ*, тво*ѣ*, сво*ѣ*. Сверхъ того, малорусское нарѣчіе утратило древнія формы имен. мн. основъ на *о* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ и замѣняетъ ихъ древними формами вин. п.: кон*і* (*і* изъ *ѣ*), съ значеніемъ и имен., и вин. п. На оборотъ, въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ древнія формы имен. мн. основъ на *о* съ предъидущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ вытѣснили древнія формы вин. мн.; эти формы и формы имен. мн. нѣкоторыхъ мѣстоименій теперь имѣютъ также значеніе вин. мн.: луч*и*, мо*и*, тво*и*, сво*и*; кромѣ того, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи форма имен. мн. вс*и* есть также и форма вин. мн. Исключенія представляются съ одной стороны древними формами им. мн. основъ на *о* и нѣкоторыхъ мѣстоименій: черт*и*, сосѣд*и*, он*и*, сам*и*, одн*и*, изъ которыхъ послѣдняя употребляется въ значеніи какъ имен., такъ и винит., съ другой—древними формами вин. мн. основъ на *о* въ родѣ женц*ѣ*, дожж*ѣ*, изрѣдка встрѣчающимися въ бѣлорусскихъ говорахъ въ значеніи имен. мн.

Членныя прилагательныя и мѣстоименія въ настоящее время имѣютъ для имен. и вин. мн. муж. р. одни и тѣ же формы. Это или древнія формы имен. мн.: син*іи*, или древнія формы вин. мн.: добр*ыѣ*, или новыя смѣшанныя формы, составленныя какъ изъ именит. п. имени и винит. члена: син*іѣ*, такъ и изъ вин. имени и имен. члена: добр*ыи*. Смѣшанныя формы, свойственныя всѣмъ русскимъ говорамъ, извѣстны по памятникамъ съ XIV в.: Ев. 1354 г.: приведоша ему

бѣсн*ыи* и расслабленыя 32, в мѣхы нов*ыи* 36, 65 об., рассадить вино мѣхы ветх*ыи* 65 об., 87; Лаврентьевскій сп. л.: послаша лѣпш*иѣ* мужи, мертв*ыи* срама не имамъ, сквозѣ половечьск*ыи* вои, и т. п. (часто). Наше правописаніе употребляетъ изъ указанныхъ формъ только формы на *ѣ*, съ замѣною послѣдняго черезъ *е*: *ые, іе*; но въ живомъ великорусскомъ говорѣ формы на *и*, т. е. съ окончаніями *ыи, іи*, пользуются несравненно большимъ распространеніемъ, чѣмъ формы на *ѣ*.

Къ числу случаевъ смѣшенія имен. и винит. пад. не слѣдуетъ относить употребленія формъ имен. ед. женск. р. при неопредѣленномъ наклоненіи: Милятино Ев. 1215 г.: достоить ли мужю жен*а* пустити 124; смоленскій договоръ 1229 г.: аже будѣте убитъ одн*а* гривн*а* серьбра заплатити, таков*а* правд*а* узяти; договоръ Новгорода съ Тверью 1270 г.: т*а* грамот*а* дати назадъ; Домострой XVI в.: како кормити семъ*я*, како поучяти мужу сво*я* жен*а*, како домъ устроити и всяк*ая* домашн*яя* порядня; современное московск. туда рук*а* подать, шутк*а* сказать, сѣв.-великор. надо душ*а* спасти, надо коров*а* купить и т. п. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ употребленіемъ именительнаго пад. (=подлежащаго) при неопредѣл. наклон. (=дополненіи), извѣстнымъ, кромѣ русскаго, также въ другихъ языкахъ, между прочимъ въ санскритскомъ и литовскомъ. Немногочисленные примѣры имен. ед. женск. р. вмѣсто вин., въ родѣ находящихся въ полоцкой грам. ок. 1300 года: есмь увѣдалъ любовь ваш*а* прав*ая* съ сыномь моимь, въ Новгородской лѣт.: даи Богъ молитв*а* юго свят*ая* всѣмъ крестьяномъ 225, въ Домостроѣ: соимя рубашк*а*, и даже въ современныхъ русскихъ говорахъ,—обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію оборота именит. пад. съ неопредѣл. накл.

Родительный и винительный. Во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ мы встрѣчаемъ довольно частое употребленіе такъ называемаго родительнаго раздѣлительнаго (genitivus partitivus), т. е. употребленіе въ извѣстныхъ случаяхъ формъ родит. пад. вмѣсто формъ винительнаго: греческ. πίνειν οἴνοιο (Иліада), нѣмецк. des kalbes essen, франц. donner du vin, современн. русск. дать хлѣба, принести воды и т. п. При расширеніи такого употребленія родительнаго падежа, онъ сталъ являться вмѣсто винительнаго и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было яснаго понятія о раздѣленіи. Въ церковно-славянскомъ и древне-русскомъ языкахъ мы видимъ родит. пад. единств. ч. вмѣсто винитель-

наго отъ именъ какъ означающихъ одушевленный предметъ, такъ и означающихъ предметъ не одушевленный, при глаголахъ и съ отрицаніемъ, и безъ отрицанія: Остромирово Ев.: грѧдѫштаего къ мънѣ не ижденѫ вънъ, чьтѫ отца моѥго, живота вѣчьнаего имате; Златоструй XII в.: любяше святого Николы 69; Слово о п. игор.: поостри сердца своего; смоленская грам. ок. 1230 г.: оже уръветь бороды боярину; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: починить моста ветхаго 64; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: забылъ ѥси своего крестного челования; Лаврентьевскій сп. лѣт.: глядаи взора и лица его и смысла его, посѣти винограда твоего, възложиша на нь желѣза горяча; Ипатьевск. сп.: емлета вѣры, бяшеть гнѣва ему отдалъ и т. п. Въ древне-русскомъ языкѣ мы находимъ, сверхъ того, родит. дв. ч. вмѣсто винит.: Житіе Нифонта 1222 г.: бѣда ожидаеть наю 136 об.; Ев. 1354 г.: Іанъ посла наю к тобѣ 90, кто въпрашаеть ваю 112, 138, сряцеть ваю человѣкъ 138 об.; Лаврентьевскій списокъ л.: прия ею (двухъ княжичей) в любовь 368, и т. п. Само собою разумѣется, рядомъ съ родит. п. ед. ч. часто встрѣчается и винительный, особенно въ древнѣйшихъ памятникахъ и при глаголахъ безъ отрицанія: Остромирово Ев.: вѣрующи ли въ сынъ божии; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1265 г.: что ти пошло тивунъ свои на своѥи чясти дьржати а новъгородьцъ на своѥи чясти дьржати; духовная новгородца Климента XIII в.: даю сивыи жеребець, даите боровъ лутшии; Новгородская лѣт.: послаша къ Гюргеви по сынъ 55, прия Гюрги сыновьцъ въ миръ 56, по Фому посла по новоторожьскыи посадникъ 160, убиша Овъстрата и сынъ его Луготу и вывргоша и въ грѣблю мьртвъ 161, убиша Ивана братъ матѣѥвъ 180, подъ святыи Николу 213 и т. п.; галицкая грам. 1393 г.: дали шисть кобылъ а жеребець.

Съ теченіемъ времени употребленіе родит. пад. вмѣсто винит. распространилось и на множественное число, а также на мѣстоименія женск. рода единств. ч. Такъ, мы читаемъ въ Житіи Бориса и Глѣба (по Успенскому Сборнику) XII в.: умысли съзьдати цьркъвь и съзьдавъ ѥѩ...

Въ настоящее время формы родит. пад. употребляются вмѣсто формъ винит. въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) постоянно отъ всѣхъ словъ при глаголахъ съ отрицаніемъ; 2) постоянно отъ словъ муж. р., означающихъ одушевленные предметы, или отъ замѣняющихъ ихъ мѣстоименій; 3) во множ. ч. отъ словъ женск. р., означающихъ одушевлен-

ные предметы, или мѣстоименій; 4) въ ед. ч. отъ нѣкоторыхъ мѣстоименій женск. рода (великор. *её* или *ее* = *ѣ*, *тое, самое, одное, всее*); 5) отъ мѣстоименія *и* въ средн. р. (*его, ихъ*). Сравни въ Ев. 1357 г.: что отрѣшаюта жрѣбя? она же рекоста яко Господь *ѥго* требуеть 88. Старыя формы вин. п. ед. и множ. чиселъ отъ словъ, означающихъ одушевленные предметы, встрѣчаются въ русскихъ говорахъ нашего времени чрезвычайно рѣдко: великор. отдать за мужъ, въ работники, въ работницы и т. п.; но старыя формы вин. двойств. ч. почти постоянно сохраняются: купить два коня, двѣ коровы. Формы род. ед. отъ словъ, означающихъ не одушевленные предметы, занимаютъ мѣсто винительнаго пад. болѣе часто: великор. дать раза, тумака, что грѣха таить, бѣлорусск. мае рубля, вынесъ гэтого стола, сцявъ (= стялъ) дуба и т. п.

Обратное явленіе представляетъ употребленіе формы родит. ед. *чьсо* въ значеніи вин. и даже имен. п., начавшееся благодаря сходству этой въ своемъ родѣ единственной формы съ формами им.-вин. средн. р.: Архангельское Ев.: слава моя ни*ч'со* же ѥсть 4 об.; Юрьевское Ев.: нѣсть ни*чьсо* же таино 76, ни*чьсо* же достоино съмьрти обрѣтохъ 155; Добрилово Ев. 1164 г.: иже аще кльнѣться церковью ни*чсо* же ѥсть 78 об.; Ев. 1270 г.: ни въсхытить ихъ ни*чьсо* же 21, и т. п. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе ассимиляціи согласныхъ, форма *чсо* перешла сначала въ *чшо*, потомъ въ *шшо*=*що*, откуда *шчо*. Въ настоящее время, въ видѣ *що*, она извѣстна въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ; а въ видѣ *шчо*, она распространена въ говорахъ малорусскихъ (кромѣ угорскихъ и карпатскихъ, гдѣ слышится *што*).

Родительный и дательный-мѣстный. Смѣшеніе родит. пад. съ дат.-мѣстн. наблюдается только въ единств. числѣ въ словахъ женскаго рода. Какъ мы уже указали, древне-русскій языкъ, особенно новгородскій говоръ, зналъ употребленіе формъ родит. пад. женск. рода на *ѣ* отъ основъ на *а* съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ, т. е. онъ употреблялъ формы въ родѣ гривн*ѣ* вмѣсто гривн*ы*. При такомъ окончаніи форма родительн. пад. ед. ч. была по звукамъ тожественна съ формами дательнаго и мѣстнаго. Вслѣдствіе совпаденія формъ родит. съ формами дательн. и мѣстнаго пад. образовалось въ великорусскихъ говорахъ (преимущественно въ тѣхъ, которые ведутъ свое начало отъ стараго новгородскаго) употребленіе формъ датель-

наго и мѣстнаго падежей женскаго рода вмѣсто родительнаго съ одной стороны, и родительнаго въ значеніи дательнаго и мѣстнаго—съ другой.

Старшіе памятники, исключительно новгородскаго происхожденія, имѣютъ главнымъ образомъ формы дат.-мѣстн. ед. на мѣстѣ формъ родит.: Стихирарь 1157 г.: въ ручѣ своюго сына и влады*цѣ* 183; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: отъ влады*цѣ*; Прологъ 1356 г.: ис темници телесьн*ѣи* 54 об.; Ев. до 1362 г.: преже праздника пас*цѣ* 121; Новгородская лѣт.: у Вълѣнѣ у рѣ*цѣ*, боле кръви не пролья крьстьяньс*тѣи* 86, у свят*ѣи* Богородици 103, безъ влады*цѣ* 216; Ипатьевск. сп. л.: отъ свят*ѣи* Софьѣ 332.

Формы родит. въ значеніи дат.-мѣстн. появляются впервые въ XIV—XV в.: въ Сильвестровскомъ Сборникѣ конца XIV в.: на онои стран*ы*; въ Прологѣ 1400 г.: ко святыма Козм*ы* и Дамьяну, запись; въ Ипатьевскомъ сп. лѣтоп.: поклонилъся еси нашему старѣйшин*ы* 138; въ Новгородской 2-ой лѣтописи по списку XVI в.: о опришнин*ы*, въ деревни Княжщин*ы*, на Вѣшер*ы* рѣки, въ земшин*ы* (Новгородскія лѣтописи, изданіе Археографической Коммиссіи, 98, 99, 105, 106); въ Словѣ о п. игор.: тяжко ти голов*ы* кромѣ плечю; въ пѣсняхъ, записанныхъ на русскомъ сѣверѣ (вѣроятно, въ Холмогорахъ) для Ричарда Джемса въ XVII в.: охте мнѣ, молод*ы*, горѣвати. Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ слышится нерѣдко: въ моей дружин*ы*, ко дружин*ы*, къ Нѣпр*ы* рѣкѣ, по изб*ы*, по правд*ы*, по истин*ы*; точно также слышится въ южно-великорусскомъ путивльскомъ говорѣ: къ жен*ы*, на трав*ы*, къ удов*ы*, и кое-гдѣ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (Микуцкій, Извѣстія Ак. Н., IV, 112).

Смѣшеніе род. съ дательн.-мѣстн. мы наблюдаемъ не только въ области существительныхъ женск. р., но и въ области прилагательныхъ членныхъ: Новгородская грам. 1189—1199 г. по списку XIII в.: оже съгренеть (сброситъ) чюже*е* женѣ повои с головы, оже тяжа родить в ыно*е* земли въ городѣхъ; духовная Семена Гордаго: въ Юрье(в)ско*е* волости; Ипатьевск. сп. л.: по мило*е* своеи дчери; новгородскій актъ XVII в.: къ Пробоин*ые* улицы (Акты Калачова, II, 392).

Дательный и творительный. Смѣшеніе дат. и твор. пад., причины котораго для насъ неясны, наблюдается только во множ. числѣ. Случаи его, встрѣчаемые въ древнихъ памятникахъ, внушаютъ къ себѣ мало довѣрія и похожи на ошибки или описки: новгородск. Слу-

жебникъ XIV в. (Рум. М. № 399): даруи Боже молящи*мися* съ нами спѣние жития 16, сътвори на*ми* знамение 30 (творит. вмѣсто дат.), со всими боящимися тебе и хранящи*мъ* заповѣди твоя 33 об. (дат. вм. твор.); новгородск. Служебникъ 1400 г.: даруи Боже и молящи*мися* с нами спѣяние житья 32 (твор. вм. дат.). Нѣкоторые современные сѣв.-великорусскіе говоры, знающіе мѣну *ц* и *ч*, употребляютъ формы дат. и твор. мн. смѣшанно, одни вмѣсто другихъ: съ дрова*мъ*, съ ва*мъ*, къ на*ми*, по поля*ми*; въ другихъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ, а также кое-гдѣ въ южно-великорусскомъ (курскій говоръ) и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, встрѣчается только дат. вмѣсто твор.: съ на*мъ*, съ пташка*мъ* куропатка*мъ* и т. п.

Смѣшеніе чиселъ. Это смѣшеніе всего болѣе касается двойственнаго числа съ одной стороны и единств. и множ. съ другой. Въ древнѣйшую пору жизни славянскихъ языковъ двойственное число имѣло полное количество формъ и употреблялось въ нихъ такъ же, какъ въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ, именно въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда было числительное *два* или *оба*, 2) когда поименовывались или перечислялись два лица или предмета, 3) когда говорилось о предметахъ парныхъ—глазахъ, ногахъ, рукахъ, родителяхъ и т. п. Употребленіе двойств. ч. въ указанныхъ случаяхъ мы находимъ въ древне-русскихъ памятникахъ до XIV в. включительно: при *два* или *оба*: Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: за мѣхъ *двѣ* ногат*ѣ* 59; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *два* братеник*а* утекла, уби *два* сын*а* юго, съ *двѣма* сын*ома*, розоидошася *обѣ* свобод*ѣ* и т. п.; при перечисленіи двухъ лицъ или предметовъ: Лаврент. сп.: съ сын*ма* свои*ма* Юргемъ и Володимеромъ, видѣ стоящ*а* мученик*у* Бориса и Глѣба, к тѣ*ма* мученик*ома* Борису и Глѣбу, и т. п.; при упоминаніи парныхъ предметовъ: Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: въ томъ бѣста родител*я* святаго 2; Житіе Нифонта 1222 г.: изуваше сапог*а* сво*я* 29; Лаврентьевск. сп.: подъ пазу*сѣ* 76, и т. п. Въ немногихъ случаяхъ слова, означающія парные предметы, издревле употреблялися въ двойств. числѣ и тогда, когда мы ожидали бы множ. числа; такъ, въ Лаврент. сп. мы читаемъ: Богъ вдалъ есть въ руц*ѣ* наши. Сверхъ того, одинъ древній памятникъ—Новгородская л. по сп. XIV в. —имѣетъ древнія формы двойств ч. вмѣсто единств.; онъ, поименовывая два лица, употребляетъ двойств. ч. не только для относящагося къ нимъ сказуемаго или опредѣленія, но и для нихъ самихъ, обоихъ

или одного: перенесена быста Борис*а* и Глѣб*а* (вмѣсто Борисъ и Глѣбъ) 8, на канонъ святою Петр*у* и Павл*у* (вмѣсто Петр*а* и Павл*а*) 74, на святую царю Костянтин*у* и Елены (вм. Костянтин*а*) 118, попъ святую Костянтин*у* и Елены 204. Нѣчто подобное мы читаемъ въ одной изъ приписокъ къ псковскому Ирмолою 1344 г.: о господина Козма и Дамиян*а* (вм. Дамиянъ или Дамиян*е*). Сравни въ санскритѣ māt*arā*pit*arā*, двѣ формы двойств. числа, = мать и отецъ (Delbrück, Syntaktische Forschungen, IV, 19).

Но съ теченіемъ времени рядомъ съ формами двойств. числа мы начинаемъ встрѣчать формы множеств. числа: Житіе Нифонта 1222 г.: помози рабо*мъ* свои*мъ* Ивану и Олексию написавшема книгы сия, запись; духовная в. кн. Ивана Ивановича: из дву жеребь*евъ*; Ев. 1354 г.: нечистыма рукама рекше неумвены*ми* 76 об.; грамота Даніила Холмскаго 1376 г.: з обема берег*и*; Лаврентьевскій сп. л.: старозоидошася обѣ свободѣ бесерменьск*ии*, имѣита послушанье к старѣишимъ ваю, иже *васъ* на добро учать, и т. п.; духовная Димитрія Донскаго: два ковша золот*ы*, изъ двою мо*ихъ* жеребь*евъ*, мо*и* два жеребья; двинская грам. XIV в.: обима истч*и*. При этомъ иногда мы видимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда форма двойств. числа стоитъ въ именит. или винительн. пад., — находящаяся съ нею въ тѣсной связи форма множ. числа имени прилагательнаго или мѣстоименія стоитъ не въ именительн. или винительн., а въ родительн.; такъ, въ западно-русской припискѣ къ Луцкому Ев., XV в., мы читаемъ: застали юсмо 2 гривеньце золот*ыхъ*; въ западно-русскомъ Лѣтописцѣ Переяславскомъ XV—XVI в.: по двѣ кунѣ чрън*ыхъ* 12; въ Библіи Скорины: вделаемъ два кружки злат*ыхъ*. Сравни современн. два богат*ыхъ* человѣка, двѣ зл*ыхъ* собаки (хотя рядомъ: два богат*ые* человѣка, и т. д.).

Въ то же время числительное *двѣнадцать*, прежде прилагательное, измѣнявшееся по родамъ и согласовавшееся съ именами и мѣстоименіями въ родѣ и падежѣ двойственн. числа: дъв*а* на десять ученик*а*, дъв*ою* на десять ученик*у*, дъв*ѣма* на десять ученик*ома* и т. д., — превратилось въ существительное (какъ *пять, десять, двадцать*) и стало сочиняться съ именемъ въ родит. п. множ. ч., вмѣстѣ съ тѣмъ утративъ способность измѣняться по родамъ: Милятино Ев. 1215 г.: съзъвавъ дъва на десяти ученикъ своихъ 97 об.; Житіе Нифонта 1222 г.: бѣ с нимь 12 бѣс*овъ* инѣхъ 122 об.; Тріодь 1311 г.:

въздрадуються ученикъ два на десять 42; сравни въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: призъва *оба* на десяте ученикъ сво*ихъ* 110.

Мало по малу старыя формы двойств. ч., кромѣ формъ имен.-винит., исчезли и ихъ мѣсто заняли или соотвѣтствующія имъ старыя формы множ. ч., или вновь образовавшіяся, новыя формы, также множ. ч. Такъ, формы дв*у* (род.-мѣстн.), дв*ѣма*, оч*ью*, оч*има* и т. п. были вытѣснены вновь образовавшимися по образцу формъ множ. ч. формами дву-*хъ* (форма двойств. ч. *дву* съ окончаніемъ *хъ*, тѣмъ же, что въ *ихъ*, *моихъ*), дву-*мъ*, дву-*мя* или дву-*ми*, оч*ей*, оч*амъ*, оч*ами*, оч*ахъ* (сравн. кост*ей* и т. д.).

Формы имен.-винит. двойств. ч. муж. р. на *а* въ великорусскихъ говорахъ остались древнія, а формы именит.-винит. женск. и средняго рода почти всѣ образовались вновь. — И тѣ и другія стали употребляться не только при числительномъ *два*, но и при *три* и *четыре*.

Формы именит.-винит. двойств. ч. муж. р. на *а* вполнѣ совпадали какъ по звукамъ, такъ и по ударенію съ формами родит. ед. Это послужило причиною образованія формъ именит.-винит. двойственн. женск. и средн. р. по образцу формъ родит. ед. тѣхъ же родовъ. Такимъ образомъ, напр., вмѣсто древней формы двойств. числа жен*ѣ* появилась тожественная съ формою род. ед. новая форма жен*ы*. Подобнаго рода формы мы знаемъ по памятникамъ съ начала XIV в.: духовная Ив. Калиты: двѣ чар*ы*, двѣ чашк*и* кругл*ы*, двѣ гривенк*и*; Ев. 1355 г.: веземъ 2 рыб*ы* 52 об.; Ев. 1357 г.: приимъ двѣ рыб*ы* 45, двѣ цат*ы* 104; Паремейникъ XIV в. (Троицк. Л.): поятъ 2 жен*ы* 22; Ипат. сп. л.: двѣ жен*ы* 450. — Формы дв. ч. средняго рода въ именит.-винит. пад. отожествились съ формами муж. р., т. е. получили окончаніе *а* (вмѣсто *ѣ*): духовн. новгородца Климента XIII в.: даю дв*а* сел*а*; дух. Ивана Калиты: далъ блюдо серебрьно а дв*а* ма*лая*; Прологъ 1356 г.: обрѣтохъ 2 слов*а* 32; Ев. до 1362 г.: аще кто поиметь тя поприще ѥдино иди с нимъ дв*а* 26 об.; Ев. 1399 г.: дв*а* ок*а* имущю 98; Новгородская лѣт.: дв*а* лѣт*а* 334. Впрочемъ, въ XIV в. еще сохранялись въ великорусскихъ говорахъ и старыя формы двойств. ч. средн. рода; такъ, въ духовной Ив. Калиты мы читаемъ: 2 сел*ѣ* коломеньскии, 2 блюдц*и*; а форма дв*ѣ* ст*ѣ* существуетъ даже и теперь.

Формы им.-вин. дв. муж. р. на *а* въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ въ настоящее время почти исчезли: два стол*ы*; сравни

въ галицкой грамотѣ 1393 г.: два хрест*ы* серебная; у Скорины: два кружк*и* златыхъ и т. п.; формы им.-вин. дв. женск. р. на *ѣ* въ остаткахъ еще сохраняются: бѣлор. дзвѣноз*ѣ*, тры коп*ѣ*, малорусск. дві ноз*і*, три годин*і*. То же въ южно-великор. путивльскомъ: два двор*ы*, двѣ, три, четыре сос*ѣ* (отъ соха).

Сѣверно-великорусскіе говоры, потомки стараго новгородскаго говора, сохраняютъ употребленіе старыхъ формъ творит. пад. двойственнаго числа съ значеніемъ множеств. ч.: рѣшотками желѣзны*ма*, песками рудожолты*ма* и т. п. Сравни въ Новгородской лѣтописи XIV в. форму дат. мн.: по всѣмъ церква*ма*. Бѣлорусскіе и малорусскіе говоры имѣютъ также нѣкоторое количество формъ твор. п. на *ма* какъ старыхъ, съ значеніемъ двойств. ч.: очи*ма*, плечи*ма*, такъ и новыхъ, съ значеніемъ мн. ч.: бѣлор. слезы*ма*, малор. двери*ма*.

Смѣшеніе родовъ проникло главнымъ образомъ въ область именъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій и почти не коснулось именъ существительныхъ. Оно состояло въ томъ, что формы именит.-винит. множ. муж. р. именъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій въ томъ случаѣ, когда они не были тожествены по звукамъ съ формами женск. и средн. р., замѣнили собою эти послѣднія и такимъ образомъ стали употребляться при существительныхъ всѣхъ трехъ родовъ. Мы находимъ формы муж. р. вмѣсто формъ женск. въ Житіи Нифонта 1222 г.: въспущая хвалы всякоя чистоты исполнен*і* 122; въ дух. в. кн. Ивана Ивановича: дѣти (женск. р.) мо*и*; въ Ев. 1354 г.: аще быша был*и* силы бывшая в тобѣ 41, бу*і* (дѣвы) рѣша 82 об., вѣтви омладѣл*и* будуть 130, блажен*и* неплодови 142 об., жены бяше пришл*и* 143 об.; въ Ев. 1355 г.: аще быша был*и* силы моя 34, жены ужасн*и* быша 149; въ Ев. 1358 г.: обители суть мноз*и* 28 об., жены *иже* бяху ицѣлен*і* 93, двери затворен*и* суть 99, и т. п.—Формы муж. р. вмѣсто формъ средн. р. читаются нами въ дух. в. кн. Ив. Ивановича: т*ѣ* села, что ми ся достал*и* мѣста рязаньская; въ дух Димитрія Донскаго: съ тѣми селы котор*ыѣ* тягл*и* къ Костромѣ; въ дух. Василія Димитріевича: села княгининск*ие* пошл*ые*, вс*ѣ* села федоровск*ие*; въ Ев. 1358 г.: дѣла зл*и* суть 8, помышленья зл*и* исходять 78 об.; въ Псалтыри XIV в. (Рум. М. № 327): уста полн*ы* горести. Впрочемъ, въ памятникахъ XIV вѣка мы еще часто встрѣчаемъ употребленіе старыхъ формъ имен.-винительнаго множ. средняго рода именъ прилагательныхъ и мѣстоименій; такъ, въ духовной Ивана Ивановича

мы находимъ: изъ тѣхъ селъ котор*ая* будуть..., ин*ая* мѣста рязаньск*ая* отъмѣньн*ая*; въ духовной Димитрія Донскаго: по т*а* же мѣста, по котор*ая* мѣста.

Въ настоящее время имена прилагательныя, причастія и мѣстоименія въ именит. и винит. множ. имѣютъ одни и тѣ же окончанія для всѣхъ трехъ родовъ; изъ нихъ прилагательныя, причастія и мѣстоименія членныя имѣютъ четыре окончанія: старое окончаніе именительнаго мужеск. р *іи*, старое окончаніе винительн. мужеск. р. *ыѣ* и два окончанія смѣшанныхъ *іѣ* и *ыи*; такимъ образомъ мы говоримъ теперь совершенно одинаково: люди, вещи, села хорош*іе*, хорош*іи*. Ученіе нашихъ грамматикъ о томъ, что формы на *ые*, *іе* (=др.-русск. *ыѣ*, *іѣ*)—формы мужеск. р., а формы на *ыя*, *ія* (*я*=церк.-слав. ѧ)—формы женск. и средн. р., не имѣетъ подъ собою никакого основанія.

Причастія прошедшаго времени, такъ называемыя спрягаемыя (на *лъ*), которыя употребляются теперь исключительно какъ сказуемыя, сохранили, для подлежащихъ всѣхъ родовъ, только одну старую форму – форму мужеск. р., такъ что мы говоримъ теперь шл*и*, ѣхал*и*, дал*и* при подлежащихъ и мужескаго, и женскаго, и средняго рода.

Вліяніе однихъ падежей на другіе. Явленія, имѣющія своею причиною вліяніе однихъ падежей на другіе въ одномъ и томъ же склоненіи, весьма немногочисленны. Къ числу ихъ принадлежатъ новыя формы множ. ч. въ родѣ великор. черт*ей*, черт*ямъ*, сосѣд*ей*, сосѣд*ямъ*, холоп*ей* и т. д., замѣнившія собою старыя формы черт*ъ* или черт*овъ*, черт*омъ* или черт*амъ* и т. д. вслѣдствіе вліянія формъ имен. мн. черт*и*, сосѣд*и*, холоп*и* (сравни гост*и*—гост*ей*—гост*ямъ*). Къ числу ихъ принадлежатъ также и слѣдующія образованія.

Дательный и мѣстный пад. на **кѣ** *и т. п.* Слова, имѣющія передъ гласнымъ основы (передъ *о* или *а*) гортанный согласный, въ нѣкоторыхъ падежахъ: въ мѣстн. ед. и мн. муж. и ср. р., въ дат. и мѣстн. ед. женск. р. (а также въ им.-вин. дв. женск. и ср. р.), еще въ обще-славянскій періодъ, утратили этотъ гортанный и замѣнили его соотвѣтствующимъ свистящимъ или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зубнымъ: въл*ц*ѣ, въл*ц*ѣхъ, р*ж*ц*ѣ, жень*ст*ѣ. Но всѣ прочія падежныя формы подобныхъ словъ сохранили свой гортанный, и ихъ вліяніе на падежныя формы съ свистящимъ или зубнымъ повело къ тому, что въ этихъ послѣднихъ гортанный появился вновь, заступивъ мѣсто свистящаго (зубнаго). Такимъ образомъ вліяніе формъ въл*к*ъ,

вълка и т. д. вызвало замѣну формъ вълцѣ, вълцѣхъ формами вълкѣ, вълкѣхъ. Формы дат. и мѣстн. п. съ гортаннымъ встрѣчаются уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: въ човѣчьскѣи души 132, золобѣ женьскѣ 174 об.; Святославовъ Сб. 1076 г.: въ добротѣ женьскѣи 175, зълобѣ женьскѣ 180 об.; Минея 1096 г.: рабу своему Дъмъкѣ, запись; Слова Григорія Богослова XI в.: воскѣ 140; Златоструй XII в.: по царьскѣи заповѣди; Лѣствица XII в. (Рум. М. № 198): на дъскѣ 176 об.; Житіе Θеодосія Печерскаго по сп. XII в.: въ чьрньчьскѣмь житии 16 об., въ селѣ манастырьскѣ 25 об.; Выголексинскій Сборникъ XII—XIII в.: о прельсти хрьстияньскѣи, о Студиискѣмь манастыри; договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: у Смольнѣскь (*кь* = *кѣ*); Кормчая ок. 1282 г.: въ Изборьске 573 об.; духовная новгородца Климента: на Борьке, и т. п. Памятники XIV в., по преимуществу сѣверно-русскіе, имѣютъ гортанные вмѣсто свистящихъ и зубнаго уже нерѣдко. Мало по малу формы съ гортанными настолько распространились, что въ той или другой мѣрѣ вытѣснили древнія формы. Послѣднія совсѣмъ исчезли въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ и въ части говоровъ южно-великорусскихъ (въ московскомъ и ближайшихъ), но сохраняются въ такихъ южно-великорусск. говорахъ, какъ орловско-курскій, въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ: въ руцѣ — въ руці, при дорозѣ—при дорозі и т. п. (рядомъ: на рѣчкѣ, на річкі).

Дательный-мѣстный и творительный пад. ед. ч. на **оей** *и т. п.* Формы род. п. ед. женск. р. членныхъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій нѣкогда оканчивались у насъ на *оѣ*, *еѣ*: доброѣ, синеѣ, тоѣ. Когда въ великорусскомъ нарѣчіи въ нѣкоторой части этихъ формъ исчезъ конечный *ѣ* и такимъ образомъ получились формы доброй, синей, той,—эти послѣднія оказали вліяніе на формы, сохранившія свой *ѣ*, и передали имъ свой конечный *j*, такъ что образовались новыя формы род. единств. доброей, синеей, тоей. Звуковая близость окончаній *оей*, *еей* съ окончаніями дат.-мѣстн. и твор. ед. *ой*, *ей* повела къ тому, что формы въ родѣ доброей получили значеніе не только род., но также и дат.-мѣстн. и твор. п. ед. женск. р. Далѣе, формы род.-дат.-мѣстн.-твор. женск. р. въ родѣ доброей оказали вліяніе на формы мѣстн. ед. муж.-ср. р., которое имѣло своимъ результатомъ образованіе формъ мѣстн. ед. муж.-ср. р. на *оемъ*, *еемъ*, въ родѣ доброемъ.

Формы на *оей, оемъ* и т. п. мало извѣстны по памятникамъ. Мы можемъ указать только на одинъ великорусскій памятникъ—на верхотурскій актъ 1663 г., гдѣ читается: съ т*оей* деревни. Современные великорусскіе говоры знаютъ въ обычномъ употребленіи только формы мѣстоименія *тъ*: московск. въ т*оёй*, съ т*оёй*, въ т*оёмъ*; формы прилагательныхъ весьма часто употребляются въ пѣсняхъ (особенно въ былинахъ): по той дорогѣ прямоѣжж*еей*, во славн*оемъ* городѣ во Кіевѣ и т. п.

Бѣлорусское нарѣчіе знаетъ только мѣстоименныя формы женск. рода *тоей* и *тоёй*, употребляющіяся въ значеніи род.-дат.-мѣстн.-твор. пад. Одинъ старый западно-русскій памятникъ—полоцкая гр. 1405 г. имѣетъ форму мѣстн. ед. (въ) всяк*оимъ* дѣлѣ, которая показываетъ, что въ бѣлорусскомъ нарѣчіи прежде могла существовать и форма мѣстн. муж.-ср. р. т*оемъ*, т*оёмъ*.

Сходныя малорусскія формы: род. ед. женск. р. т*ові*, твор. т*овю* и т. п., кажется, имѣютъ съ великорусск. формами только случайное сходство и образовались подъ вліяніемъ формъ въ родѣ м*ові*, *моею*. Употребляющіяся рядомъ съ ними формы род. т*і*еі, т*и*еі, твор. т*і*ею, т*и*ею заимствовали свои *і* и *и*, по всей вѣроятности, изъ формъ дат.-мѣстн. т*і*й, твор. т*и*мъ и друг.

*Именительный ед. суд*ья *и т. п.* Нѣкоторое количество формъ имен. ед. женск. р. имѣло въ древности въ славянскихъ языкахъ окончаніе *и*: сѫд*и*, пустын*и*, больш*и* (сравнит. степ.), бывъш*и* (прич.) и т. п.; прочія падежныя формы были по окончаніямъ тожествены съ соотвѣтствующими формами мягкихъ основъ на *а*. Это въ русскомъ языкѣ повело къ образованію, рядомъ съ древними формами на *и*,—новыхъ формъ имен. ед. на *а*, которыя мы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остромирово Ев.: яко же мълʼн*ия* исходить 145 об.; Святославовъ Сборникъ 1076 г.: суд*ия* неправьдьныи 228 об.; Минея 1095 года: мълн*ия* 171, млън*ия* 207; Архангельское Евангеліе: млънь*я* 121 об.; Житіе Θеодосія Печерскаго по списку XII в.: брат*ия* ту сущ*ая* 11 об.; Житіе Нифонта 1222 г.: лан*ия* 79 (=церк.-слав. алн*и*); смоленская гр. ок. 1230 г.: судь*я*; Ев. 1270 г.: церкы святящ*ая* злато 46, мълн*ия* 47 об.; Кормчая ок. 1282 г.: судь*я* 587, риза бывш*я* на Христѣ 610 об.; Прологъ 1356 г.: удари ѥго бѣснующ*ая*ся 74 об.; Ев. 1358 г. 39 об., Ев до 1362 г. 30 об., Мстижское Ев. XIV в. 31: душа болш*а* ѥсть пища. Формы на *а* мало по малу вытѣснили изъ употребленія формы на *и*, кромѣ формъ въ

родѣ пустын*и*, которыя мы находимъ не только въ памятникахъ XIV—XV в.: дух. Ив. Ивановича: княгин*и* Ульяна; Лаврент. сп.: княгин*и* 441; московская грам. 1429—32 г. (Лебедевъ, 2): язъ княин*и* княжа Андреева;—но даже въ памятникахъ XVII в.: у Котошихина: боярын*и* честная 14, и въ современномъ русскомъ языкѣ: сѣв.-вр. княгин*и*.

Вліяніе именъ собирательныхъ. Цѣлый рядъ измѣненій въ области великорусскаго склоненія имѣлъ своею причиною то, что формы именит. пад. ед. нѣкоторыхъ именъ существительныхъ собирательныхъ женск. и средняго рода получили значеніе формъ именит. множ. мужеск. и средняго р.; одни изъ этихъ именъ, женск. рода, оканчивались на *а*, *ья*; другія, средн. р., имѣли окончаніе *ье*.

Собирательное *господá* въ старомъ русскомъ языкѣ склонялось вполнѣ правильно,—какъ жен*а*. Въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г. мы читаемъ: аже закупъ бѣжить отъ господ*ы*; въ новгородской грамотѣ 1270 г.: холопъ почнеть вадити на госпо*ду*; въ Новгородской лѣтописи: кланяемся вамъ господ*ѣ* своеи; въ духовной кіевскаго князя Андрея Владимировича 1446 г.: при томь былъ архимандритъ и иныхь господ*ы* нашее старцевъ много; у Скорины: прошу васъ господ*о* моя, Бытіе, 33. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ *господа* склоняется какъ существительное женск. р. ед. ч. Въ сербскомъ яз. это слово сохраняетъ и до сихъ поръ свое старое склоненіе. Одинаково съ нимъ измѣнялись по падежамъ собирательныя *сторожа* (сравни церк.-слав. *стража*, польск. *stróża*), *хозяева*; послѣднее въ старыхъ памятникахъ не встрѣчается, но, судя по суффиксу, оно нѣкогда принадлежало къ числу собирательныхъ, какъ татар*ва*, жидо*ва*, лист*ва*, ржев*а* (=рожь, сѣверно-великор.).

Собирательныя съ окончаніемъ *ья*: *княжья* или *князья*, *братья*, *зятья*, *дядья*, также нѣкогда склонялись въ единств. числѣ, какъ слова женск. р. Мы читаемъ въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: отъ всякоя княжь*я* 47; въ Новгородской лѣт.: вся княжь*я* руськая, позванъ полотьскою княжь*ею* 100; въ Лаврент. сп.: со всею князь*ею* 376, 379; сравн. старо-чешское kněžie: snidu sě vyšehrazská kněžie (Hradecký Rukopis, 9);—въ духовной в. кн. Ив. Ивановича: кого ми дасть Богъ зять*ю*, по чепи имъ золотѣ; въ грамотѣ 1584 г.: съ дядь*ею*, и т. п. Слово *братья* встрѣчается въ памятникахъ въ формахъ единств. ч. очень часто: Поученіе Владимира Мономаха: отъ брат*ья* моея, чти молодыя яко брать*ю*; Лаврент. сп. лѣт.: еже ся створи въ насъ въ

братьи, и др.—Нѣкоторыя изъ приведенныхъ словъ женск. р. сохранились и до настоящаго времени въ единств. ч.; такъ, напр., слово *братья* употребляется теперь въ единств. ч. въ значеніи монастырскаго братства, слово *сторожа* употребляется въ томъ же числѣ въ значеніи стража.

Собирательныя на *ье* въ старое время склонялись только въ единств. ч., какъ поле. Въ Лаврент. сп. лѣт., напримѣръ, мы находимъ различныя падежныя формы ед. ч. отъ собирательныхъ *столпье* (огородиша стопе*емъ*, со столпья), *деревье* (по деревью извѣшати), *колье* (городъ съ коль*емъ*), *трупье* (в ысподи трупья). Формы ихъ множ. ч. встрѣчаются въ памятникахъ чрезвычайно рѣдко: Галицкое Ев. 1144 г.: другая падоша на камень*ихъ* 27 об.; Патерикъ Синайскій XII в. (Син. Б.): быша камения въврьжена 8 об. Многія изъ этихъ словъ сохранили еще и теперь старое склоненіе: *тряпьё, дубьё* и т. п.

Собирательныя, главнымъ образомъ муж. и женск. р., въ старое время нерѣдко имѣли при себѣ глаголъ или опредѣленіе во множ. числѣ. Въ договорѣ Игоря съ греками мы читаемъ: при*дутъ* Русь, обрящ*утся* Русь работающе у грекъ, приходящ*имъ* Руси, елико пога*ныхъ* Руси и др.; въ Лаврент. сп. лѣт.: отвѣщавш*е* дружина ре*коша*, собра*шася* дружина, гдѣ *суть* дружина наша *ихъже* послахомъ по тя, братья наша исѣчена *суть*, приѣха*ша* ростовьская земля и т. п. Тожественное согласованіе собирательныхъ мы находимъ также въ церк.-славянскомъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ: въ Супрасльской рукописи: народъ поидо*шѧ* на нь, стоѧщ*иимъ* и зьрѧш*тиимъ* народу; въ Остромировомъ Ев.: народъ сто*ѩ* и слышавъ глагола*ахѫ*.

Вслѣдствіе такого употребленія, формы именит. п. ед. ч. нѣкоторыхъ собирательныхъ женск. р. получили значеніе формъ множеств. числа; т. е. форма именит. ед. *господа* сдѣлалася формою именит. множ. ч. къ именит. ед. *господинъ*; формы *братья, зятья, дядья* — формами именит. множ. къ именит. ед. *братъ, зять, дядя.* Равнымъ образомъ формы имен. ед. нѣкоторыхъ словъ средн. р., предварительно принявшія окончаніе *я* вмѣсто *е*: деревь*я*, камень*я*, коль*я* и т. п., сдѣлались формами именит. множ. ч. къ именит. ед. *дерево, камень, колъ.* Подобныя формы встрѣчаются въ памятникахъ XIV в.; такъ, въ Ев. 1358 г. мы читаемъ: аще будуть струпья (= трупья) 161.

Новыя формы именит. множ. ч. на *а*: господ*а*, брать*я*, деревь*я*, вызвали образованіе цѣлаго ряда другихъ формъ именит. множ. ч. на *а* съ предшествующимъ или твердымъ, или мягкимъ согласнымъ, или *j*; такъ, по образцу господ*а*, образовались формы именит. множ. таган*а* (Домострой XVI в.: котлы и горшки... таган*а* и решотки 125), погреб*а*, город*а*, дом*а*, рог*а*, писар*я* и т. п.; по образцу брать*я*— формы сыновь*я*, сватовь*я*, кумовь*я* и т. п.; по образцу деревь*я*— формы полѣнь*я*, стуль*я*, пень*я*. Сверхъ того, нѣкоторыя изъ старыхъ формъ имен. множ. на *е*, благодаря вліянію новыхъ формъ именит. множеств. на *а* (брать*я*), стали оканчиваться также на *а*: древян*я* (Лаврент. сп. л. 11), поѣзжан*я*, дворян*я*, татаров*я* (у Котошихина).

Новыя формы имен. множ., естественно, повели къ образованію значительнаго количества новыхъ формъ косвенныхъ падежей того же числа, быстро вытѣснившихъ собою старыя. Какъ скоро, напримѣръ, мѣсто формы именит. множ. господ*ие* было занято формою господ*а*, немедленно образовались новыя формы родит. множ. господ*ъ*, дат. господ*амъ*, твор. господ*ами*, которыя быстро вытѣснили старыя формы господ*ій*, господ*емъ*, господ*ьми*; форма хозя*ева*, сдѣлавшись формою имен. мн. и занявъ мѣсто старой формы хозя*е*, повела къ образованію новыхъ формъ хозя*евъ*, хозя*евамъ* и т. д., которыя вытѣснили старыя формы хоз*яй*, хоз*яямъ* (послѣдняя впрочемъ еще существуетъ: честь хоз*яямъ* отдала, Пушкинъ). Количество подобныхъ формъ косвенныхъ падежей довольно значительно; къ нимъ принадлежатъ, между прочими, формы брат*ьевъ*, сынов*ей*, сынов*ьямъ*.

Время появленія новыхъ формъ — XIV в. Мы читаемъ въ духовной Ивана Калиты: по всимъ поп*ьямъ*; въ Ев. до 1362 г.: юдиному отъ брат*ии* моихъ меншихъ 99 об., 115.

Надо замѣтить, что всѣ указанныя новообразованія принадлежатъ исключительно великорусскому нарѣчію и чужды нарѣчіямъ бѣлорусскому и малорусскому.

Измѣненія въ склоненіи именъ числительныхъ. Кромѣ замѣны древнихъ формъ род. *дву*, дат. *двѣма* новыми формами дв*ухъ*, дв*умя*, дв*уми*, о которой былъ упомянуто выше, и кромѣ образованія новыхъ формъ косвенныхъ падежей великорусск. род. тр*ёхъ*, четыр*ёхъ* (вмѣсто древнихъ тр*ии*, тр*еи*, четыр*ъ*), твор. тр*емя*, четыр*ьмя* (по образцу дв*умя*), малор. род. дв*охъ*, тр*ёхъ*, пят*ёхъ*, десят*ёхъ*, дат. дв*омъ*, пят*ёмъ*,

десятёмъ, твор. двома, трёма, пятьма, десятьма и т. п., склоненіе именъ числительныхъ потерпѣло значительныя измѣненія.

Сложныя числительныя количественныя, въ родѣ *одинъ на десять, пять на десять, пять десятъ, шесть десятъ,* въ древнюю эпоху склонялись такъ, что только первая ихъ часть измѣнялась по падежамъ: Святославовъ Сб. 1073 г.: съборъ святыихъ съта и шести десятъ и пяти отьць; Житіе Өеодосія Печерскаго по списку XII вѣка: бѣ уже съвъкупилося братия до пяти на десяте; Лаврент. сп. л.: по семи десятъ женъ, и т. п. Но съ теченіемъ времени обѣ части числительныхъ въ родѣ *одинъ на десять* слились одна съ другою настолько тѣсно, что образовали одно цѣлое, которое стало склоняться какъ *десять,* измѣняя или одну вторую часть, или и первую часть, и вторую: гал.-вол. Поликарпово Ев. 1307 г.: двѣма на десятьма; новгор. Ев. до 1362 г., псковское Лукино Ев. 1409 г.: двѣма на десятьма; у Котошихина: будутъ лѣтъ пятинадцати или семинадцати. Точно также и въ числительныхъ въ родѣ *пять десятъ* вторая часть отожествилась съ *десять* и, подобно первой части, стала правильно измѣняться по падежамъ: пяти десяти, пятью десятью и т. п.

Сложныя числительныя *два десяти, три десяте, четыре десяте,* въ древности склонявшіяся въ обѣихъ частяхъ въ двойств. или множ. ч., замѣнили формы десяти и десяте формою ед. ч. десятъ, послѣдовали за числительными въ родѣ *пять десятъ* и стали склоняться какъ эти послѣднія, измѣняя или обѣ части, или одну первую, или одну вторую часть: Ев. 1354 г.: треми десятъ 67 об.; Ев. 1357 г.: два десятъ и пять стадии 8, бѣ яко трии десятъ лѣтъ 64 об.; Ев. 1358 г.: взврати три десятъ сребреникъ 185, четырьдесятью шестью лѣтъ 5 об.; Ев. до 1362 г.: три десятъ 35 об., 151 об.; Ев. 1399 г.: два десятъ и пять стадии 2 об.

Въ современномъ русскомъ языкѣ сложныя числительныя *одиннадцать, двѣнадцать* или (по-бѣлорусски и малорусски) *дванадцать* и т. д., *двадцать, тридцать* не измѣняются по родамъ и склоняются какъ *десять,* а сложныя числительныя *пятьдесятъ, шестьдесятъ* и т. д. склоняются въ обѣихъ частяхъ, во второй—также какъ *десять.*

Числительное *сто,* обыкновенно сохраняющее древнее склоненіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ превратилось въ несклоняемое слово: великор. о сто человѣкахъ, малор. сто хлопами (сравни въ гал.-вол.

Типографскомъ Ев. XII—XIII в. № 6: три с*то* 143; въ южно-русск. Пересопницкомъ Ев. XVI в.: притча о с*то* овець).

То же произошло съ тѣми числительными количественными, которыя вошли въ составъ сложныхъ числительныхъ порядковыхъ и въ настоящее время употребляются только въ именит. пад. ед. ч. Въ старомъ языкѣ на мѣстѣ этихъ числительныхъ количественныхъ обыкновенно были числительныя порядковыя, имѣвшія правильныя формы склоненія: лѣта тисячного трисотного осмьдесятого третего (западно-русск. грам. 1383 г.); в лѣто двѣсотное и третее (зап.-русск. Четья 1489 г.); шестисотого и первого лѣта (Скорина, Бытіе, 19 об.). Съ теченіемъ времени, такъ какъ на мѣстѣ числительныхъ порядковыхъ могли иногда находиться числительныя количественныя въ род. пад.: въ лѣто семою тысящѣ (гал.-вол. Ефр. Сиринъ 1492 г.), в лѣто осмое тисяшчи двадцать первого году (зап.-р. грам. 1513 г.); — то вмѣсто порядковыхъ числительныхъ стали являться количественныя, и уже не въ родит., а въ именит. п.; такъ, мы читаемъ: лѣта шестьтысячного девятьсотъ пятьдесятъ первого (зап.-р. грам. 1443 г.); лѣто шестьтысячное девятьсотное семдесятъ седмое (зап.-р. грам. 1468 г.); року тысяч*а* и чотыр*иста* и деветьдесятого второго (зап.-р. грам. 1492 г.). Въ настоящее время въ сложныхъ порядковыхъ числительныхъ только одна послѣдняя часть есть дѣйствительно порядковое числительное, которое измѣняется по родамъ и падежамъ, а остальныя части являются постоянно въ видѣ числительныхъ количественныхъ, остающихся неизмѣнно въ формѣ имен. пад. ед.: двадцать первый, — первого, — первому и т. д.

Потеря склоненія. Нечленныя склоняемыя причастія настоящ. и прошедш. врем. дѣйствит. зал. и нечленныя формы прилагательныхъ сравнительной степени съ теченіемъ времени утратили способность измѣняться по родамъ, числамъ и падежамъ и лишились большей части своихъ падежныхъ формъ.

Причастія стали употребляться неправильно, не согласуясь съ именами въ родѣ, числѣ и падежѣ, довольно рано. Мы читаемъ въ Святосл. Сб. 1073 г.: повелѣ мнѣ прѣмѣну сътворити рѣчи, инако набъдяшт*е* тождьство разумъ, запись; въ Златоструѣ XII в.: брашьно юже ти идущ*и* довьлно будеть 75 об.; въ Житіи Өеод. Печ. по сп. XII в.: оному съповѣдающ*и* ми 8; въ Милятин. Ев. 1215 г.: видѣ смоковьницу имущ*и* листвию 127; въ Житіи Нифонта 1222 г.: многашьды ми послушающ*е*

молитвы юго 22, бѣда юму бѣ велика движюще нозѣ 29, се мънѣ правьдьнику повѣдающе 44 об., помоливъшися юпископъ старьцю 74, оному въ молитвѣ пребывающе 114, горе инокомъ имущи злато 140 об.; въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1229 г.: заплатити немчину пьрвѣю хотя бы инъму кому виноватъ былъ русину, русину не ставити дѣтьского не явивъше старость латиньскому; въ Русской Правдѣ по списку ок. 1282 г.: юже далъ юму господинъ плугъ, тъ то погубивъши юму платити 62; въ Ев. 1354 г.: не убоитеся убивающихъ тѣло а души не могуще убити 38 об., бысть ему възлежаще в дому 45, купцю іщуще бісера 47 об., яко народу дивитися видящи нѣмыя глаголюща 50 об., Ісусъ отшедши скрыся 157 об.; въ Ев. 1358 г.: (теща симонова) ставъ и служаше 86, слышавши Ісусъ чюдися 90 об.; въ Лаврент. сп. л.: идучи ми сѣмо 5, забывъ молвяхуть 361, Володимеричи лишася Рюрика ѣхаша 396, татарове станы своѣ урядивъ идоша 439, и друг. Въ большей части приведенныхъ примѣровъ мы видимъ формы им. ед. и имен. множ. (съ окончаніями древнимъ *е* или новымъ *и*) на мѣстѣ формъ косвенныхъ падежей всѣхъ родовъ и чиселъ и, сверхъ того, формы имен. ед. на мѣстѣ имен. мн. и на оборотъ.

Въ настоящее время русскій языкъ имѣетъ двѣ падежныя формы причастій—старую форму имен. ед. муж. р.: видя, увидѣвъ, и новую, съ окончаніемъ *и*, форму им. мн. муж. р.: идучи, видѣвши, которыя употребляются безразлично, всего чаще при именахъ и мѣстоименіяхъ въ имен. п., но иногда также при именахъ и мѣстоименіяхъ въ косвенныхъ падежахъ: поздравляю васъ обручившись, причастившись, или внѣ связи съ именами и мѣстоименіями: благодаря этому, не смотря на это, случилось....., имѣя это въ виду, судя по всему, можно думать...., иначе говоря, выражаясь точнѣе..., и т. п.

Наши грамматики называютъ эти не измѣняемыя причастныя формы дѣепричастіями.

Сравнительная степень. Потеря большей части падежныхъ формъ прилагательными сравнительной степени началось не позже XIII в.; по крайней мѣрѣ неправильное (безъ согласованія) употребленіе формъ им.-вин. ед. ср. р. и им. мн. муж. р. мы встрѣчаемъ уже нерѣдко въ памятникахъ XIII и XIV вв.: смоленская гр. 1229 г.: аже капь льгче будѣть; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: творите юго сына огневи двѣгубѣю васъ; Ев. 1270 г.: юму же вячьши отда 70 об.; Кормчая ок. 1282 г.: не вкусить юретикъ тѣла христова иже невѣрнѣю жидовъ и бѣсовъ

несмысльнѣю 458 об.; Ев. 1354 г.: колми человѣкъ луч*ши* овьчати 54, луч*ше* бо ти юсть внити 54; Ев. 1355 г.: въ кую годину лучь*ши* юму бысть 8 об., будуть послѣдняя горш*е* первыихъ 36 об., въ вечеръ суботныи свитающ*е* 146 об.; Ев. 1357 г.: мнозихъ птиць сул*еи* юсте 31, поиметь седмь духъ инѣхъ лютѣиш*и* себе 35, югда кто честнѣю тебе будеть званыхъ 94 об.; Ев. 1358 г.: нѣсть ученикъ выш*е* учителя 38 об., кая юсть заповѣдь перв*ѣи* вѣхъ 131; Лаврент. сп. л.: ты еси старѣ*е* 356; дух. Димитрія Донскаго: будеть боле или мень*ши*.

Современный русскій языкъ знаетъ только двѣ формы сравнит. степени—старую имен.-вин. единств. средн. р.: выш*е*, сильнѣ*е*, и старую имен. множ. муж. рода: лучь*ше*, боль*ше*, которыя употребляются безразлично.

Членъ. Вѣроятно, немногимъ извѣстно, что въ русскомъ языкѣ былъ и даже есть членъ. Это не тотъ членъ *и*, который мы видимъ въ именахъ прилагательныхъ членныхъ; это—указательное мѣстоименіе *тъ*, которое въ качествѣ члена употребляется также въ ново-болгарскомъ языкѣ. Членъ *тъ* прежде ставился иногда передъ тѣмъ словомъ, къ которому онъ относился, иногда послѣ этого слова; послѣднее было, кажется, чаще. Первоначально членъ вполнѣ правильно измѣнялся по родамъ и числамъ, такъ что въ имен. п. ед. слова муж. р. имѣли при себѣ членъ *тъ*, слова женск. р.—*та*, слова средн. р.—*то*, въ родит. п.—*того*, въ дат.—*тому* и т. д.: смердовъ жалуете и ихъ конии, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ *тотъ* орати лошадью *тою*, и приѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь *ту*; два ляха ѣегоста.... и поѣха Ярославъ.... идѣ же ляха *та* ловяшета его (Ипатьевск. сп. 191, 207). Но членъ въ русскомъ языкѣ не получилъ такого развитія, какъ въ ново-болгарскомъ, и съ теченіемъ времени сталъ выходить изъ употребленія, такъ что сохранился въ скудныхъ остаткахъ. Въ современномъ литературномъ языкѣ и въ большей части русскихъ говоровъ онъ сохранилъ только одну форму средн. р. и превратился въ несклоняемую частицу *то*, которая ставится безразлично при формахъ всѣхъ родовъ, чиселъ и падежей и съ которою рядомъ изрѣдка, при имен.-вин. ед. муж. рода, употребляется и правильная форма муж. рода: мосто-*тъ* нашъ каковъ, въ ученьи проко-*тъ* не великъ. Литературный языкъ XVIII в. знаетъ еще форму вин. ед. женск. р. *ту*: надобно быть смѣлу и смѣлость-*ту* дѣлаетъ сивуха (Аблесимовъ). Въ

нѣкоторыхъ говорахъ, главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскихъ, остатки члена сохранились въ большемъ числѣ; такъ, въ шадринскомъ говорѣ (Пермской губ.) мы находимъ склоненіе члена въ такомъ видѣ: мужико-*тъ*, мужика-*то*, мужику-*ту*, мужикомъ-*то*, о мужикѣ-*то*, мужики-*тѣ*, мужиковъ-*то*, мужикамъ-*то*, мужиками-*тѣ*, о мужикахъ-*ту*; дорога-*та*, дороги-*то*, дорогѣ-*то*, дорогу-*ту*, дорогой-*ту*, дорогѣ-*то*, дороги-*тѣ*, дорогъ-*ту*, дорогамъ-*ту*, дорогами-*тѣ*, о дорогахъ-*ту* (Пермскій Сборникъ, II, 183). Въ тѣхъ же говорахъ — кажется, исключительно въ пѣсняхъ (въ былинахъ)—мы встрѣчаемъ всѣ формы члена передъ тѣми словами, къ которымъ онъ относится: про *того* Илью про Муромца, сѣлъ на *то* окошечко косящато, безъ бою, безъ драки, безъ *того* кроволитья великого, посадилъ на *ты* на цѣпи на желѣзныи, поѣхалъ во *тоё* Подолье лиходѣево и т. п.

Судьба формъ на *ъи* и *ыи*, на *ьи* и *ии*. Древнѣйшіе русскіе памятники имѣютъ по два окончанія для имен. ед. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій муж. рода и для род. множ. нѣкоторыхъ именъ всѣхъ родовъ, по преимуществу муж. и женск. р. Одна пара этихъ окончаній—*ыи* и *ии*—встрѣчается чрезвычайно часто: им. ед. добр*ыи*, син*ии*, род. мн. гост*ии*, кост*ии*; другая пара, *ъи* и *ьи*, напротивъ того, является лишь въ немногихъ памятникахъ, и то очень рѣдко; при этомъ окончаніе *ъи*, нерѣдкое въ памятникахъ церковно-славянскихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ считаться перешедшимъ въ русскіе тексты изъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ. Мы читаемъ въ Минеѣ 1095 г.: мощ*ьи* (род. мн. отъ *мощь*) 172; въ Минеѣ 1096 г.: печал*ьі* 145; въ Галицкомъ Ев. 1144.: духъ бож*ьи*, сынъ бож*ьи* 6 об., свѣтъ вел*ьи* 7, не въста бол*ьи* Іоана 23 и т. п., отъ четырь евaггел*ьи* 1 об., пощься дн*ьи* 40 и нощ*ьи* 6 об., не отъпущяете человѣкомъ съгрѣшен*ьи* ихъ 12, стадо свин*ьи* 17 об., люд*ьи* сихъ 28, тр*ьи* съвѣдѣтель 39 об., начяло болѣзн*ьи* 53. Памятники послѣдующаго времени, XIII—XIV в., сохраняютъ обѣ пары окончаній, изъ которыхъ первая въ нихъ по прежнему господствуетъ, а вторая — передаваемая не только черезъ *ъи* и *ьи*, но и черезъ *ои* и *еи* — встрѣчается сравнительно рѣдко. Мы находимъ *ъи* или *ои* въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: всяк*ъи* убивыи васъ 4 об., изиде умьр*ъи* 152 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: т*ои* же умре 31; въ Житіи Нифонта 1222 г.: пречист*ъи* тъ дѣтищь 118 об., блажен*ъи* рече 139 об.; въ Ев. 1270 г.: т*ъи* исповѣда 2 об.; въ Пандектахъ Никона Черногорца

1296 г.: *тъи* человѣкъ 3 об.; въ Прологѣ 1356 г.: т*ои* же мя всади 91 об., т*ои* же грѣхъ 93 об.; въ двинскихъ грам. XIV в.: на черьмховѣ*и* кустъ, на берьзов*ои* пень; въ Ев. XIV в. (Троицк. Л. № 5): никотор*ои* же пророкъ 71 об.; въ Новгородской лѣт.: княжь дѣцк*ои* 237. —Окончаніе *ьи* или *еи* читается въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: ч*ьі* образъ 115 об., треть*и* дьнь 150 об., вьсѣхъ заповѣдь*и* 130; въ смоленской гр. 1229 г.: *сеи* миръ; въ Ев. 1270 г.: дн*еи* 5 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: у дѣт*еи* 60, бес тр*еи* кунъ 61; въ духовной новгор. Климента XIII в.: свин*еи*; въ договорѣ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: что волость*и* новгородьскыихъ, ни волость*и* роздавати, отъ тѣхъ волость*и*, людь*и* не выводити; въ договорѣ 1317 г.: люд*еи*; въ Ев. 1355 г.: не *сеи* ѥсть древодѣлинъ сынъ 40, въ огнь не угасущ*еи* 90 об.; въ Ев. 1357 г.: стадо свинь*и* 36, 54 об., съгрѣшень*и* вашихъ 115; въ южно-русской грамотѣ 1359 г.: грош*еи*; въ Лаврент. сп. л.: ты еси старѣиш*еи* братъ 145; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: двер*еи*; въ Паремейникѣ (вѣроятно, московскомъ) XIV в. (Троицк. Л.): звѣр*еи* 14. 15, 30, люд*еи* 27, и т. п.

Въ великорусскихъ памятникахъ XV в. еще господствуютъ окончанія *ый* и *ий*, но окончанія *ой* и *ей* также уже нерѣдки; достаточно отмѣтить въ московской гр. 1447—1453 г. (Лебедевъ, 4): Ефимъ Бородат*ои*; въ моск. гр. ок. 1490 г. (Лебедевъ, 8): посельск*ои*, дворьск*ои*; въ Ипатьевск. сп. л.: тысячк*ои* 231, Володимеръ галичьск*ои* 284, 285. Малорусскіе и бѣлорусскіе памятники этого вѣка имѣютъ иногда въ род. множеств. окончаніе *ей*: южно-русск. грамота 1438 г.: грош*еи*; южно-русск. гр. 1424 г.: свин*еи*, и т. п.

Мало по малу въ великорусскихъ говорахъ формы на *ой*, *ей* получили преобладаніе надъ формами на *ый* и *ій*, и въ настоящее время все великорусское нарѣчіе не знаетъ окончаній *ый* и *ій* подъ удареніемъ, а сѣверной его части эти окончанія чужды и при отсутствіи ударенія: обще-великор. слѣп*ой*, худ*ой*, самъ-трет*ей*, гост*ей*, кост*ей*, свин*ей*, сѣв.-великор. добр*ой*, умн*ой*, син*ей*. Бѣлорусскіе говоры, за самыми небольшими исключеніями (пинскій говоръ: цёмн*ой* лѣсъ, мой миленьк*ой*; Zieńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego), не знаютъ окончанія *ой*, а окончаніе *ей* встрѣчается въ нихъ только въ формахъ родит. ед. То же въ говорахъ малорусскихъ, съ тою лишь разницею, что окончаніе род. мн. *ей* въ нихъ употребляется рядомъ съ окончаніемъ *ій*.

Судьба окончаній им. ед. и родит. множ. вполнѣ тожествена съ судьбою нѣкоторыхъ словъ и глагольныхъ формъ.

Древне-русскіе памятники имѣютъ слова *стрыи* дядя, родител. *стрыя* и т. д., и *стръи, стръя*. До XV вѣка первое встрѣчается весьма часто, второе — рѣже: Новгородская лѣт.: стръемь 78, стръя 61, 81 (при стрыемь 296 и др.); Прологъ 1356 г.: строи, строюви 77 об.; Лаврентьевск. сп. л.: строя 158, и т. п. Въ XV в. въ великорусскихъ памятникахъ (между прочимъ, въ Ипатьевск. сп. л.) второе является уже весьма часто.

Въ памятникахъ до XV в. попадаются рядомъ формы *мыю, крыю, мыюшь* и т. д. и *мъю, кръю, мъюшь*, первыя часто, вторыя очень рѣдко: Минея 1097 г.: покръють 426; Ев. XII—XIII в. (Рум. М. № 104): умъють 59; Ев. 1317 г.: мъяшеся 9; Новгородская лѣт.: кръяшеся 133 и т. п. Современные великорусскіе говоры уже не знаютъ формъ *мыю, крыю* и т. п.; они имѣютъ только мою (или мъю́), крою.

Цѣлый рядъ словъ въ древнюю эпоху оканчивался у насъ на *ии* и на *ьи*, на *ия* и на *ья*: змии и змьи (Новгор. лѣт.: змьи видѣша лѣтящь 155), ручии (Новгор. л.: ручия 13) и ручьи (тамъ же: ручья 53, 87), змия и змья (Добрил. Ев. 1164 г.: змью 126 об.), шия и шья (Новгор. лѣт.: къ шьи 42) и т. п. Формы съ *и* въ памятникахъ до XV вѣка обычны; формы съ *ь*—рѣже. Въ настоящее время великорусское нарѣчіе уже совсѣмъ не знаетъ первыхъ; они вытѣснены изъ употребленія вторыми: змѣй (*ѣ* вм. *е*), ручей, шея.

Формы повелит. накл. глаголовъ *бью, пью* и т. п. нѣкогда звучали бии, пии, биите, пиите и бьи, пьи, бьите, пьите, причемъ первыя въ старшихъ памятникахъ употребляются часто, вторыя, повидимому, —чрезвычайно рѣдко (мы не можемъ привести примѣровъ). Современные великорусскіе говоры уже не знаютъ бий и т. д. и имѣютъ исключительно формы съ *е*: бей.

Литература.

Колосовъ. Очеркъ....—Обзоръ....
Ogonowski. Studien....
Соболевскій. Очерки....—Изслѣдованія....
Недешевъ. Историческій очеркъ....
Карскій. Обзоръ....
Шахматовъ. О языкѣ.....

Vetter. Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Inaugural-Dissertation. Leipzig, 1883.

Smal-Stockij. Ueber die Wirkungen der Analogie in der Declination des Kleinrussischen. Archiv für slavische Philologie, VIII—IX.

Потебня. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Т. II. Харьковъ, 1874 (объ имен. вмѣсто винит. при глаголахъ, особенно при неопред. накл., объ образованіи дѣепричастій).

Поповъ. Синтаксическія изслѣдованія. I. Именительный, звательный и винительный. Воронежъ, 1881 (объ имен. вмѣсто зват., о зват. вм. имен., о именит. при неопред. накл.).

Всев. Миллеръ. Ueber den letto-slavischen Infinitiv. Kuhn's Beiträge zur vergleichende Sprachforschung, VIII (о именительномъ при неопредѣл. накл.).

Брандтъ. О мнимомъ переходѣ *ѣ* и *и* въ *о* и *е*. Русск. Филологич. Вѣстникъ 1881 г., № 2.

X. Исторія формъ спряженія.

Русскій языкъ въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія имѣлъ простыя формы настоящаго времени (они употреблялись также съ значеніемъ будущаго вр.), имперфекта, сигматическаго аориста, повелительнаго наклоненія, и цѣлый рядъ сложныхъ формъ: будущаго времени, прошедшаго, давнопрошедшаго, сослагательнаго наклоненія. Сверхъ того, въ немъ было значительное количество формъ неопредѣленнаго накл. и причастій. Такимъ образомъ русскій языкъ въ древности былъ гораздо болѣе богатъ глагольными формами, чѣмъ въ настоящее время; иначе говоря, русскій языкъ на памяти исторіи потерялъ часть своихъ глагольныхъ образованій.

Потеря глагольныхъ формъ. Едва ли не первыми были потеряны формы *имперфекта.* Нерѣдкія въ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, въ русскихъ житіяхъ, лѣтописяхъ и т. п., они вовсе не встрѣчаются ни въ грамотахъ, ни въ Русской Правдѣ. Вслѣдствіе этого мы лишены возможности опредѣлить сколько-нибудь точно время исчезновенія русскаго имперфекта и должны ограничиться предположеніемъ, что въ XIII—XIV вв., въ тѣхъ вѣкахъ, къ которымъ относится большая часть нашихъ древнихъ грамотъ, онъ или уже совсѣмъ не существовалъ въ живомъ говорѣ, или употреблялся очень рѣдко. Современный русскій языкъ не знаетъ ни одной формы, въ которой можно бы было признать потомство древняго имперфекта, и великор. частица *бишь,* произведенная Шлейхеромъ (Kuhn's Beitr., V, 209) отъ *бѣше,* безъ сомнѣнія, не находится съ нимъ ни въ какой связи.

Употребленіе *аориста* въ древне-русскихъ памятникахъ сходно съ употребленіемъ имперфекта. Формы аориста встрѣчаются весьма часто въ переводныхъ памятникахъ, въ лѣтописяхъ и т. п., но въ гра-

мотахъ они рѣдки. Мы читаемъ, напримѣръ, въ новгородской грамотѣ 1262—63 г.: отлож*ихомъ*, доконч*ахъмъ*, постав*ихомъ*; въ смоленской грамотѣ 1284 г.: грамота псана *бысть*; въ духовной Ив. Калиты: напис*ахъ*; въ двинскихъ актахъ XIV в.: куп*и*, залож*и*, *даша*, изоид*е* та пять лѣтъ; точно также въ Русской Правдѣ по списку ок. 1282 г.: отлож*иша*, устав*иша* 52. Мѣсто аориста въ грамотахъ и въ Русской Правдѣ обыкновенно бываетъ занято формами прошедшаго сложнаго. Если мы возьмемъ Мстиславову грамоту 1130 года, мы въ ней не найдемъ ни одной формы аориста, но встрѣтимъ, на мѣстѣ аориста, четыре раза формы прошедшаго сложнаго: повелѣлъ ѥсмь, язъ далъ, далъ ѥсмь, велѣлъ ѥсмь. Въ смоленской грамотѣ 1229 г., въ самомъ ея началѣ, нѣтъ ни одной формы аориста, но стоитъ цѣлый рядъ формъ прошедшаго сложнаго: умьрлъ, уздумалъ, прислалъ, было, ѥхали, утвѣрдили, трудилися, урядили, было любо и т. д. Въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г., довольно большой по объему, формы прошедшаго времени нерѣдки, но это все формы прошедшаго сложнаго, а не аориста: пришли, поведали, еси отъялъ, былъ, бывалъ, заблудилъ, хотелъ и др. То же въ Русской Правдѣ: этотъ памятникъ, при двухъ приведенныхъ формахъ аориста, имѣетъ рядъ формъ прош. вр.—исключительно прош. сложнаго. По всей вѣроятности (мы не имѣемъ возможности прослѣдить исторію аориста по грамотамъ), формы аориста вышли изъ употребленія вскорѣ послѣ XIV вѣка.

Въ современномъ языкѣ остатки ихъ чрезвычайно рѣдки. Одна правильная форма аориста встрѣчена нами въ онежскихъ былинахъ (у Рыбникова): *бысть* князь веселъ и радостенъ; нѣсколько искаженныхъ находятся въ тѣхъ же былинахъ: (конь) какъ будетъ въ Индіи во богатыи, *заржай* голосомъ лошадиныимъ (заржа*й*, вмѣсто заржа); глупый Владимиръ стольно-кіевскій, онъ не *знай* кого ко мнѣ послать посвататься (зна*й*, вм. зна). Сверхъ того, одна форма аориста сохранилась до нашихъ дней въ видѣ частицы, междометія: Тише, *чу*, гитары звонъ... Да, *чу*, и къ завтренѣ звонятъ..... *Чу*! Дальній выстрѣлъ.... Если мы вникнемъ въ смыслъ только что приведенныхъ стиховъ, то увидимъ, что частица *чу* употребляется у насъ приблизительно съ значеніемъ слышишь; такимъ образомъ, она можетъ быть отожествлена съ формою 2-го лица аориста отъ глагола *чути*. Замѣчательно, что въ сербскомъ языкѣ, въ пѣсняхъ, форма 2-го лица аориста *чу*

нерѣдко употребляется съ значеніемъ настоящаго времени: oj, *чу* ли ме=слышишь ли меня.

Слѣдя за формами аориста по памятникамъ, мы можемъ замѣтить, что въ послѣднее время своего существованія они подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, формы 3-го л. множ. числа аориста стали смѣшиваться съ формами 3-го лица ед. ч. имперфекта, т. е. въ нихъ вмѣсто *ша* стало являться окончаніе *ше*: Милятино Ев. 1215 г.: птица небесьныя позоба*ше* ѥ 87 об.; новгор. Ев. XIII в. (Публ. Б. f. 8); придоша и позоба*ше* 1 об.; новг. гр. 1372 г.: повелѣ*ше*, посла*ше*; Новгородская лѣт. XIV в.: въсажа*ше* 24, видѣ*ше* 130; новгор. Псалтырь XIV в. (Публ. Б. f. 4): обя*ше* 19; зап.-русс. Четья 1489 г.: мнози послуша*ше* ее, родители мои честя*ше*; у Скорины формы на *ше* очень часты: сопротиви*ше*ся, моли*ше*ся, збего*ше*ся (при подлежащихъ во множ. ч.).—Затѣмъ, мы видимъ употребленіе формъ аориста 3-го лица множ. ч. съ окончаніемъ того же лица имперфекта: новгор. Ев. XIV в. (Рум. М. № 434): исцѣли*ху*ся 68; псковское Лукино Ев. 1409 г.: придо*ху;* Скорина: слузи теши*ху* его, поклони*ху*ся, взя*ху*, ходи*ху*, и т. п. Сравни въ Ев. 1354 г.: жены *бяше* (=*бяху*) пришли 143 об —Въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ памятникахъ XIV—XVI в. мы находимъ смѣшеніе формъ 3-го лица ед. ч. аориста съ формами настоящ. времени, такъ что формы аориста являются съ окончаніемъ *тъ*; Ев. 1355 г.: Илья приде*тъ* и створиша ѥму ѥлико хотѣша 89, не знаше дондеже роди*тъ* сынъ свои первенѣць 162 об.; Ев. 1358 г.: Илья приде*тъ* и створиша ѥму ѥлико хотѣша 123; 2-ая Новгор. лѣт. XVI в.: посла... а самъ иде*тъ*, воздвиже*тъ* и т. п. (Новгор. лѣтописи, 15, 43): ср. въ псковск. Прол. 1425 г. (Синод. Б.): се купи*шетъ* книгы сия староста и игуменъ и вси черньци. Формы аориста на *ху* и на *тъ*, вѣроятно, принадлежатъ книжному языку, и сомнительно, чтобъ онѣ когда-нибудь существовали въ живомъ говорѣ. Памятники поздніе, XVI и XVII в., нерѣдко имѣютъ совершенно неправильное употребленіе формъ аориста: формы, напримѣръ, 1-го лица употребляются вмѣсто формъ 2-го, формы единств. числа вмѣсто множеств., и т. п.; такъ, въ соловецкихъ рукописяхъ (житіяхъ святыхъ) XVI—XVII в. мы читаемъ: жена же моли*ша*, мы обрѣто*хъ*; у Котошихина: Иванъ Грозный сына своего смири на оный свѣтъ, проби*ша* его осномъ своимъ. Приведенныя формы показываютъ, что въ XVI—XVII в. формы аориста уже перестали быть понятными для русскихъ даже грамотныхъ людей.

Формы *давнопрошедшаго,* какъ указано выше, въ русскихъ памятникахъ являются въ двухъ видахъ. Изъ нихъ формы перваго вида, въ составъ которыхъ входилъ имперфектъ вспомогательнаго глагола, прекратили свое существованіе вмѣстѣ съ имперфектомъ; формы же втораго вида сохранялись довольно долго, и, напр., въ Библіи Скорины мы видимъ употребленіе ихъ вполнѣ правильное: *насадилъ былъ* Богъ рай=въ латинскомъ текстѣ: plantaverat paradisum; Аманъ *пришелъ былъ* предъ палату=въ латинскомъ оригиналѣ: Aman intraverat; розгневалися суть на Сихема, яко срамоту *былъ учинилъ* Израилеви, и т. п. То же въ грамотѣ арх. Геннадія 1490 г.: которые еретики *были покаалися,*... всѣ сбѣжали (Р. Истор. Библ., VI, 768); то же въ московской разрядной книгѣ 1615 г. (Временникъ Общ. ист. и др., III, 3): козаки *были* на службу *пошли,* а нынѣ воротилися. Коекакіе остатки этихъ формъ существуютъ даже и теперь въ современныхъ говорахъ, съ значеніемъ простаго прошедшаго; такъ, въ сказкахъ мы находимъ: *жилъ былъ;* въ онежскихъ былинахъ: эти королю *были* рѣчи не *понравились;* никого не *наглядѣлъ* тутъ *былъ.* Вѣроятно, современныя великор. онъ *было* пошелъ, одинъ *было* прохожій камень взялъ, и т. п. также восходятъ къ формамъ давнопрошедшаго.

Формы *сослагательнаго наклоненія* въ старомъ языкѣ были двухъ видовъ и состояли изъ формъ причастія прошедшаго на *лъ* и формы или *быхъ,* или *буду.*

Первый видъ сослагательнаго мы видимъ, напр., въ слѣдующихъ примѣрахъ: аж *быхъмъ* что тако *учинили,* аж *бы* миръ твьрдъ *былъ,* аж *бы нальзлъ* правду (смол. грам. 1229 г.), а *бысте пустили* жито (полоцк. гр. ок. 1300 г.), то есть тобе достоино аже *бы* тые люди *казнилъ,* какъ то *бышъ* инии людье *боялися* кто лихую думу подъдаваеть, аже *бы* ты у своемь слове *стоялъ,* а нашю братию *проводилъ бы,* мы *быхомъ* не *поминали* того коня (грам. рижанъ ок. 1300 г.). Здѣсь формы сослагательнаго употреблены вполнѣ правильно: аж *быхъмъ учинили*—правильная форма 1-го лица множ. ч.; аж *бы былъ*—правильная форма 3-го лица ед. ч.; *бысте пустили*—правильная форма 2-го лица мн. ч. Подобныя правильныя формы постоянно встрѣчаются въ большей части памятниковъ до XIV в. включительно; рядомъ съ ними, въ меньшей части тѣхъ же памятниковъ изрѣдка являются неправильныя формы, состоящія изъ разныхъ формъ причастія на *лъ* и изъ *бы*—формы 2-го и 3-го л. ед. ч., утратившей свое первоначальное

значеніе формы 2-го и 3-го л. ед. ч. и сдѣлавшейся частицею, которая стала указывать на условность. Такимъ образомъ старая форма сослагательнаго наклоненія стала превращаться въ форму прошедшаго сложнаго съ неизмѣняемою частицею *бы*. Первые памятники, въ которыхъ мы встрѣчаемъ частицу *бы*, относятся къ XIII—XIV в.: Милятино Ев. 1215 г.: аще *бы* въ Турѣ быша силы былы 22; духовная Семена Гордаго: лихихъ *бы* есте людии не слушали, слушали *бы* есте отца нашего владыки; Ев. 1354 г.: аще Богъ отець вашь бы былъ любили *бы* мя ѥсте 16.,—любили *бы* мя бысте 18; Ев. 1358 г.: грѣха *бы* не быша имѣли 13 об., 179, 179 об.; Ев. до 1362 г.: аще мя бысте знали, знали *бы* бысте и отца 122 об.; Ев. 1399 г.; аще *бы* вы слѣпи были 13, аще *бы* въ Турѣ быша силы былы *бы* бывъшая въ ваю 75; Мстижское Ев. XIV в. (Вил. П. Б. № 3): аще *бы* бысте вѣры имали 8, аще быхъ не *бы* имъ дѣлъ створилъ 10 об., аще не *бы* прикратилися дни ты 55 об., аще *бы* ся не прикратили дни тѣ 71 об.; Ипатьевск. сп. л.: вы *бы* есте повѣдалѣ 440. Въ памятникахъ болѣе позднихъ мы видимъ употребленіе и тѣхъ и другихъ формъ; такъ, въ Библіи Скорины мы встрѣчаемъ правильныя формы: да *быхомъ* ходили, а *быхъ* позналъ; но рядомъ находятся и неправильныя: да *бы* горели светила, а *бы* были выбавени люди, сложили *бы* есте. Въ нѣкоторыхъ современныхъ русскихъ говорахъ (малорусскихъ) правильныя формы сослагательнаго наклоненія существуютъ и до сихъ поръ, но въ массѣ другихъ говоровъ они исчезли, и на мѣстѣ ихъ мы находимъ формы прошедшаго сложнаго съ частицею *бы*. Послѣдняя часто является въ такомъ тѣсномъ соединеніи съ различными союзами, что ее можно считать составною частью союзовъ; таковы союзы *чтобы, дабы, абы*. Употребленіе ихъ замѣчается уже въ памятникахъ XIV в.; такъ, въ духовной Семена Гордаго мы читаемъ: пишу вамъ се слово того дѣля, *чтобы* не перестала память родителии нашихъ и наша (сравни: *что быша* познали = чтобы познали, Ипат. сп., 433).

Другой видъ сослагательнаго наклоненія встрѣчается въ древнихъ памятникахъ сравнительно не такъ часто, какъ первый; его мы находимъ въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: кто *будеть началъ* тому платити, аже кто познаѥть своѥ что *будеть погубилъ*, а что *будеть* съ нимь *погыбло*, то же ѥму начнеть платити, и т. п.; въ Поликарп. Ев. 1307 г.: аще где *буду изгрубилъ*, запись; въ духовной Семена Гордаго: что *буду судилъ* а того вы не восчинаите, кого *буду*

прикупилъ или хто ми ся *буде* въ винѣ *досталъ* или хто ся *будетъ* у тѣхъ людеи *женилъ*, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ юсмь волю; въ Ев. 1355 г.: аще *будемъ* грубо *написали*, зап.; въ Лаврент. сп. лѣт.: аще ли *взялъ будетъ*, елико *далъ будетъ* на немъ. Обыкновенно этотъ видъ сослагательнаго наклоненія называется сослагательнымъ будущимъ, но это названіе не вполнѣ вѣрно, такъ какъ формы въ родѣ приведенныхъ вовсе не указываютъ на будущее время. Съ теченіемъ времени подобныя формы сослагат. наклон. исчезли какъ отдѣльныя глагольныя образованія, и ихъ составная часть—формы *буду, будешъ* и т. д. замѣнились формою 3-го лица ед. *буде* или *будетъ*, которая стала употребляться какъ союзъ, съ значеніемъ *если*. Таково употребленіе формы *будетъ*, напр., въ актѣ 1615 г.: а *будетъ* мы *учнемъ* (*будетъ* =если); таково же употребленіе *буде, будетъ* въ современныхъ великорусскихъ говорахъ.

Нѣкоторое количество формъ потеряно *будущимъ сложнымъ*. Будущее сложное въ древне-русскомъ языкѣ состояло изъ неопредѣленнаго наклоненія глагола и формы настоящаго времени *буду*, или *иму*, или *хочу*, или *начьну*.

Формы изъ неопредѣленнаго наклоненія и *буду* были особенно распространены и встрѣчаются часто въ древнихъ памятникахъ, какъ и въ современномъ языкѣ.—Формы съ глаголомъ *иму* встрѣчаются довольно часто въ старыхъ памятникахъ, какъ въ сѣверно-русскихъ, такъ и въ западно- и южно-русскихъ,—въ лѣтописяхъ, грамотахъ и т. п.; такъ, въ рижской грамотѣ ок. 1284 г. мы читаемъ: аже *иметь жялобитися* васъ кто; въ духовной Ив. Калиты: а ци *імуть искати* татарове волостии; въ духовной Семена Гордаго: хто сю грамоту *иметь рушити;* въ духовной Ив. Ивановича: а ци по грѣхомъ *имутъ* изъ орды *искати* Коломны; въ Лаврент. сп. л.: не *имамъ* уже *царствовати*. Вслѣдствіе своего широкаго распространенія въ древности, формы будущаго времени съ *иму* сохранились въ остаткахъ до настоящаго времени. Въ вологодскомъ, костромскомъ и ярославскомъ говорахъ великорусск. нарѣчія мы слышимъ: *иму дѣлать, нему дѣлать* и т. п. Сходныя формы существуютъ и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ: *співатиму, робитиму* и т. п.—Формъ изъ неопредѣленнаго н. и *хочу* было меньше; въ грамотахъ мы ихъ не встрѣчаемъ, но въ Несторовой лѣтописи мы находимъ ихъ нерѣдко: *благословити* тя *хотять* сынове рустии (=тебя благословятъ), како азъ *хочу* инъ за-

конъ *прияти* единъ (= какъ я приму), аще убью брата моего *имѣти* тя *хочю* во отца мѣсто, еда ли топерво *хощеть быти* се, и т. п. (Лаврентьевск. сп.). Въ настоящее время формы будущаго времени съ глаголомъ *хочу* въ русскомъ языкѣ уже неизвѣстны.—Формы съ *начьну* были, кажется, очень рѣдки: Русская Правда по списку ок. 1282 г.: а что будеть съ нимь погыбло, то же ѥму *начнеть платити* 55 (= заплатитъ). Современный языкъ не знаетъ употребленія *начну* какъ вспомогательнаго глагола, и формы будущаго въ родѣ приведенной въ немъ уже не существуютъ.

Сверхъ этихъ формъ, русскій языкъ утратилъ всѣ глагольныя формы *двойственнаго числа*. Въ старомъ русскомъ яз. формы двойств. числа глагола употреблялись или тогда, когда подлежащее было въ формѣ двойственн. числа, или когда было два подлежащихъ, каждое въ единственн. ч.: отьць и мати сына своѥго *плакастася;* Никонъ и другыи чьрньць *отъидоста* (Житіе Ѳеодосія Печ. по списку XII в.); рече Редедя къ Мьстиславу: что ради *губивѣ* дружину, *снидевѣ* ся сама боротъ; Всеволодъ и Мстиславъ *стояста* и *познаста* брата своего; брате, поѣди Ростову, а оттолѣ миръ *въземевѣ* (Лаврент. сп. л.). Но уже съ XIII в. мы встрѣчаемъ, при подлежащемъ въ двойственн. числѣ или при двухъ подлежащихъ въ единственн. ч.,—сказуемое во множеств. числѣ; такъ, въ смоленской грам. 1229 г.: та два была... ѥхали; въ записи Ев. 1355 г. два писца говорятъ о себѣ: аще *будемъ* грубо написали; въ Ев. 1358 г.: двѣ птицѣ *продаються* 38 об., та (Іаковъ и Іо.) *готоваша* 64 об., *бѣаша* отягченѣ очи 149; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтоп.: *розоидошася* обѣ свободѣ, и т. п. Въ настоящее время формы двойств. числа не существуютъ въ достовѣрныхъ остаткахъ; можно считать за форму 2-го или 3-го л. дв. ч. отъ глагола *быти* то *ста*, которое слышится въ великорусскихъ выраженіяхъ въ родѣ мы-*ста* это знаемъ (= мы-де...), пожалуй-*ста* и т. п., но вопросъ о значеніи и происхожденіи этой частицы—вопросъ спорный.

Сокращеніе формъ прошедшаго сложнаго. Формы прошедшаго сложнаго нѣкогда состояли изъ формъ причастія прошедшаго, такъ называемаго спрягаемаго (на *лъ*), и вспомогательнаго глагола *есмь*. Первоначально вспомогательный глаголъ измѣнялся правильно по лицамъ и числамъ; но очень рано формы 3-го лица всѣхъ чиселъ прошедшаго сложнаго стали употребляться безъ него, такъ какъ въ немъ не чувствовалось особенной надобности. Формы безъ вспомогательнаго

глагола мы встрѣчаемъ въ церк.-славянскомъ языкѣ, напримѣръ, въ Супрасльской рукописи: показа добляя мати яко учениими благыѧ вѣры *въскръмила* (безъ ѥстъ); васъ не землѣ *покрыла* ни небо приѩтъ (безъ ѥстъ). Они нерѣдки въ древне-русскихъ памятникахъ, какъ въ текстахъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ (между прочимъ въ Свят. Сборникѣ 1073 г.), такъ и въ грамотахъ, записяхъ и т. п.: надпись на Тмутороканскомъ камнѣ 1068 г.: Глѣбъ князь *мѣрилъ* море по леду (безъ ѥстъ); запись Юрьевскаго Ев. ок. 1120 г.: Угриньць *псалъ;* смоленская грамота 1229 г.: коли Алъбрахтъ владыка ризкии *умърлъ, уздумалъ* князѣ смольнескыи, *прислалъ*, та два *была* у Ризѣ, изъ Риги *ѥхали*. Послѣдняя грамота заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ формъ прошедшаго сложнаго 3-го лица безъ вспомогательнаго глагола, и въ ней нѣтъ ни одной формы со вспомогательнымъ глаголомъ. То же мы наблюдаемъ въ другихъ памятникахъ: въ смоленской грам. ок. 1230 г.: тому за нь платити кто и *изетялъ* (изрубилъ); въ новгородской гр. 1262—63 г.: что ся *учинило* тяже; въ Лаврент. сп. лѣт.: се нашь *доспѣлъ,* что ради вѣче *было,* отець ти *умърлъ,* бысть сѣча зла яка же не *была* въ Руси, въ се же лѣто Всеславъ рать *почалъ,* се половци *росулися* по земли.

Рядомъ съ формами 3-го лица прошедшаго сложнаго безъ вспомогательнаго глагола, мы обыкновенно находимъ въ старыхъ памятникахъ формы 1-го и 2-го лицъ со вспомогательнымъ глаголомъ; такъ, въ новгородской гр. 1262—63 г. мы читаемъ: которыхъ дворць *въпросили* ваша братья посли (безъ *суть*), а тѣхъ ся ѥсмы *отступили;* на чемъ *цѣловали* отци ваши и наши крестъ (безъ *суть*)...; иноѥ грамоты у насъ нѣтуть ни *потаили ѥсмы;* въ духовной Климента XIII в.: *далъ ѥсмъ, взялъ ѥсмъ;* не *было* у мене брата ни сыну (безъ *есть*); въ смоленской гр. 1284 г.: *судилъ есмь, выдалъ есмь;* ту *были* бояре, отъ немець *были* на суде, *искали* колокола (безъ *суть*), печатникъ *печаталъ,* писець княжь *псалъ* (безъ *есть*); въ новгородской гр. ок. 1294 г.: *ѥсте присылали;* князь великыи *послалъ* к вамо сына (безъ *есть*). Такого рода двоякое употребленіе формъ сложнаго прошедшаго не могло долго продолжаться: формы 3-го лица оказали вліяніе на формы 1-го и 2-го лицъ, и послѣднія также стали превращаться въ неполныя формы, т. е. употребляться, подобно формамъ 3-го лица, безъ вспомогательнаго глагола. Этому много способствовало развившееся употребленіе личныхъ мѣстоименій въ качествѣ подлежащаго.

Если мы обратимъ вниманіе на употребленіе личныхъ мѣстоименій въ другихъ языкахъ, то замѣтимъ, что въ языкахъ латинскомъ и греческомъ они употребляются сравнительно рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ, напр., во французскомъ. То же мы видимъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Если мы будемъ наблюдать употребленіе личныхъ мѣстоименій въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, то увидимъ, что въ нихъ въ большей части случаевъ личныя мѣстоименія отсутствуютъ; напр., въ Житіи Θеодосія Печерскаго по сп. XII в. мы читаемъ: аще хощеши видѣти и, да идеши нынѣ въ домъ (безъ *ты*); много си жалю юго ради (безъ *я*); глагола юи яко много молихы и (безъ *я*); аще хощеши видѣти мя по вся дни, иди въ сии градъ, и тако приходящи сѣмо видиши мя (безъ *ты*). Если мы обратимся къ грамотамъ и лѣтописямъ XII, XIII, XIV вв., то и тамъ замѣтимъ то же отсутствіе личныхъ мѣстоименій: въ Лаврент. сп. л.: можеши ся с нимъ бороти; по что губите себе, коли можете престояти насъ, аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ, имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; се уже хочемъ померети; можемъ главы своя сложити за тя; хочемъ ся еще бити; печенѣзи мняще, яко предатися хотять, и т. п. Употребленіе личныхъ мѣстоименій 1-го, 2-го, 3-го л. наблюдается всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда эти мѣстоименія находятся подъ логическимъ удареніемъ (сравни латинск. и греческ. яз.): Житіе Θеодосія Печерскаго по списку XII в.: мати юго съповѣда юдиному отъ братия, *азъ* же отъ него вся си слышавъ...; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: оже кто възищеть кунъ на друзѣ, а *онъ* ся начнеть запирати 57; Лаврентьевскій сп. лѣт.: аще вы сего укора не жаль, *азъ* единъ погыну; аще одолѣеши *ты*, то возмеши имѣнье мое, аще ли *азъ* одолѣю, то възму твое; *вы* есте братья единого отца. Сверхъ случаевъ въ родѣ приведенныхъ, мѣстоименія 1-го и 2-го лицъ нерѣдко употреблялись тогда, когда при нихъ находилось приложеніе: запись Юрьевскаго Ев. около 1120 г.: *азъ* грѣшьныи Θеодоръ напсахъ; запись Мстиславова Ев.: *азъ* грѣшьныи рабъ написахъ, *азъ* рабъ божии... съписахъ; Мстиславова гр. 1130 г.: се *азъ* Мьстиславъ повелѣлъ юсмь; а се *я* Всеволодъ далъ юсмь; *ты* игумене и *вы* братиѣ молите; ср. въ Лавр. сп. л., въ припискѣ 1116 г.: игуменъ Силивестръ написахъ книги си. Но иногда въ древне-русскихъ памятникахъ личныя мѣстоименія стоятъ какъ-бы безъ всякой надобности; такъ, въ Мстиславовой грамотѣ мы читаемъ: *вы* дължьни юсте молити Бога; въ грамотѣ рижанъ около 1300 г.:

аже не отложишь лишнего дѣла, *мы* хочомъ Богу жяловатися; *мы* свое обиды не положимъ; ныне *мы* ся тобе молимъ, и т. п.

Такое употребленіе личныхъ мѣстоименій способствовало тому, что формы прошедшаго сложнаго стали терять вспомогательный глаголъ и въ 1-мъ и во 2-мъ лицахъ, причемъ отсутствіе вспомогательнаго глагола восполнялось личнымъ мѣстоименіемъ; такъ, напр., въ Мстиславовой грам. мы читаемъ: *язъ далъ* рукою своєю (безъ *єсмъ*); въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *мы* вашее братие не *обидѣли* ни *грабили* (безъ *єсмы*); *ты* его товаръ *узялъ* (безъ *єси*); *ты* ему не *далъ; ты* ему *велѣлъ* продати; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: *ты* ему добра *хотѣлъ*, и т. п. Рядомъ съ формами безъ *єси*, но съ *ты*, мы находимъ въ грамотѣ рижанъ довольно значительное количество случаевъ употребленія полныхъ формъ прошедш. сложнаго, т. е. съ *єси*, но безъ *ты*.

По мѣрѣ того, какъ употребленіе личныхъ мѣстоименій все увеличивалось и увеличивалось,—становилась все менѣе и менѣе потребность въ употребленіи полныхъ формъ прошедшаго сложнаго, и наконецъ эти формы были совершенно вытѣснены изъ живаго говора. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить съ точностью, когда исчезли эти формы; но въ актахъ XVI—XVII в. мы еще встрѣчаемъ полныя формы 1-го и 2-го лицъ прошедшаго сложнаго; такъ, во вкладной 1567 г. мы читаемъ: *далъ есми;* въ новгородской грам. 1577 г.: *дали есмя;* въ новгородской грам. 1579 г.: *продалъ есмь;* въ Домостроѣ по сп. XVI в.: *ночевала есмь* 75. Впрочемъ современный языкъ еще сохраняетъ скудные остатки старыхъ полныхъ формъ прошедшаго сложнаго; они встрѣчаются главнымъ образомъ въ языкѣ пѣсенъ какъ на сѣверѣ Руси, такъ и на югѣ.

Исторія формъ настоящ. времени. Формы настоящаго времени (съ значеніемъ какъ настоящаго, такъ и будущаго вр.) въ древности имѣли три ряда окончаній: 1) *мъ, си, стъ...*, 2) *ў* (*ю*), *ешь, етъ...*, 3) *ю*, *ишъ, итъ....*

Формъ съ окончаніями перваго ряда было мало и прежде, а въ настоящее время они сохраняются въ еще меньшемъ количествѣ: великорусск. (московск.): *дамъ, ѣмъ, дастъ, ѣстъ, естъ, вѣстъ, дадутъ, ѣдятъ;* бѣлор. *дамъ, ѣмъ, дасú, ѣсú, дасцъ, ѣсцъ, ёсцъ* (=есть), *дамó, ѣмó, дасцé* (*дасцó*, съ мягкимъ *ц*), *ѣсцé* (*ѣсцó*), *дадуцъ, ѣдуцъ*; малор. *дамъ, јімъ, вімъ, дасú, јісú, вісú, есú, дастъ, јістъ, вістъ, дамó, јімó*,

вімó, *дасте́*, *jісте́*, *вісте́*, *дадуть*, *jідять*, *відя́ть*. Кромѣ того, великорусскія пѣсни удерживаютъ формы *есй*, *есте́*, и въ равныхъ русскихъ говорахъ сохранились формы 2-го лица—*дасй*, *ѣсй*, *есй*.

Мѣсто нѣкоторыхъ древнихъ формъ настоящ. вр. глаголовъ *дамь* и *ѣмь* теперь занято соотвѣтствующими формами повелительнаго наклоненія съ значеніемъ настоящ. вр. Великорусск. да*шь*, ѣ*шь*, малор. *дашь*, *jішь*—не что иное какъ формы 2-го л. ед. повелительн. накл., звучавшія въ древнее время да*жь*, ѣ*жь*. Само собою разумѣется, причиною измѣненія въ значеніи этихъ формъ послужила фонетическая близость или даже тожество окончаній *жь* и *шь*. Точно также великорусск. и бѣлор. формы 1-го и 2-го л. мн. ч. да*димъ*, ѣ*димъ*, да*дите*, ѣ*дите* — собственно формы повелительнаго наклон., получившія значеніе настоящаго времени потому, что ихъ окончанія тожественны съ окончаніями формъ 1-го и 2-го л. множ. въ родѣ *бранимъ*, *браните*. Появленіе формъ повелит. накл. въ значеніи настоящ. вр. относится приблизительно къ XIV в.; по крайней мѣрѣ мы знаемъ одну такую форму въ Псалтыри XIV в. (Публ. Б., f. 4, л. 5): до избытка ѣ*ши*, гдѣ окончаніе *ши* (вм. *шь*) явилось, конечно, вслѣдствіе того, что писецъ хотѣлъ дать русской формѣ церковно-славянскую окраску.

Окончанія наст. вр. *у* (*ю*), *ешь*, *еть*..., *ю*, *ишь*, *ить*... сохранились до нынѣ почти вполнѣ, и только въ акающихъ говорахъ, тамъ, гдѣ эти окончанія не имѣютъ на себѣ ударенія, произошло смѣшеніе одного спряженія съ другимъ; такимъ образомъ мы теперь произносимъ, напримѣръ, формы 2-го лица ед. ч. 1-го спряженія (безъ ударенія на концѣ) тожественно съ формами того же лица 2-го спряженія: встан*ешь* одинаково съ люб*ишь*, и т. п.; формы 3-го лица мн. ч. глаголовъ 2-го спряженія теперь у насъ обыкновенно звучатъ какъ формы 1-го спряженія: люб*ютъ*, смотр*ютъ*, одинаково съ пиш*утъ*. Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ нерѣдки случаи перехода окончанія 3-го л. единств. глаголовъ 1-го спряженія во 2-ое спряженіе: гон*е*, лов*е*, и т. п.

Къ числу слѣдствій смѣшенія одного спряженія съ другимъ не слѣдуетъ относить такихъ двоякихъ формъ, какъ бѣг*у*, бѣг*утъ* (1-е спряженіе), бѣж*ишь*, бѣж*итъ* (2-е спр.); хоч*у*, хоч*ешь*, хоч*етъ*, хоч*емъ* (1-е спр.), хот*ите*, хот*ятъ* (2-е спр.). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ соединеніемъ формъ двухъ спряженій, которыя нѣкогда существовали въ языкѣ во всей своей полнотѣ и употреблялись безразлично,

съ одинаковымъ значеніемъ. По всей вѣроятности, къ числу глаголовъ, имѣвшихъ прежде два спряженія, относится и глаголъ *дышу*: въ старомъ языкѣ онъ измѣняется исключительно по 1-му спряженію: дышешь, дышутъ, тогда какъ въ современномъ языкѣ (впрочемъ только у поэтовъ) онъ иногда образуетъ формы и по 2-му спряженію: груди нѣжныя дыша́тъ, Держав.; въ ней все дыши́тъ божественной красою, Козловъ, Абид. невѣста.

Сверхъ этихъ явленій, въ исторіи формъ наст. вр. можно отмѣтить нѣсколько случаевъ вліянія однихъ формъ одного и того же спряженія на другія, а также вліянія на формы наст. вр. формъ неопред. накл. и причастія прошедшаго. Формы 1-го л. ед. и 3-го л. множ. повліяли на другія формы въ тѣхъ случаяхъ, когда согласный въ этихъ формахъ былъ отличенъ отъ согласнаго въ формахъ 2-го и 3-го л. ед., 1-го и 2-го лица множ.; образовавшіяся такимъ образомъ новыя формы нерѣдки въ великорусскихъ говорахъ (между прочимъ, въ московскомъ) и встрѣчаются въ говорахъ бѣлорусскихъ; въ нихъ, напримѣръ, при пеку, пекутъ слышится пекёшь, пекётъ и т. д. На оборотъ, формы 1-го ед. и 3-го мн. въ нѣкоторыхъ случаяхъ испытали на себѣ вліяніе другихъ формъ; вслѣдствіе чего, напримѣръ, при можешь, можемъ получились формы 1-го ед. можу, 3-го мн. можуть, распространенныя въ малорусскихъ говорахъ и нечуждыя также бѣлорусскимъ.—Вліяніе на формы настоящ. вр. формъ неопредѣленнаго наклоненія и причастія мы находимъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ случаевъ; такъ, въ старомъ языкѣ, при неопредѣленныхъ наклоненіяхъ плыти, слыти, дути (церк.-славянск. дѫти), были формы настоящ. вр. плову, слову, дъму; рядомъ съ ними, вслѣдствіе вліянія неопредѣленнаго наклоненія и причастія, образовались новыя формы наст. вр., господствующія теперь въ великорусскомъ нарѣчіи: слыву, плыву, дую (бѣлорусск. дму, дмешь).

Далѣе, въ исторіи формъ наст. вр. мы можемъ остановиться на судьбѣ формъ 3-го л. ед. и мн. ч. Въ др.-русскомъ языкѣ 3-е л. ед. и мн. или имѣло окончаніе *тъ*, или было безъ этого окончанія: будетъ и буде, будутъ и буду; но формы съ *тъ* значительно преобладали надъ формами безъ *тъ*. Послѣднія встрѣчались сравнительно рѣдко; мы читаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ: въ записи Остромирова Ев.: напише; въ записи Минеи 1095 г.: обрящє; въ припискѣ къ Юрьевскому Ев.: вѣдаѥ; въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: ѥ, бѫде, нари-

цаѥ, бываѥ, бол*и*, с*у*, и т. п. Само собою разумѣется, формы безъ *тъ* Святославова Сборника и другихъ памятниковъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ, если не всѣ, то многія, могутъ быть считаемы за принадлежащія не русскому, а церк.-славянскому языку. Въ болѣе позднихъ сѣверно-русскихъ памятникахъ подобныя формы встрѣчаются, но сравнительно рѣдко (между прочимъ, въ новгородской гр. 1315 г.: поид*у*, множ.); въ галицко-волынскихъ памятникахъ они болѣе часты (особенно 3-го л. ед. ч.); такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: ѥ, приход*и*, дост*ои*, с*у*, им*у*; въ Холмскомъ Ев. XIII—XIV в.: ѥ, буд*е*, куп*и*, прос*я*, въсхыт*я*. Формы на *тъ* сохранились во всемъ русскомъ языкѣ, причемъ въ части великорусскихъ говоровъ ихъ конечный согласный отвердѣлъ, а въ большей части бѣлорусскихъ говоровъ мягкое *т* перешло въ *ц*. Формы безъ *тъ* встрѣчаются также во всемъ русскомъ языкѣ, но въ великорусскомъ нарѣчіи они сравнительно рѣдки; въ малорусскихъ говорахъ формы ед. ч. безъ *тъ*, на *е*, очень часты: нес*е*, буд*е* и т. п. (но несе*тц*я, лю*бить*, буд*уть*); то же можно сказать о юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ. Литературный языкъ почти не знаетъ формъ безъ *тъ*; нѣсколько находящихся въ немъ глагольныхъ формъ безъ *тъ* какъ бы утратили свое глагольное значеніе: *нѣ*-т*у* = нѣсть ту (часто и въ старыхъ памятникахъ), *не*льзя (старое *нѣ*-льзѣ)=нѣсть льзѣ, *нѣ*-чего, *нѣ*-кого, *нѣ*-чему, *нѣ*-кому (Новгородск. лѣт. 256: *нѣ*-чимь) = нѣтъ чего и т. д., *нѣ*-што = развѣ, если (договоръ кор. Казимира 1483 г.: а *нѣ*што што Богъ измыслитъ, ино имъ... Акт. З. Р. I, № 80; сравни съ *нѣ* въ *нѣ*што—*есть* въ *если*), *буде* = будеть, если, *дѣ* изъ дѣѥ= дѣѥть, 3-е л. ед. ч. отъ глагола *дѣяти* говорить.

Формы настоящаго времени нерѣдко имѣютъ значеніе будущаго времени. Употребленіе ихъ съ этимъ значеніемъ началось въ глубокой древности, и въ древне-русскихъ памятникахъ они употребляются почти такъ же, какъ и въ современномъ языкѣ, т. е. однѣ формы настоящаго являются въ нихъ съ значеніемъ настоящаго времени, другія—съ значеніемъ будущаго; сверхъ того, въ нихъ есть нѣкоторое количество формъ, которыя имѣютъ значеніе и настоящ. времени, и будущаго: Остромирово Ев.: слъньце *мъркнетъ* и луна не дасть свѣта 145 об. = померкнетъ; Лаврентьевскій сп. л.: поѣди ис Переяславля; пакы ли не поидешь добромъ, *иду* на тя ратью 406; разрядная книга 1615 г. (Временникъ Общ. ист. и др. III, 1): *дадутъ* = даютъ. Сравни

современн. *бѣгу, крещу, рожу, женю, молвлю* и т. п., поэтическое *паду* (у Пушкина): поколѣнья восходятъ, зрѣютъ и *падутъ* (наст. вр.); *паду* ли я, стрѣлой пронзенный (будущее вр.); даже форма *будетъ*, при безличномъ употребленіи, можетъ имѣть значеніе не только будущаго вр., но и настоящаго (= довольно, достаточно).

Исторія формъ повелительнаго наклоненія. Формы повелительнаго накл. (собственно желательнаго) отправляли въ древности, какъ и теперь, функціи какъ повелительнаго, такъ, отчасти, желательнаго и сослагательнаго накл. Формы 1-го л. ед. повелит. н. исчезли изъ употребленія еще въ глубокой древности, и мы находимъ только самые скудные остатки ихъ въ языкѣ древне-русскихъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (Толстовская Псалтырь XII в.: *бѫдѣмъ*); формы 3-го л. множ. ч. также исчезли и неизвѣстны даже въ остаткахъ; такимъ образомъ до насъ дошли только формы 2-го и 3-го л. ед., 1-го и 2-го дв. и мн. ч. Формы повелит. н. въ древне-русскомъ языкѣ имѣли троякія окончанія: 1) нѣкоторые глаголы имѣли во 2-мъ и 3-мъ л. ед. окончаніе *ь*, въ 1-мъ л. мн.— *имъ* и во 2-мъ л. множ. — *ите*: дажь, дад*имъ*, дад*ите*; ѣжь, ѣд*имъ*, ѣд*ите*; вижь, вид*имъ*, вид*ите*; вѣжь и т. д., изъ которыхъ двѣ въ настоящее время сохраняются въ литературномъ языкѣ: съ значеніемъ повелит. н.—*ѣшь* и въ качествѣ частицы—*вишь*; форма *дажь* въ значеніи повелит. н. уже въ XIV в. была непонятна переписчикамъ, и они обыкновенно, вмѣсто нея, писали *даи же*: Поликарпово Еванг. 1307 г.: хлѣбъ нашь *даи же* намъ днесь 89 об.; Ев. 1355 г.: *даи же* ми воды пити, *даи же* ми воду сию 14, *даи же* славу Богу 19 и др.; впрочемъ, кое-гдѣ на нашемъ сѣверѣ, кажется, еще сохраняется выраженіе *дажъ Богъ* = дай Богъ (Барсовъ, Слово о п. игор., I, 367); 2) нѣкоторые глаголы имѣли окончанія *и*, *имъ*, *ите*: гляд*и*, гляд*имъ*, гляд*ите*; наконецъ 3) остальные глаголы оканчивались на *и*, *ѣмъ*, *ѣте*: вед*и*, вед*ѣмъ*, вед*ѣте*.

Различныя формы повел. н. оказали другъ на друга вліяніе, и такимъ образомъ создалось нѣсколько новыхъ формъ.

Формы 2-го и 3-го лица на *жь* оказали вліяніе на свои формы 2-го л. множ. и создали новыя формы 2-го мн. на *жьте*; такъ, подъ вліяніемъ формы ви*жь* явилась форма ви*жьте* (Кормчая XIII—XIV в. Рум. Муз. № 230, л. 136 об., и Сборникъ XIII—XIV в. Общ. ист. и древн. 25 об., 33); форма вѣ*жь* послужила къ образованію формы

в*ѣжьте* (тотъ же Сборн. 42, ув*ѣжьте* 29; пов*ѣжьте* Лаврент. сп. л. 68); форма *ѣжь* дала начало современной формѣ *ѣжьте* (ѣшьте). Затѣмъ формы 2-го—3-го ед. на *жь* и новыя формы 2-го мн. числа на *жьте* оказали вліяніе на формы повелит. наклон. на *и, имъ, ите, и, ѣмъ, ѣте*, что повело также къ образованію новыхъ формъ. Ихъ мы видимъ въ памятникахъ XIII и XIV в.: гал.-вол. Холмское Ев. XIII—XIV в.: прилежь (вм. прилеж*и*), наполньте, видьте, въстаньте, будьте, останьтеся; гал.-вол. Луцк. Ев. XIV в.: преидьмы, сядьте, плачьтеся; зап.-русск. грамота Кейстута 1341 г.: будте; у Скорины: поведь, приедь, помольте, молвь ему и т. п. Въ настоящее время подобныя формы широко распространены во всемъ русскомъ языкѣ и могутъ считаться обще-русскими: встань, встаньте, сядь, сядьте и т. п. Рядомъ съ этими формами сохранились (когда удареніе было на конечномъ слогѣ) и старыя формы: великорусск. люб*и*, люб*и*те, смотр*и*, смотр*и*те.

Формы 1-го и 2-го мн. на *ѣмъ, ѣте* (вед*ѣмъ*) и на *имъ, ите* (гляд*имъ*) также оказали другъ на друга вліяніе. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ мы находимъ формы въ родѣ ищ*ѣ*мъ (вм. ищ*и*мъ), ищ*ѣ*те (вм. ищ*и*те), вяж*ѣ*мъ, вяж*ѣ*те; хотя онѣ встрѣчаются только въ спискахъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ, но едва ли возможно сомнѣваться, что они существовали и въ живомъ русскомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ относительно древняго галицко-волынскаго говора можно сказать навѣрное, что онѣ въ немъ были нерѣдки. На это указываютъ такія новыя формы 1-го и 2-го лица мн. повелит. н., которымъ подобныхъ нѣтъ въ церк.-славянскихъ памятникахъ и которыя могутъ быть названы собственно галицко-волынскими: Поликарпово Ев. 1307 г.: отвал*ѣ*те; Луцкое Ев. XIV в.: хран*ѣ*теся, твор*ѣ*те, мол*ѣ*теся. Подобнаго рода формы мы находимъ также въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: пуст*ѣ*те, помол*ѣ*мся, твор*ѣ*мъ; но эта Четья по всей вѣроятности—списокъ съ галицко-волынскаго оригинала; впрочемъ сравни въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: подад*ѣ*мъ (будущ. вр.) 68. Что до современнаго языка, то рефлексомъ новыхъ формъ на *ѣмъ, ѣте* (ищ*ѣ*те, отвал*ѣ*те) являются обычныя малорусскія формы въ родѣ ищ*і*те, отвал*і*те, съ *і* изъ *ѣ*.

Въ свою очередь формы на *имъ, ите* (гляд*имъ*, гляд*ите*), вмѣстѣ съ формами ед. ч. на *и* (гляд*и*, вед*и*), оказали вліяніе на формы на *ѣмъ, ѣте* (вед*ѣмъ*, вед*ѣте*) и повели къ образованію новыхъ формъ

въ родѣ ведимъ, ведите, беримъ, берите. Послѣднія встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, по преимуществу новгородскихъ: Остромирово Ев.: приведите 73, останитеся 230; Минея 1095 г.: почьрьпимъ 111; Минея 1097 г.: въсълимъ 313; Слово Ипполита объ антихристѣ XII в.: рьците. Памятники XIII—XIV в., сѣверно-русскіе, имѣютъ ихъ уже довольно часто: Милятино Ев. 1215 г.: приведите 41 об.; Житіе Нифонта 1222 г.: поидивѣ 31 об., 151 об., побѣгнимъ 90; духовная новгородца Климента: възмите; грамота рижанъ ок. 1284 г.: шлите (древн. сълѣте); Ев. 1317 г.: сберите, принесите, призовите; Ев. 1355 г.: идите, приведите, рците, въверзите; Новгородская лѣт.: идита, поидите, приимите, помозите, и друг. Старыя формы на *ѣмъ*, *ѣте* были еще въ полномъ употребленіи въ сѣверно- и зап.-русскихъ говорахъ въ XIII—XIV в.: смоленская гр. ок. 1297 г.: будете со мною въ любви; грамота рижанъ около 1300 г.: будѣте готови; они нерѣдки въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтоп. Съ теченіемъ времени формы 2-го мн. на *ѣте*, сохраняющіяся въ малорусскомъ нарѣчіи (съ *і* на мѣстѣ *ѣ*), были вытѣснены совсѣмъ въ великорусскихъ и въ большинствѣ случаевъ въ бѣлорусскихъ говорахъ формами на *ите*. Формы 1-го мн. на *ѣмъ*, живущія еще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, исчезли въ великорусскомъ и отчасти въ малорусскомъ, и ихъ мѣсто заняли близкія къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ формы 1-го мн. настоящаго вр. съ значеніемъ будущаго. Древнѣйшій случай употребленія формы настоящаго въ качествѣ формы повелит. н. мы находимъ въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в., гдѣ мы читаемъ сърящомъ (*о* изъ *е*) = εἰςδεξώμεθα; Лаврентьевскій сп. лѣт. не разъ имѣетъ формы наст. вр. вмѣсто формы повел.: поидемъ высадимъ дружину свою; рече Мстиславъ дружинѣ своей: поидемъ на ня, и т. п. Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи постоянно слышится: пойдёмъ, сберёмъ и т. п.; въ малорусскомъ нарѣчіи соотвѣтствующія формы обыкновенно оканчиваются на *емо*.

Говоря о формахъ повелительнаго накл., мы должны упомянуть о вліяніи на эти формы другихъ глагольныхъ образованій, главнымъ образомъ формъ настоящаго времени. Нѣкоторыя формы повелительнаго наклоненія въ древности имѣли передъ окончаніемъ свистящій звукъ, т. е. въ нихъ слышалось *ц*, *з*, *с*, тогда какъ въ формахъ настоящаго вр. слышался или одинъ изъ гортанныхъ *к*, *г*, *х*, или шипящій *ч*, *ж*, *ш*. Вслѣдствіе вліянія формъ настоящаго вр. формы по-

велительнаго накл. съ свистящимъ звукомъ стали исчезать, уступая мѣсто новымъ формамъ или съ гортаннымъ, или съ шипящимъ звукомъ. Такъ явились современныя великорусскія *лягъ*, *лягте* (по образцу *вижь*, *встань*, *встаньте*), *пеки*, *пеките*, *помоги*, *помогите*, которыя заняли мѣсто древнихъ формъ, звучавшихъ *лязи*, *лязѣте*, *пьци*, *пьцѣте*, *мози*, *мозѣте*, и которыя восходятъ по древности къ XIV в.: Паремейникъ XIV в. Троицк. Лавр. № 4: *стреги* моюго входа 33. Такъ явились современныя малорусскія формы *печи*, *печімо*, *печіте*, бѣлорусская *поможи*, которыя, судя по даннымъ памятниковъ, не отличаются особенною древностью; впрочемъ въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г. читается: Боже *поможы* 40.

Формы повелительнаго наклоненія въ славянскихъ языкахъ издревле отправляли функціи желательнаго и сослагательнаго накл., по преимуществу въ придаточныхъ предложеніяхъ. Такое употребленіе формъ повелит. накл. встрѣчается, между прочимъ, въ церк.-славянскомъ и древне-русскомъ яз. Въ церковно-славянской Супрасльской рук. мы находимъ повелительн. н., напр., въ выраженіи: въспомѧнемъ добрѫ дѣтель мѫжь, да *подвигнѣмъсѧ* на подражаниѥ, гдѣ форма повелит. н. соотвѣтствуетъ латинскому сослагательному: ut nos *incitemus*. Въ гал.-вол. Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: иде же аще *вълѣзѣте*, ту пребудете; здѣсь форма повелит. н. *вълѣзѣте* употреблена также въ значеніи латинскаго сослагательнаго. Въ „Вопрошаніи“ Кирика по сп. ок. 1282 г. мы находимъ выраженіе: аще и мьртвыя *въскрешаи*, не можеть попомь быти (Русская Историч. Библіотека, VI, 46); здѣсь форма 3-го ед. повелит. накл. соотвѣтствуетъ греческому желательному. Главное, повелительное значеніе формъ повелительн. накл. сохраняется ими въ современномъ русскомъ яз. во всей полнотѣ; значеніе же желат.-сослагат. накл. всѣхъ лицъ и числъ въ немъ имѣетъ только одна форма, форма 2-го—3-го л. ед. ч.: *скажи* я ему слово, онъ сдѣлаетъ все; *скажи* ты...., *скажи* онъ...., *скажи* мы...., и т. д.; *захоти*, такъ (онъ) былъ бы дѣловой; какъ мѣсяцъ ни *свѣти*, а все не солнца свѣтъ, и т. п.

Исторія страдательнаго залога. Какъ въ латинскомъ и литовскомъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ формы страдательнаго залога (медіума) издревле образовывались чрезъ присоединеніе къ формамъ дѣйствит. зал. возвратнаго мѣстоименія; но въ то время, какъ латинскій и литовскій яз. имѣютъ форму этого мѣстоименія, прикрѣплен-

ную къ глагольнымъ формамъ и отличную по звукамъ отъ формъ того же мѣстоименія, когда оно употребляется отдѣльно,—въ славянскихъ языкахъ мы видимъ свободное употребленіе возвратнаго мѣстоименія, такъ что глагольная форма употребляется сама по себѣ, а мѣстоименіе само по себѣ; при этомъ послѣднее можетъ стоять и передъ глаголомъ, и послѣ глагола, и непосредственно рядомъ съ глаголомъ, и черезъ нѣсколько словъ отъ него.

Въ древне-русскомъ языкѣ употребленіе мѣстоименія *ся* предъ глаголомъ было столь же обычно, какъ и послѣ глагола. Оно было свойственно всѣмъ древне-русскимъ говорамъ, и мы читаемъ въ кіевской Мстиславовой грамотѣ 1130 г.: донелѣ же *ся* миръ *състоить*, кто *ся изоостанеть* въ манастыри; въ смоленской гр. 1229 г.: что *ся дѣють*; въ смоленской гр. ок. 1230 г.: притьча *ся пригодить*; въ новгородской гр. ок. 1262 г.: что *ся учинило* тяже, тѣхъ *ся юсмы отступили*, гдѣ *ся* тяжа *родить*; въ московской духовной Ивана Калиты: тыми *ся подѣлять* сынове мои; въ московск. духовн. Семена Гордаго: хто *ся будеть* у тѣхъ людии *женилъ*; въ Новгородской лѣт.: копая подъ другомь яму самъ *ся* в ню ввалить 271. Рядомъ съ употребленіемъ мѣстоименія *ся* передъ глаголомъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ случаевъ употребленія *ся* послѣ глагола, какъ непосредственно за глаголомъ, такъ и чрезъ одно слово; напримѣръ, въ записи Сборника Святослава 1073 г. мы читаемъ: *коньчяшися* книгы сия; въ припискѣ къ Юрьевскому Ев.: *възвратихъся, съконьчася* вьсе дѣло; въ смоленской гр. 1229 г.: *трудилися* дъбрии людию, *починаються* правда, *извиниться, розгнѣваються, биються;* въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г.: ать *управяться* сами; въ духовной вел. кн. Ив. Ивановича: *подѣлятся.* Свободное употребленіе мѣстоименія *ся* во всемъ русскомъ языкѣ продолжалось довольно долго: въ XVII в. мы нерѣдко его видимъ въ памятникахъ южно-русскихъ, въ XVI в.—въ памятникахъ великорусскихъ, въ родѣ московск. Судебника 1550 года: чтобы *ся* недѣльщики не *отпирали.*

Въ настоящее время въ значительномъ большинствѣ русскихъ говоровъ мы находимъ *ся* прикрѣпленнымъ къ глагольной формѣ и поставленнымъ послѣ глагола, — и только сравнительно немногіе, по преимуществу западные говоры малорусскаго нарѣчія еще сохраняютъ свободное употребленіе возвратнаго мѣстоименія.

Теперь намъ нужно сказать нѣсколько словъ о судьбѣ тѣхъ формъ, которыя обыкновенно причисляются къ глагольнымъ формамъ, но которыя вѣрнѣе было бы называть отглагольными,—о судьбѣ формъ неопредѣленнаго наклоненія и причастій.

Исторія неопредѣленнаго наклоненія. Изъ двухъ древнихъ формъ древне-русскаго неопредѣленнаго наклоненія, формы на *ти* (*чи*) господствуютъ въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, какъ въ книгахъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ, такъ и въ грамотахъ, формы на *ть* (*чь*), напротивъ того, встрѣчаются въ нихъ сравнительно рѣдко. Но чѣмъ болѣе памятники приближаются къ нашему времени, тѣмъ чаще формы на *ть* намъ встрѣчаются, тѣмъ болѣе они получаютъ преобладаніе. Вытѣсненіе ими формъ на *ти* вполнѣ естественно, такъ какъ русскій языкъ вообще предпочитаетъ употреблять болѣе краткія формы. Въ нашемъ литературномъ языкѣ формы на *ти* рѣдки и являются только тогда, когда удареніе стоитъ на конечномъ *и*: ид*ти́*, нес*ти́*, вез*ти́*, вес*ти́*; но и въ этомъ случаѣ рядомъ съ ними обыкновенно употребляются также краткія формы: нес*ть*, вез*ть* и т. д.; кромѣ подобныхъ формъ на *ти*, въ литературномъ языкѣ изрѣдка встрѣчаются архаизмы въ родѣ пе*чи́* (бѣда, коль пироги начнетъ *печи* сапожникъ...). Въ великорусскихъ говорахъ формы на *ти* также рѣдки, но пѣсни сохраняютъ ихъ еще въ большомъ количествѣ. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи формы на *ти* неособенно рѣдки; въ однихъ изъ малорусскихъ говоровъ они господствуютъ, въ другихъ—встрѣчаются рѣже, чѣмъ формы на *ть*.

Формы такъ наз. супина на *тъ* въ церк.-славянскихъ и древнерусскихъ памятникахъ употребляются почти исключительно при глаголахъ движенія и встрѣчаются довольно часто до самаго конца XIV в.: смоленская гр. 1229 г.: латинину не звати русина на полѣ бит*о*ся (*о* вм. *ъ*); смоленск. гр. ок. 1230 г.: немьчичю не льзѣ позвати на поле русина битъся; договоръ Новгорода съ Тверью 1265 г.: ездити звери гонитъ; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: идеть искатъ кунъ; западно-русская гр. Кейстута 1341 г.: поидеть торговатъ; Лаврент. списокъ лѣт.: посла два варяга прикончатъ, мы не цѣловатъ ихъ приѣхали, снидевѣ ся сама боротъ, пришли есьмы воеватъ, и т. п. (нерѣдко). Въ современномъ языкѣ мы не находимъ никакихъ достовѣрныхъ остатковъ этого супина; есть, правда, въ одномъ изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ формы неопредѣленнаго наклоненія

на *тъ*, но онѣ могутъ быть объясняемы какъ древнія формы на *ть* съ отвердѣвшимъ *т*.

Мѣсто супина на *тъ* въ настоящее время занято или неопредѣленнымъ накл.—супиномъ на *ть*, или неопредѣл. накл. на *ти*. Формы на *ть* у насъ издревле употреблялись рядомъ съ формами на *тъ*, въ одномъ съ ними значеніи; замѣна формъ на *тъ* формами на *ти* также началось очень рано. Мы, напримѣръ, читаемъ, въ Остромировомъ Ев.: идѫ уготова*ти* мѣсто 45 об.; въ Юрьевскомъ Ев.: не придохъ положи*ти* мира 41. Памятники съ чистымъ русскимъ языкомъ также знаютъ употребленіе неопредѣленн. н.: смоленск. грам. 1229 г.: ѥхали тверди*ти* миръ; договоръ Дмитрія Донскаго 1372 г.: пошли люди жалова*ти*ся и т. п. Позднѣе, въ памятникахъ XV—XVI в., замѣна супина на *тъ* неопредѣленн. на *ти* встрѣчается очень часто.

Формы неопредѣленн. накл. въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько отличались по звукамъ основы отъ формъ настоящ. вр. и другихъ; вслѣдствіе этого, когда произошло вліяніе вторыхъ формъ на первыя, явилось нѣсколько новыхъ формъ неопредѣл. н. Такова форма *идти*, образовавшаяся изъ древней *ити* вслѣдствіе вліянія формы и*д*у и т. п. и встрѣчающаяся уже въ памятникахъ XIV в.: Ев. 1358 г.: вни*д*ьти 66, вни*д*ти, прои*д*ти 66 об., и*д*ти 75 об., при*д*ти 90, преи*д*ти 111 и др.; Ев. XIV в. (Публ. Б. f. 6): и*д*ти 3, при*д*ти 8; она слышится во всемъ современномъ великорусскомъ нарѣчіи (и*т*ти, и*т*тить). Таковы формы въ родѣ ле*г*чи, пе*к*чи, мо*г*ти, пе*к*ти, встрѣчающіяся и въ великорусскомъ нарѣчіи, но особенно распространенныя въ малорусскомъ.

Исторія причастій. Причастія настоящ. времени въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ имѣютъ форму именит. пад. ед. ч. муж. р. съ окончаніемъ *а* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ церк.-славянскій языкъ имѣетъ окончаніе *ы*,—слѣдовательно, съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ. Формы въ родѣ ид*а*, мог*а* еще нерѣдки въ памятникахъ XIV в. (между проч. въ грамотахъ и лѣтописяхъ), но потомъ исчезаютъ, когда именно,—за неимѣніемъ данныхъ, мы не можемъ опредѣлить. Въ современномъ русскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ этихъ формъ, если не считать формы *мога*, встрѣчающейся въ малорусскомъ нарѣчіи, и нѣкоторыхъ именъ существительныхъ.

Мѣсто формъ на *а* очень рано стали занимать новыя формы причастій настоящ. вр. съ окончаніемъ *я*: ид*я*, нес*я*, которыя обра-

зовались вслѣдствіе вліянія на формы въ родѣ ид*а*, нес*а*—формъ въ родѣ люб*я*, емл*я*. Формы на *я* мы находимъ какъ въ памятникахъ, списанныхъ съ церк.-славянскихъ оригиналовъ (въ Тріоди 1311 г.: зов*я* 73), такъ и въ грамотахъ и лѣтописяхъ; напримѣръ, въ грамотѣ рижанъ около 1300 г. мы читаемъ: ид*я*, вед*я*; въ новгор. грамотѣ ок. 1305 г.: повьрг*я*; въ двинской рядной XIV в.: рк*я* (=ц.-слав. рек*ы*, древне-русск. рьк*а*); въ Новгородской лѣт.: ид*я* 40, рек*я* 193. Эти формы на *я* съ теченіемъ времени вытѣснили формы на *а* и широко распространились въ языкѣ.

Причастія на *а*, *я* первоначально были исключительно причастіями настоящаго времени. Но съ теченіемъ времени, между тѣмъ какъ одни изъ нихъ, образованныя отъ глагольныхъ основъ съ длительнымъ оттѣнкомъ, сохранили свое древнее значеніе,—другія, бывшія по своимъ основамъ въ связи съ глаголами совершеннаго вида, въ цѣломъ рядѣ случаевъ утратили значеніе настоящаго вр. и сдѣлались причастіями прошедшаго врем. (= греческ. причаст. аориста). Мы находимъ ихъ уже въ памятникахъ XIII и XIV в. употребляющимися одинаково съ причастіями прошедшаго времени на *ъ*, *въ*; такъ, въ смоленской гр. 1230 г. мы читаемъ: дѣтьскыи не исправить возм*а* мьзду (=взявъ); въ записи Пантелеймонова Ев. XIII в. (библ. С.-Пет. Дух. Ак.): исправ*яче* чьтѣте (=исправивше); въ новгородской гр. ок. 1305 г.: отъѥхалъ городъ повьрг*я* (=бросивъ); въ Лаврентьевскомъ сп. л.: створи нарядъ утвердивъся крестнымъ цѣлованьемъ с ними и честь возм*а* у нихъ 359, пожг*а* городъ възвратися 368, посла его пристав*я* к нему своѣ мужи 384, князь вниd*а* в волость поима городы 393, упереди Романъ скоп*я* полкы и въѣха в рускую землю, а володимерци лиш*а*ся Рюрика ѣхаша... 396, и т. п.; въ Новгородской лѣтописи: иде князь поим*я* съ собою мужи новгородьскыя 201, поиде князь поим*я* съ собою новгородце 217 и т. п. Въ современномъ русскомъ языкѣ причастныя формы на *я* употребляются въ одномъ значеніи съ формами причастій прошедшаго вр., и мы говоримъ прид*я* рядомъ съ пришедъ, принес*я*, привед*я* рядомъ съ принесши, приведши. Нашъ литературный языкъ знаетъ, съ значеніемъ прош. вр., только употребленіе старыхъ формъ имен. ед. ч. на *я*; старыхъ формъ именительнаго множественнаго ч. на *че*, *чи*, встрѣчающихся въ памятникахъ XVII в. (Котошихинъ: поиду*чи* въ походъ = пошедши),—въ немъ уже не существуетъ.

Въ судьбѣ причастій прошедшаго вр. обращаютъ на себя вниманіе тѣ явленія, которыя имѣютъ своею причиною вліяніе причастій съ окончаніемъ *въ*, въ родѣ люби*въ*, да*въ*, на причастія съ окончаніемъ *ъ*, въ родѣ начьнъ, възьмъ, шьдъ, и на оборотъ. Глаголы, въ древности имѣвшіе въ основѣ неопред. накл. носовой гласный: *възѧти, начѧти, клѧти* и т. п., въ древности имѣли причастія на *мъ* и *нъ*: възь*мъ*,—ше, начь*нъ*,—ше, кль*нъ*,—ше. Эти формы были весьма распространены въ старомъ языкѣ и нерѣдки въ памятникахъ; такъ, напримѣръ, въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г. мы читаемъ: е*мъ*, сне*мъ*, е*мъ*шо. Они сохранились въ современныхъ русскихъ говорахъ или въ древнемъ своемъ видѣ, или въ нѣсколько измѣненномъ: взё*м*ши или взя*м*ши Рядомъ съ ними, по образцу формъ люби*въ*, да*въ*, развились новыя формы съ тою основою, что въ неопред. накл., и съ окончаніемъ *въ*: взя*въ*, нача*въ*, закля*въ* и т. п. Мы находимъ одну изъ нихъ въ Юрьевскомъ Ев.: я*въ* за руку отроковицѧ 86. Современные русскіе говоры (особенно великорусскіе) употребляютъ ихъ весьма часто, а въ литературномъ языкѣ они господствуютъ.—Съ этими формами одинаковы по образованію новыя формы причастій отъ глаголовъ съ основою въ неопредѣленн. наклон. на какой-либо согласный, особенно на *д* и *т*. Большая часть старыхъ причастій отъ этихъ глаголовъ на *дъ* и *тъ* теперь уже исчезли изъ литературнаго языка и замѣнились въ немъ новыми на *въ*; такъ, напримѣръ, старыя формы ѣ*дъ*, ѣ*д*ше, сѣ*дъ*, сѣ*д*ше, укра*дъ*, укра*д*ше замѣнились вновь образованными формами ѣ*въ*, ѣ*в*ши, сѣ*въ*, сѣ*в*ши, укра*въ*, укра*в*ши; въ великорусскихъ народныхъ говорахъ эти новообразованія распространены еще больше, чѣмъ въ литературномъ яз.: ве*в*ши, пришо*в*ши.

Великорусскіе народные говоры (но не литературный яз.) знаютъ еще другія вновь образованныя формы причастій прошедш. вр., въ которыхъ на мѣстѣ древняго *в* находится *м*: породи*м*ши, заплака*м*ши, сказа*м*ши, напоё*м*ши и т. п.; они обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ въ родѣ взе*мъ*, взе*м*ше.

Причастія страдательнаго зал. прошедшаго вр., будучи нечленными, звучатъ у насъ всегда съ однимъ *н*: дѣла*нъ*, дѣла*на*, дѣла*но*, а будучи членными,—могутъ быть и съ однимъ, и съ двумя *н*: дѣла*н*ый и дѣла*нн*ый. Обыкновенно, когда удареніе находится на 3-мъ слогѣ отъ конца, нами предпочитаются формы съ однимъ *н*: пи́са*н*ый, бро́ше*н*ый, свя́за*н*ый; а когда удареніе стоитъ на второмъ слогѣ

отъ конца, мы употребляемъ чаще формы съ двумя *н*: принесé*нн*ый, приведé*нн*ый, спасé*нн*ый. Русскій яз. древнѣйшей эпохи не зналъ формъ съ двумя *н*. Они сравнительно новы и обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію отпричастныхъ прилагательныхъ на *нънъ*. Послѣднія мы видимъ въ церковно-слав. Синайскомъ Требникѣ: неизглагола*ненъ*, — *нънаaго*, нераскаа*ненъ*, неисписа*ненъ*, осѫжде*нна* и др. Нѣсколько такихъ прилагательныхъ мы находимъ въ русской Тріоди постной XII в. (Синод. Б. № 319): неиздрече*ньныи* 17 об., осквьрнева*ньно* 19 об., въздьржа*ньно* 118 об. и т. п. (съ нотами надъ *ь*); въ Новгородской лѣтоп. есть отпричастное прилагательное несказа*ньнъ* 305; въ современномъ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: открове*нный*, открове*ненъ*, бездыха*нный*, обыкнове*нный* и т. п. Эти отпричастныя прилагательныя оказали вліяніе на причастія на *нъ*, слѣдствіемъ чего было образованіе причастныхъ формъ съ двумя *н*, восходящее по памятникамъ къ XIII в.: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: избра*ньныя* 105, 124, 124 об.,—ыхъ 124; кіевская Псалтырь 1397 г.: избра*нными* 122, окова*нныя* 127 об. и др.; Мстижское Ев. XIV в. (Вил. П. Б.): избра*ньныхъ* 50, 55 об., — ыя 56; греческо-русскій словарикъ XIV в. (Kopitar, Hesychii glossographi discipulus.... russus): неудержя*нно* 11, несмотре*нно*, неуказа*нно* 19; зап.-русск. Четья 1489 г.: препояса*нныи* 63 об., рече*нныи* 68, исцѣле*нныи* 68 об.

Судьба формъ глагола *быти*. Въ яз. греческомъ и латинскомъ формы настоящ. вр. глагола *быть* въ качествѣ сказуемаго, какъ извѣстно, употребляются довольно правильно; но и въ нихъ есть предложенія, въ которыхъ мы не находимъ сказуемаго *есть*, *суть*; это по преимуществу — поговорки, изреченія: δὶς παῖδες οἱ γέροντες; οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη (Гомеръ); οἶνος ἀλήθεια; summum jus summa injuria; triste lupus stabulis; varium et mutabile semper femina, и т. п. Въ новыхъ европейскихъ языкахъ, при довольно правильномъ употребленіи формъ настоящ. вр. глагола *быть*, въ поговоркахъ, изреченіяхъ также замѣчается отсутствіе сказуемаго; такъ, въ нѣмецкихъ поговоркахъ мы иногда не находимъ глагола: ein mann — ein wort; besser ein sperling in der hand, als zwei auf dem dache. Если мы обратимся къ древне-русскому языку, то увидимъ въ немъ то же: бѣда аки въ Роднѣ (Лаврент. сп. л.); луче ми смерть ни курское княженіе; злато красота женамъ; не потка въ поткахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣрехъ ожь (=ёжъ); орелъ царь надъ птицами, а осетръ

надъ рыбами (Моленіе Даніила Заточника по сп. Ундольскаго конца XV в.). Въ другихъ языкахъ подобнаго рода опущеніе формъ *есть, суть* не нашло себѣ широкаго распространенія, но въ русскомъ яз. оно получило значительное распространеніе, при чемъ перешло въ обычную рѣчь. Отсутствіе сказуемаго 3-го лица мы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: запись Святославова Сборника 1073 г.: оже ти собѣ не лѫбо, того и другу не твори; запись Свят. Сборника 1076 г.: иде же криво, братиѥ, исправивъше чьтѣте; новгородск. грамота 1189—1199 г. (по сп. XIII в.): ходити нѣмьчьмь в Новъгородъ безъ пакости, ити гостю домовь, оже родится тяжа.... рубежа не творити, нѣмчина не сажати в погребъ Новѣгородѣ.... нъ емати свое у виновата; смоленскій договоръ 1229 г.: товаръ ѥго свобо(де)нъ на вѫдѣ и на березѣ, ся грамота утвьржена пьчатию; смоленскій договоръ ок. 1230 г.: рядъ мои съ немьци таковъ, вольное търгование имъ въ Ризѣ; Лаврентьевск. сп. лѣтоп.: уже мнѣ мужа не крѣсити, добра ли вы честь, нама ихъ не перебороти, земля твоя яко и земля наша, срете я на бродѣ кдѣ нынѣ Переяславль, се дружина у тебе отьня, се лежить сѣверянинъ а се варягъ а дружина своя цѣла (часто; то же въ Ипат. и другихъ сп.). Впрочемъ, рядомъ съ этими случаями отсутствія формъ *есть, суть*, мы имѣемъ часто въ старыхъ памятникахъ и ихъ присутствіе; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: ся грамота *ѥсть* выдана; въ грамотѣ рижанъ 1284 г.: ныне то *есть* ведомо, рижяне *суть* невиновати, та правда *есть* промежи насъ и васъ; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: не тако *есть* миръ доконцанъ; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: люба ми *есть* рѣчь, ловища ея *суть* по всеи земли, Руси *есть* веселье пити, вѣра наша свѣтъ *есть*, бози ваши древо *суть* и т. п.: въ Моленіи Даніила Заточника по сп. Ундольскаго конца XV в.: храбра борзо добудеши, а умныи дорогъ *есть;* кому ти *есть* Переяславль, а мнѣ Гореславль; луче ми *есть* тако скончати животъ свои; ино *есть* лодія, а иное корабль; ино ти *есть* уменъ, а ино безуменъ. Въ настоящее время формы 3-го л. глагола *быть* почти исчезли изъ русскаго яз., такъ что мы имѣемъ цѣлый рядъ предложеній безъ сказуемаго. Форма *суть* въ народномъ языкѣ совсѣмъ не встрѣчается (уродливыя выраженія, въ родѣ яко-бы народнаго выраженія гр. А. К. Толстого: кто *мы* такіе *суть*, ему чужды); а форма *есть* употребляется главнымъ образомъ съ значеніемъ *имѣется, существуетъ: есть* книга,

есть дѣло, причемъ, будучи сказуемымъ, можетъ имѣть при себѣ подлежащее во множ. ч.: *есть* книги, *есть* дѣла (сравн. др.-русск. *суть* ми орудия въ Руси = *есть* у меня дѣла, Новгородская лѣт. XIV в. 159; *суть* ны с тобою рѣчи, *суть* ми ѣще орудьица, Ипатьевск. сп. л. 340, 364; также сравн. греческ. ἔστι ἔμοιγε *καὶ* βωμοί и т. п.; Kühner, Ausführliche Gramm. d. gr. Spr., II², § 367). Употребленіе формы *есть* съ главнымъ значеніемъ, существующее еще въ литературномъ языкѣ,— рѣдко въ яз. народномъ; между прочимъ, на нашемъ сѣверѣ эта форма иногда имѣетъ значеніе 1-го и 2-го л.: *есть я* старъ казакъ, *я* неженатый *есть* (въ былинахъ). Сравн. въ Ев. 1399 г.: азъ и отецъ юдино *юсть* 14 (описка?).

Опущеніе формъ *есть, суть* повело къ опущенію формъ *есмь, еси, есмъ, есте* послѣ того, какъ при этихъ формахъ утвердились личныя мѣстоименія (Лаврент. сп. л.: *ты* князь ли *еси*, *азъ есмь* мужь его 65). Оно восходитъ по меньшей мѣрѣ къ XIV в.: Лаврентьевск. сп. л.: *мы* недужи противу вамъ стати 68 (то же въ Ипатьевск. и другихъ сп.), *азъ* имъ противенъ 23, *ты* господинъ, *ты* отець 367 и др., безъ *есмъ, есмь, еси*. Литературный языкъ не знаетъ формъ 1-го и 2-го л., но въ великорусскихъ говорахъ (исключительно въ пѣсняхъ) встрѣчаются двѣ изъ нихъ: ой ты гой *еси*, вы дочери *есте* купецкія, а въ малорусскомъ нарѣчіи одна: добре *еси*, мій кобзарю...

Формы *нѣсмь, нѣси* и т. д., кромѣ формы *нѣ*=нѣтъ, давно вышли изъ живаго употребленія и уже въ концѣ XIV в. были, повидимому, непонятны. По крайней мѣрѣ писецъ Ев. 1399 г. очень часто (почти постоянно) замѣняетъ древнія *нѣсмь* и пр. сложными *не есмъ*: нѣ есть 6 об., нѣ юсьмь 8 об., нѣ есмь 22, нѣ есте 11 об.

Литература.

Колосовъ. Очеркъ....—Обзоръ....

Ogonowski. Studien....

Соболевскій. Очерки....—Изслѣдованія....

Недешевъ. Историческій очеркъ....

Карскій. Обзоръ....

Шахматовъ. О языкѣ.....

Кочубинскій. Какъ долго жилъ русскій супинъ? Филологич. Записки 1872 г. вып. 4.

Соболевскій. Русское *чу*.—Русскія причастія на *-нный*. Русск. Филологич. Вѣстн. 1886 г. № 1.

XI. Удареніе.

Мы имѣемъ очень мало данныхъ для исторіи русскаго ударенія древней эпохи. Хотя греческій литургическій уставъ IX—X в., давшій начало нашему уставному письму XI—XIV в., постоянно имѣлъ ударенія и хотя въ южно-славянскихъ рукописяхъ они встрѣчаются уже въ началѣ XIII в. (напримѣръ, въ средне-болгарской Псалтыри Хлудова 1211—1213 г.),—тѣмъ не менѣе ихъ нѣтъ въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ. Старшій русскій памятникъ съ нѣкоторымъ количествомъ удареній—Ев. XIII—XIV в. Публ. Б. (q. 2), списанное съ средне-болгарскаго оригинала. Одни изъ его удареній совпадаютъ съ современными русскими и съ церковными: ви́дѣ два́ бра́та 6 об., еди́нь, твои́хь 8 об., лани́ту 9, дольжникомь на́шимь, ізба́ви, си́ла, сла́ва 10 и т. п.; другія, напротивъ того, поражаютъ своею странностью: си́хь мали́хь, реченно бысть древни́мъ 7 об., си́яеть, аще люби́те любящая вы 9, изъ оче́се 11 об. и т. п. За нимъ слѣдуетъ нѣсколько памятниковъ XIV в., или восходящихъ къ средне-болгарскимъ оригиналамъ, или имѣющихъ въ своемъ правописаніи слѣды южнославянскаго вліянія. Въ XV в. ударенія въ нашихъ рукописяхъ становятся нерѣдкими, а въ XVI и XVII в. они представляютъ уже обычное явленіе.

Въ виду недостатка въ матеріалѣ, мы можемъ говорить о древнѣйшей исторіи нашего ударенія отчасти на основаніи фонетическихъ явленій, въ родѣ опущенія гласныхъ (оно часто свидѣтельствуетъ объ исконномъ отсутствіи ударенія на опущенномъ звукѣ), но главнымъ образомъ—на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя даетъ намъ сравненіе русскаго ударенія съ удареніемъ другихъ языковъ, какъ не-славянскихъ—санскритскаго, греческаго, литовскаго, такъ особенно славян-

скихъ. Изъ послѣднихъ польскій и чешскій языки почти вполнѣ утратили древнее удареніе и замѣнили его новымъ; польскій имѣетъ его почти всегда на 2-мъ слогѣ отъ конца, чешскій—всегда на 1-мъ, начальномъ слогѣ слова. Въ другихъ славянскихъ языкахъ—сербскомъ (главнымъ образомъ въ его западномъ, чакавскомъ нарѣчіи), словинскомъ и ново-болгарскомъ сохраняется много остатковъ или слѣдовъ древняго ударенія.

Природа ударенія бываетъ двоякая. Яз. санскритскій, греческій, латинскій, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ ученыхъ, имѣли удареніе хроматическое, основанное на повышеніи голоса. Оно извѣстно теперь въ нѣкоторыхъ восточныхъ языкахъ. Современные европейскіе языки имѣютъ удареніе экспираторное, выдыхательное, которое основывается на усиленіи голоса. По всей вѣроятности, въ обще-индоевропейскомъ языкѣ сперва было хроматическое удареніе, которое, пройдя нѣсколько ступеней, перешло въ удареніе выдыхательное, существующее и въ нашемъ языкѣ.

Удареніе можетъ быть свободнымъ и несвободнымъ. Свободное удареніе — то, которое находится въ различныхъ словахъ на различныхъ мѣстахъ, на различныхъ частяхъ словъ; несвободное удареніе прикрѣпляется къ одному или къ немногимъ извѣстнымъ мѣстамъ словъ: въ однихъ языкахъ мы видимъ его всегда на начальномъ слогѣ, въ другихъ — всегда на концѣ слова (во французскомъ языкѣ); въ латинскомъ яз. оно стоитъ на 3-мъ слогѣ отъ конца при 2-мъ краткомъ, и на 2-мъ, когда онъ долгій; въ нѣмецкомъ яз. удареніе ставится или на гласномъ корня, или на главномъ аффиксѣ, вообще на наиболѣе существенной части слова. Свободное удареніе можетъ быть полнымъ и неполнымъ. Неполное удареніе наблюдается, напримѣръ, въ греческомъ яз.: въ немъ удареніе не идетъ отъ конца дальше 3-го слога при конечномъ краткомъ и дальше 2-го слога при конечномъ долгомъ. Полнѣйшая свобода въ удареніи наблюдается въ яз. санскритскомъ и русскомъ. Въ санскритскомъ языкѣ мы нерѣдко находимъ удареніе на 5-мъ, даже на 7-мъ слогѣ; въ русскомъ яз. мы имѣемъ удареніе на всевозможныхъ слогахъ; такъ, оно находится на 4-мъ слогѣ отъ конца въ словѣ человѣческаго, на 5-мъ слогѣ въ ми́лостивые, ми́лостиваго, на 6-мъ — въ всеми́лостивѣйшему, вы́двинувшіеся, на 7-мъ—въ воспи́тывающіеся, скла́дывающіеся. По всей вѣроятности, индоевропейское удареніе было столь же свободно, какъ и уда-

реніе санскритское и русское, такъ что русское удареніе по своей свободѣ—остатокъ глубокой древности.

Если мы обратимся къ частностямъ, то увидимъ, что русскій яз. сохранилъ много обще-славянскаго и даже обще-индоевропейскаго. Слово, напр., не́бо звучитъ у насъ съ удареніемъ на 2-мъ слогѣ; то же удареніе въ новоболгарскомъ не́бо, въ санскр. nábhas, въ греческомъ νέφος; слѣдовательно, русское слово сохранило древнее удареніе, находящееся и въ другихъ славянскихъ и индоевропейскихъ яз., иначе говоря,—сохранило обще-славянское и обще-индоевропейское удареніе. Интересно сравнить русское и обще-славянское сто́ съ санскр. çatám, греч. ἑκατόν; русск. снохá съ санскр. snušá, греческ. νυός; русск. вы́дра съ греческ. ὕδρα; русск. рукá съ новоболг. ръкá, литовск. rankà. Равнымъ образомъ небезъинтересно сравненіе сербск.-чакавск. видро́, вино́, зимá, гниздо́, бидá, новоболгарск. жи́то, женá, горá, крило́, ребро́ и т. п., съ русск. ведро́, вино́, зимá, гнѣздо́ и проч. Если мы взглянемъ на систему склоненій именъ женскаго рода съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, то увидимъ, что подобно русскому, литовскій языкъ ставитъ удареніе различно въ различныхъ падежахъ; такъ, при именит. рукá, бородá, зимá мы имѣемъ винит. ру́ку, бо́роду, зи́му, точно такъ же, какъ въ литовскомъ при именит. rankà, barzdà, žëmà винит. пад. звучитъ ránką, bárzdą, žë́mą.

Хотя русскій яз. сохранилъ немало обще-славянскаго и даже обще-индоевропейскаго, но не слѣдуетъ думать, чтобы въ области русскаго ударенія все было обще-славянскимъ или обще-индоевропейскимъ. По нашему мнѣнію, русскій яз. потерпѣлъ довольно много измѣненій въ области ударенія. Эти измѣненія до нѣкоторой степени свойственны и другимъ славянскимъ яз., т. е. русскій языкъ въ нѣкоторыхъ своихъ новшествахъ совпалъ съ другими славянскими яз., что понятно: измѣненія въ удареніи во всѣхъ славянскихъ яз. произошли отъ однихъ и тѣхъ же причинъ—отъ исчезновенія глухихъ ъ и *ь* въ концѣ словъ и отъ вліянія однихъ именныхъ и глагольныхъ формъ на другія.

Въ обще-индоевропейскомъ языкѣ должно было быть много случаевъ ударенія на концѣ словъ, на гласныхъ основы ŭ, ă и ĭ.

Въ санскритскомъ языкѣ слова съ основою на ŭ мужеск. рода, особенно имена прилагательныя, почти всегда являются съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: sūnús сынъ, gurús тяжелый, mrdús мягкій,

svādús сладкій, açús быстрый. Многія изъ греческихъ существительныхъ и почти всѣ прилагательныя на ος имѣютъ удареніе также на послѣднемъ слогѣ: βαρύς, ἡδύς, ὠκύς, εὐρύς. Въ литовскомъ яз. всѣ слова на us звучатъ съ удареніемъ на концѣ: medús медъ, sunús сынъ, viršús верхъ, aštrús остръ, saldús сладокъ, budrús бодръ, mandrús мудръ и т. д. Несомнѣнно, общеславянскій и затѣмъ русскій яз. имѣлъ значительное количество словъ съ основою на ъ, которыя впослѣдствіи утратили свое старое склоненіе и перешли въ склоненіе основъ на *о*; также несомнѣнно, эти слова должны были имѣть удареніе на конечномъ слогѣ, т. е. на ъ. Такимъ образомъ обще-славянскія и русскія слова медъ, сынъ, вьрхъ, мѫдръ, остръ и т. п. должны были въ древности имѣть удареніе на конечномъ ъ.

Литовскій яз. не имѣетъ ни одного слова съ окончаніемъ as и съ удареніемъ на конечномъ слогѣ; это, вѣроятно, новая черта въ литовскомъ удареніи, которая явилась вслѣдствіе вліянія однихъ словъ съ окончаніемъ as на другія. Въ санскритскомъ и греческомъ яз. количество словъ съ основою на ă и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ весьма значительно. Всѣ прилагательныя съ суфф. ra постоянно имѣютъ въ нихъ удареніе на концѣ: rudhirás красный, iširás сильный, çithirás свободный; *καθαρός, πιερός, ἱερός, μακρός*. Это заставляетъ думать, что русскія слова, образованныя посредствомъ суффикса ra, могли нѣкогда имѣть удареніе на конечномъ ъ и только съ теченіемъ времени, вслѣдствіе исчезновенія ъ, перенесли свое удареніе на ближайшій слогъ; т. е. прилагательныя въ родѣ добръ, хытръ, щедръ, сыръ въ древнее время могли звучать: добръ′, хытръ′, щедръ′, сыръ′.— Слова съ суффиксомъ la въ санскритск. и греческ. яз. въ большинствѣ случаевъ имѣютъ удареніе также на концѣ: sthūlás, salilás, bahulás; ἁμαλός, χθαμαλός, τυφλός. Возможно, что многія изъ русскихъ словъ съ тѣмъ же суффиксомъ нѣкогда также имѣли удареніе на концѣ: кислъ′, рыхлъ′, теплъ′, причаст. былъ′, жилъ′.—Далѣе, причастія съ суффиксомъ ta въ санскритск. и греческомъ яз. очень часто бываютъ съ удареніемъ на концѣ: gatás пройденный, ditás связанный, çrutás извѣстный; βατός, γνωστός, κλυτός. Русскія прилагательныя и причастія съ суффиксомъ ta также могли имѣть удареніе на концѣ: пустъ′, густъ′, тълстъ′, сытъ′, святъ′, битъ′.

Если мы обратимся къ словамъ съ основою на ĭ, то сопоставленіе словъ русскихъ съ литовскими можетъ намъ показать, что мно-

гія русскія слова съ основою на ь имѣли удареніе, подобно литовскимъ, на послѣднемъ слогѣ: gentís — зять', naktís — ночь', žvěrís — звѣрь', žąsís — гусь', ašís — ось' и т. п.

Такимъ образомъ сопоставленіе данныхъ русскаго яз. съ данными другихъ индо-европейскихъ яз. показываетъ, что русскій яз. могъ имѣть удареніе на ъ и ь, впослѣдствіи исчезнувшихъ. На то же указываютъ данныя славянскихъ языковъ. Ново-болгарскій языкъ сохранилъ во многихъ именахъ удареніе на конечномъ глухомъ ъ или ь: медъ'-т (*т*—членъ; церк.-слав. медъ-*тъ*), дѫбъ'-т (церк.-слав. дѫбъ-тъ), мостъ'-т, димъ'-т, умъ'-т, светъ'-т, мѫжъ'-т (ц.-слав. мѫжь-тъ), дъждъ'-т, дне́-с (ц.-слав. дьнь-сь), ноште́-с (*е* изъ *ь*). Ново-болгарскія прилагательныя членныя нерѣдко имѣютъ удареніе на конечномъ слогѣ, на *и*=ц.-слав. *ы*, въ основу котораго легъ старый ъ: криви́-јът, леви́-јът, луди́-јът глупый, живи́-јът и т. п., изъ кривъ'и-тъ, лѣвъ'и-тъ, лудъ'и-тъ, живъ'и-тъ. Если мы обратимся къ русскому языку, то увидимъ въ немъ самомъ нѣсколько данныхъ, показывающихъ, что глухой нѣкогда имѣлъ на себѣ удареніе: дне́-сь, ноче́-сь, ономе́-дни (=днь'-сь, ночь'-сь, ономь'-дьни, мѣстн. ед.); имен. ед. прилагательныхъ мужеск. род. съ удареніемъ на концѣ, въ родѣ великорусск. сыро́й, удало́й, жило́й, густо́й, пусто́й, живо́й, слѣпо́й; сѣв.-великор. крѣпко́й, жарко́й, гладко́й, толсто́й (*о* изъ ъ); малорусск. жарки́й, живи́й, густи́й, толсти́й, сліпи́й (*и*=*ы* изъ ъ).

Въ виду сказаннаго становится несомнѣннымъ, что въ древнерусскомъ яз. удареніе во многихъ случаяхъ было не то, какое мы находимъ въ настоящее время.

Вліяніе словъ, въ которыхъ исчезъ неударяемый конечный глухой, повело къ исчезновенію ударяемаго конечнаго глухаго; отсюда, естественно, произошло передвиженіе ударенія отъ конца къ началу слова, т. е. вм. остръ', добръ' явились формы им. ед. о́стръ, до́бръ. Само собою разумѣется, такого рода перенесеніе ударенія отъ конца къ началу въ тѣхъ формахъ, гдѣ конечный слогъ состоялъ изъ глухаго звука, могло повліять и, безъ сомнѣнія, повліяло на удареніе въ другихъ формахъ, гдѣ не было въ концѣ глухаго звука. Такимъ образомъ представляется вѣроятнымъ, что формы, напримѣръ, род. пад. зя́тя, но́чи, о́строго — формы новыя, замѣнившія древн. зяти́, ночи́, остро́го, что они перенесли свое удареніе съ болѣе близкаго на дальнѣйшій слогъ подъ вліяніемъ новаго ударенія въ имен. ед.—зя́ть, но́чь, о́стръ.

Есть много случаевъ, гдѣ можно предполагать перенесеніе ударенія на одинъ слогъ впередъ. Сверхъ того, есть нѣсколько случаевъ, гдѣ удареніе было, повидимому, перенесено съ конечнаго слога не на 2-ой, а на 3-ій слогъ; это — слова съ полногласіемъ: бéрегъ, гóлодъ и т. п. На перенесеніе въ нихъ ударенія съ конечнаго на 3-ій отъ конца слогъ указываютъ ново-болгарскія данныя и русскія членныя прилагательныя. Въ ново-болгарскомъ яз. слова брегъ'-т, гладъ'-т имѣютъ удареніе на концѣ; въ русскомъ яз., вмѣсто ожидаемыхъ берéгъ, голóдъ (изъ берегъ', голодъ'), имъ соотвѣтствуютъ бéрегъ, гóлодъ. Русское воронóй показываетъ, что нечленная форма вóронъ имѣла нѣкогда удареніе на концѣ; на то же указываетъ прилагат. золотóй при сопоставленіи его съ нечленной формой зóлотъ. Всѣ эти слова муж. рода. Подобное явленіе мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ словахъ средняго рода. Ново-болгарскій яз. владѣетъ цѣлымъ рядомъ словъ средняго рода съ удареніемъ на концѣ: брашнó, благó, златó, дръвó, чръвó; въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующія слова имѣютъ удареніе на 3-мъ слогѣ: бóрошно, бóлого, зóлото и т. д.

Измѣненія въ удареніи свойственны всему русскому яз. Отсюда единство ударенія въ большей части русскихъ говоровъ (наибольшее уклоненіе отъ обще-русскаго ударенія наблюдается въ говорахъ западно-малорусскихъ, подвергшихся вліянію или словацкаго яз., какъ говоръ гуцуловъ, или польскаго, какъ говоръ лемковъ), которому ни мало не мѣшаетъ ни существованіе въ одномъ и томъ же говорѣ словъ и формъ съ различными удареніями: ми́лый и милóй, легóкъ и лéгокъ, высóко и высокó, далéко и далекó, по у́тру и по утру́, — ни различіе въ мѣстѣ ударенія немногихъ словъ великорусскихъ и малорусскихъ, южно-великорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ, въ родѣ южно-великор. жáркій (при жаркóе) и малорусск. жарки́й, сѣв.-вр. жаркóй, южно-вр. тóлстый и малор. толсти́й, сѣв.-вр. толстóй, южно-вр. крѣ́пкій, малорусск. кріпкий и сѣв.-вр. крѣпкóй. Главныя свойства ударенія, его свобода, его переходъ съ одного слога на другой при склоненіи, наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, его мѣсто — одни и тѣ же во всемъ русскомъ языкѣ.

Литература.

Ганкевичъ. Системъ голосоударенія въ языкахъ санскритскомъ, греческомъ и рускомъ. Додатокъ до поровнатель-

ного языкословія. Черновцы, 1875. Брошюра въ 12 страницъ, написанная безъ всякихъ претензій.

Фортунатовъ. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprache. Archiv für slav. Phil., IV.

Брандтъ. Начертаніе славянской акцентологіи. Спб.1880.

Гротъ. Филологическія разысканія. Т. I. Изданіе 3-е. Спб. 1885 (о русскомъ удареніи).

Kayssler. Die Lehre vom russichen Accent. Mit Rücksicht auf die Accentuationssysteme verwandter Sprachen. Berlin, 1866.

Колосовъ. Обзоръ....

Ogonowski. Studien....

Hankiewicz. Ein Beitrag zur Lehre von kleinrussischen Accent.—Ueber den Accent der Verba im Kleinrussischen. Archiv für slav. Phil., II.

Verchratskij. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen. Тамъ же, III.

Hanusz. Ueber die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen. Тамъ же, VII. Эта статья, равно какъ и статьи Ганкевича и Верхратскаго, не имѣютъ ничего цѣннаго, кромѣ матеріала.

Шарловскій. Русское слогоудареніе. Обстоятельныя разысканія и выводы о законахъ ударенія. Вып. I, Воронежъ, 1884; вып. II, Кіевъ, 1884. Продолженіе печатается въ „Филологическихъ Запискахъ". Собранный здѣсь матеріалъ еще имѣетъ нѣкоторую цѣнность, но этого никакъ нельзя сказать о выводахъ автора.

XII. Заключенiе.

Мы изложили исторiю звуковъ и формъ русскаго языка — главную и важнѣйшую часть исторiи языка—и должны сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчанiй.

Ходъ развитiя русскаго языка представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Русскiй языкъ древнѣйшей эпохи былъ *одинъ* языкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ дѣлился на говоры, изъ которыхъ говоры сѣверо-западнаго угла древней Руси — новгородскiй, псковскiй, смоленско-полоцкiй — выдѣлялись въ отдѣльную группу, благодаря особенностямъ своего консонантизма. Прочiе говоры — говоры южной, западной и сѣверо-восточной частей Руси — были почти тожественны, и всѣ ихъ отличительныя черты заключались въ различной звуковой окраскѣ очень немногихъ словъ (*дожжь* и *дожчь*) и въ различныхъ окончанiяхъ очень немногихъ формъ (*ѥсмъ* и *ѥсмо*).

Исчезновенiе глухихъ *ъ* и *ь* повело къ раздѣленiю русскихъ говоровъ на двѣ группы — юго-западную и сѣверо-восточную. Большая часть древнихъ говоровъ: новгородскiй, псковскiй, смоленско-полоцкiй, западно-русскiй, средне-русскiй и, вѣроятно, кiевскiй, утративъ въ массѣ случаевъ глухiе, черезъ это не потерпѣли никакихъ важныхъ измѣненiй въ своемъ вокализмѣ; напротивъ того, въ меньшинствѣ говоровъ, точнѣе — въ говорѣ галицко-волынскомъ, исчезновенiе глухихъ повело къ тому самому явленiю, которое имѣло мѣсто въ сосѣднихъ съ нимъ западно-славянскихъ языкахъ, польскомъ и чешскомъ, — къ образованiю долгихъ гласныхъ.

Долгiя *е* и *о*, возникшiя въ галицко-волынскомъ говорѣ (*пе̄чь*, *ко̄нь* и т. п.), сначала отличались отъ краткихъ *е* и *о* (*пӗчь*, *ко̆нь*),

оставшихся въ прочихъ русскихъ говорахъ, только количествомъ, и вслѣдствіе этого не могли быть сколько-нибудь значительною, рѣзкою особенностью. Но мало по малу долгота *е* и *о* повела къ измѣненію качества этихъ звуковъ какъ въ неударяемыхъ, такъ и въ ударяемыхъ слогахъ. Къ XIV в. въ значительной части галицко-волынскаго говора долгія *е* и *о* превратились въ *і* и *у* (*пічь, кунь*) или въ дифтонги; къ тому же времени въ немъ совершился переходъ *ѣ* въ *і* и отожествленіе древнихъ *и* и *ы*. Между тѣмъ въ сѣверо-восточной группѣ русскихъ говоровъ не имѣло мѣста ни одно изъ названныхъ явленій. Такимъ образомъ произошло обособленіе двухъ частей русскаго языка—юго-западной и сѣверо-восточной, иначе говоря,—окончательное образованіе нарѣчія малорусскаго съ одной стороны и великорусско-бѣлорусскаго съ другой, изъ которыхъ каждое затѣмъ стало самостоятельно развивать дальнѣйшія особенности въ области какъ звуковъ, такъ отчасти и формъ.

Сѣверо-восточная часть русскаго яз. въ свою очередь распалась на двѣ части. Въ XIV в. получило свое начало аканье, или измѣненіе качества неударяемыхъ *о*, *а*, *е*. Оно явилось въ южной части сѣверо-восточной группы, оставшись чуждымъ части сѣверной, и такимъ образомъ великорусско-бѣлорусское нарѣчіе раздѣлилось на говоры акающіе—южно-великорусско-бѣлорусскіе (древній западно-русскій говоръ, смоленско-полоцкій и часть средне-русскаго) и на говоры окающіе — сѣверно-великорусскіе (древній новгородскій говоръ и часть средне-русскаго). Въ XV в. аканье было уже сильно и отдѣленіе другъ отъ друга говоровъ акающихъ и окающихъ уже завершилось.

Затѣмъ послѣдовало раздѣленіе южной группы сѣверо-восточной части. Приблизительно въ XVI в. начался переходъ въ западныхъ говорахъ этой группы мягкихъ *д* и *т* въ *дз* и *ц*. Такимъ образомъ въ нихъ явилась новая звуковая особенность, оставшаяся чуждою говорамъ восточнымъ той же группы; благодаря ей и нѣкоторымъ мелкимъ звуковымъ чертамъ (*г*=*h*, твердость *р*), послѣдовало отдѣленіе говоровъ бѣлорусскихъ, съ *дз* и *ц*, отъ говоровъ южно-великорусскихъ, съ мягкими *д* и *т*.

Каждая изъ названныхъ частей русскаго языка имѣетъ крупныя особенности, отсутствующія въ другихъ частяхъ. Напримѣръ, многіе говоры малорусскаго нарѣчія имѣютъ *і* тамъ, гдѣ великорусское и бѣлорусское нарѣчія сохраняютъ древнія *е* и *о* (*пічь, кінь*=*печь, конь*);

на оборотъ, все малорусское нарѣчіе удерживаетъ древнія *е* и *о* въ слогахъ безъ ударенія, замѣненныя въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ черезъ *и*, *а* (*печи́*, мѣстн. отъ *пічь*, *коня́*=*пичи́*, *пячи́*, *каня́*).

Рядомъ съ такого рода особенностями, отличающими одно нарѣчіе или говоръ отъ другаго, есть много важныхъ чертъ, общихъ разнымъ нарѣчіямъ и говорамъ и соединяющихъ ихъ въ одно цѣлое.

Всѣ русскія нарѣчія и говоры сохраняютъ исконныя особенности русскаго языка—полногласіе, *ч* изъ *т*, *л* послѣ губныхъ изъ *j*, формы дат. ед. прилагательныхъ на *ому* и т. п.

Цѣлый рядъ явленій, развившихся въ русскомъ яз. въ историческую эпоху, свойственъ также все русскому яз. Это—исчезновеніе глухихъ, большая часть слѣдствій исчезновенія глухихъ, переходъ сохранившихся глухихъ въ *о* и *е*, переходъ *е* въ *о*, неорганическое смягченіе гортанныхъ передъ *ы*, смѣшеніе основъ, смѣшеніе падежей и т. д.

Другія историческія явленія русскаго яз. находятся въ большей части русскихъ говоровъ. Почти все великорусское, все бѣлорусское и часть малорусскаго нарѣчія имѣютъ въ концѣ словъ согласные отзвучные на мѣстѣ звучныхъ. Все бѣлорусское, все малорусское и часть великорусскаго нарѣчія мѣняютъ *у* и *в* и имѣютъ *г*=*h*. Во многихъ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ *ж*, *ш* и *ц* звучатъ твердо. Всѣ великорусскіе и всѣ бѣлорусскіе говоры имѣютъ *е* вмѣсто древняго ударяемаго *ѣ*, и т. д.

Общія черты сближаютъ между собою русскія нарѣчія на столько, что сходство ихъ другъ съ другомъ замѣчается даже предубѣжденнымъ глазомъ. Уже давно обращено вниманіе на близость сѣверно-великорусскаго и малорусскаго нарѣчій (сохраненіе *о* безъ ударенія и вообще неударяемыхъ гласныхъ). Точно также давно замѣчены черты общія нарѣчіямъ бѣлорусскому и малорусскому, что дало поводъ даже включать первое въ составъ втораго. Близость южно-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій столь велика, что не требуетъ никакихъ указаній или доказательствъ. Вообще по своему взаимному сходству русскія нарѣчія могутъ быть соединены въ слѣдующія 4 пары:

сѣверно-великорусское	и	малорусское,
сѣверно-великорусское	и	южно-великорусское,
южно-великорусское	и	бѣлорусское,
бѣлорусское	и	малорусское.

Около XVI вѣка русскій языкъ въ значительной части своихъ чертъ, звуковыхъ и формальныхъ, былъ уже тѣмъ, чѣмъ онъ является въ наши дни. Послѣ этого времени къ числу особенностей русскихъ говоровъ не прибавилось ничего важнаго, точно также, какъ ничего и не убавилось. Измѣненія произошли только въ территоріальномъ расположеніи разныхъ частей русскаго языка.

Малорусское нарѣчіе, первоначально занимавшее большой уголъ между Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Карпатами и еще до XVI в. расширившееся въ своихъ предѣлахъ, въ этомъ столѣтіи и слѣдующихъ значительно подвинулось къ востоку и югу и заняло земли отъ Днѣпра до Дона и побережье Чернаго моря, при чемъ кое-гдѣ смѣшалось съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ и образовало новые говоры.

Южно-великорусское нарѣчіе, которымъ говорили жители сравнительно небольшой области между верховьями Волги, Дона, Донца, Днѣпромъ и Окою, съ XVI в. начало медленно подвигаться съ одной стороны на востокъ — къ Волгѣ, съ другой на югъ и мало по малу приблизилось къ Азовскому и Каспійскому морямъ. Сверхъ того, сдѣлавшись, въ лицѣ одного изъ своихъ говоровъ—московскаго, языкомъ правительства, литературы и науки, оно нашло себѣ представителей во всѣхъ концахъ русскихъ владѣній.

Сѣверно-великорусское нарѣчіе, къ XVI в. уже занимавшее всю сѣверную часть Поволжья, нынѣшнюю Вологодскую, Олонецкую, отчасти Архангельскую, Вятскую и Пермскую губ. и, сверхъ того, перешедшее въ область древняго псковскаго говора,—съ этого столѣтія также значительно расширило свои границы. Покореніе Казанскаго царства повело къ движенію въ его предѣлы сѣверно-великорусскихъ колонистовъ, которые затѣмъ двинулись отчасти на югъ (ихъ потомки, мѣняющіе звуки *ц* и *ч*, теперь живутъ, между прочимъ, въ Тамбовской губерніи), но главнымъ образомъ на востокъ — въ Пріуралье и Сибирь.

Бѣлорусское нарѣчіе, уже выдвинувшееся нѣсколько на сѣверъ —въ смоленско-полоцкую область, послѣ XVI в. почти не измѣнило своихъ границъ. Можно указать лишь на распространеніе его немного на востокъ, въ нынѣшнюю Черниговскую губ., въ такъ называемое Задесенье, гдѣ „литовское“ нарѣчіе стало слышаться, вѣроятно, не ранѣе XVII в.

Около того же времени—около XVI в.—исчезли говоры кіевскій и псковскій и сократился въ своемъ территоріальномъ объемѣ говоръ смоленско-полоцкій.

Слѣды перваго теряются очень рано, въ XII—XIII в., и трудно опредѣлить, насколько онъ пережилъ страшный погромъ Батыя. Памятники послѣ-татарскаго времени, XIV—XV в., писанные въ Кіевѣ, не даютъ намъ ясныхъ указаній. Кіевская Псалтырь 1397 г. написана едва ли не пришлымъ великоруссомъ; Ев. 1411 г. (кіевскій Николо-Пустынскій монастырь) представляетъ списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, съ малымъ количествомъ руссизмовъ (между которыми *ѣ* въ гд*ѣ* 144 об., нигд*ѣ* 260, прѣш*ѣ*дше 44, нѣст*ѣ* 65, вѣст*ѣ* 228 об., з*ѣ*млѣ 135 об., з*ѣ*мли 212 об., *е* въ о б*е*снѣмъ 2 об., на п*е*сцѣ 22, въ запов*е*дехъ 152 об. и др.); языкъ вкладной кн. Долголдата Долголдатовича 1427 г. (вписана въ Ев. 1411 г.; Срезневскій, Св. и з., LXV)—оффиціальный западно-русскій; духовная кн. Андрея Владимировича 1446 г. (Румянц. Муз.) не заключаетъ въ себѣ никакихъ достовѣрныхъ ни малоруссизмовъ, ни бѣлоруссизмовъ; наконецъ, грамота кіевскаго князя Семена Александровича 1459 г. (снимокъ съ нея на сквозной бумагѣ находится въ архивѣ Кіевской Археографической Коммиссіи; издана, неособенно точно, у Антоновича и Козловскаго: „Грамоты великихъ князей литовскихъ съ 1390 по 1569 г.," Кіевъ, 1868), выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ и написанная на оффиціальномъ западно-русскомъ яз., имѣетъ нѣкоторое количество малоруссизмовъ: вс*ю*и отчизнѣ, д*и*дизнѣ, при томъ вс*ю*мъ, *у*нъ (=онъ), прит*и*съненъемъ, зав*и*шенъемъ; но ихъ присутствіе вполнѣ можетъ быть объяснено предположеніемъ, что княжескій писарь былъ пришлый въ Кіевъ человѣкъ, волынскій уроженецъ, и вообще служитъ крайне слабымъ доказательствомъ принадлежности кіевскаго населенія половины XV в. къ малорусскому племени. Сверхъ того, относительно грамоты 1459 г. неизвѣстно, въ оригиналѣ дошла она до насъ, или въ старой копіи. Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV вѣка, нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вообще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область должны были уменьшить число говорившихъ имъ настолько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины и должны были принять ихъ говоры, вмѣстѣ съ ихъ мѣстными словами

и названіями. Отсюда около Днѣпра уменьшительныя собственныя имена на *сь, ся*: Петру*сь*, Мару*ся*, которыхъ нѣтъ въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ и вмѣсто которыхъ въ послѣднихъ употребляются чуждыя малорусскому нарѣчію уменьшительныя на *ша*: Мсти*ша* (=Мьстиславъ?), Путь*ша* (=Путята?), Рать*ша* (=Ратьмиръ?), Володи*ша* (=Володиславъ, Ипат. сп. лѣт., 34, 92, 229, 346), Свято*ша* (=Святославъ; сравни въ галицко-волынской лѣтописи: Волъдри*сь*= Володарь? Ипат. сп. 509; сравни тамъ же: Блю*сь*, Миту*са*=Блюсь, Миту*ся*?). Отсюда у жителей Черкасскаго уѣзда Кіевской губ. слово *гуцалй* (это—искаженное галицк. *гуцули*) употребляемое ими для своихъ сосѣдей на востокѣ, и слово *буци* (это—искаженное галицк. *бойци* бойки), которымъ пользуются для означенія сосѣдей съ запада — подолянъ (Труды этнографич.-статистическ. экспедиціи въ зап.-русскій край, собр. Чубинскимъ, т. VII, вып. II, 463). Отсюда наконецъ для кіевской области (собственно „Руси" древней эпохи) и для земель къ востоку отъ Днѣпра названіе „Малая Русь", которое принадлежало первоначально западной части кіевскаго княжества—Галичинѣ (выдѣлилась изъ кіевскаго княжества въ концѣ XI в.) и Волыни (выдѣлилась около половины XII в.) и употреблялось уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ (Μικρή Ῥωσσία у грека Кодина, кон. XIII в., Russia minor въ грамотѣ волынскаго князя Юрія 1335 г.).

Псковскій говоръ несомнѣнно еще существовалъ въ XV в.; но послѣ этого времени мы не находимъ уже никакихъ достовѣрныхъ его слѣдовъ. Причины его исчезновенія неизвѣстны. Исторія псковской земли не указываетъ, чтобы въ XV в. или въ слѣдующихъ она испытала какіе бы то ни было погромы или страшныя бѣдствія, вслѣдствіе которыхъ она могла бы сдѣлаться удобнымъ мѣстомъ для поселенія колонистовъ съ востока; вслѣдствіе этого намъ приходится ограничиться констатированіемъ факта.

Смоленско-полоцкій говоръ въ началѣ XV в. несомнѣнно еще существовалъ въ Полоцкѣ. Когда онъ исчезъ изъ смоленской и полоцкой областей, мы не имѣемъ возможности указать; равнымъ образомъ намъ остаются неизвѣстными и причины вытѣсненія его изъ этихъ областей бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Здѣсь мы опять стоимъ лицомъ къ лицу съ недостаткомъ историческихъ данныхъ, явленіемъ обычнымъ, если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ.

Литература.

Срезневскій. Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. 1-е изд. Спб. 1850; 2-ое изд. Спб. 1887. Трудъ для своего времени высокозамѣчательный, хотя авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень небольшое количество историческихъ данныхъ. Между прочимъ Срезневскій объявилъ, что раздѣленіе русскаго яз. на вѣтви великорусскую и малорусскую послѣдовало послѣ татарскаго нашествія.

Огоновскій. Поглядъ на исторію языкôвъ славянскихъ, особливо жъ на исторію языка руского. Правда (журналъ, издававшійся во Львовѣ Огоновскимъ и Барвинскимъ) 1872 г. № 5.

Качановскій. Объ историческомъ изученіи русскаго языка. Казань, 1887. Вступительная лекція.

Костомаровъ. Двѣ русскія народности. „Историческія монографіи и изслѣдованія", т. I, изд. 2-ое. Спб. 1872. Авторъ указываетъ на близость новгородскаго говора къ малорусскому нарѣчію.—Тотъ же взглядъ на отношенія между новгородскимъ говоромъ и малорусскимъ нарѣчіемъ повторенъ Костомаровымъ въ „Сѣверно-русскихъ народоправствахъ", т. I; сравни Гильфердингъ, „Собраніе сочиненій", т. I.

Погодинъ. Записка о древнемъ языкѣ русскомъ. „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи", т. VII. М. 1856 г. Эта записка повторяетъ мнѣніе Срезневскаго о древности русскихъ нарѣчій и говоритъ о Карпатахъ какъ родинѣ малорусскаго нарѣчія. Она замѣчательна не столько своими данными, сколько тою полемикою, которая была ею вызвана.

Максимовичъ. Филологическія письма. — Отвѣтныя письма М. П. Погодину. — Новыя письма къ М. П. Погодину. „Собраніе сочиненій", т. III. Кіевъ, 1880. Авторъ старается, хотя и неудачно, защитить „старобытность" малорусскаго нарѣчія.

Лавровскій. Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями. Журн. Мин. Нар. Пр. 1859 г. № 6.— Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину о нарѣчіи малорусскомъ. Основа 1861 г. № 8. — По вопросу о южно-русскомъ языкѣ. Основа 1861 г. № 11—12. Статьи Лавровскаго вызваны статьями Максимовича. Авторъ заявляетъ, что „древній русскій языкъ, въ предѣлахъ нынѣшняго русскаго государства, до XIV столѣтія не обнаруживаетъ рѣшительно того раз-

дѣленія на два нарѣчія, великорусское и малорусское, какое встрѣчаемъ мы впослѣдствіи и въ настоящее время". По Лавровскому, родина малорусскаго нарѣчія—Карпаты.

Котляревскій. Были ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ за Карпатъ въ XIV в.? Основа 1862 г. № 9.

Петровъ. О давности малорусскаго языка и степени его самобытности. Московское Обозрѣніе 1878 г. №№ 4 и 5. Изложеніе мнѣнія Житецкаго.

Hanuš. O jazyku maloruském. Slovanský Sborník (изд. въ Прагѣ Елинкомъ) 1883 г. №№ 4—6. Небольшая статья, сообщающая общеизвѣстныя свѣдѣнія о малорусскомъ нарѣчіи и, между прочимъ, касающаяся отношеній его къ нарѣчію великорусскому.

Abel. Gross- und Kleinrussisch. Aus Ilchester-Vorlesungen über vergleichende Lexicographie, gehalten an der Universität Oxford. Uebersetzt von R. Dielitz. Leipzig und Berlin, 1885. Авторъ старается опредѣлить отношеніе другъ къ другу двухъ русскихъ нарѣчій на основаніи данныхъ лексики, но обнаруживаетъ только совершенное незнакомство съ русскимъ языкомъ. Разборъ Дашкевича въ Кіевской Старинѣ 1885 г. № 11.

Шимановскій. Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. Изслѣдованіе, съ приложеніемъ полнаго текста Сборника Святослава 1076 г. Варшава, 1887. Эта книга, вышедшая въ свѣтъ уже послѣ того, какъ было отпечатано начало нашего труда, имѣетъ своею задачею доказать, что правописаніе и языкъ кіевскаго Свят. Сборника 1076 г. тожествены съ правописаніемъ и языкомъ гал.-вол. Галицкаго Ев. ок. 1266 г. О качествѣ изданія текста Сборника и невѣжественности автора см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1888 г. № 2.

Комаровъ. Покажчикъ новоі украінськоі літератури (1798—1883 р.). „Рада", украінська збірка на 1883 рікъ. Коштомъ М. Старицького. Кіевъ, 1883. Также отдѣльно, К. 1883. Библіографическій указатель статей, между прочимъ, по вопросу о древности малорусскаго нарѣчія.

Пыпинъ. Споръ между южанами и сѣверянами. Вопросъ о малорусскомъ языкѣ. Вѣстникъ Европы 1886 г. № 4. Библіографическое обозрѣніе того же вопроса.

Такъ какъ вопросъ о „старобытности" малорусскаго нарѣчія не только лингвистическій, но и историческій, то указываемъ относящіеся къ нему новѣйшіе историческіе труды.

Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси. Т. I. Спб. 1874.

Антоновичъ. Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569). „Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи", т. I. Кіевъ, 1885.

Соболевскій. Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева. Кіевск. Университ. Извѣстія 1885 г. № 8 (разборъ статьи Антоновича).

Владимирскій-Будановъ. Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XV вѣка. „Архивъ юго-западной Россіи. Ч. VII. Т. I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи". Кіевъ, 1886.

Кромѣ приведенныхъ уже нами библіографическихъ данныхъ, мы считаемъ не лишнимъ упомянуть въ заключеніе о слѣдующихъ трудахъ.

Буслаевъ. Историческая грамматика русскаго языка. Изданіе 4-ое. М. 1875. Хотя въ этой грамматикѣ есть нѣкоторое количество историческихъ данныхъ въ области какъ этимологіи, такъ и синтаксиса, тѣмъ не менѣе она не заслуживаетъ названія „исторической": это—грамматика современнаго русскаго яз., сближеннаго съ церковно-славянскимъ. Трудъ цѣнный, но сильно устарѣвшій.

Бодуэнъ-де-Куртенэ. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Выпускъ 1-й. Воронежъ, 1882. Эта небольшая трудно понимаемая книжка, написанная съ большими претензіями на научность, посвящена характеристикѣ звуковъ современнаго литературнаго русскаго яз. и обзору явленій ассимиляціи и диссимиляціи. Краткій разборъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1883 г. № 9.

Богородицкій. Курсъ грамматики русскаго языка. Фонетика. Варшава, 1887. Опытъ научной грамматики современнаго русскаго литературнаго языка, изложенный нѣсколько своеобразно. Есть кое-какія историческія данныя, заимствованныя по преимуществу изъ вторыхъ рукъ.

Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 4 тома. Wien, 1875—83. Великорусское и малорусское (съ

бѣлорусскимъ) нарѣчія занимаютъ здѣсь каждое особый отдѣлъ, наравнѣ съ сербскимъ, чешскимъ и другими славянскими языками. Всѣ главныя исконныя особенности русскаго яз. сравнительно съ другими славянскими указаны Миклошичемъ; историческія данныя немногочисленны. 3-й томъ этого труда, содержащій морфологію, недавно переведенъ на русскій яз. и изданъ подъ редакціею и съ примѣчаніями Брандта, подъ названіемъ „Сравнительной морфологіи славянскихъ языковъ", пять выпусковъ, М. 1884—1887. Русскій отдѣлъ занимаетъ 3-й выпускъ. Разборъ нѣкоторыхъ замѣчаній Брандта по русской морфологіи въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1886 г. № 8.

Приложеніе.

I. Образцы древне-русскаго склоненія XI вѣка.

	Единств. ч.	Двойств. ч.	Множеств. ч.
Им.	вълкъ	вълка	вълци, вълкове
Род.	вълка	вълку	вълкъ, вълковъ
Дат.	вълку, вълкови	вълкома	вълкомъ
Вин.	вълкъ, вълка	вълка	вълкы
Твор.	вълкъмь	вълкома	вълкы
Мѣстн.	вълцѣ	вълку	вълцѣхъ, вълкохъ?
Зват.	вълче		

Им.	конь	коня	кони
Род.	коня	коню	конь, коневъ?
Дат.	коню, коневи	конема	конемъ
Вин.	конь, коня	коня	конѣ
Твор.	коньмь	конема	кони
Мѣстн.	кони	коню	конихъ.
Зват.	коню		

Им.	путь	пути	путье, путие
Род.	пути	путью, путию	путьи, путии
Дат.	пути	путьма	путьмъ
Вин.	путь	пути	пути
Твор.	путьмь	путьма	путьми
Мѣстн.	пути	путью, путию	путьхъ.
Зват.	пути		

Им.	жена	женѣ	жены
Род.	жены	жену	женъ
Дат.	женѣ	женама	женамъ
Вин.	жену	женѣ	жены
Твор.	женою	женама	женами
Мѣстн.	женѣ	жену	женахъ.
Зват.	жено		

Им.	душя	души	душѣ
Род.	душѣ	душю	душь
Дат.	души	душяма	душямъ
Вин.	душю	души	душѣ
Твор.	душею	душяма	душями
Мѣстн.	души	душю	душяхъ.
Зват.	душе		

Им.	кость	кости	кости
Род.	кости	костью, костию	костьи, костии
Дат.	кости	костьма	костьмъ
Вин.	кость	кости	кости
Твор.	костью, костию	костьма	костьми
Мѣстн.	кости	костью, костию	костьхъ.
Зват.	кости		

Им.	мати	матери?	матере, матери
Род.	матере, матери	матерью? материю?	матеръ? матерьи? материи?
Дат.	матери	матерьма?	матерьмъ
Вин.	матерь	матери?	матери
Твор.	матерью, материю	матерьма?	матерьми
Мѣстн.	матере?, матери	матерью? материю?	матерьхъ.
Зват.	мати		

Им.-вин.	имя	имени?	имена
Род.	имене, имени	имену?	именъ
Дат.	имени	именьма?	именьмъ
Твор.	именьмь	именьма?	именьми?, имены
Мѣстн.	имене?, имени	имену?	именьхъ, именѣхъ, именохъ?

Им.	горожяне
Род.	горожянъ
Дат.	горожяньмъ?, горожяномъ, горожямъ
Вин.	горожяни, горожяны
Твор.	горожяньми, горожяны, горожями
Мѣстн.	горожяньхъ?, горожянохъ, горожяхъ.

Муж. р.

Им.	добръи, добрыи	добрая	добрии
Род.	доброго	доброю	добрыхъ, добрыихъ
Дат.	доброму	добрыма, добрыима	добрымъ, добрыимъ
Вин.	добръи, добрыи, доброго	добрая	добрыѣ
Твор.	добрымь, добрыимь	добрыма, добрыима	добрыми, добрыими
Мѣстн.	добромь, добрѣмь	доброю	добрыхъ, добрыихъ.

Женск. р.

Им.	добрая	добрѣи	добрыѣ
Род.	доброѣ, добрыѣ	доброю	добрыхъ, добрыихъ
Дат.	доброи, добрѣи	добрыма, добрыима	добрымъ, добрыимъ
Вин.	добрую	добрѣи	добрыѣ
Твор.	доброю	добрыма, добрыима	добрыми, добрыими
Мѣстн.	доброи, добрѣи	доброю	добрыхъ, добрыихъ.

Средн. р.

Им.-вин.	доброѥ	добрѣи	добрая.

Муж. р.

Им.	синьи, синии	синяя	синии
Род.	синего	синею	синихъ, синиихъ
Дат.	синему	синима, синиима	синимъ, синиимъ
Вин.	синьи, синии, синего	синяя	синѣѣ
Твор.	синимь, синиимь	синима, синиима	синими, синиими
Мѣстн.	синемь	синею	синихъ, синиихъ.

Женск. р.

Им.	синяя	синии	синѣѣ
Род.	синеѣ, синѣѣ	синею	синихъ, синиихъ
Дат.	синеи	синима, синиима	синимъ, синиимъ

Вин.	синюю	синии	синѣѣ
Твор.	синею	синима, синиима	синими, синиими
Мѣстн.	синеи	синею	синихъ, синиихъ.

Средн. р.

Им.-вин.	синее	синии	синяя.

Муж. р.

Имен.	тъ, тътъ	та	ти
Род.	того	тою	тѣхъ
Дат.	тому	тѣма	тѣмъ
Вин.	тъ, тътъ, того	та	ты
Твор.	тѣмь	тѣма	тѣми
Мѣстн.	томь	тою	тѣхъ.

Женск. р.

Имен.	та	тѣ	ты
Род.	тоѣ	тою	тѣхъ
Дат.	тои	тѣма	тѣмъ
Вин.	ту	тѣ	ты
Твор.	тою	тѣма	тѣми
Мѣстн.	тои	тою	тѣхъ.

Средн. р.

Им.-вин.	то	тѣ	та.

Муж. р.

Имен.	(и)	(я)	(и)
Род.	юго	юю	ихъ
Дат.	юму	има	имъ
Вин.	и,-ь, юго	я	ѣ
Твор.	имь	има	ими
Мѣстн.	юмь	юю	ихъ.

Женск р.

Имен.	(я)	(и)	(ѣ)
Род.	юѣ	юю	ихъ
Дат.	юи	има	имъ

Вин.	ю	и	ѣ
Твор.	ѥю	има	ими
Мѣстн.	ѥи	ѥю	ихъ.

Средн. р.

Им.-вин.	ѥ	и	я.

Имен.	дъва, дъвѣ
Род.	дъвою, дъву
Дат.	дъвѣма
Вин.	дъва, дъвѣ
Твор.	дъвѣма
Мѣстн.	дъвою, дъву.

Им.	язъ, я	вѣ	мы
Род.	мене	наю	насъ
Дат.	мънѣ, ми	нама	намъ, ны
Вин.	мене, мя	на	ны, насъ
Твор.	мъною	нама	нами
Мѣстн.	мънѣ	наю	насъ.

Им.	ты	ва?	вы
Род.	тебе	ваю	васъ
Дат.	тебѣ, тобѣ, тебе, ти	вама	вамъ, вы
Вин.	тебе, тя	ва?	вы, васъ
Твор.	тобою	вама	вами
Мѣстн.	тебе, тебѣ, тобѣ	ваю	васъ.

Род.	себе
Дат.	себѣ, собѣ, себе, си
Вин.	себе, ся
Твор.	собою
Мѣстн.	себе, себѣ, собѣ.

II. Образцы древне-русскаго спряженія XI вѣка.

Настоящ. время.

1-е л.	веду	ведевѣ, ведева	ведемъ, ведемы, ведемо, ведеме
2-е л.	ведешь	ведета	ведете
3-е л.	ведетъ, веде	ведета	ведуть, веду.

Имперфектъ.

1-е л.	ведяхъ	ведяховѣ, ведяхова	ведяхомъ,—ы,—о,—е
2-е л.	ведяше	ведяста, ведяшета, ведяшьта?	ведясте, ведяшете, ведяшьте?
3-е л.	ведяше,-ть		ведяху, ведяхуть.

Аористъ.

1-е л.	ведохъ	ведоховѣ, ведохова	ведохомъ,—мы,—мо,—ме
2-е л.	веде	ведоста	ведосте
3-е л.	веде	ведоста	ведошя.

Повелит. накл.

1-е л.		ведѣвѣ, ведѣва	ведѣмъ,—мы, —мо,—ме
2-е л.	веди	ведѣта	ведѣте.
3-е л.	веди		

Будущее сложное.

буду, иму, хочю, начьну вести, весть, и т. д.

Прошедш. сложное.

ѥсмь велъ,—а,—о, и т. д.

Давнопрошедш.

1. бяхъ велъ,—а,—о, и т. д.
2. ѥсмь былъ велъ,—а—а,—о—о, и т. д.

Сослагат. накл.

1. быхъ велъ,—а,—о, и т. д.
2. буду велъ,—а,—о, и т. д.

Неопредѣл. накл.

вести, весть.

Супинъ.

вестъ, весть.

Причастiе наст.	Причаст. прош. склон.
веда, ведучи, веда, род. ведуча, ведучѣ, ведуча...	ведъ, ведъши, ведъ, род. ведъша, ведъшѣ, ведъша...
ведай, ведучия, ведучеѥ, род. ведучего, ведучеѣ, ведучего...	ведъи (ведыи), ведъшия, ведъшеѥ, родит. ведъшаго, ведъшеѣ, ведъшаго...

Причаст. прош. спряг.	Причастiе страдат. наст.	Причастiе страд. прош.
велъ,—а,—о.	ведомъ,—а,—о.	веденъ,—а,—о.

	Настоящ. время.		
1-е л.	ѥсмь, ѥсми	ѥсвѣ, ѥсва	ѥсмъ, ѥсмы, ѥсмо, ѥсме, ѥсмя?
2-е л	ѥси	ѥста	ѥсте
3-е л.	ѥсть, ѥ, ѥсти?	ѥста	суть, су.

	Настоящ. время.		
1-е л.	дамь	давѣ, дава	дамъ, дамы, дамо, даме
2-е л.	даси	даста	дасте
3-е л.	дасть, да	даста	дадять, дадя, дадуть, даду.

	Повелит. накл.		
1-е л.		дадивѣ, дадива	дадимъ, дадимы, дадимо, дадиме
2-е л.	дажь	дадита	дадите.
3-е л.	дажь		

Указатель.

I. Звуки.

II. Формы

III. Слова.

Поправки.

На стран. 8, строка 13 снизу, вмѣсто: разныхъ коллекцій, слѣдуетъ читать: погодинской коллекціи.

На стран. 13, строка 9 сверху, слѣдуетъ читать: Трефолой 1260 г.

Замѣченныя опечатки.

стран.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
16	16 сверху	1881	1861
109	8 —	*уумоу*	*ууму*
114	7 сн.	*живћате*	*живћаше*
133	12 сверху	*Янета*	*Якета*
140	2 —	нзищ ю	изищю

